

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Ю

НЕСБЁ

НОВЫЙ РОМАН!
НОВЫЙ ГЕРОЙ!

Поистине грандиозное произведение.
INDEPENDENT

СЫН

18+

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Annotation

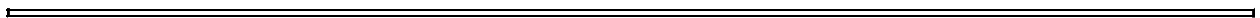
Этому заключенному, в общем-то, нечего терять. Проведя почти полжизни в тюрьме, Сонни Лофтхус даже согласен взять на себя чужое преступление. Какая разница, где влачить жалкое существование осужденному за убийство наркоману! Однако все мгновенно меняется, когда Сонни узнает правду о смерти своего отца, которого он долгие годы считал коррумпированным полицейским, покончившим с собой из-за угрызений совести. Теперь его жизнью управляет одно желание – отомстить всем тем, кто погубил его семью. Совершив блестящий побег из тюрьмы, Сонни начинает действовать, все ближе подбираясь к главному виновнику всех его несчастий – загадочному криминальному авторитету по прозвищу Близнец...

Впервые на русском языке! Новый главный герой в новом детективе Ю Несбё!

- [Ю Несбё](#)
 -
 - [Часть I](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Часть II](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)

- [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
- [Часть III](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
- [Часть IV](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
- [Часть V](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Глава 43](#)
- [Эпилог](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)

- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)

Ю Несбё Сын

Оттуда придет судить живых и мертвых.

Катехизис

Jo Nesbø

SØNNEN

Copyright © Jo Nesbø 2014

Published by agreement with Salomonsson Agency

Перевод с норвежского Екатерины Лавринайтис

© Jo Nesbø, 2014

© Е. Лавринайтис, перевод, 2014

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014 Издательство
АЗБУКА®

Часть I

Глава 1

Ровер уперся взглядом в покрытый белой краской каменный пол одиннадцатиметровой тюремной камеры и слегка прикусил губу золотым зубом на нижней челюсти. Он добрался до трудной части своей исповеди. Единственным звуком, нарушавшим тишину в камере, было поскребывание его ногтей по вытатуированной на руке Мадонне. Парень, сидевший скрестив ноги на нарах напротив него, не проронил ни слова с того момента, как Ровер вошел в камеру. Он только улыбался умиротворенной улыбкой Будды, пристально глядя в одну точку на лбу Ровера. Его звали Сонни, и о нем говорили, что, будучи подростком, он замочил двоих, что его отец был продажным полицейским и что он обладает особыми способностями. Трудно сказать, слушал ли он Ровера, – его зеленые глаза и большая часть лица были скрыты грязными длинными волосами, – но это неважно. Ровер просто хотел получить отпущение грехов и благословение, чтобы завтра выйти из ворот Государственной тюрьмы строгого режима с чувством очищения. Не то чтобы Ровер был религиозным. Но ведь неплохо, если человек искренне планирует изменить ход вещей и попробовать зажить порядочной жизнью. Ровер вздохнул:

– Думаю, она была белорусской. Минск ведь в Белоруссии, да?

Ровер поднял глаза, но парень не ответил.

– Нестор называл ее Минск, – сказал Ровер. – И велел мне ее застрелить.

Когда исповедуешься человеку с настолько раздолбанным мозгом, у тебя есть большое преимущество: в его памяти не откладываются ни имена, ни события, ты будто разговариваешь сам с собой. Возможно, именно поэтому заключенные Гостюрьмы предпочитали исповедоваться этому парню, а не священнику или психологу.

– Она и восемь других девчонок сидели в клетке у Нестора в Энерхауге. Из Восточной Европы и Азии. Маленькие. Подростки. По крайней мере, надеюсь, что это так. А Минск была постарше. Сильнее. Она смогла сбежать. И успела добраться до парка Тёйен, прежде чем собака Нестора ее схватила. Такой аргентинский дог, знаешь?

Взгляд парня не сдвинулся ни на сантиметр, но он поднял руку, нащупал бороду и стал перебирать ее пальцами. Рукав большой грязной рубашки задрался и обнажил струпья и следы уколов. Ровер продолжил:

– Здоровенные отвратные суки-альбиносы. Убивают все, на что

укажет хозяин. И кое-что из того, на что он не указывает. Они запрещены в Норвегии, ясен пень. Их импортирует из Чехии один клуб собаководства в Рэлингене и регистрирует как белых боксеров. Мы с Нестором поехали туда и купили эту суку, когда она еще была щенком. Больше пятидесяти кусков наличкой. Но она была такой милой, что совершенно невозможно представить, как она...

Ровер резко замолчал. Он знал, что рассказывает о собаке только для того, чтобы отсрочить ту историю, ради которой пришел сюда.

– В любом случае...

В любом случае. Ровер посмотрел на татуировку на другой руке. Церковь с двумя шпилями. По одному за каждую ходку. Никому *в любом случае* не было до этого дела. Он доставлял контрабандное оружие в байкерский клуб и в своей мастерской немного подправлял его. Уж это он умел. Очень даже хорошо умел. Настолько хорошо, что не мог больше оставаться невидимкой, и его взяли. *В любом случае* он был настолько хорош, что после первой ходки Нестор его пригрел. Или отморозил. Купил его с потрохами, чтобы самое лучшее оружие было у людей Нестора, а не у байкеров или других конкурентов. За несколько месяцев работы Нестор заплатил ему столько, сколько Ровер в своей маленькой байкерской мастерской не заработал бы за всю жизнь. Но взамен Нестор требовал многого. Слишком многого.

– Она лежала среди деревьев, обливаясь кровью. Лежала тихо и только смотрела на нас. Собака откусила ей щеки, сквозь рану были видны зубы...

Ровер страдальчески поморщился. Он добрался до сути.

– Нестор сказал нам, что настало время показательного наказания, что пора продемонстрировать другим девчонкам, чем они рискуют. А Минск *в любом случае* теперь бесполезна, ведь ее лицо... – Ровер сглотнул. – И он велел мне сделать это. Закончить. Я доказал бы тем самым свою лояльность, вот. У меня с собой был старый пистолет «Ругер МК2», немного подправленный. И я хотел это сделать. Правда хотел. Не то чтобы...

У Ровера встал комок в горле. Сколько раз он думал об этом, перебирал в памяти секунды той ночи в парке Тейен, прокручивал в голове эпизод с девчонкой, в котором они с Нестором выступали в качестве главных героев, а все остальные, даже притихшая сука, – в роли молчаливых свидетелей? Сто раз? Тысячу? И все же только сейчас, когда Ровер впервые заговорил об этом вслух, до него дошло, что все это не было сном, что это случилось на самом деле. Или, точнее, его тело только сейчас

это ощутило и попыталось вывернуть желудок наизнанку. Ровер стал глубоко дышать носом, чтобы подавить рвоту.

– Однако я не смог. Хотя и знал, что ей в любом случае придется умереть. Они держали собаку наготове, а я подумал, что в такой ситуации сам предпочел бы пулю. Но курок, казалось, намертво прирос к пистолету. Я просто-напросто не смог на него нажать.

Парень едва заметно кивал – то ли в ответ на рассказ Ровера, то ли в такт музыке, слышной ему одному.

– Нестор сказал, что мы не можем ждать до скончания века, мы же все-таки находились посреди общественного парка. И он достал из ножен на ноге маленький кривой нож, шагнул вперед, схватил девушку за волосы, приподнял ей голову и махнул ножом у горла. Будто рыбу потрошил. Из горла три-четыре раза брызнул фонтан крови – и все, она вся вылилась. Но знаешь, что я запомнил лучше всего? Собаку. Как она завывала, увидев струю крови.

Ровер наклонился вперед, уперев локти в колени, прикрыл уши ладонями и стал раскачиваться взад-вперед на стуле.

– А я ничего не сделал. Просто стоял и смотрел. Ни черта не сделал. Просто смотрел, как они замотали ее в одеяло и понесли в машину. Мы отвезли ее в лес, в Эстермарксетра, выгрузили и сбросили вниз по склону на озере Ульсрудваннет. Там многие гуляют с собаками, так что ее нашли уже на следующий день. Дело в том, что Нестор хотел, чтобы ее нашли, понимаешь? Хотел, чтобы в газетах появились фотографии, на которых видно, что с ней сделали, и он смог бы показать их другим девчонкам.

Ровер отнял руки от ушей.

– Я перестал спать, потому что стоило мне заснуть, и я видел кошмары: девочку без щеки, которая улыбалась мне разорванным ртом. И я пошел к Нестору и сказал, что должен выйти из игры. Сказал, что больше не буду подправлять «узи» и «глоки», что хочу чинить мотоциклы. Хочу жить мирно и не думать постоянно о легавых. Нестор согласился отпустить меня, понял, что во мне не так уж много плохого парня. Но он в подробностях объяснил, что меня ждет, если я начну болтать. Я все понял и стал вести нормальную жизнь. Отказывался от всех предложений, хотя у меня еще оставалось несколько отличных «узи». Но у меня постоянно было ощущение, что еще ничего не кончилось, понимаешь? Что меня должны пришить. Можно сказать, я почувствовал облегчение, когда меня схватили легавые и заперли в безопасную клетку. Взяли по старому делу, в котором я был всего лишь соучастником: они арестовали двух парней, и те показали, что оружием их снабдил именно я. Я тут же сознался.

Ровер глухо засмеялся, потом закашлялся и снова наклонился вперед:

– Я выйду отсюда через восемнадцать часов. Я, черт возьми, не знаю, что меня ждет. Знаю только, что Нестору известно о моем выходе, хотя меня выпускают на четыре недели раньше срока. Ему известно обо всем, что происходит здесь и в полиции. У них везде свои люди, это я успел узнать. И вот я думаю: если бы он хотел прихлопнуть меня, то мог бы сделать это здесь, а не ждать, когда я выйду на свободу. А ты как думаешь?

Ровер ждал. Стояла тишина. Создавалось ощущение, что у парня в голове нет вообще никаких мыслей.

– В любом случае, – сказал Ровер, – небольшое благословение мне не повредит, понимаешь?

Когда он произнес слово «благословение», в глазах сидящего напротив что-то вспыхнуло, он поднял правую руку и подал знак Роверу подойти ближе и опуститься на колени на маленьком коврик перед нарами. Франк больше никому из заключенных не позволял класть коврики на пол. Это было одним из принципов швейцарской модели, которой пользовались в Гостюрье: никаких лишних вещей в камерах. В камере могло быть не больше двадцати вещей. Если хочешь иметь пару обуви, отдай пару брюк или две книги, к примеру. Ровер поднял взгляд на лицо Сонни. Тот смочил сухие, потрескавшиеся губы кончиком языка. Голос его оказался на удивление высоким, и хотя говорил он медленно и почти шепотом, дикция была вполне четкой:

– Все земные и небесные боги смиростивятся над тобой и простят тебе твои прегрешения. Ты умрешь, но душа прощенного грешника вознесется в рай. Аминь.

Ровер склонил голову. Он почувствовал, как на его гладко выбритую макушку опустилась левая рука благословляющего. Парень был левшой, и в его случае необязательно было прибегать к статистике, чтобы понять, что ожидаемая продолжительность его жизни меньше, чем у правшей. Передоз мог случиться завтра или через десять лет, одному богу ведомо когда. Поговаривали, что левая рука парня способна исцелять, но Ровер в это не верил, как не верил и в благословение. Так почему же он сидит здесь?

Н-да. С религией так же, как со страховкой от пожара: ты не думаешь всерьез, что она тебе пригодится, но если люди утверждают, что парень может взять на себя твои страдания, то почему бы не согласиться и не облегчить душу?

Но еще больше Ровера интересовало, как могло случиться, что такой парень совершил хладнокровное убийство. Что-то не сходилось. А может, правы те, кто утверждает, что дьявол приходит в роскошных одеждах.

– Салям алейкум, – раздался голос, и рука исчезла с его макушки.

Ровер продолжал сидеть, склонив голову. Кончиком языка он ощупывал гладкую поверхность золотого зуба. Готов ли он теперь? Готов ли встретиться со своим создателем, если именно это его ожидает? Он поднял голову.

– Я знаю, что ты никогда не просишь плату, но...

Его взгляд упал на обнаженную ступню поджатой ноги Сонни. На большой вене на подъеме стопы виднелись следы уколов.

– В прошлый раз я сидел в Бутсене, и там всем удавалось доставать дурь, по problem^[1]. Но Бутсен – это не тюрьма строгого режима. Говорят, Франк снова перекрыл здесь все каналы. Однако... – Ровер засунул руку в карман, – это не совсем так.

Он вынул предмет размером с мобильный телефон – позолоченную штучку, похожую на микропистолет, – и нажал на крошечный курок. Из ствола вылетело маленькое пламя.

– Видел такое раньше? Да видел, конечно. Во всяком случае, надзиратели, обыскивавшие меня при поступлении, видели. Они сказали, что приторговывают дешевыми контрабандными сигаретами, если мне это интересно, и разрешили оставить себе зажигалку. Они, наверное, плохо изучили мою биографию. Разве не удивительно, что эта страна все еще функционирует, несмотря на то что люди постоянно халтурят?

Ровер взвесил зажигалку на ладони.

– Восемь лет назад я сделал ее в двух экземплярах. Не думаю, что преувеличу, сказав, что никто в этой стране не смог бы справиться с задачей лучше. Я получил заказ через посредника. Он сказал, что заказчик хочет иметь стрелковое оружие, которое не надо было бы прятать, которое было бы не похоже на оружие. И я сделал вот это. Люди странно мыслят. Первое, что приходит им в голову при виде этого предмета: «Пистолет!» Но как только ты покажешь им, что его можно использовать в качестве зажигалки, они начисто забывают первую мысль. Они не удивятся, если ты скажешь, что этот предмет можно использовать как зубную щетку или отвертку. Но не поверят, что это пистолет. Ну что же...

Ровер повернул винт на нижней части рукоятки.

– В него помещаются две девятимиллиметровые пули. Я назвал его «убийцей жен». – Ровер направил ствол на парня. – Одна тебе, дорогая... – Потом он приставил дуло к своему виску. – И одна мне.

Смех Ровера в маленькой камере прозвучал на удивление одиноко.

– Вот так. На самом деле я должен был изготовить только один экземпляр: заказчик не хотел, чтобы другие были посвящены в тайну этого

изобретения. Но я сделал еще один. И прихватил его сюда на случай, если Нестор попробует подослать ко мне кого-то. Завтра я выхожу на свободу, и он мне больше не нужен, так что теперь он твой. А здесь...

Из другого кармана Ровер вынул пачку сигарет.

– Подозрительно, если у тебя не будет сигарет, верно? – Он снял обертку с верхней части пачки, открыл ее и вложил внутрь позолоченную визитку «Мотоциклетной мастерской Ровера». – Теперь у тебя есть мой адрес, если потребуется отремонтировать мотоцикл. Или добыть дьявольски хороший «узи». Я уже говорил, у меня осталось...

Дверь в камеру открылась, и громкий голос произнес:

– На выход, Ровер!

Ровер обернулся. Пояс брюк надзирателя, появившегося в дверном проеме, отвис под тяжестью огромной связки ключей. Частично ее скрывал живот, вываливающийся из брюк, как поднявшееся тесто.

– К вашему святейшеству тут посетитель. Можно даже сказать, близкий родственник. – Он заржал и повернулся к человеку, стоявшему за дверью: – Выдержишь, Пер, или как?

Ровер засунул пистолет и сигареты под матрац на нарах Сонни, поднялся и в последний раз посмотрел на него. А потом быстро вышел.

Тюремный священник поправил новый белый воротничок, который никогда не сидел так, как надо. «Близкий родственник. Выдержишь, Пер, или как?» Больше всего ему хотелось плюнуть в ржущую сытую рожу надзирателя. Вместо этого он дружелюбно кивнул вышедшему из камеры заключенному, сделав вид, что узнал его. Он разглядел татуировки на его руках: Мадонна и церковь. Но нет, за все эти годы перед ним прошло столько лиц и татуировок, что он не мог отличить их друг от друга.

Священник вошел внутрь. В камере пахло благовониями. Во всяком случае, запах был похож на благовония. Или на подгоревший наркотик.

– Здравствуй, Сонни.

Молодой человек на нарах не поднял глаз, только медленно кивнул. Пер Воллан посчитал, что это должно означать: его заметили и приняли. Приняли.

Он опустился на стул и почувствовал определенное неудобство, ощутив тепло человека, сидевшего на этом месте до него. Принесенную с собой Библию он положил на нары рядом с заключенным.

– Сегодня я возложил цветы на могилу твоих родителей, – произнес он. – Я знаю, ты меня об этом не просил, но...

Перу Воллану не удавалось поймать взгляд молодого человека. У него

самого было два сына, оба уже взрослые, оба съехали из дома. Впрочем, как и он сам. Разница заключалась в том, что их в любой момент с радостью приняли бы обратно. В протоколе судебного заседания имелись показания одного из свидетелей защиты, школьного учителя, который рассказал, что Сонни был примерным учеником и талантливым спортсменом-борцом. Его любили, он всегда был готов прийти на помощь и даже говорил, что планирует стать полицейским, как и его отец. Но в школе не видели Сонни с того самого дня, когда его отца нашли мертвым с прощальным письмом самоубийцы, где он признавался в коррупции. Священник попытался представить, какой стыд испытывал в это время пятнадцатилетний подросток и какой стыд испытают его сыновья, если когда-нибудь узнают, что сделал их отец. Он поправил воротничок.

– Спасибо, – сказал парень.

Священник подумал, как молодо тот выглядит, ведь ему должно быть уже около тридцати. Да. Он отсидел здесь двенадцать лет, а в тюрьму попал в восемнадцать. Возможно, наркотики мумифицировали его и не давали стареть, у него только отрастали волосы и борода, а неизменно невинные глаза продолжали с удивлением взирать на мир. На злой мир. Господь знает, что этот мир полон зла. Пер Воллан прослужил тюремным священником больше сорока лет и видел, что количество зла в мире постоянно увеличивается. Зло было подобно раковой клетке, которая делает здоровые клетки больными, кусает их, как вампир, и заставляет продолжать цепную реакцию. И никто из укушенных не спасется. Никто.

– Как твои дела, Сонни? Как прошел отпуск? Вы видели море?

Ответа не последовало.

Пер Воллан прокашлялся:

– Надзиратель говорит, что вы видели море. Возможно, ты читал в газетах, что на следующий день после вашей поездки недалеко от того места, где вы были, обнаружен труп женщины. Ее нашли в кровати в собственном доме. Ее голова была... да. Все подробности здесь... – Он ткнул указательным пальцем в Библию. – Надзиратель уже подал рапорт о том, что ты сбежал от него, когда вы были у моря, и что он нашел тебя час спустя у дороги. И что ты не хотел говорить, где был. Важно, чтобы ты не сказал ничего, что могло бы вступить в противоречие с его рапортом, понятно? Как всегда, говори поменьше. Хорошо, Сонни?

Наконец Пер Воллан поймал взгляд парня. Этот взгляд почти ничего не сказал о том, что происходит в его голове, но священник был совершенно уверен, что Сонни Лофтхус выполнит инструкции. Он не скажет ничего лишнего ни следователям, ни прокурору. Просто ответит

своим высоким мягким голосом «да» на вопрос, признает ли он свою вину. Потому что, как бы парадоксально это ни звучало, Воллан иногда замечал сосредоточенность, волю, инстинкт выживания, отличавшие этого наркомана от других, постоянно плывущих по течению, не имеющих никаких планов, неуклонно движущихся к концу. Эта воля могла проступить во внезапно просветлевшем взгляде, в вопросе, свидетельствовавшем о том, что он все время был здесь, все слышал и понимал. Или даже в том, как он внезапно вставал, соблюдая координацию, баланс и гибкость, не присущие другим наркоманам со стажем. Однако в иные моменты, вот как сейчас, невозможно было сказать, понимает ли он хоть что-нибудь.

Воллан заерзал на стуле:

– Конечно, это означает, что несколько лет у тебя не будет новых отпусков. Но ведь тебе и так не нравится жизнь за стенами тюрьмы, правда? А теперь ты и море увидел.

– Не море, а реку. Это был муж?

Священник вздрогнул, как бывает, когда черная поверхность воды перед тобой внезапно начинает волноваться.

– Не знаю. Тебе это важно?

Ответа не последовало. Воллан вздохнул. К горлу снова подступила тошнота. Она постоянно приходила и уходила. Наверное, надо записаться к врачу и обследовать свое тело.

– Не думай об этом, Сонни. Важнее всего то, что на воле таким, как ты, целый день надо охотиться, чтобы раздобыть себе дозу. А здесь он позаботится обо всем. И помни, что время идет. Когда срок давности по предыдущим убийствам пройдет, ты не будешь представлять для них никакой ценности. А с этим убийством ты продлишь себе жизнь.

– Это был муж. Он богатый?

Воллан указал на Библию:

– Там описание дома, в который ты залез. Большой дом с разными наворотами. Но сигнализация, призванная охранять богатства, не была включена, даже дверь была не заперта. Фамилия Морсанд. Судовладелец с повязкой на глазу. Может, видел его в газетах?

– Да.

– Правда? Не думал, что ты...

– Да, я убил ее. Да, я читаю, как я это сделал.

Пер Воллан вздохнул:

– Хорошо. На некоторые детали того, как ты это сделал, необходимо обратить внимание.

– Ладно.

– Ей... отрезали верхушку черепа. Ты, вероятно, воспользовался пилой, понимаешь?

После этих слов наступила продолжительная тишина, и Пер Воллан уже начал подумывать, не наполнить ли ее звуками рвоты. Да, лучше блевотина, чем те слова, что вылетали из его рта. Он посмотрел на молодого мужчину. Что за факторы определяют, какой будет жизнь человека? Цепь случайных происшествий, над которыми он не властен, или космическая сила, тянущая жизнь в нужном направлении? Пер Воллан снова подергал новый, на удивление жесткий воротничок рубашки, подавил приступ тошноты, взял себя в руки и подумал о том, что стояло на кону.

Он поднялся:

– Если тебе понадобится связаться со мной, то я пока живу в пансионе на площади Александра Хелланда.

Священник поймал вопросительный взгляд парня.

– Это временно. – Он хихикнул. – Жена выгнала меня из дома, а я знал людей из пансиона, так что...

Он оборвал себя на полуслове. Священник понял, почему столько заключенных приходило к парню, чтобы выговориться. Дело было в тишине. В засасывающем вакууме, окружающем человека, который только слушает, не реагируя и не осуждая. Который, ничего не делая, вытягивает из тебя слова и тайны. Воллан пытался делать то же самое как священник, но заключенные как будто чуяли, что у него есть план. Они не знали какой, но были уверены, что, проникнув в их тайны, он достигнет какой-то цели. Обеспечит доступ к их душам, а потом, возможно, получит за это награду на небесах.

Священник увидел, что парень открыл Библию. Все было до смешного обычно: дырка на месте вырезанных страниц, где лежали свернутые листы с инструкциями, необходимыми для совершения признания. И три маленьких пакетика героина.

Глава 2

Арильд Франк крикнул «войдите!», не отрывая глаз от бумаг.

Он услышал, как открывается дверь. Ина, секретарь из приемной помощника начальника тюрьмы, уже доложила о приходе посетителя, и Арильд Франк на секунду задумался, не сказаться ли занятым. Причем он бы даже не соврал: через полчаса ему предстояла встреча с начальником полиции в Полицейском управлении. Но в последнее время состояние Пера Воллана было не таким стабильным, как всем хотелось бы, и стоило еще раз удостовериться, что он пребывает в душевном равновесии. В этом деле нет места ошибкам.

– Не надо садиться, – сказал помощник начальника тюрьмы, подписал одну из лежащих на столе бумаг и поднялся. – Расскажешь, в чем дело, по дороге.

Он направился к двери, снял с вешалки форменную фуражку и услышал за спиной тяжелые шаги священника. Арильд Франк сообщил Ине, что вернется через два с половиной часа, и приложил указательный палец к сканеру возле двери, ведущей на лестницу. Тюрьма представляла собой двухэтажное здание без лифта. Потому что лифты – это лифтовые шахты, а лифтовые шахты – возможные пути побега во время пожара. А пожар с последующей хаотичной эвакуацией – это лишь один из способов, которые используются для побега умными заключенными. По той же причине все электрические провода, щитки и водопроводные трубы были проложены вне досягаемости заключенных: либо снаружи здания, либо внутри стен. Здесь все было продумано. Арильд Франк продумал все. Он сидел вместе с архитекторами и международными экспертами, когда те проектировали Гостюрьму. Да, прототипом послужила тюрьма в Ленцбурге в швейцарском кантоне Аргау: суперсовременная, но простая, где особое внимание уделяется безопасности и эффективности, а не комфорту. Однако именно он, Арильд Франк, создал Гостюрьму. Гостюрьма была Арильдом Франком, и наоборот. И почему он – всего лишь помощник начальника тюрьмы, а начальником назначили этого бройлера из тюрьмы в Халдене, надо спрашивать у Совета по найму, черт бы его побрал. Ну и ладно, зато Арильд Франк мог быть крутым и не лизать зад политикам, аплодируя каждой новой светлой идее о том, как надо реформировать тюремную систему, когда еще не завершена предыдущая реформа. Он знал свое дело: держать людей за решеткой и под замком так, чтобы они не болели, не

умирали и не становились хуже после пребывания в тюрьме. Он был лоялен по отношению к тем, кто заслуживал его лояльности, и заботился о своих. Даже этого нельзя было сказать о тех, кто сидел выше его в насквозь прогнившей полицейской иерархии. Однажды, еще до того, как его совершенно явно обошли, он даже представил, как после его ухода из тюрьмы в ее фойе установят его бюст, и замечание жены о том, что его торс без шеи, бульдожье лицо и жидкая челка вряд ли подойдут для памятника, его не расстроило. Но если человек не получает по заслугам, он должен сам взять заслуженное, – так он теперь думал.

– Я больше не могу этим заниматься, – произнес Пер Воллан за его спиной, пока они шли по коридору.

– Заниматься чем?

– Я священник. То, что мы делаем с этим мальчишкой... Мы посадим его за то, чего он не совершал! Он будет сидеть вместо мужа, который...

– Тише!

Перед контрольным помещением – Франк любил называть его «мостом» – они увидели пожилого мужчину. Тот на минуту прекратил драить пол и дружелюбно кивнул Франку. Йоханнес был самым старым заключенным, из тех, что нравились Франку: дружелюбный человек, который когда-то в прошлом веке провез контрабандой наркоту. За годы, проведенные здесь, он настолько вжился, обжился и прижился, что боялся только одного – того дня, когда ему придется покинуть эти стены. Впрочем, такие заключенные не ставили перед Гостюрьмой тех задач, какие она призвана была решать.

– У тебя совесть нечиста, Воллан?

– Да. Да, нечиста, Арильд.

Франк уже и забыл, когда именно коллеги начали называть своих начальников по имени. Или когда начальники тюрьмы начали носить штатское вместо формы. Кое-где даже надзиратели ходили в штатском. Во время беспорядков в тюрьме Франсишку де Мар в Сан-Паулу они напустили слезоточивого газа и постреляли своих, потому что не могли отличить надзирателей от заключенных.

– Я хочу выйти из игры, – пропыхтел священник.

– Ах вот как?

Франк быстро шагал вниз по лестнице. Для человека, которому до пенсии оставалось меньше десяти лет, он находился в хорошей форме. Потому что занимался спортом. Еще одна забытая добродетель в отрасли, где лишний вес был скорее нормой, чем исключением. А разве он не тренировал местную команду пловцов, когда его дочь занималась

плаванием? Разве не работал на благо всех даже в свое свободное время, возвращая долги обществу, дававшему стольким людям так много? Здесь это не ценилось.

– А что говорит твоя совесть по поводу мальчиков, которых ты помогался, Воллан? У нас есть доказательства.

Франк прижал указательный палец к сенсору у двери в коридор, который в западном направлении вел к камерам, а в восточном – к раздевалке сотрудников и выходу на парковку.

– Мне кажется, ты должен думать о том, что Сонни Лофтхус сидит и за твои грехи, Воллан.

Еще одна дверь, еще один сенсор. Франк приложил к нему указательный палец. Ему нравилось это изобретение, заимствованное из тюрьмы Обихиро в японском городе Кусиро. Отпечатки пальцев всех лиц, имеющих право проходить через эти двери, были зарегистрированы в компьютерной базе. Так был не просто устранен риск ненадлежащего использования ключей (ведь их можно потерять или сделать с них дубликат), но и появилась возможность узнать, кто и когда проходил через какие двери. Конечно, в тюрьме имелись камеры слежения, однако лица можно скрыть. А вот отпечатки пальцев – нет. Дверь с фырканьем открылась, и они вошли в шлюз.

– Я говорю, что больше не вынесу, Арильд.

Франк прижал указательный палец к губам. Кроме камер слежения, охватывавших почти всю территорию тюрьмы, в шлюзы были вмонтированы переговорные устройства. Так что если человек по той или иной причине не имел возможности двигаться дальше, он мог поговорить с контрольным помещением. Они вышли из шлюза и направились к гардеробной, где находились душ и шкафчики для хранения одежды и личных вещей каждого сотрудника. У помощника начальника тюрьмы имелся мастер-ключ, подходивший ко всем шкафчикам, но Франк считал, что эту информацию необязательно доводить до сведения подчиненных, скорее наоборот.

– Мне казалось, ты понял, с кем имеешь дело, – сказал Франк. – Ты не можешь просто все бросить. Для этих людей лояльность – вопрос жизни и смерти.

– Я знаю, – произнес Пер Воллан, и в его тяжелом дыхании прорезался противный скрежет. – Но я говорю о *вечной* жизни и смерти.

Франк остановился у входной двери и бросил взгляд на гардеробные шкафчики с левой стороны, чтобы убедиться, что они одни.

– Ты знаешь, чем рискуешь?

– Я никому не скажу ни слова, и Богу известно, что это правда. Я хочу, чтобы ты передал им это слово в слово, Арильд. Что я буду нем как рыба, что я просто хочу выйти. Ты поможешь мне?

Франк посмотрел вниз, на сенсор. Выйти. На улицу вело всего два выхода: этот черный ход и главный вход в приемную. Никаких вентиляционных шахт, пожарных выходов, канализационных труб диаметром с человека.

– Может быть, – сказал он, прикладывая палец к сенсору.

Маленький красный огонек над дверной щеколдой сигнализировал, что ведется поиск в базе данных. Он погас, и вместо него загорелся зеленый огонек. Франк распахнул дверь. Яркое летнее солнце ослепило его, и, пока они пересекали большую парковку, он достал солнцезащитные очки.

– Я сообщу, – сказал Франк, вытаскивая ключи от машины, и бросил взгляд на будку охраны.

В ней круглосуточно дежурили двое вооруженных охранников, а въезд и выезд были перекрыты стальными шлагбаумами, которые не смог бы снести даже новый «порше-кайен» Арильда Франка. Возможно, с этой задачей справился бы «Хаммер H1», который он на самом деле хотел купить, но «хаммер» был слишком широким, а подъездные пути специально были сделаны узкими, чтобы исключить проезд больших машин. Для защиты от машин в ограду шестиметровой высоты, окружавшую всю территорию, были встроены стальные блоки. Франк подал заявку на получение разрешения пустить по ограде ток, но строительное управление, конечно, его не дало, поскольку Гостюрьма располагалась в центре Осло и от тока могли пострадать невинные граждане. Не такие уж и невинные, ведь чтобы добраться с улицы до этой ограды, им пришлось бы взять штурмом пятиметровую стену с колючей проволокой.

– А кстати, тебе куда?

– На площадь Александра Хелланда, – с надеждой в голосе сказал Пер Воллан.

– Извини, – ответил Арильд. – Не по пути.

– Ничего страшного, автобусная остановка недалеко.

– Хорошо. Я свяжусь с тобой.

Помощник начальника тюрьмы уселся в машину и подъехал к будке охраны. По инструкции каждую машину следовало остановить и проверить людей, сидящих в ней. Это правило касалось и его машины. Но вот сейчас, когда охранники видели, как он вышел из тюрьмы и сел в свою машину,

они сразу подняли шлагбаум и пропустили его. Франк отсалютовал в ответ на их приветствие. Он остановился у светофора перед главной дорогой в ста метрах от ворот. Франк сидел и разглядывал в зеркало свою любимую Гостюрьму. Она была почти совершенной. Почти. То и дело либо строительное управление, либо министерство издавало какое-нибудь идиотское постановление или же чинил препятствия полупродажный Совет по найму. Сам Франк хотел, чтобы было хорошо всем усердно трудящимся честным жителям города, заслужившим безопасную жизнь и определенный материальный комфорт. Так что все могло бы быть по-другому. Но, как обычно говорил он своим ученикам по плаванию: плыви или утони, никто тебе не поможет. Он вернулся мыслями к предстоящему. У него имелось сообщение для передачи. И не было сомнений в том, чем это закончится.

На светофоре загорелся зеленый свет, и он нажал на газ.

Глава 3

Пер Воллан шел по парку недалеко от площади Александра Хелланда. Июль в этом году был дождливым и на удивление холодным, но сейчас солнце вернулось и освещало яркую зелень парка, словно весной. Лето еще не кончилось, и люди повсюду сидели, подставив лица солнцу и закрыв глаза. Они наслаждались теплом с таким усердием, словно получали его по карточкам. Грохотали скейтборды, булькало пиво – прохожие несли его в упаковках по шесть штук на барбекю в городские парки или на балконы. Но некоторые люди радовались возвращению солнца больше других. Казалось, их насквозь прокоптили выхлопные газы транспорта, двигавшегося по площади. Эти жалкие личности в скрюченных позах сидели на скамейках и вокруг фонтана, но все же приветствовали Пера Воллана хриплыми радостными возгласами, похожими на крики чаек. Он стоял на перекрестке улиц Уэланда и Вальдемара Транеса и ждал, когда на светофоре появится зеленый человечек. Автобусы и грузовые машины проезжали прямо перед его лицом. Фасад здания на противоположной стороне улицы то исчезал с его глаз, то вновь появлялся. И тогда он видел затянутые пленкой окна знаменитого бара «Транен», где с момента постройки дома в 1921 году могли утолить свою жажду наиболее страждущие жители города. Последние тридцать лет они делали это под аккомпанемент Арни «Скиффл»^[2] Джо Норсе в ковбойском костюме, который, сидя на одноколесном велосипеде, играл на гитаре и пел вместе со своим маленьким оркестром, состоящим из пожилого слепого органиста и таитянки с тамбурином и автомобильным гудком. Пер Воллан скользнул взглядом вверх по фасаду, туда, где виднелась выкованная из железа вывеска «Пансион Ила». До войны здесь находился приют для женщин, родивших внебрачных детей. Сегодня городские власти предоставляли жилье в этом доме самым тяжелым наркоманам. Тем, у кого не было ни малейшего желания покончить с этим. Последняя остановка.

Пер Воллан пересек улицу, подошел к входной двери и нажал на звонок, бросив взгляд на камеру наблюдения. В двери что-то зажужжало, и он вошел внутрь. За былые заслуги ему предоставили комнату в пансионе на две недели. И это случилось уже месяц назад.

– Здравствуй, Пер, – сказала молодая кареглазая женщина, спустившаяся вниз, чтобы отпереть ему решетку перед лестницей. Кто-то испортил замок так, что открыть его снаружи не представлялось

возможным. – Вообще-то, кафе уже закрылось, но если ты поторопишься, то еще успеешь пообедать.

– Спасибо, Марта, я не голоден.

– Выглядишь усталым.

– Шел пешком от Гостюрьмы.

– Да? А что, автобуса не было?

Она начала подниматься по лестнице, а Пер потащился следом.

– Мне надо было подумать, – сказал он.

– Кстати, тебя тут спрашивали.

Пер застыл на месте.

– Кто?

– Не поинтересовалась. Наверное, полиция.

– Почему ты так решила?

– Им очень не терпелось тебя увидеть, и мне показалось, что дело касается кого-то из известных тебе заключенных.

«Ну вот, они уже пришли», – сказал себе Пер.

– Ты веришь во что-нибудь, Марта?

Она повернулась к нему и улыбнулась, и Пер подумал, что какой-нибудь молодой мужчина запросто смог бы не на шутку влюбиться в эту улыбку.

– Например, в Бога или Иисуса? – спросила Марта, проскользнула в дверь и оказалась внутри приемной с окном в одной из стенок.

– Например, в судьбу. В случайность или в космический умысел.

– Я верю в призрак Сумасшедшей Греты, – пробормотала Марта, роаясь в бумагах.

– Призраки – это не...

– Ингер утверждает, что слышала вчера детский плач.

– Ингер очень впечатлительна, Марта.

Она высунула голову в окошко:

– Нам надо поговорить еще об одном деле, Пер...

Он вздохнул:

– Знаю. Все комнаты заняты и...

– Ремонт после пожара затягивается, и у нас до сих пор больше сорока постояльцев живут в двухместных комнатах. Так долго продолжаться не может. Они грабят друг друга, а потом дерутся. Кто-то из них наверняка воткнет нож в соседа, это вопрос времени.

– Хорошо. Я недолго пробуду здесь.

Марта склонила голову набок и задумчиво посмотрела на него:

– Почему она не хочет позволить тебе хотя бы ночевать в доме?

Сколько лет вы женаты? Сорок?

– Тридцать восемь. Это ее дом, и все... сложно.

Пер устало улыбнулся, повернулся и пошел по коридору. Из-за двух дверей доносилась музыка. Амфетамин. Сегодня понедельник, офисы Социальной службы открылись после выходных, и повсюду что-то затевалось. Он отпер дверь. Задрипанная крохотная комнатка, где было место только для одной кровати и платяного шкафа, стоила шесть тысяч в месяц. За эти деньги можно снять целую квартиру в пригороде Осло.

Пер уселся на кровать и уставился в пыльное окно. Шум уличного движения навевал сон. Сквозь тонкие занавески просвечивало солнце. На подоконнике муха боролась за жизнь. Скоро ей предстоит умереть. Такова жизнь. Не смерть, а жизнь. Смерть – ничто. Сколько лет назад он это понял? Все остальное, все, что он проповедовал, люди выдумали ради того, чтобы защититься от страха смерти. И ничего из всего, что он знал, не имело сейчас никакого значения. Ведь то, что мы, люди, знаем, ничего не значит по сравнению с тем, во что мы должны верить, чтобы подавить страх и боль. Значит, он вернулся. Он верил во всепрощающего Бога и загробную жизнь. И сейчас он верил в это больше, чем когда-либо.

Он достал из-под газеты блокнот и начал писать.

Написать Перу Воллану требовалось не много. Несколько предложений на листочке бумаги, вот и все. Он зачеркнул свое имя на использованном конверте из-под письма от адвоката Альмы, в котором тот излагал их мнение по поводу того, на что Пер может претендовать. Естественно, не на многое.

Тюремный священник посмотрел на себя в зеркало, поправил воротничок, вынул из шкафа длинный пыльник и вышел.

Марты в приемной не было. Ингер взяла у него конверт и обещала передать по назначению.

Солнце успело опуститься ниже, день начал движение к концу. Пер Воллан шел по парку, краем глаза отмечая, что все исполняют свои роли без заметных ошибок. Никто не поднимался слишком быстро со скамейки, когда он проходил мимо. Ни одна машина не съехала осторожно с краешка тротуара, когда он передумал и пошел к реке, в сторону улицы Саннергата. Но они были там. За окном, в котором отражался мирный летний вечер; в равнодушном взгляде прохожего; в холоде от тени, что наползала на восточную сторону домов, прогоняя солнце и отвоевывая у него территорию. И Пер Воллан подумал, что то же самое было и в его жизни: вечная бессмысленная борьба с переменным успехом между светом и тьмой, борьба, в которой никогда не будет победителя. Или будет? Ведь

каждый день тьма наступает все больше.

Они двигались к длинной ночи.

Пер ускорил шаг.

Глава 4

Симон Кефас поднес ко рту чашку кофе. Со своего места за столом в кухне он видел небольшой палисадник их дома на улице Фагерливейен в районе Дисен. Ночью прошел дождь, и его следы еще блестели на траве в лучах утреннего солнца. Симону казалось, он видит, как растет трава. Скоро придется пройти по ней газонокосилкой. Это будет шумный поход, Симон весь вспотеет от физического труда и будет ругаться. Ну и пусть. Эльсе спрашивала, почему он не купил электрическую газонокосилку, какими со временем обзавелись все соседи. У него был простой ответ: дорого. С этим аргументом он всегда выходил победителем из всех споров, когда рос в этом доме и в этом районе. Но в те времена здесь жили простые люди: учителя, парикмахеры, таксисты, чиновники из государственных и муниципальных органов власти. Или полицейские, как он сам. Не то чтобы люди, жившие здесь сейчас, были такими уж непростыми, но они работали рекламщиками, компьютерщиками, журналистами, врачами, они торговали непонятными продуктами или унаследовали деньги, чтобы купить маленький идиллический домик, вздуть цены и поднять весь район по социальной лестнице.

– О чем ты думаешь? – спросила Эльсе, встала позади него и провела рукой по его волосам.

Они значительно поредели, и, если смотреть сверху, можно было разглядеть макушку. Но Эльсе утверждала, что ей это нравится. Нравится, что он выглядит как тот, кто он и есть на самом деле – полицейский, которому скоро на пенсию. И что она тоже скоро состарится, хотя он на двадцать лет старше ее. Один из новоиспеченных соседей, известный в узких кругах кинопродюсер, решил, что она – дочь Симона. Ну и ладно.

– Я думаю о том, как мне повезло, – ответил он. – У меня есть ты. И все это.

Она поцеловала его в макушку. Он почувствовал, как ее губы коснулись кожи на его голове. Сегодня ночью Симону снилось, что он смог отдать ей свое зрение, а когда он проснулся и ничего не увидел, то на секунду почувствовал себя счастливым – пока не понял, что у него на глазах повязка от раннего солнечного света.

Раздался звонок.

– Это Эдит, – сказала Эльсе. – Пойду переоденусь.

Она открыла дверь своей сестре и скрылась на втором этаже.

– Привет, дядя Симон!

– Ух ты, неужели это тот самый парень? – произнес Симон, глядя на мальчугана, сияющего от предвкушения.

В кухню вошла Эдит:

– Прости, Симон, но он ныл и просил прийти пораньше, чтобы успеть померить твою фуражку.

– Конечно, – сказал Симон. – Но разве тебе сегодня не надо в школу, Матс?

– День планирования, – вздохнула Эдит. – Они даже не представляют, как трудно в этот день матерям-одиночкам.

– Вдвойне мило с твоей стороны предложить подвезти Эльсе в такой день.

– Да ладно тебе. Насколько я поняла, он будет в Осло только сегодня и завтра.

– Кто? – спросил Матс, теребя и дергая дядю за рукав, чтобы тот встал со стула.

– Американский доктор, который очень хорошо умеет чинить глаза, – сказал Симон и позволил поднять себя на ноги, притворяясь более крепким, чем был на самом деле. – Пошли посмотрим, не найдется ли у нас настоящей полицейской фуражки. Нальешь себе кофе, Эдит?

Мальчик и мужчина вышли в коридор, и мальчик взвыл от радости при виде черно-белой полицейской фуражки, которую мужчина достал с полки в шкафу, но сразу застыл в благоговении, как только мужчина опустил фуражку ему на голову. Они подошли к зеркалу. Мальчик ткнул пальцем в дядино отражение и воспроизвел звуки выстрелов.

– В кого это ты стреляешь? – удивился мужчина.

– В бандитов, – прошипел мальчик. – Бах! Бах!

– А может, в мишень? – спросил Симон. – Потому что полицейские не стреляют в бандитов без крайней необходимости.

– Стреляют! Бах! Бах!

– Иначе нас посадят в тюрьму, Матс.

– Нас? – Мальчик остановился и удивленно посмотрел на дядю. – Почему это? Мы же полицейские.

– Потому что, если мы стреляем в человека, не сумев поймать его, мы сами становимся бандитами.

– Но... но если мы его задержали, мы же можем стрелять?

Симон засмеялся:

– Нет. Тогда уже судья решает, сколько времени преступнику предстоит провести в тюрьме.

– А разве это не ты решаешь, дядя Симон? – Во взгляде мальчика промелькнуло разочарование.

– Знаешь что, Матс? Я рад, что не мне приходится это решать. Я рад, что мне надо всего-навсего их поймать. Потому что именно это самая интересная часть работы.

Матс зажмурил один глаз, и фуражка сползла ему на затылок.

– Слушай, дядя Симон...

– Да?

– А почему у вас с тетей Эльсе нет детей?

Симон встал позади племянника, положил руки ему на плечи и улыбнулся его отражению в зеркале:

– Зачем нам дети, если у нас есть ты? Или как?

Пару секунд Матс задумчиво смотрел на дядю, а потом его лицо осветилось улыбкой.

– Хорошо!

Симон засунул руку в карман и извлек вибрирующий телефон.

Звонили из Операционного центра. Симон выслушал сообщение.

– В каком месте у Акерсельвы? – спросил он.

– Напротив Кубы, у Академии художеств. Там есть пешеходный мост...

– Я знаю, где это, – ответил Симон. – Буду через тридцать минут.

Поскольку Симон уже стоял в коридоре, он нацепил ботинки и снял с вешалки куртку.

– Эльсе! – крикнул он.

– Да? – Ее лицо появилось над перилами лестницы.

Он снова поразился ее красоте. Длинные волосы, струящиеся рыжей рекой вокруг изящного бледного лица. Веснушки на носу и на щеках. И внезапно ему в голову пришла мысль, что у нее по-прежнему будут веснушки, когда сам он уйдет на тот свет. И вслед за этой пришла другая мысль, которую Симон попытался отогнать, но не смог: кто будет тогда ухаживать за ней? Он знал, что со своего места она его не видит, а просто делает вид, что видит. Он кашлянул:

– Мне надо идти, дорогая. Позвонишь и расскажешь, как прошла встреча с доктором?

– Да. Езжай осторожно.

Двое пожилых полицейских шли по парку, который в народе называли просто Куба. Почти все считали, что название это как-то связано с островом Куба, возможно потому, что здесь проходили политические

митинги, а район Грюнерлёкка всегда был рабочим. Надо было достаточно долго прожить в этом городе, чтобы узнать, что раньше здесь, в парке, стоял большой контейнер с газом, над которым имелась надстройка в форме куба. Они вышли на пешеходный мост, ведущий к старым фабричным корпусам, переданным Академии художеств. На прутья решетки моста были навешаны замки с написанными на них датами и инициалами влюбленных. Симон остановился и посмотрел на один из них. Он любил Эльсе все десять лет, что они прожили вместе, каждый из более чем трех с половиной тысяч дней. В его жизни не будет другой женщины, и для того, чтобы понимать это, ему не нужен никакой символический замок. Да и ей он не нужен, будем надеяться, что она переживет его на столько лет, чтобы в ее жизни появилось место для других мужчин. Ну и ладно.

С того места, где они стояли, был виден мост Омудт, скромный мост через скромную речку, разделяющую скромную столицу на западную и восточную части. Однажды, давным-давно, когда Симон был молодым и глупым, он сиганул с этого моста. Пьяная троица, три парня, двое из которых были непоколебимо уверены в себе самих и своем будущем. Двое из них были уверены в том, что они лучшие из этой троицы. Третий – а это был Симон – уже давно понял, что не может конкурировать с двумя приятелями по части ума, силы, общительности или тяги к женщинам. Но он был самым мужественным. Или, говоря другими словами, самым рискованным. А прыжок вниз в грязную воду не требовал ни ума, ни владения телом, лишь безрассудной смелости. Симон Кефас часто думал, что в молодости его единственным конкурентным преимуществом был пессимизм. Из-за этого пессимизма ему хотелось играть с будущим, которое он оценивал весьма невысоко. У него было врожденное чувство, что потерять он может меньше, чем остальные. Он встал на перила и дождался, когда два приятеля заорали, что не надо, что он сбрендил. И прыгнул. Вниз с моста, прочь из жизни, в чудесное крутящееся колесо казино под названием судьба. Он прошел через воду, у которой не было никакой поверхности, только белая пена, а под ней – ледяные объятия. И в этих объятиях он ощутил тишину, одиночество и покой. Когда он снова показался над поверхностью, совершенно невредимый, они ликовали. Да и сам Симон тоже, хотя он чувствовал небольшое разочарование оттого, что вернулся. Вот что может сделать с молодым человеком простая любовная неудача.

Симон отогнал от себя воспоминания и перевел взгляд на поток между двумя мостами. А точнее, на тело, висящее там, как на фотографии, застрявшее прямо на середине водопада.

– Скорее всего, тело плыло вниз по течению, – произнес пожилой криминалист, спутник Симона. – А его одежда зацепилась за что-то торчащее из водопада. Река по большей части такая мелкая, что ее можно перейти вброд.

– Ну конечно, – сказал Симон, засунул в рот пакетик с жевательным табаком и свесил голову набок.

Тело висело строго вертикально, с руками, расставленными в стороны, а вода обтекала его по обеим сторонам, словно белый стальной венок. Как волосы Эльсе, подумал Симон.

Криминалистам наконец удалось спустить лодку на воду, и сейчас они пытались снять тело с водопада.

– Спорим на пиво, что это самоубийство?

– Думаю, ты ошибаешься, Элиас, – сказал Симон, засунул скрюченный указательный палец под верхнюю губу и вытащил пакетик табака.

Он хотел бросить его в воды протекавшей под ними реки, но остановился. Наступили новые времена. Он оглянулся в поисках урны.

– Ну что, споришь на пиво?

– Нет, Элиас, я не буду спорить на пиво.

– Ой, прости, я забыл... – смутился криминалист.

– Да ладно, – сказал Симон и ушел.

На ходу он кивнул высокой белокурой женщине в черной юбке и короткой куртке. Он бы подумал, что она банковская служащая, если бы у нее на шнурке на шее не висело полицейское удостоверение. Симон выбросил пакетик табака в урну на обочине дорожки у моста и пошел вниз, к берегу реки, а потом стал подниматься, исследуя взглядом поверхность земли.

– Комиссар Симон Кефас?

Элиас посмотрел вверх. Женщина, которая произнесла эти слова, выглядела так, как, наверное, иностранцы представляют себе типичную скандинавку. Он подумал, что сама она считает себя игроком высшей лиги и именно поэтому стоит сейчас в своих туфлях без каблуков, слегка склонившись вперед.

– Нет. А вы кто?

– Кари Адель. – Она вытянула в его сторону удостоверение, висящее у нее на шее. – Я новый сотрудник отдела по расследованию убийств. Мне сказали, что я найду комиссара здесь.

– Добро пожаловать. А зачем вам Симон?

– Он должен меня обучить.

– Тогда вам повезло, – произнес Элиас и указал на маленькую фигурку мужчины, идущего вдоль берега. – Вон ваш человек.

– Что он там ищет?

– Следы.

– Но они ведь должны были остаться вверх по течению от трупа, а не вниз?

– Да, и он исходит из того, что там мы уже все осмотрели.

– Другие криминалисты говорят, что это похоже на самоубийство.

– Да, я совершил ошибку и хотел поспорить с ним на пиво, что так и есть.

– Ошибку?

– У него зависимость, – объяснил Элиас. – *Была* зависимость. – И добавил, когда тщательно выщипанная бровь женщины поползла вверх: – Это не секрет. Это надо знать, если вы собираетесь работать вместе.

– Никто не говорил, что мне предстоит работать с алкоголиком.

– Не с алкоголиком, – поправил ее Элиас. – С игроманом.

Она заправила светлую прядь волос за ухо и зажмурила на солнце один глаз.

– Что за игры?

– Насколько мне известно, любые, в которые можно проиграть деньги. Но если вы – его новый напарник, то вам представится возможность самой его об этом расспросить. Где работали раньше?

– В отделе наркотиков.

– Ну, тогда река вам знакома.

– Да. – Она, сощурившись, посмотрела вверх по течению от трупа. – Конечно, возможно, что это наркоманское убийство, но не потому, что оно произошло здесь. Тяжелыми наркотиками не торгуют так далеко вверх по течению, их продают у площади Скаус и моста Ньюбруа. Из-за травки обычно не убивают.

– Да уж, – сказал Элиас и кивнул в сторону лодки. – Они его сняли, так что если у него есть при себе документы, мы скоро узнаем, кто...

– Я знаю, кто он, – произнесла Кари Адель. – Тюремный священник. Пер Воллан.

Элиас испытующе посмотрел на нее. Скоро она перестанет носить официальный офисный костюм, который, скорее всего, видела на женщинах-следователях в американских киносериалах. А в остальном в ней что-то было. Может, она из тех, кто задержится на этой должности. А может даже, она одна из тех, кто встречается крайне редко. Но так он

раньше думал и о других, и где они теперь?

Глава 5

Комната для допросов была выкрашена светлой краской и обставлена мебелью из сосны. Красная занавеска закрывала окно, выходившее на контрольное помещение. Полицейскому Хенрику Вестаду из полицейского участка Бускеруда комната показалась уютной. Он уже приезжал в Осло из Драммена и бывал именно в этой комнате. Они допрашивали детей по делу о домогательствах, вот и оказались здесь. Теперь речь шла об убийстве. Вестада внимательно посмотрел на мужчину с длинной бородой и волосами, сидевшего на стуле с другой стороны стола. Сонни Лофтхус. Он казался моложе возраста, указанного в документах. Он выглядел трезвым, зрачки его были нормального размера. Но так обычно выглядят люди, у которых хорошая переносимость наркотиков. Вестада кашлянул:

– И ты плотно привязал ее, воспользовался обыкновенной ножовкой и ушел?

– Да, – ответил мужчина.

Он отказался от адвоката, но отвечал на вопросы преимущественно односложно. В конце концов Вестада стал задавать ему вопросы, требовавшие ответов «да» или «нет». И это, в общем, работало. Очевидно, работало: черт возьми, у них было признание. И все-таки... Вестада посмотрел на лежащие перед ним фотографии: верхняя часть черепа и мозга была частично отрезана и свисала набок, держась на коже. Глядя на это фото, Вестада подумал о вареном яйце с отрезанной верхушкой. На изображении был виден рисунок коры мозга. Вестада уже давно отверг идею о том, что, глядя на человека, можно понять, на какие ужасные поступки он способен. Но этот мужчина, от него... от него не веяло тем холодом, агрессией или, прямо говоря, идиотизмом, которыми веяло от других хладнокровных убийц.

Вестада откинулся на стуле:

– Почему ты признаешься?

Мужчина пожал плечами:

– ДНК на месте преступления.

– Откуда ты знаешь, что она там есть?

Мужчина поднял руку к длинным густым волосам, которые тюремное начальство теоретически должно было приказать остричь из гигиенических соображений.

– У меня выпадают волосы. Это побочный эффект от многолетнего

приема наркотиков. Теперь я могу идти?

Веста́д вздохнул. Признание. Улики на месте преступления. Почему же он сомневается?

Он склонился к микрофону, стоявшему посередине между ними:

– Допрос подозреваемого Сонни Лофтхуса завершен в тринадцать ноль четыре.

Он увидел, как погасла красная лампочка, и понял, что техник отключил диктофон. Веста́д поднялся и открыл дверь надзирателям, которые защелкнули наручники и повели заключенного обратно в Гостюрьму.

– Что думаешь? – спросил техник, когда Веста́д вошел в контрольное помещение.

– Думаю? – Веста́д надел куртку и резким нетерпеливым движением застегнул молнию. – Он оставляет мало места для размышлений.

– Я о первом сегодняшнем допросе.

Веста́д пожал плечами. Подруга жертвы. Она показала, что жертва рассказывала ей, будто ее муж, Ингве Морсанд, обвинял ее в неверности и угрожал убить. Эва Морсанд боялась. Боялась в том числе и потому, что у мужа были причины для подозрений: она встретила другого мужчину и собиралась уйти от него. Более классический мотив для убийства найти трудно. А что за мотив у парня? Женщину не насиловали, из дома ничего не пропало. Ну да, шкафчик с лекарствами в ванной был взломан, и, по словам мужа, пропало снотворное. Но зачем человеку, который, судя по следам от уколов на руках, имеет постоянный доступ к тяжелым наркотикам, беспокоиться о каких-то слабеньких снотворных?

Следующий вопрос возник немедленно: зачем следователю, получившему признание, беспокоиться о таких мелочах?

Йоханнес Халден махал метлой по полу между камерами в отделении «А» и тут увидел, что по коридору идут два надзирателя, а между ними – Сонни. Парень улыбался, и если бы не наручники на руках, можно было бы сказать, что он идет с двумя друзьями на какое-то приятное мероприятие.

Йоханнес поднял вверх правую руку:

– Смотри, Сонни! Плечо полностью восстановилось! Спасибо за помощь!

Парню пришлось поднять обе руки, чтобы показать старику большой палец.

Надзиратели остановились перед одной из камер и расстегнули наручники. Дверь камеры им отпирать не пришлось, потому что все двери

автоматически открывались каждое утро в восемь часов и стояли незапертыми до десяти часов вечера. Ребята из контрольного помещения показывали Йоханнесу, как они открывают и закрывают все двери простым нажатием кнопки. Ему нравилось в контрольном помещении, поэтому там он обычно подолгу мыл полы. Как будто стоял на мостике супертанкера. Как будто находился там, где и должен. До «происшествия» Йоханнес служил матросом и начал изучать навигацию. Он хотел стать морским офицером: штурманом, старшим помощником, а затем и капитаном. Через несколько лет переехать к жене и дочке в домик недалеко от Фарсюнда и начать работать лоцманом. Так зачем же он совершил это? Почему все испортил? Что заставило его согласиться взять на борт два больших мешка из порта Сонгкла в Таиланде? Нельзя сказать, чтобы он не понимал, что в мешках героин. И нельзя сказать, что он не знал, какой срок его ждет и как истерично норвежская правовая система относилась в то время к подобным преступлениям, приравнивая их к предумышленным убийствам. И дело даже было не в тех огромных деньгах, которые ему предложили за доставку мешков по определенному адресу в Осло. Так почему же он сделал это? Хотел рискнуть? Или мечтал о том, чтобы снова встретиться с ней, с красивой тайской девушкой в шелковом платье, погладить ее длинные черные блестящие волосы, заглянуть в миндалевидные глаза, услышать нежный голос, шепчущий сложные английские слова, увидеть мягкие малиновые губы, просящие сделать это ради нее, ради ее семьи из Чанг Рая. Она говорила, что только так он сможет спасти их. Нельзя сказать, чтобы он поверил в ее историю, но он поверил ее поцелую. И этот поцелуй он повез с собой домой, через моря, через таможню, в камеру предварительного заключения, в зал суда, в комнату для встреч с родственниками, где повзрослевшая дочь объяснила ему, что никто в семье не хочет больше иметь с ним ничего общего, через развод и прямо в камеру тюрьмы Ила. Ничего, кроме этого поцелуя, ему было не надо, и обещание этого поцелуя было единственным, что у него осталось.

Когда Йоханнеса выпустили, его никто не встретил: семья отреклась от него, друзья выросли, и на флот его больше не приняли. И он подался туда, где его готовы были принять. К бандитам. Он стал работать по своей старой профессии. Трамповое судоходство. Его нанял один украинец, Нестор. Героин из северного Таиланда перевозился на грузовиках по старому наркомаршруту через Турцию и Балканы. Груз делили между скандинавскими странами в Германии, откуда Йоханнес и транспортировал его на последнем отрезке пути. А потом он начал закладывать других.

Для этого тоже не было особых причин.

Просто один полицейский достучался до его души, в которой оказалось то, о чем он и не догадывался.

И хотя обещанная тем полицейским чистая совесть стоила гораздо меньше поцелуя красивой женщины, он поверил ему, вправду поверил. Что-то было в его глазах. Может быть, Йоханнес двигался к чему-то хорошему, кто знает? А потом все случилось. Одним осенним вечером. Полицейского убили, и Йоханнес в первый и последний раз слышал, как упоминалось то имя, слышал, как его шептали со смесью страха и уважения: «Близнец».

С тех пор его возвращение за решетку было вопросом времени. Он стал рисковать все больше и больше, брал все большие грузы. Черт возьми, да он *хотел* быть пойманным. Хотел отсидеть за все, что совершил. Поэтому, когда его взяли на шведской границе, он испытал облегчение. Мебель в прицепе его автомобиля была начинена героином. Судья посчиталотягчающими обстоятельствами как объем перевозимого, так и то, что он попался не в первый раз. Это случилось десять лет назад. Его перевели в Гостюрьму сразу после ее открытия четыре года назад. Он видел, как приходят и уходят заключенные, как начинают и заканчивают работать надзиратели, и ко всем относился с тем уважением, какого они заслуживали. Постепенно он тоже стал пользоваться уважением, какое обычно оказывают пожилым. Неопасным. Потому что никто не знал, какую тайну он хранит. В каком предательстве он виновен. По какой причине он сам назначил себе это наказание. И у него не было надежды достичь того единственного, что еще имело значение. Поцелуя, который ему пообещала забытая женщина. Чистой совести, которую ему пообещал мертвый полицейский. Не было надежды до тех пор, пока его не перевели в отделение «А» и он не познакомился с парнем, который, как говорили, умеет исцелять. Йоханнес вздрогнул, когда услышал его фамилию.

Но Йоханнес Халден ничего не сказал. Он просто махал шваброй, низко опустив голову, улыбался, оказывал и принимал мелкие услуги, делающие жизнь за этими стенами сносной. Так пролетали дни, недели, месяцы, годы, превращаясь в жизнь, которая скоро должна была закончиться. Рак. Рак легких. Скоротечный, по словам доктора. Агрессивного типа, самого плохого, если его не обнаружить на ранней стадии.

Его не обнаружили на ранней стадии.

Никто ничего не мог поделать. По крайней мере, Сонни не мог. Он даже приблизительно не сумел угадать, что происходит с Йоханнесом. Когда тот спросил его об этом, парень предположил что-то в паху, хо-хо. А

плечо, если честно, поправилось само, а не оттого, что его коснулась рука Сонни, температура которой наверняка была не выше обычных тридцати семи даже на ладони. Но он был хорошим мальчиком, и Йоханнес не хотел лишать его веры в то, что он обладает особыми способностями.

Так что Йоханнес держал при себе как болезнь, так и то, другое. Но он знал, что время не ждет. Что эту тайну он не может унести с собой в могилу. Во всяком случае, если он хочет спокойно лежать там, в могиле, а не очнуться живым мертвецом, изъеденным червями и приговоренным к вечным мукам. Нельзя сказать, чтобы у него были какие-то религиозные убеждения относительно того, кого и почему приговаривают к вечным мукам, но он допустил в своей жизни слишком много ошибок.

– Так много ошибок... – пробормотал Йоханнес Халден себе под нос.

Он отставил в сторону метлу, подошел к двери камеры Сонни и постучал.

Ответа не последовало. Он постучал еще раз.

Подождал.

Затем открыл дверь.

Сонни сидел на нарах, рука его выше локтя была перетянута резиновым ремнем, конец которого он зажимал в зубах. Он держал шприц прямо над вспухшей веной. Угол наклона составлял предписанные тридцать градусов, чтобы площадь попадания была как можно больше.

Он спокойно посмотрел на вошедшего и улыбнулся:

– Да?

– Прости, я... я могу подождать.

– Уверен?

– Да... спешки нет. – Йоханнес рассмеялся. – Часом меньше, часом больше – роли не играет.

– Часа через четыре?

– Отлично, через четыре часа.

Шприц вошел в вену, Сонни нажал на поршень. Старик почувствовал, как комнату словно наполнила тишина и похожий на черную воду мрак. Он медленно, спиной вперед двинулся к выходу, вышел и закрыл за собой дверь.

Глава 6

Симон прижал мобильный телефон к уху, а ноги положил на стол, одновременно раскачиваясь на стуле. Этим искусством их троица владела в совершенстве, и, когда они устраивали соревнование, кто дольше сумеет балансировать в таком положении, речь шла лишь о том, кому дольше не надоест.

– Значит, американец ничего не говорит? – спросил он тихо, отчасти потому, что не видел никаких причин втягивать сидящих вокруг сотрудников убойного отдела во внутренние дела своей семьи, отчасти потому, что они с женой привыкли именно так разговаривать по телефону: тихо и ласково, словно лежали в постели и обнимались.

– Не говорит, – ответила Эльсе. – Пока. Он хочет сначала изучить анализы и снимки. Заключение мне дадут завтра.

– Ладно. Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо.

– Насколько хорошо?

Она засмеялась:

– Не думай так много, любимый. Увидимся за ужином.

– Ладно. А твоя сестра, она...

– Да, она еще здесь, и она отвезет меня домой. Положи трубку, зануда, тебе надо работать!

Он нехотя прервал связь и вспомнил свой сон о том, как она получила его зрение.

– Комиссар Кефас?

Симон поднял голову. Запрокинул ее. Женщина, стоявшая перед его столом, была высокой. Очень высокой. И стройной. Долгоножка в офисном костюме.

– Я Кари Адель. Мне велено помогать вам. Я пыталась найти вас на месте преступления, но вы исчезли.

Эта женщина была больше похожа на банковскую служащую, чем на полицейского. Симон еще дальше откинулся на стуле:

– Каком таком месте преступления?

– Куба.

– Откуда вам известно, что это место преступления?

Он видел, как она замешкалась в поисках выхода. Выхода не было.

– Место возможного преступления, – уточнила она.

– А кто считает, что мне нужна помощь?

Женщина указала большим пальцем на потолок, чтобы объяснить, откуда пришел приказ:

– На самом деле помощь нужна мне. Я новенькая.

– Только что из Полицейской академии?

– Полтора года в отделе наркотиков.

– Новичок. И сразу в убойный? Поздравляю, Адель. Тебе повезло, либо у тебя хорошие связи, либо тебя взяли потому, что ты... – Он привел стул в нормальное положение и выудил из кармана джинсов порцию жевательного табака.

– Женщина? – предположила она.

– Я хотел сказать «способная».

Она покраснела, и он заметил досаду в ее взгляде.

– А ты способная? – спросил Симон и засунул табак под верхнюю губу.

– Была номером два в выпуске.

– И как долго ты собираешься прослужить в убойном?

– Что вы имеете в виду?

– Если тебе не понравилось в нарко, почему тебе должно понравиться в убойном?

Она снова замешкалась. Симон понял, что попал в цель. Она из тех, кто недолго пробудет здесь в качестве гостя, а потом, вполне возможно, уйдет наверх по этажам и служебной лестнице. Способная. А может, вообще уйдет из полиции, как ушли все способные сотрудники отдела экономических преступлений. Исчезли вместе со своими знаниями и оставили Симона одного. Полиция не место для тех, кто умен, амбициозен и хочет хорошо жить.

– Я ушел с места преступления потому, что там больше нечего было искать, – сказал Симон. – Расскажи, с чего бы ты начала.

– Поговорила бы с его близкими, – произнесла Кари Адель, оглядываясь в поисках стула. – Определила бы его передвижения перед попаданием в реку.

В реку, а не в речку. Это указывало на то, что она жила на востоке западной части Осло, где все ужасно боялись, что из-за употребления уменьшительно-ласкательных суффиксов люди отнесут их к жителям «неправильного» берега, и совершенно не употребляли таких суффиксов.

– Хорошо, Адель. А его близкие...

– ...это его жена, которая должна была вскоре стать бывшей женой. Она недавно выгнала его из дома. Я поговорила с ней. Он жил в пансионе

«Ила». А здесь есть стул...

Способная. Определенно способная.

– Он тебе сейчас не понадобится, – сказал Симон, поднимаясь.

Она была выше его сантиметров на пятнадцать. И все-таки за один его шаг делала два. А все из-за узкой юбки. Красивая юбка, но скоро она перестанет ее носить. Убийства расследуют в джинсах.

– Вам не стоит проходить внутрь.

Марта стояла у входной двери в пансион «Ила» и разглядывала этих двоих. Женщину она вроде бы видела раньше. Такой рост и худобу легко запомнить. Отдел по борьбе с наркотиками? У нее были светлые безжизненные волосы, почти никакой косметики и лицо с выражением легкого страдания, присущее избалованным деткам богачей.

Мужчина был ее полной противоположностью. Всего метр семьдесят ростом, возраст – за шестьдесят, на лице глубокие морщины. Но не только: еще и морщинки от улыбки. Седые густые волосы и глаза, в которых она прочитала «добрый», «с хорошим чувством юмора» и «упрямый». Так она автоматически изучала всех постояльцев во время обязательного вступительного собеседования, во время которого им предстояло выяснить, какое поведение и какие проблемы их здесь могли ожидать. Случалось, она ошибалась. Но не часто.

– Нам необязательно заходить, – произнес мужчина, представившийся комиссаром Кефасом. – Мы из отдела по расследованию убийств. Дело касается Пера Воллана. Он жил здесь...

– Жил?

– Да, он умер.

Марта стала хватать ртом воздух. Ее первая реакция на сообщение о смерти очередного постояльца всегда была такой. Ей казалось, она делает это, чтобы удостовериться, что сама еще жива. Потом наступило удивление. Удивление оттого, что она не удивилась. Пер ведь не был наркоманом, он не сидел в приемной у смерти вместе с остальными. Или сидел? И потому, что она видела это и неосознанно поняла, обычное глотание воздуха сменилось таким же обычным мысленным комментарием: «Этого следовало ожидать». Но на этот раз все не так. Все по-другому.

– Его нашли в реке Акерсельва, – говорил тем временем мужчина.

У женщины на лбу стояла печать «НА ОБУЧЕНИИ».

– Вот как, – сказала Марта.

– Кажется, вы не удивлены?

– Нет. Наверное, нет. Это всегда шок, но...

– Но люди наших профессий к этому привыкают, правда? – Мужчина кивнул на затянутые пленкой окна: – Я не знал, что «Транен» закрылся.

– Здесь будет модная кондитерская, – произнесла Марта и обхватила себя руками, словно замерзла. – Для мамочек, пьющих кофе латте.

– Они и сюда вторглись. Ладно. – Симон кивнул одному из старожилов пансиона, проходившему мимо на подкашивающихся по-наркомански ногах, и тот молча кивнул в ответ. – Здесь много знакомых лиц, как я погляжу. Однако Воллан работал тюремным священником. Отчет о вскрытии еще не готов, но следов от уколов мы у него не обнаружили.

– Он жил здесь не как наркоман. Он помогал нам, когда у нас возникали проблемы с бывшими заключенными. Они доверяли Воллану. И мы предоставили ему временное жилье, когда ему пришлось съехать из дома.

– Да, мы в курсе. Мне интересно, почему вы не удивились, хотя знали, что он не был наркоманом. Это ведь мог быть несчастный случай.

– А это был несчастный случай?

Симон посмотрел на высокую худышку. Она медлила, ожидая знака с его стороны, и наконец открыла рот:

– Мы не обнаружили никаких признаков насилия, но тропинки у реки – это криминальная территория.

«У реки», – отметила Марта. Строгая мама, поправлявшая ее речь за обеденным столом. «Ты никогда не выйдешь замуж за приличного человека, если будешь разговаривать, как портовый грузчик».

Комиссар Кефас склонил голову набок:

– О чем вы думаете, Марта?

Он ей нравился. Казалось, ему не все равно.

– Думаю, он знал, что умрет.

Полицейский поднял бровь:

– Почему вы так решили?

– Из-за письма, которое он мне передал.

Марта обошла вокруг стола в переговорной, находившейся прямо напротив приемной на втором этаже. Им удалось сохранить готический стиль, и эта комната, вне всяких сомнений, была самой красивой в здании. Да и конкурентов у нее было не много. Марта налила кофе комиссару, усевшемуся, чтобы прочитать письмо, которое Марта обнаружила в конверте, оставленном для нее в приемной Пером Волланом. Его напарница сидела рядом с ним на краешке стула и набирала на телефоне сообщение. Она вежливо отказалась от предложенных кофе, чая и воды.

Как будто думала, что вода в этом здании полна каких-то редких микробов. Кефас протянул письмо коллеге:

– Здесь написано, что он завещает все свое имущество вашему пансиону.

Его коллега отправила сообщение и кашлянула. Комиссар повернулся к ней:

– Да, фрёкен Адель?

– Теперь больше нельзя говорить «пансион», теперь это называется общежитием.

Кефас искренне удивился:

– Почему это?

– Потому что у нас имеются социологи и медпункт, – сказала Марта. – И считается, что это больше чем пансион. Кроме того, само слово «пансион» приобрело негативное звучание. Пьянка, шум и ужасные условия. Поэтому и решили немного приукрасить действительность и именовать наше заведение по-другому.

– Но все-таки... – произнес полицейский. – Он захотел отдать все имущество вам?

Марта пожала плечами:

– Сомневаюсь, что у него много имущества. А вы заметили дату рядом с подписью?

– Он написал это вчера. И вы считаете, он сделал это, так как знал, что умрет. Иными словами, вы полагаете, что он совершил самоубийство?

Марта задумалась, потом ответила:

– Не знаю.

Высокая худышка кашлянула:

– Прекращение семейных отношений, насколько мне известно, является обычной причиной самоубийств у мужчин старше сорока.

У Марты появилось ощущение, что эта молчаливая женщина располагает точными статистическими данными по любому вопросу.

– Он казался подавленным? – спросил Симон.

– Скорее огорченным, чем подавленным.

– Вполне обычно, что люди, склонные к самоубийству, совершают его в тот момент, когда начинают выходить из депрессии, – произнесла женщина с таким выражением, будто читала прямо из книги. Двое других собеседников посмотрели на нее. – Сама депрессия часто характеризуется апатией, а для самоубийства требуется произвести определенные действия.

Звоночек подал сигнал, что ей на телефон пришло сообщение.

Кефас повернулся к Марте:

– Пожилого мужчину выгоняют из дома, и он пишет вам нечто вроде прощального письма. Почему не самоубийство?

– Я не говорила, что полностью отрицаю самоубийство.

– Но?

– Казалось, он боится.

– Боится чего?

Марта пожала плечами, подумав, не создает ли она себе ненужных проблем.

– У Пера были темные стороны. Он этого не скрывал. Он говорил, что стал священником, потому что ему требовалось больше прощения, чем другим.

– Вы хотите сказать, что он совершал поступки, за которые не каждый его простил бы?

– Никто бы его не простил.

– Вот как. Мы сейчас говорим о тех грехах, в которых особенно часто замечают священнослужителей?

Марта не ответила.

– И по этой же причине его выкинули из дома?

Марта помедлила. Этот полицейский был умнее многих других, с которыми ей доводилось встречаться. Но можно ли ему доверять?

– На моей работе учишься искусству прощать то, что простить невозможно, комиссар. Конечно, вполне возможно, что Пер не мог сам себя простить и выбрал такой выход. Но возможно и то...

– ...что кто-то другой, например отец ребенка, подвергнувшегося домогательствам, решил не идти официальным путем и не подавать заявления, которое могло бы усугубить состояние жертвы. При этом неизвестно, накажут ли Пера Воллана. А если накажут, то наказание в любом случае будет слишком мягким. Так что этот человек сам вынес приговор и сам привел его в исполнение.

Марта кивнула:

– Когда дело идет о твоём ребенке, то это вполне по-человечески. Разве не бывает, что в своей повседневной работе вы наказываете так, как не может наказать закон?

Симон Кефас покачал головой:

– Если мы, полицейские, поддадимся таким соблазнам, закон утратит всякое значение. А я верю в закон. И в то, что правосудие надо осуществлять с закрытыми глазами. Вы подозреваете кого-то конкретно?

– Нет.

– Долги за наркотики? – спросила Кари Адель.

Марта покачала головой:

– Если бы он употреблял, я бы знала.

– Я спрашиваю, потому что я послала сообщение одному агенту из отдела наркотиков и спросила его о Пере Воллане. Он ответил... – Она достала телефон из узкого кармана пиджака. Вместе с телефоном из кармана вылетел игральный шарик, со стуком упал на пол и покатился на восток. – «Видел несколько раз, как он разговаривал с одним наркодилером», – прочитала она, поднимаясь и направляясь вслед за шариком. – «Видел, как он брал четверть, но не платил».

Кари Адель засунула телефон обратно в карман и схватила шарик, не успевший докатиться до стены.

– И какой вывод вы делаете из этого? – спросил Симон.

– Здание клонится в сторону площади Александра Хелланда. Наверное, с той стороны больше синей глины и меньше гранита.

Марта рассмеялась в голос.

Высокая худышка улыбнулась:

– И что Воллан был должен денег. Доза героина стоит триста крон. И не четверть, а ноль два. Две дозы в день...

– Не так быстро, – сказал Симон. – Наркоманам не отпускают в кредит, верно?

– Да, это необычно. Может быть, он оказывал им услуги, а они расплачивались героином.

Марта всплеснула руками:

– Он не употреблял, я же вам говорю! Половина моих обязанностей заключается в том, чтобы следить, находятся ли постояльцы под кайфом, понятно?

– Вы, конечно, правы, фрёкен Лиан, – сказал Симон, почесывая подбородок. – Возможно, героин предназначался не для него.

Он поднялся.

– В любом случае, посмотрим, что нам скажут результаты вскрытия.

– Хорошо придумала с эсэмэской агенту из отдела наркотиков, – сказал Симон, ведя машину по улице Уэланда к центру.

– Спасибо, – ответила Кари.

– Симпатичная девушка эта Марта Лиан. Ты с ней раньше сталкивалась?

– С одной стороны, да, а с другой – нет.

– Что?

– Простите, неудачная шутка. Вы спрашивали, сталкивалась ли я с

ней, когда работала в отделе наркотиков. Немного. Она замечательная, и мне всегда было интересно, почему она работает в «Иле».

– Из-за того, что она красивая?

– Приятная внешность предоставляет людям с приемлемым уровнем интеллекта и дисциплинированностью явные преимущества в поисках работы. Работа в «Иле» – это не трамплин, насколько я понимаю.

– Может быть, она просто считает, что это работа, которую стоит делать.

– Стоит? Вы знаете, сколько они платят...

– Стоит того, чтобы *кто-то* ее делал. За работу в полиции тоже платят не ахти.

– Это правда.

– Но полиция – хорошее место для начала карьеры, если, к примеру, совмещать ее с учебой на юридическом, – сказал Симон. – Когда ты закончила работать в том отделе?

Он снова заметил признаки покраснения на шее Кари и понял, что попал в яблочко.

– Ну что же, – продолжил Симон. – Приятно, что тебя нам одолжили. Скоро станешь начальником моего отдела, а? Или продолжишь в частном секторе, где, насколько я слышал, за людей с нашей компетенцией платят в среднем в полтора раза больше?

– Возможно, – ответила Кари. – Но вашим начальником я не стану, принимая во внимание, что в марте следующего года вы достигнете пенсионного возраста.

Симон не знал, плакать ему или смеяться. Он повернул налево на Грёнланнслейрет, в сторону Полицейского управления.

– Твоя зарплата может вырасти раза в полтора, а это очень пригодится при ремонте. Квартира или дом?

– Дом, – ответила Кари. – Мы планируем завести двух детей, и мне нужно много места. С ценами за квадратный метр в центре Осло приходится покупать жилье, требующее ремонта, если, конечно, ты не получил наследство. Наши родители – люди богатые, но и Сэм, и я считаем, что субсидирование – это коррупция.

– Коррупция, ни больше ни меньше?

– Да.

Симон рассеянно смотрел на пакистанских торговцев, которые в жару выходили из своих магазинчиков на улицу, разговаривали, курили сигареты и разглядывали проезжающие мимо автомобили.

– И тебе даже не интересно, как я догадался, что ты ищешь квартиру,

требующую ремонта?

– Игральный шарик, – сказала Кари. – Взрослые люди, не имеющие детей, носят их в карманах, только если они смотрят старые дома или квартиры и проверяют, не придется ли им выравнивать полы.

Умно.

– Раз уж ты это проверяешь, – сказал Симон, – помни, что не всегда в доме, простоявшем сто двадцать лет, надо выравнивать полы.

– Может, и нет, – ответила Кари, наклонилась вперед и бросила взгляд на башню церкви Грэнланна. – Но я люблю, чтобы полы были ровными.

На этот раз Симон рассмеялся. Возможно, когда-нибудь он сможет полюбить эту девушку. Ему тоже нравились ровные полы.

Глава 7

– Я знал твоего отца, – сказал Йоханнес Халден.

На улице шел дождь. Весь день было тепло и солнечно, но высоко в небе собрались тучи и пролились на город легким летним дождем. Он помнил, как это было. Как маленькие капли мгновенно становились теплыми, касаясь нагретой солнцем кожи. Как они поднимали с асфальта запах пыли. Помнил запах цветов, травы и листвы, который сводил его с ума, вызывал тошноту и возбуждение. Молодость, эх, молодость.

– Я был его стукачом, – сказал Йоханнес.

Сонни сидел в темноте у дальней стены, лицо его невозможно было рассмотреть. В распоряжении Йоханнеса имелось не так много времени: скоро двери камер запрут на ночь.

Он вздохнул, потому что сейчас ему предстояло самое трудное – сказать то, что он и боялся и хотел сказать, произнести предложение, слова из которого так долго сидели у него в груди, что он опасался, как бы не приросли к ней навечно.

– Это неправда, Сонни. Он не застрелился.

Вот. Вот оно и произнесено. Тишина.

– Ты не спишь, Сонни?

Он увидел два белых мигающих глаза.

– Я знаю, что пришлось пережить тебе и твоей матери. Найти тело отца. Прочитать записку, в которой он написал, что он – крот в полиции, помогавший торговцам героином и рабами. Что он информировал их о рейдах, уликах, подозреваемых...

Йоханнес увидел, как тело Сонни начало раскачиваться в полумраке.

– Но все было наоборот, Сонни. Твой отец напал на след крота. Я подслушал, как Нестор по телефону говорил своему боссу, что им надо избавиться от полицейского по фамилии Лофтхус, прежде чем он им испортит все дело. Я рассказал твоему отцу, что он в опасности, что полиция должна что-то предпринять. Но твой отец ответил, что не может втягивать других, что ему придется работать над этим делом в одиночку, ведь некоторые полицейские находятся на содержании у Нестора. Он заставил меня поклясться, что я буду молчать и никогда не скажу об этом ни одной живой душе. И до сих пор я держал это обещание.

Понял ли он? Может, и нет, но важнее не то, что парень услышал его, не последствия его слов, а то, что он выговорился. Рассказал. Важным было

само действие: он оставил свою тайну там, где ей было место.

– В те выходные твой отец был один, вы с мамой поехали за город на соревнования по борьбе. Он знал, что они придут, и окопался в вашем желтом доме в Тосене.

Йоханнесу показалось, он что-то заметил в темноте. Изменение пульса и дыхания.

– Однако Нестору и его людям все-таки удалось проникнуть внутрь. Они не хотели шумихи вокруг убийства полицейского, поэтому заставили твоего отца написать ту записку о самоубийстве. – Йоханнес сглотнул. – Взамен они пообещали не трогать тебя и твою мать. Потом они застрелили его в упор из его собственного пистолета.

Йоханнес закрыл глаза. Стояла полная тишина, но ему казалось, что прямо ему в ухо кто-то кричит, а грудь и горло сдавило. В последний раз он испытывал такое много-много лет назад. Господи, когда же он плакал? Когда у него родилась дочь? Но сейчас он не мог остановиться, ему надо было завершить начатое.

– Ты, наверное, гадаешь, как же Нестор попал в дом.

Йоханнес задержал дыхание. Ему почудилось, что и парень перестал вытягивать в себя воздух: он слышал только биение крови в ушах.

– Кто-то видел, как я разговаривал с твоим отцом, а Нестор считал, что полиции слишком повезло с поимкой сразу двух его машин за последнее время. Я отпирался, уверял, что просто немного знаком с твоим отцом и что он пытался выудить у меня сведения. Нестор сказал, что, если твой отец считает меня потенциальным стукачом, я смогу подойти к двери его дома и заставить его открыть мне. Он сказал, что так я докажу свою преданность...

Другой человек снова начал дышать. Быстро. Тяжело.

– Твой отец открыл. Своему стукачу ведь доверяешь, правда?

Он ощутил движение, но ничего не слышал и не видел до тех пор, пока не получил удар. И, лежа на полу, он чувствовал металлический привкус крови от скользнувшего в глотку зуба, слышал истошный вопль парня, звук открывающейся двери, крик надзирателя, звук ударов, звон наручников. Он думал о том, насколько быстрым, точным и сильным был удар этого торчка. И еще он думал о прощении. О прощении, которого он не получил. И о времени. О бегущих секундах. О приближающейся ночи.

Глава 8

Больше всего в «порше-кайене» Арильду Франку нравился звук. Или, вернее, отсутствие звука. Двигатель V8 емкостью 4,8 литра издавал такой же звук, как швейная машинка матери во времена его детства, когда они жили в Станге, недалеко от города Хамар. И тот звук тоже был звуком тишины. Звуком молчания и сосредоточенности.

Дверь со стороны пассажирского сиденья открылась, и в салон ввалился Эйнар Харнес. Франк не знал, где молодые ослоские адвокаты покупают свои костюмы, но явно не в тех магазинах, куда ходил он сам. Кроме того, он никогда не понимал, зачем нужны светлые костюмы. Костюм должен быть темным, и стоять он должен меньше пяти тысяч крон. Разницу в стоимости костюма Харнеса и его собственного лучше было бы положить на сберегательный счет, подумав о будущих поколениях, которым придется обеспечивать свои семьи и дальше строить страну. Или о ранней и приятной пенсии. Или о «порше-кайене».

– Слышал, его перевели в изолятор, – произнес Харнес, когда автомобиль начал движение от края тротуара перед входом в адвокатскую контору «Харнес и Фаллбаккен».

– Он избил другого заключенного, – ответил Франк.

Харнес поднял ухоженную бровь:

– Ганди подрался?

– Невозможно знать наверняка, что сделает наркоман. Но он четыре дня не принимал наркотиков, поэтому, думаю, будет очень сговорчивым.

– Да, я слышал, дело касалось его семьи.

– Что именно вы слышали? – Франк просигналил медленной «королле».

– Только то, что известно всем. Есть что-то еще?

– Нет.

Арильд Франк втиснулся перед кабриолетом «мерседес». Вчера он заходил в изолятор. В камере только что убрали рвоту. Парень сидел в углу, скрючившись под шерстяным одеялом.

Франк никогда не был знаком с Абом Лофтхусом, но знал, что сын пошел по стопам отца. Как и отец, он занимался борьбой и стал настолько многообещающим спортсменом, что газета «Афтенпостен» прочила ему карьеру в национальной сборной. А теперь он сидит в вонючей камере, дрожит как осиновый листок и всхлипывает, как девчонка. В отходняке все

мы одинаковые.

Они остановились у будки охраны, Эйнар Харнес предъявил удостоверение, и шлагбаум открылся. «Порше-кайен» припарковался на своем обычном месте. Франк и Харнес прошли через главный вход, где Харнеса зарегистрировали. Обычно Франк проводил Харнеса через дверь раздевалки, чтобы избежать регистрации. Он не хотел давать повод для пересудов о том, почему адвокат с репутацией Харнеса так часто посещает Гостюрьму.

Допросы заключенных обычно проводились в Полицейском управлении, но на этот раз Франк попросил разрешения сделать это в тюрьме, поскольку заключенный находился в изоляторе.

Одну из свободных камер убрали и приготовили для допроса. У стола сидели полицейский и полицейская в штатском. Франк уже видел их раньше, но не помнил фамилий. Человек, находившийся по другую сторону стола, был настолько бледным, что почти сливался с белоснежной стеной камеры. Голова его свесилась на грудь, а руки вцепились в краешек стола, как будто комната кренилась.

– Ну что, Сонни, – оживленно сказал Харнес, опуская руку на плечо парня. – Ты готов?

Сотрудница полиции кашлянула:

– Кажется, он уже закончил.

Харнес едва заметно улыбнулся ей и поднял бровь:

– Что вы имеете в виду? Вы ведь не начали допрос без присутствия адвоката?

– Он сказал, что ему необязательно дожидаться вас, – сказал полицейский.

Франк посмотрел на заключенного и почувствовал неладное.

– Значит, он уже сознался? – вздохнул Харнес, открыл портфель и вынул несколько скрепленных листов бумаги. – Если хотите взять письменные показания, то...

– Все наоборот, – сказала сотрудница полиции. – Он только что сообщил, что не имеет никакого отношения к убийству.

В камере стало так тихо, что Франк услышал пение птиц на улице.

– Что он сказал? – Бровь Харнеса поднялась почти до кромки волос.

Франк не знал, что его злило больше: выщипанные брови адвоката или замедленная реакция на надвигавшуюся катастрофу.

– А еще что-нибудь он сказал? – спросил Франк.

Полицейская посмотрела на помощника начальника тюрьмы, потом на адвоката.

– Все в порядке, – произнес Харнес. – Я хотел, чтобы он присутствовал при допросе, на случай если вам потребуются сведения об отпуске.

– Да, я лично выписал ему отпуск, – сказал Франк. – В то время ничто не предвещало, что он закончится так трагически.

– Но мы не знаем, насколько трагически он закончился, – возразила сотрудница полиции. – Признания у нас нет.

– Однако улики... – выпалил Арильд Франк и так же резко остановился.

– Что вам известно об уликах? – спросил полицейский.

– Я просто предположил, что они у вас есть, – ответил Франк. – Поскольку он является подозреваемым по этому делу. Разве не так, господин...

– Старший инспектор Хенрик Вестада, – ответил полицейский. – В первый раз Лофтхуса допрашивал тоже я. Он изменил показания. Он считает, что у него даже имеется алиби на момент убийства. Свидетель.

– У него есть свидетель, – подтвердил Харнес и посмотрел на своего молчаливого клиента. – Надзиратель, который сопровождал его в отпуске. И этот свидетель утверждает, что Лофтхус исчез в...

– Другой свидетель, – перебил его Вестада.

– И кто же? – фыркнул Франк.

– Он говорит, что это человек по имени Лейф.

– Лейф, а как дальше?

Все посмотрели на длинноволосого парня, который не слушал их и не смотрел на них.

– Этого он не знает, – сказал Вестада. – Он говорит, что они всего лишь поболтали несколько секунд на придорожной стоянке у дороги. Лофтхус утверждает, что свидетель был за рулем синей «вольво» с наклейкой «I love Drammen»^[3]. Ему показалось, что свидетель болен, вероятно, что-то с сердцем.

Франк рассмеялся лающим смехом.

– Я думаю, – произнес Эйнар Харнес с деланным спокойствием и убрал бумаги обратно в папку, – что на этом мы остановимся. Я должен проконсультироваться со своим клиентом.

Франк часто смеялся, когда был зол. И сейчас ярость кипела в его голове, как вода в чайнике, и ему приходилось прикладывать большие усилия, чтобы вновь не расхохотаться. Он уставился на так называемого клиента. Парень, наверное, сошел с ума. Сначала ударил старика Халдена, теперь это. Видимо, героин все-таки прогрыз дыру в его мозгу. Но он не

развалит это дело: слишком многое стояло на кону. Франк сделал глубокий вдох и услышал воображаемый щелчок, какой раздается при отключении чайника. Надо держать голову в холоде, здесь просто потребуется немного времени. Отходняку надо дать немного времени.

Симон стоял на мосту Саннербруа и смотрел на воду в восьми метрах под собой. Было шесть часов вечера, и Кари Адель только что спросила его о правилах учета сверхурочных в убийном отделе.

– Понятия не имею, – ответил Симон. – Поговори с начальником отдела кадров.

– Видите что-нибудь внизу?

Симон покачал головой. За листвой деревьев на восточном берегу реки он мог различить тропинку, которая шла вдоль берега вплоть до нового здания Оперы у фьорда. На скамейке у тропинки сидел мужчина и кормил голубей. Пенсионер, подумал Симон. Так ведут себя люди, когда выходят на пенсию. На западной стороне реки находился современный жилой квартал, окна и балконы которого выходили на реку и мост.

– И что мы здесь делаем? – поинтересовалась Кари, нетерпеливо притопывая ногой.

– Ты куда-то торопишься? – спросил Симон, оглядываясь по сторонам.

Мимо неспешно проезжали редкие автомобили; улыбчивый попрошайка поинтересовался, не разменяют ли они бумажку в двести крон; парочка в дизайнерских солнцезащитных очках и с коляской, в сетке которой лежал одноразовый гриль, смеялась, проходя рядом с ними. Симон любил Осло во время всеобщих отпусков, когда город пустел и вновь принадлежал только ему. Осло превращался в разросшийся поселок, в котором он вырос, где ничего не происходило, а все происходившее было наполнено смыслом. Город, который был ему понятен.

– Друзья пригласили нас на ужин.

Друзья, подумал Симон. У него тоже когда-то были друзья. Куда они все подевались? Может быть, то же самое они думали о нем. Куда он подевался? Он не знал, способен ли дать им нормальный ответ. Глубина реки наверняка была не больше полутора метров. Кое-где из воды торчали камни. В отчете о вскрытии сказано, что свои раны жертва получила при падении с определенной высоты, и это не противоречило перелому шеи, который явился непосредственной причиной смерти.

– Мы стоим здесь, потому что мы осмотрели всю реку вверх и вниз по течению и это единственное место, где мост достаточно высок, а река

достаточно мелка, чтобы падающий человек мог настолько сильно удариться о камни. Кроме того, это ближайший к пансиону мост.

– К общежитию, – поправила его Кари.

– Ты бы решилась совершить здесь самоубийство?

– Нет.

– Ну, я хотел сказать, если бы ты вообще решилась на самоубийство.

Кари прекратила постукивать ногой и посмотрела вниз через перила:

– Я бы выбрала что-нибудь повыше. Здесь слишком много шансов на выживание. Слишком много шансов оказаться в инвалидном кресле.

– Значит, ты не стала бы сталкивать человека с этого моста, если бы хотела его убить?

– Нет, наверное, – зевнула она.

– Тогда мы будем искать того, кто свернул Перу Воллану шею, а потом сбросил отсюда в реку.

– А-а, это то, что вы называете гипотезой.

– Нет, это то, что *мы* называем гипотезой. Насчет ужина...

– Да?

– Тебе стоит позвонить своему жениху и сказать, что он не состоится.

– Вот как?

– Нам предстоит опрос потенциальных свидетелей. Ты можешь начать с квартир, балконы которых выходят на реку. А потом мы прочедем архивы в поисках потенциального сворачивателя шей. – Симон закрыл глаза и втянул в себя воздух. – Ну разве летний Осло не прекрасен?

Глава 9

Эйнар Харнес никогда не ставил себе цель спасти мир. Только маленькую его часть. А еще точнее, свою часть. Он изучал юриспруденцию. Только маленькую ее часть. А еще точнее, только ту, которая требовалась для сдачи экзамена. Его приняли на работу в адвокатскую контору, находившуюся в самом низу списка адвокатских контор Осло. Он проработал в ней достаточно долго, получил лицензию и открыл собственное бюро вместе с выпивающим престарелым адвокатом Эриком Фаллбаккеном. И вместе они оказались в самом низу списка. Они брались за всякие невозможные дела, проиграли их все, но каким-то образом умудрились заработать себе репутацию защитников самых несчастных членов общества. Наличие подобной клиентуры вело к тому, что адвокатская контора «Харнес и Фаллбаккен» обычно получала свои гонорары – если вообще получала – в дни выплаты социальных пособий. Эйнар Харнес рано понял, что работает не в сфере правосудия, а представляет собой более дорогую альтернативу взыскателям долгов, социальной службе и гадалкам. Он угрожал исками тем, за угрозы кому ему платили, принимал на работу самых безнадежных сотрудников на минимальную зарплату, а на встречах с потенциально платежеспособными клиентами всегда без исключений обещал победу в суде. Но у него имелся один клиент, благодаря которому его контора до сих пор оставалась на плаву. У этого клиента не было собственной папки в конторском архиве, если полный хаос в шкафах секретарши, большую часть рабочего времени проводившей на больничном, вообще можно назвать архивом. Но этот клиент был надежным плательщиком, платил чаще всего наличными и не требовал выставления счета. За эти часы он тоже вряд ли попросит выставить счет.

Сонни Лофтхус сидел на койке, скрестив ноги. Глаза его светились белым отчаянием. С момента знаменитого допроса прошло шесть дней, и они были нелегкими для парня. Однако он продержался дольше, чем они рассчитывали. Донесение другого заключенного, с которым Харнес поддерживал контакт, было примечательным. Сонни не пытался раздобыть наркотики, более того, он отказался от предложенных ему спида и травки. Его видели в тренажерном зале, где он провел на беговой дорожке два часа, а потом час занимался поднятием тяжестей. А ночью из его камеры доносился крик. Но он держал форму. И это парень, двенадцать лет

сидевший на тяжелых наркотиках. Такое, насколько было известно Харнесу, удавалось сделать лишь тем, кто заменил наркотики на нечто столь же сильное, способное стимулировать и мотивировать так же, как и эффект от укола. И список подобных вещей не был длинным. Религиозное откровение, влюбленность, рождение детей. Вот и все. Иными словами, у человека могла появиться цель, придававшая всей жизни новый смысл. Но это могло быть и последним глотком воздуха утопающего, который затем камнем идет ко дну. Единственное, в чем Эйнар Харнес был уверен, – это в том, что его клиенту требовались ответы. Нет, не ответы. Результаты.

– У них есть улики, так что тебя будут судить и осудят независимо от того, сознаешься ты или нет. Так зачем же продлевать мучения, когда в этом нет необходимости?

Ответа не последовало.

Харнес так сильно дернул свою зачесанную назад челку, что черепу стало больно.

– Я могу доставить сюда пакетик супербоя в течение часа, в чем проблема? Все, что мне нужно, – это подпись вот здесь. – Он постучал указательным пальцем по трем листкам бумаги формата А4 на крышке лежащего у него на коленях «дипломата».

Парень попытался смочить сухие потрескавшиеся губы языком, таким белым, что Харнес подумал, не выделяет ли он соль.

– Благодарю. Я основательно обдумаю ваше предложение.

«Благодарю»? «Основательно обдумаю»? Он предлагает наркотики несчастному наркоману в ломке! Этот тип что, отменил силу тяготения?

– Слушай, Сонни...

– И спасибо за визит.

Харнес покачал головой и поднялся. Парню долго не протянуть. Он подождет еще денек. Дождется конца времени чудес.

Надзиратель провел адвоката через все двери и шлюзы, и когда он стоял в приемной и просил заказать ему такси, он думал о том, что скажет тот клиент. Или, точнее, что тот клиент *сделает*, если Харнес не спасет мир.

Точнее, свою часть мира.

Гейр Голдсруд склонился к монитору компьютера.

– Какого черта он делает?

– Кажется, он хочет с кем-нибудь поговорить, – ответил один из надзирателей в контрольном помещении.

Голдсруд взгляделся в парня. Длинная борода свешивалась на его

обнаженную грудь. Он встал на стул перед одной из камер слежения и стучал по ней костяшкой указательного пальца, произнося неслышные слова.

– Финстад, ты пойдешь со мной, – сказал Голдсруд, поднимаясь.

Они прошли мимо намывавшего коридор Йоханнеса. Эта сцена что-то напомнила Голдсруду, может быть, эпизод из фильма. Они спустились по лестнице на первый этаж, заперли за собой дверь, миновали общую кухню, вошли в коридор и увидели Сонни, сидящего на стуле, на котором он только что стоял.

По торсу и рукам молодого человека Голдсруд понял, что тот только что вернулся из тренажерного зала: под кожей четко проступали мускулы и вены. Он слышал, что некоторые тяжелые наркоманы качали руки перед тем, как сделать укол. Амфетамины и всяческие «колеса» находились в тюрьмах в обороте, но Гостюрьма была одним из немногих, если не единственным учреждением, где существовал определенный контроль за поставками героина. И все же Сонни, похоже, никогда не испытывал проблем с тем, чтобы раздобыть необходимое. Никогда, но только не сейчас. По тому, как парня колотило, Голдсруд понял, что он некоторое время оставался без своего лекарства. Неудивительно, что парень находился в отчаянии.

– Помогите мне, – прошептал Сонни, когда заметил их приближение.

– Конечно, – ответил Голдсруд, подмигивая Финстаду. – Две тысячи за четверть.

Он пошутил, но ему показалось, будто Финстад не совсем уверен в том, что это шутка.

Сонни покачал головой. Даже мышцы его горла и шеи были напряжены. Голдсруд вроде бы слышал, что парень когда-то считался многообещающим борцом. Может, и правду говорят, что мышцы, которые человек натренирует до достижения двенадцати лет, потом можно за пару недель восстановить в любой момент жизни.

– Заприте меня.

– Мы не запираем двери до десяти часов, Лофтхус.

– Пожалуйста.

Голдсруд удивился. Случалось, заключенные просили запереть их в камерах, когда они кого-нибудь боялись. То ли на самом деле, то ли нет. Страх – обычный спутник преступной жизни. Или наоборот. Но Сонни совершенно точно был единственным пленником Гостюрьмы, у кого не было ни одного врага среди заключенных. Напротив, они обращались с ним, как со священной коровой. И он никогда не показывал признаков

страха, его психика и физическая форма позволяли ему переносить употребление наркотиков лучше, чем большинству наркоманов. Так почему же...

Парень почесал корку на месте уколов на предплечье, и тогда Голдсруда осенило. Все ранки покрылись коркой. На руках не было свежих следов от уколов. Сонни завязал и поэтому хотел, чтобы его заперли. Его мучила жажда и осознание факта, что он возьмет первое, что ему предложат, неважно, что это будет.

– Пошли, – сказал Голдсруд.

– Подвинешь ноги, Симон?

Симон поднял взгляд. Старая уборщица была настолько маленькой и скрюченной, что голова ее едва виднелась над тележкой с инвентарем. Она убирала в Полицейском управлении уже в те времена, когда Симон однажды в прошлом тысячелетии пришел туда на работу. У этой женщины имелось свое мнение по любому вопросу. Саму себя, как и всех своих коллег вне зависимости от пола, она называла «уборщицей».

– Привет, Сиссель. Уже?

Симон посмотрел на часы. Перевалило за четыре. Норвежский рабочий день официально закончился. Да, Закон о труде практически приказывал ему идти домой ради блага народа и отчизны. Обычно он на это плевал, но сейчас все изменилось. Он знал, что его ждет Эльсе, что несколько часов назад она начала готовить ужин, а когда он придет домой, она станет утверждать, что приготовила все на скорую руку, и выразит надежду, что он не заметит беспорядка, грязи и других доказательств дальнейшего ухудшения ее зрения.

– Давненько ты со мной не курил, Симон.

– Я перешел на жевательный табак.

– Молодуха тебя заставила. Детей еще нет?

– На пенсию еще не вышла, Сиссель?

– Я думаю, что у тебя где-то уже есть малец, да, и поэтому ты больше не хочешь детей.

Симон улыбнулся, глядя, как она проходится шваброй под его ногами, и снова задумался, как маленькому тельцу Сиссель Тоу удалось произвести на свет такого большого отпрыска. Ребенка Розмари. Он убрал бумаги. Дело Воллана отложили. Жильцы квартала у моста Саннербруа ничего не видели, других свидетелей не появилось. До тех пор, пока у них не будет уверенности в том, произошло ли что-то криминальное, они не могут отдавать приоритет этому делу, – вот что сказал начальник отдела и

попросил Симона посвятить несколько следующих дней переработке отчетов по двум раскрытым убийствам, так как их отдел получил выволочку от прокурора, назвавшего эти отчеты «хилыми». Она не нашла формальных ошибок, а просто просила «немного углубиться в детали».

Симон отключил компьютер, накинул куртку и направился к двери. Все еще работали по летнему времени, то есть те, кто не был в отпуске, уходили с работы в три, поэтому в открытом офисном пространстве лишь изредка слышалось постукивание клавиш. Старые перегородки пахли разогретым на солнце клеем. За одной из них он увидел Кари. Она сидела, положив ноги на стол, и читала книгу. Он заглянул к ней:

– Сегодня нет ужина с друзьями?

Она машинально захлопнула книгу и посмотрела на него со смешанным чувством раздражения и стыда. Симон бросил взгляд на название книги: «Корпоративное право». Кари прекрасно знала, что у нее нет никакого повода испытывать угрызения совести, сидя на работе и читая книгу из университетской программы, поскольку более важного дела для нее никто не нашел. Такова специфика убойного отдела: нет убийства – нет работы. И Симон сделал вывод, что она покраснела от стыда, поскольку осознавала, что университетский экзамен заберет ее отсюда и она не оправдает надежд работодателя. А раздражение было вызвано тем, что, даже зная о том, что в принципе у нее нет никакого повода испытывать угрызения совести, она захлопнула книгу при его появлении.

– Сэм проводит выходные на западном побережье, занимается серфингом. А я решила почитать здесь, а не дома.

Симон кивнул:

– Работа полицейского не всегда увлекательна. Даже в убойном отделе.

– Тогда почему вы стали следователем по раскрытию убийств?

Она сбросила туфли и поджала босые ноги под себя. Как будто ждет подробного ответа, подумал Симон. Возможно, она относится к тем людям, которые предпочитают любую компанию одиночеству, которые лучше будут торчать в почти пустом офисе в надежде с кем-нибудь пообщаться, чем сидеть в полном покое в собственной гостиной.

– Хочешь – верь, хочешь – не верь, но это был протест, – ответил Симон, присаживаясь на край стола. – Мой отец был часовщиком и хотел, чтобы я продолжил его дело. А я не желал становиться бледной копией отца.

Кари обвила руками длинные ноги, похожие на лапки насекомого:

– Вы когда-нибудь жалели об этом?

Симон посмотрел в окно. Из-за жары воздух на улице дрожал.

– Люди богатели, торгуя часами.

– Только не мой отец, – ответил Симон. – Он тоже не любил подделки.

Он отказывался следовать моде и продавать дешевые подделки и пластиковые электронные часы. Он считал это путем наименьшего сопротивления. Он красиво обанкротился.

– Вот как. Тогда я понимаю, почему вы не захотели стать часовщиком.

– Ну, я все равно в какой-то степени стал часовщиком.

– Как это?

– Криминалист. Эксперт по баллистике. Траектория пуль и все такое. Это почти то же самое, что сидеть и подкручивать винтики в часах. Наверное, мы больше похожи на наших родителей, чем нам бы хотелось.

– И что случилось? – Кари улыбнулась. – Вы обанкротились?

– Как сказать. – Он бросил взгляд на часы. – Меня стал больше интересовать вопрос почему, а не как. Не знаю, хороший ли выбор я сделал, став следователем-тактиком. Пули и раны не так беспокожны, как человеческий разум.

– Перешли в Экокрим?^[4]

– Ты прочитала мою биографию.

– О людях, с которыми тебе предстоит работать бок о бок, стараешься узнать побольше. Вам надоели кровь и убийства?

– Нет, но я боялся, что они надоедят Эльсе, моей жене. Когда я женился на ней, я пообещал стараться соблюдать рабочее время и сделать свои будни менее пугающими. Мне нравилось в Экокриме, там тоже было немного похоже на работу часовщика. Кстати, о жене... – Он поднялся со стола.

– Почему же вы ушли из Экокрима, если вам там так нравилось?

Симон устало улыбнулся. Вот об этом в его биографии вряд ли написано.

– Лазанья. Думаю, она готовит лазанью. Увидимся завтра.

– Кстати, мне звонил бывший коллега. Он сказал, что видел одного наркомана, разгуливающего в воротничке священника.

– Воротничке священника?

– Таким же, как у Пера Воллана.

– И что ты сделала?

Кари снова раскрыла книгу:

– Ничего. Я сказала ему, что дело прекращено.

– Дело не имеет приоритета до тех пор, пока не появятся новые сведения. Как зовут наркомана и где он обитает?

- Гилберг. В пансионе.
- В общежитии. Как насчет того, чтобы ненадолго прервать чтение?

Кари со стуком захлопнула книгу:

- А как насчет лазаньи?

Симон пожал плечами:

- Да никак. Позвоню Эльсе, она поймет. А подогретая лазанья еще и вкуснее.

Глава 10

Йоханнес вылил воду из ведра в сточную раковину и поставил швабру в кладовку. Он вымыл все коридоры второго этажа плюс контрольное помещение, и теперь ему хотелось почитать оставленную в камере книгу. «Снега Килиманджаро». В книге было несколько рассказов, но он снова и снова перечитывал только этот. О мужчине, заболевшем гангреной. Он знает, что умрет. И это знание не делает его ни лучше, ни хуже, а только более здравомыслящим, более честным и менее терпеливым. Йоханнес никогда не отличался любовью к чтению, эту книгу ему дал тюремный библиотекарь, и поскольку Йоханнес интересовался Африкой с тех времен, когда ходил вдоль Берега Слоновой Кости и Либерии, он прочитал несколько страниц об этом совершенно невинно пострадавшем, но все же умирающем в палатке посреди саванны мужчине. В первый раз он просто пролистал рассказ. Теперь же он читал медленно, слово за словом, в поисках чего-то, что он сам не мог определить.

– Привет.

Йоханнес повернулся.

Приветствие Сонни прозвучало хрипло, а сам он, стоявший перед Йоханнесом со впалыми щеками и горящим взором, был таким бледным, что казался прозрачным. Как ангел, подумал старик.

– Здравствуй, Сонни. Слышал, ты был в изоляторе. Как дела?

Сонни пожал плечами.

– У тебя хороший левый джеб^[5], парень. – Йоханнес осклабился и указал на дыру рядом с передними зубами.

– Надеюсь, ты сможешь меня простить.

Йоханнес сглотнул:

– Прощение нужно мне, Сонни.

Они стояли и смотрели друг на друга. Йоханнес заметил, как Сонни украдкой оглядывает коридор. Он ждал.

– Ты мог бы сбежать за меня, Йоханнес?

Йоханнес задумался, перебирая в голове эти слова в надежде увидеть в них смысл, а потом спросил:

– Что ты имеешь в виду? Я не собираюсь бежать. К тому же бежать мне некуда, меня моментально поймают и приведут обратно.

Сонни не отвечал, но во взгляде его сквозило полное отчаяние, и тут Йоханнеса озарило:

– Ты хочешь... ты хочешь, чтобы я выбрался отсюда и добыл тебе дозу?

Сонни по-прежнему не отвечал, глядя в глаза старику диким, яростным взглядом. Бедный мальчишка, подумал Йоханнес. Чертов героин.

– Почему ты обратился именно ко мне?

– Потому что ты единственный, у кого есть доступ в контрольное помещение, и ты можешь это сделать.

– Нет, я единственный, у кого есть доступ в контрольное помещение, и я знаю, что это сделать невозможно. Двери можно открыть только пальцем, отпечаток которого есть в компьютерной базе. А моего отпечатка там нет, милый мой. И он туда не попадет, если я не получу резолюцию на заявлении в четырех экземплярах. Я видел...

– Все двери можно закрыть и открыть из контрольного помещения.

Йоханнес покачал головой и огляделся, удостоверившись, что в коридоре, кроме них двоих, по-прежнему никого нет.

– Даже если выйти из здания, у выезда с парковки сидит охранник. Он проверяет документы у всех, кто входит и выходит.

– Абсолютно у всех?

– Да. За исключением времени смены дежурных утром, днем и вечером, тогда знакомые машины и лица пропускают без проверки.

– И возможно, людей в форме надзирателей?

– Наверняка.

– А что, если ты раздобудешь себе форму надзирателя и сбежишь в пересменку?

Йоханнес коснулся подбородка большим и указательным пальцем. Челюсть все еще побаливала.

– А где я возьму форму?

– В шкафчике Сёренсена в раздевалке. Ты легко взломаешь его отверткой.

Сёренсен, один из надзирателей, второй месяц сидел на больничном. Нервный срыв. Йоханнес знал, что сейчас это называется как-то иначе, но смысл тот же: чертов клубок чувств. Он испытал это на себе.

Йоханнес покачал головой:

– В пересменку там полно других надзирателей, они меня узнают.

– Измени внешность.

Йоханнес рассмеялся:

– И чем же я, старик, буду угрожать надзирателям?

Сонни поднял длинную белую рубаху и выудил из кармана брюк пачку сигарет. Он зажал сигарету пересохшими губами и чиркнул зажигалкой.

Зажигалка имела форму пистолета. Йоханнес медленно кивнул:.

– Дело не в наркотиках. Ты хочешь, чтобы на свободе я сделал что-то другое, так ведь?

Сонни втянул пламя зажигалки в сигарету и выпустил дым. Он плотно зажмурил глаза.

– Сделаешь? – Этот теплый, мягкий голос.

– Ты отпустишь мне грехи? – спросил Йоханнес.

Арильд Франк заметил их, когда поворачивал за угол. Сонни Лофтхус положил руку на лоб Йоханнеса, стоявшего перед ним с опущенной головой и закрытыми глазами. Они были похожи на двух хреновых гомиков. Он видел их на мониторе в контрольном помещении, они стояли в коридоре и разговаривали. Иногда он жалел, что микрофоны установлены не во всех камерах, потому что по бдительным взглядам заключенных он видел, что они беседуют не о лотерейном билете. Потом Сонни вынул что-то из кармана. Он стоял спиной к камере, так что невозможно было сказать, что именно, но потом Франк увидел поднимающийся у него над головой табачный дым.

– Эй! Попрошу не курить в моей тюрьме, спасибо!

Седая голова Йоханнеса вскинулась вверх, рука Сонни упала вниз.

Франк подошел к ним, указывая большим пальцем себе за спину:

– Иди вымой что-нибудь, Халден.

Франк подождал, пока старик отойдет на достаточное расстояние.

– О чем вы говорили?

Сонни пожал плечами.

– Ах да, ты же давал подписку о неразглашении. – Арильд Франк засмеялся лающим смехом. Звук его смеха метался от стены к стене в коридоре. – Ну что, Сонни, ты передумал?

Молодой человек затушил сигарету о пачку, убрал и то и другое в карман и почесал руку.

– Чешется?

Парень не ответил.

– Мне кажется, есть вещи похуже чесотки. Есть вещи и похуже ломки. Слышал о заключенном из сто двадцать первой? Думают, что он повесился на крючке от светильника. Но, отбросив от себя стул, пожалел о том, что сделал, и поэтому расцарапал себе горло. Как же его звали? Гомес? Диас? Он работал на Нестора. Были опасения, не стукач ли он. Никаких доказательств, только обеспокоенность. И этого оказалось достаточно. Ну разве не странно, лежа на койке посреди ночи, думать о том, что ты сейчас

в тюрьме и больше всего боишься того, что дверь в твою камеру *не* заперта? Что кто-то в контрольном помещении одним нажатием кнопки позаботился о том, чтобы доступ к тебе получила целая тюрьма убийц?

Сонни склонил голову. Но Франк заметил у него на лбу капли пота. Парень образумится. Франк не любил, когда заключенные умирали в камерах его тюрьмы, от этого у кого-то всегда ползли вверх брови, вне зависимости от того, насколько правдоподобно все выглядело.

– Да.

Это прозвучало так тихо, что Франк автоматически нагнулся вперед.

– Да? – повторил он.

– Завтра. Вы получите признание завтра.

Франк сложил руки на груди и покачался на каблуках.

– Хорошо. Тогда завтра утром я привезу господина Харнеса. И на этот раз никаких чудачеств. А когда будешь ложиться спать, посмотри внимательно на крючок от светильника на потолке. Понятно?

Парень поднял голову и встретился взглядом с помощником начальника тюрьмы. Франк давно уже отверг утверждение, что глаза – это зеркало души: он видел слишком много честнейших глаз заключенных, которые изливали потоки лжи. Кроме того, само выражение было странным. *Зеркало души*? Логически это означало, что, глядя в глаза другому, человек видит свою собственную душу. Возможно. Неужели поэтому ему так неприятно встречаться взглядом с этим мальчишкой?

Франк отвернулся. Надо было сосредоточиться на важном, а не начинать задумываться над тем, что ведет в никуда.

– Там привидения, вот почему.

Грязными пальцами Ларс Гилберг поднес ко рту тонкий хабарик и прищуренными глазами посмотрел на двоих полицейских, склонившихся над ним.

Симон и Кари потратили три часа на то, чтобы обнаружить его здесь, под мостом Грюнербруа. Они начали разгадывать ребус с пансиона «Ила», где Гилберга не видели уже больше недели, продолжили в благотворительном кафе на улице Шиппергата, на Плате у Центрального вокзала, где по-прежнему, как на рынке, торговали наркотиками, в социальном центре Армии спасения на улице Уртегата, откуда их направили к реке у Лося – у скульптуры, обозначающей границу между спидом и героином. По дороге Кари объяснила Симону, что в настоящее время торговлей амфетамином и метамфетамином вдоль реки на юг от Лося вплоть до моста Ватерланд занимаются албанцы и североафриканцы.

Вокруг одной из скамеек, беспокойно переминаясь с ноги на ногу, стояли четверо сомалийцев в низко натянутых на лбы шапках. Один из них кивнул, взглянув на фотографию, которую им показала Кари, махнул рукой на север, в страну героя, и, подмигнув, спросил, не нужна ли им пара граммов кристаллов на дорожку. И все засмеялись вслед Симону и Кари, взбирающимся по тропинке вверх к мосту Грюнербруа.

– Ты не захотел жить в «Иле», потому что, по-твоему, там полно привидений?

– Не, мужик, не по-моему. Чертовы кости. В той комнате, блин, вообще нельзя было жить, она уже была занята, это сразу понимаешь, как зайдешь туда. Я мог проснуться посреди ночи, и там, конечно, никого не было, но я же знаю, что секунду назад кто-то стоял и дышал мне в лицо. И такое творилось не только в моей комнате, спроси у других жильцов. – Гилберг неодобрительно посмотрел на докуренный хабарик.

– И ты решил разбить лагерь здесь? – спросил Симон, протягивая ему свою коробочку жевательного табака.

– Ну, привидения привидениями, а если честно, я не выношу, когда меня запирают в таких крохотных комнатах. А это... – Гилберг махнул в сторону подстилки из газет и дырявого спальника, валяющегося неподалеку, – чудесное местечко летом. – Он показал рукой на мост. – Потолок не течет. Вид на воду. Никаких коммунальных расходов, близость к транспорту и магазинам. Чего еще можно желать?

Он взял три пакетика табака из коробки Симона, засунул один под верхнюю губу, а два других – в карман.

– И что, работаешь священником? – спросила Кари.

Гилберг склонил голову набок и, прищурившись, посмотрел на Симона.

– Она о воротничке, который ты носишь, – сказал полицейский. – Возможно, ты прочитал в своих утренних газетах, что недалеко отсюда вверх по реке был найден мертвый священник.

– Ничего не знаю.

Гилберг вынул пакетики табака из кармана и положил их обратно в коробку, которую протянул Симону.

– Криминалисты потратят ровно двадцать минут на то, чтобы доказать, что воротничок принадлежал тому священнику, Ларс. А тебе двадцать лет придется провести на зоне за убийство.

– Убийство? Про убийство ничего не...

– Значит, ты читаешь про происшествия? Он умер до того, как его сбросили в реку. Это видно по синякам на коже. Он ударился о камни, а

синяки мертвого отличаются от синяков живого. Понимаешь?

– Нет.

– Хочешь объясню? Или объяснить тебе, какой крохотной покажется тюремная камера, в которую тебя запрут?

– Но я же не...

– Даже подозреваемые проводят по несколько недель в камере предварительного заключения. А она, если честно, еще меньше по размеру.

Гилберг задумчиво посмотрел на них и пару раз смачно обсосал пакетик табака.

– Что вы хотите?

Симон опустил перед Гилбергом на корточки. У бездомного нет запаха, у него есть вкус. Сладкий гнилой вкус опавших фруктов и смерти.

– Мы хотим, чтобы ты рассказал, что произошло.

– Я не знаю, говорю же вам.

– Ты ничего не рассказал, Ларс. Но кажется, для тебя это важно – молчать. Почему?

– Это просто воротничок. Его прибило к берегу и...

Симон поднялся и схватил Гилберга за руку:

– В таком случае пойдем.

– Подождите!

Симон отпустил его.

Гилберг опустил голову, тяжело дыша.

– Это были люди Нестора. Но я не могу... Ты знаешь, что Нестор делает с теми, кто...

– Да, я знаю. А ты знаешь, что он узнает обо всем, если тебя зарегистрируют в журнале допрошенных в Полицейском управлении. Поэтому предлагаю рассказать нам все, что тебе известно, прямо сейчас, и тогда я подумаю, можно ли не возить тебя на допрос.

Гилберг медленно покачал головой.

– Давай, Ларс!

– Я сидел на скамеечке под деревьями в том месте, где тропинка опускается под мост Саннербруа. Я находился метрах в десяти от моста, поэтому хорошо разглядел тех, кто на нем был. Не думаю, что они видели меня: сейчас, летом, там очень густая листва, так ведь? Их было двое, один держал священника, а другой взял в захват его голову. Я находился так близко, что видел белки глаз священника. Кстати, в его глазницах были только белки, зрачки закатились внутрь черепа, так ведь? Но он не издал ни звука. Как будто знал, что это бесполезно. А потом тот парень рванул его голову назад, как какой-нибудь мануальный терапевт. Я слышал хруст, я не

шучу, похожий на хруст ветки под ногой. – Гилберг прижал указательный палец к верхней губе, два раза моргнул и уставился вдаль. – Потом я огляделся. Черт, они только что убили мужика прямо посреди моста, а выглядят совершенно спокойными. Но вот ведь удивительно, как пусто может быть в Осло посреди лета, да? А потом они перекинули его через каменную ограду в том месте, где заканчивается решетка.

– Сходится. Там как раз есть торчащие из воды камни, – сказала Кари.

– Он немного полежал на тех камнях, а потом его подхватило водой и потащило дальше. Я сидел тихо, как мышь, и не двигался. Если бы те типы поняли, что я видел их...

– Но ты их видел, – сказал Симон. – Ты сидел так близко, что мог бы опознать их, если бы снова увидел.

Гилберг покачал головой:

– Никаких шансов. Я их уже забыл. Вот в чем недостаток тех, кто ширяется всем, чем попало. С памятью становится очень плохо.

– Я думаю, ты хотел сказать «преимущество», – произнес Симон, проводя рукой по лицу.

– Однако ты знал, что эти типы работают на Нестора. – Кари нетерпеливо переминалась с ноги на ногу.

– Костюмы, – сказал Гилберг. – Они выглядят абсолютно одинаково, как будто сперли партию костюмов-двоек, предназначенных для Союза норвежских похоронных бюро. – Он потрогал пакетик табака языком. – Так ведь?

– Мы включим это дело в число приоритетных, – сказал Симон в машине по дороге в Полицейское управление. – Я хочу, чтобы ты проверила все передвижения Воллана за двое суток перед убийством и составила список всех, всех без исключения, с кем он вступал в контакт.

– Хорошо, – ответила Кари.

Они проехали мимо клуба «Бло» и остановились перед потоком молодых пешеходов. Хипстеры, идущие на концерт, подумал Симон и бросил взгляд на Кубу. Пока он рассматривал большой экран на открытой сцене, Кари позвонила отцу и сообщила, что не сможет прийти на ужин. На экране показывали черно-белый фильм. Пейзажи Осло. Похоже на пятидесятые. Он помнил эти пейзажи с детства. Для хипстеров такие кадры – всего лишь любопытный мир, что-то давно минувшее, но невинное и, вполне возможно, очаровательное. Он слышал смех.

– Меня интересует одна вещь, – сказала Кари, и Симон понял, что она уже закончила телефонный разговор. – Вы сказали, что Нестор узнает, если

Гилберга приведут на допрос. Вы это серьезно?

– А ты как думаешь? – спросил Симон, давя на газ и направляясь к улице Хаусманна.

– Я не знаю, но мне показалось, что вы говорили серьезно.

– Я не знаю, серьезно или нет. Это долгая история. Многие годы ходили разговоры о том, что в полиции завелся крот, который напрямую докладывает обо всем одному человеку, управляющему почти всей наркоторговлей и торговлей людьми в Осло. Но это было давно, и хотя тогда об этом говорили все, никто не мог доказать, что крот и этот человек существуют на самом деле.

– А кто этот человек?

Симон посмотрел в боковое окно:

– Мы называли его Близнецом.

– Близнецом, – сказала Кари. – В отделе наркотиков о нем тоже говорили. Почти так же, как Гилберг говорил о привидениях в «Иле». А это реальное лицо?

– Да, Близнец вполне реальное лицо.

– А как насчет крота?

– Скажем так. Один человек, по имени Аб Лофтхус, совершил самоубийство и оставил после себя письмо, в котором признавался, что был кротом.

– Разве это не доказательство?

– Для меня – нет.

– Почему?

– Потому что Аб Лофтхус – самый неподкупный человек, когда-либо служивший в полиции Осло.

– Откуда вам это известно?

Симон остановился на красный сигнал светофора у улицы Стургата. Казалось, из окружающих фасадов домов начала сочиться тьма, а вместе с ней на улице появились ночные звери. Они ходили шаркающей походкой, стояли, прислонившись к стенам домов у дверей, из которых доносилась музыка, или сидели в машинах, выставив локти в боковые окна. Ищущие голодные взгляды. Охотники.

– Потому что он был моим лучшим другом.

Йоханнес посмотрел на часы. Десять минут одиннадцатого. Десять минут после закрытия. Остальные уже заперты в своих камерах, его же самого запрут вручную после завершения уборки в одиннадцать часов. Удивительное дело. Когда долго сидишь в тюрьме, дни начинают казаться

минутами, а девочки с календарей, висящих в твоей камере, не успевают идти в ногу с месяцами. Но последний час показался ему годом. Долгим нехорошим годом.

Он вошел в контрольное помещение.

Сейчас здесь несли дежурство три человека, на одного меньше, чем обычно дежурят днем. Один из них отвернулся от мониторов, скрипнув стулом:

– Привет, Йоханнес.

Это был Гейр Голдсруд. Он ногой вытолкнул из-под стола мусорную корзину – движение, уже ставшее автоматическим. Молодой начальник смены помогает престарелому уборщику с больной спиной. Йоханнесу всегда нравился Гейр Голдсруд. Он вынул из кармана пистолет и нацелил его в лицо начальнику смены.

– Круто! Откуда это у тебя? – спросил другой надзиратель, светловолосый парень, игрок футбольной команды третьего дивизиона «Хасле/Лёрен».

Йоханнес не ответил. Он продолжал стоять, не отводя взгляда и дула пистолета от точки между глазами Голдсруда.

– Ну-ка дай мне прикурить! – Третий надзиратель взял в рот сигарету.

– Опусти его, Йоханнес.

Голдсруд говорил тихо, не моргая, и Йоханнес видел, что он все понял. Понял, что в руках у него не забавная зажигалка.

– Ну прямо порно в стиле Джеймса Бонда. Сколько хочешь за него? – Футболист поднялся и подошел к Йоханнесу, чтобы поближе рассмотреть пистолетик.

Йоханнес направил маленькое оружие на один из мониторов под потолком и нажал на курок. Он не знал, чего в точности ожидать, но в отличие от остальных не удивился, когда раздался хлопок, монитор взорвался и вниз посыпались осколки стекла. Футболист застыл.

– Лечь на пол!

Вообще-то, Бог наградил Йоханнеса звонким баритоном, однако сейчас голос его был тонким и визгливым, как у истеричной бабы.

Но это подействовало. Осознание того, что отчаянный человек стоит перед тобой со смертельным оружием в руках, производит больший эффект, чем командный голос. Все трое опустили на колени и сложили руки за головой заученным движением, как будто их долго учили, как себя вести, когда тебе угрожают пистолетом. А может, так и было, и их научили, что единственный выход – это следовать всем распоряжениям угрожающего. И наверняка при их зарплате это был единственный

приемлемый выход.

– На пол! Морды в пол!

Они послушались. Как в сказке.

Йоханнес посмотрел на панель управления, нашел кнопку, открывавшую и запиравшую двери камер, и кнопку управления шлюзами и главными дверьми, и в конце – большую красную главную кнопку, отпиравшую абсолютно все двери. Этой кнопкой следовало пользоваться при пожаре. Ее он и нажал. Длинный гудок сообщил, что тюрьма открыта. Внезапно Йоханнесу пришла в голову удивительная мысль: наконец-то он находится там, где всегда мечтал. На мостике, как капитан корабля.

– Смотреть в пол, – сказал он. Голос стал лучше. – Если кто-нибудь из вас попробует меня остановить, то я со своими подельниками приду за вами и вашими семьями. Помните, что я все знаю о вас, парни. Трине, Валборг...

Он продолжал называть имена жен и детей, школы, в которых они учились, их хобби, адреса проживания, всю информацию, собранную за эти годы, – все это он исполнил речитативом, глядя на мониторы. Закончив, Йоханнес покинул контрольное помещение. Он побежал по коридору, потом вниз по лестнице на первый этаж. Дернул первую дверь. Открыто. Он побежал дальше по следующему коридору. Сердце уже тяжело стучало: он не занимался спортом, хотя следовало бы, ведь форму он совсем не поддерживал. Вот сейчас и начнет. Вторая дверь, тоже не заперта. Ноги больше не хотели бежать в том же темпе. Наверное, это из-за рака, наверное, он уже вгрызся в мускулатуру и ослабил ее. Третья дверь вела в шлюз. Шлюз представлял собой маленькую комнатку с решетчатыми дверями с обеих сторон. Одну дверь надо закрыть, прежде чем можно будет открыть вторую. Считая секунды, Йоханнес ждал, пока дверь позади него с тихим жужжанием отползет назад. Ему был виден коридор, ведущий к раздевалкам и личным шкафчикам. Когда он наконец услышал, как дверь захлопнулась, он схватился за дверную ручку перед собой, нажал ее вниз и потянул.

Заперто.

Черт! Он потянул еще раз. Дверь не сдвинулась.

Он посмотрел на белую пластину с сенсором у двери и прижал к ней указательный палец. Индикатор несколько секунд помигал желтым, потом погас, и зажглась красная лампочка. Йоханнес знал: это означает, что устройство не распознало отпечаток пальца, но все равно снова потянул за ручку. Заперто. Он проиграл. Он опустился на колени перед дверью. В тот же миг в комнате раздался голос Гейра Голдсруда:

– Прости, Йоханнес.

Голос доносился из динамика под потолком. Он был спокойным, почти утешительным.

– Это наша работа, Йоханнес. Если бы мы прекращали делать ее каждый раз, когда кто-то угрожает нашим семьям, в Норвегии не осталось бы ни одного тюремного надзирателя. Расслабься, мы сейчас придем и заберем тебя. Ты сам просунешь пистолет через решетку, Йоханнес, или хочешь, чтобы мы сначала напустили газу?

Йоханнес поднял глаза на камеру наблюдения. Видят ли они отчаяние на его лице? Или облегчение? Облегчение оттого, что здесь все закончилось, но жизнь все равно будет продолжаться, как и раньше. Почти как раньше. Теперь ему вряд ли доверят мыть полы на втором этаже.

Он протолкнул позолоченный пистолет между прутьями решетки, потом лег на пол, сложил руки за головой и скрючился, как оса, только что совершившая свой последний и единственный укус. Но когда он закрыл глаза, то не услышал воя гиен, он был не в самолете и не направлялся к вершине Килиманджаро. Он по-прежнему был нигде и по-прежнему жив. Он был здесь.

Глава 11

Стрелка часов только что перевалила за половину восьмого, и на парковку перед Гостюрьмой хлынул утренний дождь.

– Это был всего лишь вопрос времени, – сказал Арильд Франк, придерживая дверь в раздевалку. – Те, кто одурманивает себя, – слабохарактерные люди. Я знаю, что это несовременный подход, но, поверь мне, я их немало повидал.

– До тех пор, пока он ставит свою подпись, мне все равно. – Эйнар Харнес собирался войти, но вынужден был посторониться, выпуская на улицу трех надзирателей. – Сегодня вечером я и сам собирался отпраздновать это несколькими бокалами одурманивающих средств.

– О, тебе так хорошо платят?

– Когда я увидел ваш автомобиль, то понял, что мне надо просить об увеличении гонорара. – Харнес с усмешкой кивнул в сторону «порше-кайена» на стоянке. – Я назвал это «надбавкой за грязь», а Нестор сказал...

– Тише! – Франк рукой преградил Харнесу путь, выпуская на улицу других сотрудников тюрьмы.

Большинство из них сменили форму на гражданскую одежду, хотя у некоторых не хватило времени переодеться: они так спешили домой после ночной смены, что бежали к оставленным на стоянке машинам прямо в зеленой форме сотрудников Гостюрьмы. Харнес заметил острый взгляд человека, набросившего поверх формы длинное пальто. Он автоматически вспомнил, что уже видел это лицо раньше, и оно было связано в его памяти с Гостюрьмой – вот как часто он сюда приходил в последнее время. И хотя сам он не мог связать какое-либо имя с увиденным лицом, он был совершенно уверен, что тот человек вспомнил его имя: адвокат с сомнительной репутацией, который время от времени фигурирует в газетах в связи с таким же сомнительными делами. Возможно, тот человек, как и другие сотрудники тюрьмы, задумывается, что так часто делает этот адвокат у черного входа в Гостюрьму. И то, что они могли услышать, как он упоминает Нестора, вряд ли упрощало ситуацию...

Они прошли через все двери и добрались до лестницы на второй этаж.

Нестор сказал, что признание им необходимо получить сегодня. Если расследование в отношении Ингве Морсанда не будет немедленно прекращено, то скоро откроются вещи, которые сделают признание Сонни менее достоверным. Откуда у Нестора такие сведения, Харнес не знал, да и

не хотел знать.

Кабинет начальника тюрьмы был, естественно, самым большим в здании, но зато из кабинета помощника начальника открывался вид на мечеть и район Экебергосен. Кабинет располагался в конце коридора и был украшен безобразными картинами молодой художницы, известной своей любовью к изображению цветов и рассказами о собственном либидо во всех газетах.

Франк нажал на клавишу пульта и приказал привести заключенного из камеры 317 в свой кабинет.

– Миллион двести, – сказал он.

– Готов поклясться, что половину суммы стоит значок «Порше» на капоте, – ответил Харнес.

– А вторая половина точно идет государству в качестве всевозможных пошлин. И в этом случае я говорю о государстве с маленькой буквы.

Франк вздохнул и уселся в офисное кресло с удивительно высокой спинкой. Трон, подумал Харнес.

– А знаете что? – произнес Франк. – По-моему, это неплохо. Покупатели «Порше», черт возьми, обязаны делать свой взнос в общую кассу.

В дверь постучали.

– Да! – прокричал Франк.

Вошел надзиратель с фуражкой под мышкой и нехотя отсалютовал. Харнес иногда задумывался, как Франку удалось заставить подчиненных использовать военные приветственные ритуалы на современном предприятии. И какие другие правила им пришлось принять.

– Ну, Голдсруд?

– Я собираюсь домой, но сначала решил выяснить, есть ли у вас вопросы по рапорту о дежурстве ночной смены.

– Я до него еще не дошел. Там что-то важное? Ты ведь не просто так зашел.

– Не очень важное, но попытка бегства. Если это можно так назвать.

Франк сложил ладони и улыбнулся:

– Меня радует, что заключенные проявляют инициативу и желание внести свою лепту в общее дело. Кто и как?

– Йоханнес Халден из камеры двести...

– Двести тридцать восемь. Старик? Что, правда?

– Он где-то раздобыл подобие пистолета. Вот как начудил. Я просто хотел сказать, что все было не так драматично, как может показаться из рапорта. Если вы хотите услышать мое мнение, то мягкого наказания будет

вполне достаточно. Он много лет прекрасно работал у нас и...

– Потратить время на то, чтобы завоевать доверие человека, если ты собираешься заставить его врасплох, – умно. Может быть, он именно так и поступил?

– Ну...

– Ты хочешь сказать, что позволил обмануть себя, Голдсруд? И откуда он добрался?

Харнес немного сочувствовал надзирателю, который провел указательным пальцем по вспотевшей верхней губе. Он всегда немного сочувствовал людям, у которых дело было плохо. Он легко мог представить себя на их месте.

– До шлюза. Но несмотря на то, что у него был пистолет, реальной опасности, что он пройдет мимо охраны, не существовало. На будке охранников пуленепробиваемое стекло и бойницы, и...

– Спасибо за информацию, но, вообще-то, я сам рисовал проект этой тюрьмы, Голдсруд. И я понимаю, что ты испытываешь слабость к этому типу, с которым, я боюсь, ты слишком часто фамильярничал. Я больше ничего не скажу, пока не прочитаю рапорт, но подготовь свою смену к тому, что у меня будут серьезные вопросы. Что касается Халдена, то мы не можем быть мягкими. Наши клиенты готовы воспользоваться любым проявлением слабости. Понятно?

– Понятно.

Зазвонил телефон.

– Свободен, – сказал Франк, поднимая трубку.

Харнес ожидал увидеть еще один военный салют и разворот кругом, но Голдсруд вышел из кабинета как гражданский. Адвокат смотрел ему вслед. Он вздрогнул, когда Арильд Франк заорал:

– Как это «его там нет», черт тебя побери?

Франк в упор смотрел на убранную койку в камере 317. Перед койкой стояла пара сандалий. На тумбочке лежала Библия, на письменном столе – нераспакованный одноразовый шприц, на стуле – белая рубашка. Вот и все. Но надзиратель за спиной Франка повторил свое совершенно излишнее наблюдение:

– Его здесь нет.

Франк посмотрел на часы. До открытия дверей камер оставалось еще четырнадцать минут, следовательно, заключенный не мог находиться в одном из общих помещений.

– Вероятно, он выбрался из камеры, когда Йоханнес открыл сегодня

ночью все двери из контрольного помещения, – прозвучал голос Голдсруда, возникшего в дверном проеме.

– О господи, – прошептал Харнес и по старой привычке схватил пальцами переносицу в том месте, где до того, как в прошлом году он потратил пятнадцать тысяч крон наличными на лазерную коррекцию зрения в Таиланде, находились очки. – Если он сбежал...

– Заткнись, – сказал Франк. – Он не мог пройти мимо будки охраны. Он все еще где-то здесь. Голдсруд, врубай тревогу. Запереть все двери, никого не впускать и не выпускать.

– Ладно, но мои дети собираются на...

– Ты тоже остаешься здесь.

– А что с полицией? – спросил один из надзирателей. – Разве им не надо сообщить?

– Нет! – закричал Франк. – Лофтхус все еще в Гостюрме, я сказал! Никому ни слова.

Арильд Франк смотрел на старика сверху вниз. Он запер за собой дверь, позаботившись о том, чтобы с другой ее стороны не было надзирателей.

– Где Сонни?

Йоханнес лежал на койке, потирая заспанные глаза.

– Разве он не у себя в камере?

– Ты, чтоб тебя, прекрасно знаешь, что нет.

– Тогда, значит, он сбежал.

Франк наклонился, схватил старика за футболку и притянул его к себе.

– Сотри с лица ухмылочку, Халден. Я знаю, что охранник в будке никого не видел, так что он *должен* быть здесь. И если ты не расскажешь мне, где именно, можешь забыть о лечении рака. – Франк заметил, что озадачил старика. – Да, я знаю, что врачи должны хранить врачебную тайну, но у меня везде есть глаза и уши. Ну?

Он отпустил Йоханнеса, и тот плюхнулся обратно на подушку. Старик пригладил свои редкие волосы и сложил руки за головой. Он откашлялся:

– Знаешь что, начальник? На самом деле я думаю, что уже достаточно пожил. На воле меня ничего не ждет. Мои грехи отпущены, так что у меня, возможно, впервые появился шанс попасть на небеса. И может быть, мне стоит воспользоваться этим шансом, пока он не пропал, как думаешь?

Арильд Франк сжал зубы так сильно, что казалось, десны разорвутся.

– Я думаю, Халден, ты узнаешь, что ни один вонючий грех из всех твоих грехов не отпущен. Потому что здесь Бог – это я, и я могу пообещать

тебе долгую и мучительную смерть от рака. Я сделаю так, что ты будешь лежать и подыхать в этой камере без всяких болеутоляющих. И ты будешь не первым.

– Лучше так, чем попасть в тот ад, куда угодишь ты, начальник.

Франк не понял, что за булькающие звуки раздались из горла старика: предсмертные хрипы или смех.

По дороге обратно в 317-ю камеру Франк поговорил по рации. По-прежнему никаких следов Сонни Лофтхуса. Он знал, что до того, как придется объявить его в розыск, у них оставалось всего несколько минут.

Он вошел в 317-ю, опустился на койку и начал заново осматривать пол, стены и потолок. Невозможно, черт бы его побрал, невозможно! Он схватил с тумбочки Библию и швырнул ее в стену. Книга упала и раскрылась. Франк знал, что Воллан использовал Библию для проноса героина в тюрьму. Перед ним предстали изрезанные страницы с разбитыми символами веры и неполными предложениями, утратившими смысл.

Он выругался, схватил подушку и запустил ее в стену.

Подушка упала на пол, и он увидел выпавшие из нее волосы. Короткие рыжеватые волосы, возможно, из бороды, и длинные пряди. Он пнул подушку. Из нее вылетели спутанные пучки грязных белокурых волос.

Коротко стриженный. Гладко выбритый.

До Франка начало доходить.

– Ночная смена! – заорал он в рацию. – Проверьте всех надзирателей, сменившихся после ночного дежурства!

Франк посмотрел на часы. Десять минут девятого. Он знал, что произошло. И он знал, что предпринимать что-либо поздно. Он поднялся и толкнул стул с такой силой, что разбил зеркало у двери.

Водитель автобуса разглядывал стоящего перед ним тюремного надзирателя, который в растерянности смотрел на билет и пятьдесят крон сдачи со ста. Он знал, что парень – тюремный надзиратель, потому что под расстегнутым длинным пальто на нем была форма, а на форму даже было приколото удостоверение на фамилию Сёренсен с фотографией, совсем не похожей на парня.

– Давно на автобусе не ездили? – спросил водитель.

Парень кивнул коротко стриженной головой.

– Поездка обойдется всего в двадцать шесть крон, если заранее купить карточку, – сказал водитель.

Он заметил, что и эта цена показалась парню довольно высокой. Так обычно реагировали люди, несколько лет не пользовавшиеся автобусами в

Осло.

– Спасибо за помощь, – ответил парень.

Водитель автобуса отъехал от тротуара, рассматривая в зеркало спину тюремного надзирателя. Он не знал, почему делает это. Может, что-то с его голосом, таким теплым и сердечным, словно он действительно благодарил от всего сердца. Водитель увидел, как надзиратель сел и стал удивленно смотреть в окно, совсем как иностранные туристы, которые время от времени по ошибке садились в его автобус. Он увидел, как надзиратель вынимает из кармана связку ключей и изучает их, будто видит в первый раз, как достает из другого кармана упаковку жевательной резинки.

А потом ему пришлось сосредоточиться на движении впереди по ходу автобуса.

Часть II

Глава 12

Арильд Франк стоял у окна в своем кабинете. Он посмотрел на часы. Большинство беглецов вылавливают в течение первых двенадцати часов с момента побега. Журналистам он сказал, что их ловят в течение первых двадцати четырех часов, чтобы работу сотрудников тюрьмы сочли оперативной, даже если бы она заняла больше двенадцати часов. Но вот пошел уже двадцать пятый час, а у них по-прежнему не было никаких следов.

Он только что вернулся из большого кабинета, из окон которого не было вида. И человек с окном без вида потребовал объяснений. Начальник тюрьмы был в плохом расположении духа, поскольку ему пришлось вернуться в Осло из Рейкьявика, с ежегодной Конференции исправительных учреждений северных стран. За день до этого он сказал по телефону из Исландии, что свяжется с прессой. Начальнику нравилось общаться с прессой. Франк попросил у него одни сутки, чтобы взять Лофтхуса без шума, но начальник отказал ему в категоричной форме и сказал, что это дело они не могут хранить в тайне. Во-первых, Лофтхус был убийцей и надо предупредить людей. Во-вторых, его фотографию надо разместить в газетах, чтобы получить помощь в его поимке.

«А в-третьих, надо разместить твой портрет, – подумал Франк. – И твои приятели-политики увидят, что ты работаешь, а не только купаешься в голубой лагуне и пьешь „черную смерть“»^[6].

Франк пытался объяснить начальнику, что фотографии в газетах вряд ли сильно помогут: имевшиеся в их распоряжении изображения Сонни Лофтхуса были сделаны двенадцать лет назад при его поступлении в тюрьму, а у него уже тогда были борода и длинные волосы. А изображения с камер слежения, на которых он без волос, были такими размытыми, что не могли использоваться. Но начальник все же настоял на том, чтобы втоптать имя Гостюрьмы в грязь.

– За ним охотится полиция, Арильд, и ты ведь понимаешь, что через несколько часов мне позвонит какой-нибудь журналист и спросит, почему об этом не было официального сообщения и сколько вообще побегов Гостюрьме удалось утаить. В таких ситуациях мне нравится быть тем, кто оплачивает телефонные счета, Арильд.

Сегодня начальник тюрьмы поинтересовался мнением Франка о том, какие улучшения требуется внести в тюремный распорядок. И Франк знал

почему: он сможет отправиться к своим политикам и представить им идеи помощника начальника тюрьмы, выдав их за свои. Идеи человека с видом из окна. И все же он отдал их бройлеру. Идеи. Например, распознаватель голоса вместо отпечатков пальцев и приваренный браслет на ноге с передающими сигнал чипами, которые невозможно уничтожить. В конце концов, существовали вещи, которые были ему дороже собственной шкуры. Государство было одной из таких вещей.

Арильд Франк посмотрел на Экебергосен, купающийся в лучах утреннего солнца. Когда-то это место было солнечной стороной рабочего района. Когда-то он мечтал накопить денег и купить себе здесь маленький домик. Теперь у него был большой дом в более дорогом районе. Но он все так же мечтал о маленьком домике.

Нестор воспринял сообщение о побеге с очевидным самообладанием. У людей, которые беспокоили Франка, выдержки тоже хватало. Он подозревал, что они были полностью выдержаны, когда принимали решения, которые, с одной стороны, казались такими ужасными, что в его жилах стыла кровь, а с другой – обладали такой простой, ясной и практичной логикой, что Арильду Франку не оставалось ничего иного, кроме как восхищаться ими.

– Найдите его, – сказал Нестор. – Или позаботьтесь о том, чтобы его никто не нашел.

Если они найдут Лофтхуса, то смогут уговорить его сознаться в убийстве госпожи Морсанд, прежде чем его отыщут другие. У них свои методы. Если же они, наоборот, лишат его жизни, он не сможет объяснить наличие улики против него на месте преступления в доме Морсандов. Но тогда его нельзя будет использовать в дальнейшем. Вот как обстояли дела. Преимущества и недостатки. И в основе всего – простая логика.

– Вам звонит Симон Кефас, – раздался в коммутаторе голос Ины.

Арильд Франк машинально фыркнул.

Симон Кефас.

Вот человек, у которого нет ничего дороже собственной шкуры. Несчастный бесхребетник, сумасшедший игроман, оставивший за собой не один труп. Говорят, он изменился после встречи с женщиной, с которой сейчас живет. Но никто не знал лучше помощника начальника тюрьмы, что люди не меняются, и Франк знал о Симоне Кефасе то, что ему надо было знать.

– Скажи, что меня нет.

– Он хочет встретиться с вами сегодня вечером по поводу Пера Воллана.

Воллан? Разве они не закрыли это дело, посчитав его самоубийством? Франк тяжело вздохнул и посмотрел на газету, лежащую на письменном столе. Информация про беглеца в ней была, но, во всяком случае, не на первой странице. Возможно, потому, что в редакции не имелось хорошей фотографии сбежавшего. Эти грифы-падальщики хотят дожидаться фоторобота, на котором, как они надеются, убийца будет выглядеть в меру кровожадным. В противном случае они разочаруются.

– Арильд?

По неписаным правилам она не называла его по имени в присутствии посторонних.

– Выбери время в моем календаре, Ина. Не давай ему больше тридцати минут.

Франк задумчиво смотрел на мечеть. Скоро минует двадцать пять часов.

Ларс Гилберг подошел на шаг ближе.

Парень лежал на разобранной картонной коробке, прикрывшись длинным пальто. Он появился днем раньше и устроился за кустами, разделяющими дорожку и здания. Он просто тихо и неподвижно сидел в кустах, как будто играл в прятки с человеком, который так и не пришел. Мимо прошагали двое полицейских в форме, бросили взгляд на Гилберга, сравнили его с имевшейся у них фотографией, но не остановились.

Когда вечером начался дождь, парень вышел и улегся под мостом, не спросив разрешения. Дело не в том, что он не получил бы разрешения, но он даже не спросил. И вот еще что. На нем была форма. Ларс Гилберг не совсем разобрался, что это за форма, он демобилизовался до того, как офицеры сменили летнюю зеленую форму на другую. «Негоден» – такой была немного туманная формулировка. Иногда Ларс Гилберг задумывался, а существовало ли вообще что-нибудь, на что он был годен. И если да, то узнает ли он об этом когда-нибудь. Может быть, это: раздобыть денег на дозу, выжить под мостом.

Как сейчас.

Парень спал, дыхание его было ровным. Ларс Гилберг приблизился еще на один шаг. Что-то в походке и цвете кожи парня выдавало в нем героинщика. А значит, у него при себе могло что-нибудь быть.

Гилберг подобрался так близко, что видел, как дрожат веки молодого человека, словно глазные яблоки под ними крутятся и вертятся. Он присел на корточки, осторожно приподнял пальто и потянулся к нагрудному карману форменной рубашки.

Все произошло так быстро, что Ларс даже ничего не увидел. Рука парня крепко ухватила его запястье, и в следующее мгновение Ларс уже стоял на коленях, уткнувшись лицом во влажную землю, а рука его была выкручена назад.

Рядом с его ухом раздался шепот:

– Что тебе надо?

Это прозвучало не злобно, не агрессивно и даже не испуганно, а вежливо, как будто парень спрашивал, не может ли он чем-нибудь помочь Гилбергу. Ларс Гилберг поступил так, как обычно поступал в тех ситуациях, когда понимал, что дело проиграно, – признался, пока не стало хуже:

– Хотел украсть у тебя наркоту. И поживиться деньгами.

Захват, который применил к нему парень, был хорошо известен. Кисть к предплечью, нажим на локоть сзади. Полицейский захват. Но Гилберг знал, как ходят, разговаривают, выглядят и пахнут переодетые полицейские, и парень не был одним из них.

– На чем сидишь?

– На морфии, – простонал Гилберг.

– Сколько дадут на пятьдесят крон?

– Чуть-чуть. Немного.

Захват ослаб, и Гилберг быстро отдернул руку.

Он поднял глаза на молодого человека и на купюру, которую тот держал перед его носом.

– Прости, но это все, что у меня есть.

– Слушай, я ничего не продаю.

– Это тебе. Я завязал.

Гилберг зажмурил один глаз. Как это говорится? Если это слишком хорошо для того, чтобы быть правдой, значит это неправда. Но с другой стороны, может быть, парень просто чокнутый. Он схватил пятидесятикроновую банкноту и засунул ее в карман со словами:

– За аренду спального места.

– Я видел, как здесь вчера расхаживала полиция, – произнес парень. – Это обычное дело?

– Случается, но в последнее время их тут вьется целая туча.

– А ты не знаешь такого места, где... нет целой тучи?

Гилберг склонил голову набок, изучая собеседника.

– Если вообще не хочешь встречаться с копами, то, конечно, надо попросить комнату в пансионе. В «Иле». Туда их не пускают.

Парень задумчиво посмотрел на реку и кивнул:

- Спасибо за помощь, друг мой.
- Да не за что, – обескураженно пробормотал Гилберг. Точно чокнутый.

И в подтверждение его мыслей парень начал раздеваться. На всякий случай Гилберг отступил на пару шагов назад. Стоя в одних трусах, парень сложил форму и рубашку и обернул ими ботинки. Он попросил у Гилберга полиэтиленовый пакет и убрал в него одежду и обувь. Пакет был помещен под камень в кустах, где он провел вчерашний день.

- Я буду охранять, никто не найдет, – сказал Гилберг.
- Спасибо, полагаюсь на тебя.

Молодой человек, улыбаясь, застегнул пальто до самой шеи, чтобы не было видно голой груди.

Потом он пошел по дорожке. Гилберг смотрел ему вслед, наблюдая, как голые подошвы разбрызгивают воду из луж на асфальте.

«Полагаюсь на тебя»?

На всю голову чокнутый!

Марта стояла в приемной и просматривала на экране компьютера картинки с камер слежения общежития «Ила». Вернее, она разглядывала мужчину, пялившегося прямо в камеру у входной двери. Он еще не нажал кнопку звонка, еще не обнаружил маленькую дырочку в пластмассовой панели, закрывающей звонок. Пластик пришлось установить из-за относительно обычной реакции их клиентов на отказ открыть дверь: они начинали молотить по звонку кулаками. Марта включила переговорное устройство:

- Что вам угодно?

Парень не ответил. Марта уже давно поняла, что он не был одним из семидесяти шести постояльцев. Несмотря на то что за последние четыре месяца у них сменилось сто жильцов, она помнила каждого из них в лицо. В то же время она поняла, что он принадлежит к так называемой целевой группе «Илы» – к мужчинам-наркоманам. И не то чтобы он не выглядел чистым, на самом деле он именно таким и выглядел. Дело было в худобе его лица. В морщинках у рта. В жалкой стрижке. Она вздохнула:

- Комнату ищите?

Парень кивнул, и Марта повернула на панели ключ, открывая дверь этажом ниже. Она позвала Стине, которая готовила на кухне бутерброды для одного из постояльцев, и попросила ее присмотреть за приемной. Потом она побежала вниз по лестнице мимо железных ворот, которые можно было запретить из приемной в случае, если во входные двери

прорвется нежелательный посетитель. Парень стоял в дверях. Его пальто, доходившее до щиколоток, было застегнуто до самого подбородка. Он был босым, и она разглядела кровь на одном из влажных следов у двери. Но Марта привыкла почти ко всему, поэтому внимание ее прежде всего привлек взгляд молодого человека. Он *видел* ее. Она не могла объяснить это по-другому. Его взгляд был нацелен прямо на Марту, и этот взгляд свидетельствовал о том, что он обрабатывает зрительные впечатления от увиденного, то есть от нее. Не так уж и серьезно, но такое в общежитии «Ила» было непривычно. У Марты промелькнула мысль, что, возможно, парень все-таки не наркоман, но она быстро отмела эту идею.

– Привет. Пошли со мной.

Он проследовал за ней на второй этаж, в комнату для встреч напротив приемной. Марта, как всегда, оставила дверь открытой, чтобы Стине и другие могли их видеть, попросила парня присесть и достала бумаги, которые требовалось заполнить во время собеседования с новым постояльцем.

– Имя? – спросила она.

Он помедлил.

– Мне нужно вписать в этот бланк какое-нибудь имя, понимаете, – сказала она, предоставив ему возможность, которая требовалась многим приходившим сюда.

– Стиг, – произнес он неуверенно.

– Прекрасно, Стиг, – ответила она. – А дальше?

– Бергер?

– Так и запишем. Дата рождения?

Он назвал дату и год, и она быстро высчитала, что ему исполнилось тридцать. Выглядел он моложе. Вот что удивительно у наркоманов: в отношении их возраста очень легко ошибиться, причем в любую сторону.

– Кто-то порекомендовал вам обратиться сюда?

Он отрицательно покачал головой.

– Где вы провели прошлую ночь?

– Под каким-то мостом.

– Я так понимаю, что в таком случае у вас нет адреса постоянного проживания и вы не знаете, к какому филиалу Управления социальной защиты вы относитесь. Я использую цифру одиннадцать из вашего дня рождения, что дает нам... – Она просмотрела список. – Отделение в Алне, которое, будем надеяться, из милосердия заплатит за вас. Какие наркотики вы употребляете?

Она держала ручку наготове, но он не отвечал.

– Назовите ваш любимый.

– Я завязал.

Марта отложила ручку.

– Мы принимаем в «Илу» только активных наркоманов. Я могу позвонить и выяснить, не найдется ли для вас места в пансионе на улице Спурьвейсгата. Там уж точно получше, чем здесь.

– Вы хотите сказать...

– Да, я хочу сказать, что вы *должны* регулярно употреблять наркотики, если хотите здесь жить. – Она устало улыбнулась ему.

– А если я скажу, что соврал, так как подумал, что мне будет легче получить здесь комнату, если я притворюсь завязавшим?

– Вот вы и нашли правильный ответ на этот вопрос, но больше подсказок у вас не осталось, дружище.

– Героин, – сказал он.

– И?

– Только героин.

Марта поставила крестик в бланке, усомнившись в правдивости его слов. Вряд ли в городе Осло остался хоть один чистый героинщик, все употребляли разные смеси по той простой причине, что если смешать уличный героин с уже добавленными в него примесями с бензодиазепином, например с рогипнолом, то за свои деньги можно получить более глубокий и более далекий транс.

– Цель вашего пребывания здесь?

Он пожал плечами:

– Крыша над головой.

– Болезни или важные лекарства?

– Нет.

– Есть ли у вас планы на будущее?

Он посмотрел на нее. Отец Марты Лиан любил повторять, что прошлое человека заключено в его взгляде и что его можно научиться читать. Но это не относится к будущему. О будущем мы не знаем ничего. И все же, оглядываясь на этот момент, Марта будет спрашивать себя, могла ли она, должна ли она была прочесть что-нибудь о планах так называемого Стига Бергера на будущее.

Он покачал головой. Таким же образом он ответил на ее вопросы о работе, образовании, прошлых передозировках, соматических болезнях, заражении крови и психических проблемах. В конце собеседования она объяснила ему, что они связаны подпиской о неразглашении и никому не расскажут, что он у них остановился, но если он захочет, то может

заполнить заявление с указанием имен лиц, которым, в случае обращения в пансион, может быть предоставлена информация о нем.

– И тогда, например, ваши родители, друзья или девушка смогут с вами связаться.

Он мягко улыбнулся:

– У меня никого нет.

Марта Лиан часто слышала такой ответ. Настолько часто, что он перестал производить на нее впечатление. Ее психолог называл это *compassion fatigue*, «синдром выгорания», и утверждал, что рано или поздно он наступает у всех людей со сходными профессиями. Но Марту беспокоило, что синдром не проходил. Конечно, она понимала, что существуют границы того, насколько циничным может быть человек, обеспокоенный собственным цинизмом, но, несмотря ни на что, ею всегда двигало именно это: сопереживание. Сочувствие. Любовь. Но скоро у нее наступит полное опустошение. Поэтому она испугалась, почувствовав, что слова «у меня никого нет» попали в цель, как иголка попадает в болевую точку и заставляет сокращаться давно не работавшую мышцу.

Марта сложила бумаги в папку, оставила ее в приемной и повела нового постояльца вниз, на маленький склад одежды на первом этаже.

– Я надеюсь, вы не из тех параноиков, что не могут носить одежду, которую до этого носили другие, – сказала она, повернувшись к нему спиной, чтобы он смог снять пальто и надеть подобранную ею одежду.

Она дождалась, пока он покашляет, и повернулась. В голубом свитере и джинсах он по какой-то причине выглядел выше и стройнее. И не был таким тощим, каким казался в пальто. Он посмотрел вниз, на простые синие кроссовки.

– Да, – сказала Марта. – Кроссовки бродяги.

В 1980-е годы крупные партии кроссовок со складов Министерства обороны были розданы различным благотворительным организациям, и они превратились в отличительную примету наркоманов и бездомных.

– Спасибо, – тихо произнес он.

Именно по этой причине Марта впервые обратилась к психологу – когда постоялец не сказал «спасибо». Один не поблагодаривший из целой череды не благодаривших разрушителей собственной личности, влачивших какое-никакое существование благодаря государству благоденствия и социальным институтам, которые они ругали большую часть своей трезвой жизни. У нее случился приступ ярости. Она велела этому неблагодарному убираться к чертовой матери, если его не устраивает толщина иглы одноразового шприца, который он получил бесплатно, и идти в свою

комнату, за которую социальные службы платят шесть тысяч в месяц и где он сможет вколоть себе наркотик, купленный на деньги от продажи украденных по соседству велосипедов. Он написал на Марту жалобу и приложил к ней описание своих страданий на четырех листах. Ей пришлось извиняться перед ним.

– Пошли найдем твою комнату, – сказала она.

По дороге вверх, на третий этаж, она показала ему душевые и туалеты. Мимо них рысцой пробегали мужчины с одурманенными глазами.

– Добро пожаловать в лучший магазин наркотиков в Осло, – сказала Марта.

– Здесь? – спросил молодой человек. – Здесь разрешено торговать?

– Правилами пансиона запрещено, но, если ты употребляешь наркотики, тебе надо их где-то хранить. Я рассказываю тебе все это, только чтобы ты знал: нам безразлично, сколько ты хранишь у себя в комнате – грамм или килограмм. Мы не контролируем торговлю в комнатах. Мы входим, только если подозреваем, что в комнате есть оружие.

– А что, бывает?

Она бросила на него взгляд:

– Почему ты об этом спрашиваешь?

– Просто хочу знать, насколько здесь опасно.

– У всех живущих здесь дилеров есть мальчики на побегушках, которые занимаются выбиванием долгов у других постояльцев. И для этого они пользуются всем – от бейсбольных бит до обычного стрелкового оружия. На прошлой неделе я убирала одну комнату и нашла под кроватью гарпун.

– Гарпун?

– Ага. Заряженный «Стинг шестьдесят пять».

Она удивилась собственному смеху, и он улыбнулся ей в ответ. У него была хорошая улыбка. У многих из них тоже была очень хорошая улыбка.

Марта отперла дверь в комнату 323.

– Мы закрыли несколько комнат, пострадавших от пожара, поэтому нашим постояльцам приходится жить по двое, пока мы не сделаем ремонт. Твоего товарища по комнате зовут Йонни, другие жильцы зовут его Йонни Пума. Он страдает синдромом хронической усталости и проводит большую часть дня в постели. Но он тихий и спокойный, у тебя не должно возникнуть проблем с ним.

Она открыла дверь. Шторы на окнах были задернуты, в помещении стояла темнота. Марта включила свет. Световые трубки на потолке мигнули пару раз, перед тем как зажечься.

– Здесь прекрасно, – сказал парень.

Марта осмотрела комнату. Она никогда не слышала, чтобы кто-то всерьез назвал комнату в «Иле» прекрасной. Но парень был в чем-то прав. Конечно, линолеум поблек, а щербатые стены небесно-голубого цвета исписаны и изрисованы так, что даже щелоком не оттереть, однако здесь было в общем-то чисто и светло. Меблировка состояла из койки, комода и низкого исцарапанного и облезлого стола, но мебель была цела и отвечала потребностям. Здесь пахло мужчиной, спавшим на нижнем ярусе кровати. Парень сообщил, что у него не было передозировок, и она дала ему верхнюю койку. На нижние ярусы они старались помещать тех, кто с наибольшей вероятностью получит передозировку, потому что с нижней койки их легче переносить в бессознательном состоянии на носилки.

– Ну вот, – сказала Марта, протягивая ему связку ключей. – Я буду твоим контактным лицом, а значит, если что-то случится, связывайся со мной. Хорошо?

– Спасибо, – ответил он, взял связку с синим пластмассовым брелоком и стал ее разглядывать. – Большое спасибо.

Глава 13

– Он спускается! – прокричала сотрудница приемной Симону и Кари, сидевшим на кожаном диване под гигантской картиной, на которой, вполне вероятно, был изображен восход.

– Она говорила это уже десять минут назад, – прошептала Кари.

– Бог решает, что за время на небесах, – произнес Симон, засовывая пакетик табака под верхнюю губу. – Как думаешь, сколько стоит такая картина? И почему здесь именно она?

– Закупка так называемых декоративных элементов для общественных зданий является скрытым субсидированием плодящихся в нашей стране художников средних способностей, – сказала Кари. – Покупателям обычно все равно, что висит на стенах, лишь бы гармонировало с мебелью и вписывалось в бюджетные рамки.

Симон взглянул на нее:

– Тебе когда-нибудь говорили, что иногда кажется, будто ты изъясняешься цитатами, которые специально выучила наизусть?

Кари криво улыбнулась:

– А жевательный табак – плохая замена курения. Опасная для здоровья. Подозреваю, что это жена заставила вас перейти на жевательный табак, поскольку табачный дым пропитал всю ее одежду?

Симон рассмеялся, покачивая головой. Наверное, это такой молодежный юмор, непонятный ему.

– Неплохая попытка, но нет. Она попросила меня прекратить курить, потому что хотела, чтобы я провел с ней как можно больше лет. И она не знает, что я жую табак: я храню коробочки на работе.

– Впусти их, Анне, – произнес громкий голос.

Симон посмотрел на шлюз, где мужчина в форме и форменной фуражке, которая очень бы понравилась белорусскому президенту, стоял и барабанил пальцами по металлическим дверям.

Симон поднялся.

– Посмотрим, выпустим ли мы их обратно, – сказал Арильд Франк.

По тому, как сотрудница приемной слегка закатила глаза, Симон понял, что эта шутка далеко не новая.

– Ну, что чувствуешь, вернувшись в сточную канаву? – спросил Франк, ведя их через шлюз к лестнице. – Ты ведь из Экокрима. О господи, да я совсем ополоумел. Забыл, что тебя поперли с работы.

Симон даже не попытался рассмеяться в ответ на это очевидное оскорбление.

- Мы здесь из-за Пера Воллана.
- Слышал. Я думал, его дело закрыто.
- Мы не закрываем дела, не ответив на все вопросы.
- Появилось что-то новое?

Симон изобразил улыбку, растянув губы:

– В день своей смерти Пер Воллан приходил сюда к одному заключенному. Это так?

Франк открыл дверь в свой кабинет.

– Воллан был тюремным священником, так что я полагаю, он делал свою работу. Могу проверить журнал посещений, если хотите.

– Спасибо, было бы замечательно. И нельзя ли уточнить, с кем именно он разговаривал?

– К сожалению, у меня нет сведений о том, с кем и когда он говорил.

– Нам известно как минимум об одном человеке, с которым он разговаривал в тот день, – вмешалась Кари.

– Вот как? – сказал Франк, усаживаясь за письменный стол, с которым не расставался все годы своей карьеры. Зачем разбазаривать государственные деньги? – Дамочка, может, пока я проверяю журнал, вы достанете из того шкафа кофейные чашки? Конечно, если вы намерены задержаться.

– Спасибо, я не употребляю кофеин, – отрезала Кари. – Его зовут Сонни Лофтхус.

Франк невыразительно посмотрел на нее.

– Мы хотели спросить, нельзя ли его повидать, – сказал Симон и, без приглашения усевшись на стул, поднял глаза на покрасневшее лицо Франка. – Ой, я совсем ополоумел. Он ведь сбежал.

Франк попытался состряпать ответ, но Симон опередил его:

– Мы интересуемся этим, поскольку связь между тем посещением и побегом делает смерть священника еще более подозрительной.

Франк потянул воротничок рубашки:

– Откуда вы знаете, что они встречались?

– Все допросы в полиции заносятся в общую базу данных, – сказала Кари, продолжая стоять. – Когда я искала Пера Воллана, я заметила, что его имя упоминается в протоколе допроса по поводу побега. Допрашивали заключенного по имени Густав Ровер.

– Ровера только что выпустили на волю. Его допрашивали, потому что он встречался с Сонни Лофтхусом накануне побега. Мы хотели узнать, не

говорил ли Лофтхус чего-нибудь, что могло бы навести нас на мысли о том, куда он собирался.

– Мы? Нас? – Симон приподнял седую бровь. – Ловить беглецов – работа исключительно полиции, а не ваша.

– Лофтхус – мой пленник, Кефас.

– Ясно, что Ровер не смог вам помочь, – произнес Симон. – Но на допросе он сказал, что, когда он выходил из камеры, в нее вошел Пер Воллан, чтобы побеседовать с Лофтхусом.

Франк пожал плечами:

– И что?

– И нам интересно, о чем эти двое разговаривали. И почему сразу после разговора одного из них убили, а второй сбежал.

– Это может быть случайным совпадением.

– Конечно. Ты знаешь Хуго Нестора, Франк? Его еще называют Украинцем.

– Слышал имя.

– Слышал, значит. Есть ли что-либо, указывающее на возможную причастность Нестора к этому побегу?

– Что ты хочешь сказать?

– Ну, либо он помог Лофтхусу выбраться, либо угрожал ему в тюрьме и тому пришлось бежать отсюда.

Франк постукивал ручкой по столу. Казалось, он размышляет.

Краем глаза Симон заметил, что Кари проверяет сообщения на своем телефоне.

– Я знаю, как вам нужен успех, но, к сожалению, думаю, такая крупная рыба здесь вам не светит, – произнес Франк. – Сонни Лофтхус сбежал без посторонней помощи.

– Ух ты, – сказал Симон, откидываясь на стуле и соединяя кончики пальцев. – Наркоман-любитель, мальчишка, бежит из самой Гостюрьмы совсем без всякой помощи?

Франк улыбнулся:

– А ты готов поспорить, что он любитель, Кефас? – Улыбка на его лице стала шире, когда ответа не последовало. – Ой, я совсем ополоумел – забыл, что ты больше не споришь. В любом случае, могу показать вам вашего *любителя*.

– Это записи с камер наблюдения, – сказал Франк, указывая на 24-дюймовый монитор. – В эту минуту все надзиратели лежат носом вниз в контрольном помещении, а Халден уже открыл в тюрьме все двери.

Монитор был разделен на шестнадцать ячеек, в каждую поступала картинка от своей камеры, следившей за разными частями тюрьмы, а внизу монитора шли часы.

– Вот и он, – сказал Франк, указывая на одну из ячеек, где был виден тюремный коридор.

Симон и Кари увидели, как из камеры выходит человек и на негнущихся ногах бежит к камере. На нем была большая белая рубашка, доходившая почти до колен, и Симон увидел, что его прическа еще хуже, чем у самого Симона: казалось, его волосы просто выдраны.

Парень исчез из ячейки. И появился в другой.

– Лофтхус в шлюзе, – пояснил Франк. – А в это время Халден произносит речь о том, что он сделает с семьями надзирателей, если они попытаются его остановить. Но вот интересный момент, это происходит в раздевалке надзирателей.

Они увидели, как Лофтхус забежал в помещение с гардеробными шкафчиками, но вместо того, чтобы направиться прямо к следующей двери, свернул налево и скрылся за последним рядом шкафчиков. Франк возбужденно ударил пальцем по клавиатуре, и часы внизу экрана остановились.

– А сейчас Лофтхус взламывает шкафчик Сёренсена, одного из наших надзирателей, который сейчас на больничном. Он переодевается и проводит остаток ночи в этом шкафчике. Когда наступает утро, он выбирается наружу и поджидает остальных.

Франк навел курсор на часы и набрал 07.20. После этого он включил изображение, ускорив его в четыре раза. В ячейках начали появляться мужчины в форме. Они, шаркая, входили и выходили из раздевалки, входная дверь без конца открывалась и закрывалась. Невозможно было различить их, пока Франк еще одним ударом по клавиатуре не остановил изображение.

– Вот он, – сказала Кари. – Мужчина в форме и пальто.

– В форме и пальто Сёренсена, – произнес Франк. – Должно быть, он выбрался из шкафчика до прихода остальных, переоделся и стал ждать: сидел на скамейке, опустив голову, и делал вид, что завязывает шнурки или что-то там еще, пока остальные ходили туда-сюда. У нас такая текучка кадров, что никто не обратил внимания на медленно переодевающегося парня. Он дождался, когда утренняя суeta достигла апогея, и вышел. И никто не узнал Сонни без бороды и волос, которые он откромсал у себя в камере и запихнул в подушку. Даже я...

Очередным нажатием клавиши он вновь запустил изображение, на

этот раз с нормальной скоростью. В ячейке было видно, как Лофтхус в пальто и форме выходит из двери, в то время как Арильд Франк и мужчина в сером костюме с зализанными назад волосами заходят внутрь.

– И его не остановили охранники из будки на выезде?

Франк указал на ячейку в нижнем правом углу экрана:

– Это камера в будке. Как видите, мы позволяем автомобилям и людям проходить мимо, не предъявляя документов. Если бы мы применяли обычные правила прохода во время пересменки, у нас собрались бы огромные очереди. Но с этого момента мы будем проверять всех, кто выходит из тюрьмы, в том числе и во время пересменки.

– Да, желающих пробраться внутрь будет не много, – сказал Симон.

В наступившей следом тишине они услышали, как Кари подавила зевоту, вызванную ответом Симона на приветственную остроту Франка.

– Вот каков ваш любитель, – произнес Франк.

Симон Кефас не ответил, изучая спину человека, проходящего мимо будки. Он отметил походку. Он узнал эту походку.

Марта стояла со сложенными на груди руками и рассматривала двух мужчин, стоявших перед ней. Они были не из отдела наркотиков, потому что она вроде бы видела почти всех его сотрудников, а этих двоих никогда раньше не встречала.

– Нам просто нужен... – сказал один из них, но остаток предложения исчез в вое сирены «скорой помощи», проехавшей мимо них по улице Вальдемара Тране.

– Что? – прокричала Марта.

Она пыталась вспомнить, где раньше видела такие черные костюмы. В рекламе?

– Сонни Лофтхус, – повторил невысокий человек.

У него были светлые волосы, а нос переломан в нескольких местах. Марта видела такие носы каждый день, но этот, по ее предположению, был искалечен во время занятий боевыми искусствами.

– Я связана подпиской о неразглашении относительно проживающих здесь, – сказала она.

Второй мужчина, высокий и плотный человек с удивительным полукругом черных кудрей на голове, показал ей фотографию:

– Он сбежал из Государственной тюрьмы и считается опасным для окружающих.

Приближалась еще одна «скорая помощь», и он наклонился и прокричал прямо ей в лицо:

– Так что если он живет здесь, у вас, а вы не рассказываете нам об этом, то вам же будет хуже, если что-нибудь случится. Понятно?

Не отдел наркотиков – это, по крайней мере, объясняло, почему она не видела их раньше. Марта кивала, разглядывая фотографию, потом снова подняла на них глаза. Она открыла рот, чтобы что-то сказать, но порыв ветра бросил ей в лицо темную челку. Когда она снова собралась заговорить, позади нее раздался вопль. Он шел с лестницы – это кричал Той.

– Эй, Марта, Бурре порезался! Это не я, точно. Он в кафе сидит.

– В летнее время у нас здесь большая текучка, – сказала она. – Многие наши жильцы предпочитают ночевать в парках, и тогда у нас появляются новые постояльцы. Всех лиц не упомнишь...

– Как я сказал, его зовут Сонни Лофтхус.

– ...и не каждый видит смысл в том, чтобы регистрироваться под своим настоящим именем. Мы здесь не можем надеяться, что у наших клиентов есть паспорт или удостоверение, поэтому мы довольствуемся тем именем, которое они нам назовут.

– А разве они не должны предоставлять сведения о себе в социальные службы? – спросил светловолосый.

Марта прикусила нижнюю губу.

– Эй, Марта, Бурре истекает кровью, ага!

Мужчина с венком из кудрей положил большую волосатую руку на ее голое предплечье:

– Вы можете просто позволить нам пройти по комнатам, и мы посмотрим, нет ли его здесь.

Он заметил ее взгляд и отдернул руку.

– Кстати, о документах, – сказала она. – Может быть, предъявите мне свой?

Взгляд светловолосого потух, и опять появилась рука кудрявого. На этот раз он не положил руку на предплечье Марты, а обхватил его.

– Из Бурре скоро вообще вся кровь вытечет, ага! – Той подошел к ним вплотную и остановился, раскачиваясь и разглядывая визитеров блуждающим взглядом. – Ой, а чего это тут творится?

Марта вырвала руку из захвата и положила ладонь на плечо Тоя.

– Нам надо сходить спасти ему жизнь. Если, конечно, вы можете подождать, господа хорошие.

Они направились к двери, ведущей в кафе. Мимо проехала очередная «скорая». Три «скорых». Марта непроизвольно вздрогнула.

Уже в дверях она обернулась.

Двое мужчин исчезли.

– Выходит, вы с Харнесом *видели* Сонни прямо перед собой? – спросил Симон, когда Франк провожал их с Кари на первый этаж.

Франк взглянул на часы:

– Мы *мельком* видели молодого гладковыбритого человека с короткой стрижкой и в форме. Тот Сонни, которого мы знали, носил грязную рубашку, бороду, и волосы его были вечно спутаны.

– Значит, вы считаете, Сонни с его новой внешностью будет трудно найти? – спросила Кари.

– Качество изображения камер слежения, естественно, очень низкое. – Арильд Франк повернулся и пристально посмотрел на нее. – Но мы найдем его.

– Жалко, что не удалось поговорить с этим Халденом, – сказал Симон.

– Да, как я уже говорил, его болезнь обострилась, – произнес Франк, пропуская их через шлюз в приемную. – Я сообщу, когда он будет в состоянии разговаривать.

– И у вас нет никаких соображений относительно того, о чем беглец мог разговаривать с Пером Волланом?

Франк покачал головой:

– Наверное, о томлении духа, как обычно. Хотя Сонни Лофтхус сам исцелял души.

– Вот как?

– Лофтхус самоизолировался от остальных заключенных. Он держал нейтралитет, не принадлежал ни к одной из группировок, которые всегда существуют в тюрьмах. И он не разговаривал. Разве не это определяет хорошего слушателя? Он стал для заключенных своего рода исповедником, человеком, которому они спокойно могли доверить все, что угодно. Кому бы он побежал рассказывать об их тайнах? У него не было союзников, и в обозримом будущем он не вышел бы из тюрьмы.

– За какое убийство он сидел? – спросила Кари.

– За убийство человека, – сухо ответил Франк.

– Я имела в виду...

– За жестокое убийство. Он застрелил азиатскую девушку и задушил косовского серба.

Франк придержал для них входную дверь.

– Подумать только, такой опасный преступник на свободе, – произнес Симон, осознавая, что в его высказывании прозвучал чистый, неприкрытый садизм.

Он совсем не был садистом, но для Арильда Франка сделал исключение. И не потому, что к Франку как к человеку трудно было относиться с симпатией, – с этим можно было примириться. И не потому, что он не делал свою работу: в Полицейском управлении хорошо знали, что именно Франк поддерживает порядок в Гостюрьме, а вовсе не человек, именуемый начальником тюрьмы. Дело было в другом. Сумма очевидных случайностей вызвала подозрения, вызревавшие так долго, что они уже почти превратились в самое настоящее знание, увы, бездоказательное: Арильд Франк был коррупционером.

– Я даю ему сорок восемь часов, комиссар, – сказал Франк. – У него нет денег, нет родственников и друзей. Он – одиночка, сидевший в тюрьме с восемнадцати лет. Двенадцать лет. Он ничего не знает о мире за стенами тюрьмы, ему некуда пойти и негде укрыться.

Кари почти бежала, чтобы не отстать от Симона, направлявшегося к машине. Комиссар размышлял над словами Франка о сорока восьми часах. На эту тему он бы поспорил. Потому что кое-что в этом парне он узнал. Симон не понимал, что именно, – возможно, только походку и манеру держаться. Но вполне вероятно, что тот унаследовал нечто большее.

Глава 14

Йонни Пума повернулся на своей койке и посмотрел на нового товарища по комнате. Он понятия не имел, кто изобрел выражение «товарищ по комнате», но в «Иле» такое название было абсолютно не к месту. Гораздо правильнее было бы «враг по комнате». Ему еще не приходилось делить комнату с человеком, который не попытался бы ограбить его. И которого он сам не пытался ограбить. Поэтому все свои ценные вещи, а именно непромокаемый бумажник с тремя тысячами крон и двойной мешочек с тремя граммами амфетамина, он прилепил скотчем к внешней стороне бедра, на которой у него было так много волос, что если бы кто-нибудь начал отдирать скотч, то Йонни очнулся бы от самого глубокого сна. Потому что на протяжении последних двадцати лет жизнь Йонни Пумы состояла именно из этого: из амфетамина и сна. С 70-х годов и до наших дней ему ставили все возможные диагнозы, чтобы объяснить его желание веселиться, а не работать, драться и трахаться, а не завести семью и воспитывать детей, и одурманивать себя, а не вести до смерти скучную трезвую жизнь. Но последний диагноз был верным. МЭ. Миалгический энцефаломиелит. Хроническая усталость. Йонни Пума устал? Все, кто это слышал, хохотали. Йонни Пума, тяжелоатлет, любитель праздников, самый успешный носильщик в Лиллесаде, способный в одиночку перенести пианино. Все началось с травмы бедра, болеутоляющих, которые не действовали, и болеутоляющих, которые действовали очень хорошо. Так он втянулся. Теперь его жизнь состояла из долгих дней отдыха в постели, прерывающегося короткими периодами чрезвычайной активности, когда он направлял всю свою энергию на поиск наркотика. Или денег, чтобы выплатить достигший тревожных размеров долг наркобарону пансиона, литовцу, не до конца прооперированному трансвеститу, который называл себя Коко.

И, глядя на стоявшего у окна человека, Йонни понимал, что тот готовится к тому же. К той же вечной жуткой охоте. Стрессу. Работе.

– Занавесочки не задернешь, дружище?

Человек выполнил его просьбу, и в комнате снова воцарилась приятная темнота.

– На чем сидишь, дружище?

– На героине.

Героин? Здесь, в пансионе, они называли героин наркотиком. Дерьмом,

ширевом, лошастью или дремой. Или боем. Или супербоем, если речь шла о новом чудесном порошке, который можно было купить у моста Ньюбруа у парня, похожего на сонного гнома из «Белоснежки». Героин – так говорили в тюрьме. Ну и новички, конечно. Но на самом деле, если ты по-настоящему новичок, ты бы поначалу называл героин белым китайцем, мексиканской пылью или еще какой-нибудь глупостью, услышанной в кино.

– Могу достать хороший дешевый героин, тебе даже идти никуда не придется.

Йонни заметил, что с человеком в темноте что-то произошло. Он уже и раньше видел, как наркоманы, испытывающие настоящую жажду, становились словно бы выше, только услышав обещание добыть наркотики. Наверняка проводились исследования по изучению изменений в наркотическом центре в мозгу за несколько секунд до введения наркотика в организм. На сорокапроцентный аванс за наркотики, которые он мог купить у Князя из 306-й, Йонни мог приобрести три или четыре пакетика спида для себя самого. Лучше, чем совершать налет на соседей.

– Спасибо, не надо. Если хочешь спать, я могу уйти.

Голос, доносившийся от окна, был таким тихим и мягким, что Йонни не понял, как ему удалось заглушить постоянно стоявший в «Иле» шум вечеринок, криков, музыки, торговли и уличного движения. Значит, он интересуется, хочет ли Йонни спать. Чтобы получить возможность обыскать его. И может быть, найти наркотик, который Йонни приклеил к бедру.

– Я никогда не сплю, я только закрываю глаза. Усек, дружище?

Парень кивнул:

– Я пойду.

Когда дверь за новым врагом по комнате захлопнулась, Йонни Пума встал на ноги. Обследование шкафов и верхней койки заняло у него две минуты. Ничего. Вообще ничего. Парень не мог быть совсем уж новичком, он все носил при себе.

Маркус Энгсет был напуган.

– Теперь страшно? – спросил тот из двух стоявших перед ним парней, что был покрупнее.

Маркус покачал головой и сглотнул.

– Да ты так боишься, что потеешь, жирная свинья. Эй, ну и запашок!

– Смотри, он сейчас заплачет, – подначивал второй.

Им было лет по пятнадцать, а может, и шестнадцать. Или семнадцать,

Маркус не знал, он знал только, что они намного больше и старше его.

– Мы возьмем это на время, – сказал большой парень, хватая его велосипед за руль. – Ты получишь его обратно.

– Когда-нибудь, – добавил второй.

Маркус бросил взгляд на окна домов, стоявших на тихой улице. Черные слепые стеклянные поверхности. Обычно его вполне устраивало, когда его никто не видел. Он хотел быть невидимкой, чтобы незаметно проникать в калитку и пробираться к двери пустующего желтого дома. Но сейчас ему хотелось, чтобы где-нибудь распахнулось окно и взрослый человек приказал бы большим мальчишкам убираться к себе в Тосен, или Ньюдален, или какой-то другой соседний район, где обитает такая шпана. Однако на улице было совсем тихо. По-летнему тихо. Наступило время коллективных отпусков, и другие дети с улицы разъехались по летним домикам, курортам или заграницам. Играм это не мешало, Маркус обычно играл один. Но быть маленьким гораздо опаснее, если тебя не окружают сверстники.

Большой мальчишка вырвал велосипед из рук Маркуса, и мальчик понял, что вот-вот расплачется. Этот велосипед мама купила ему на деньги, которые они могли бы потратить на то, чтобы съездить куда-нибудь в отпуск.

– Мой папа дома, – сказал Маркус, указывая на красный дом на другой стороне улицы, прямо напротив пустующего желтого, где он только что побывал.

– Так что же ты его не зовешь?

Большой мальчишка осторожно сел на велосипед, покачался на нем и выразил недовольствие плохо накачанными шинами.

– Папа! – закричал Маркус и сам услышал, как жалко это прозвучало.

Мальчишки загоготали. Второй из них уселся на багажник, и Маркус увидел, что шина чуть не слетела с обода.

– Думаю, нет у тебя никакого папы, точно, – сказал второй, сплюнув на землю. – Поехали, Герман!

– Я пытаюсь, но ты не даешь мне сдвинуться.

– Да я ничего не делаю!

Все трое обернулись.

Позади велосипеда стоял человек и держал его за багажник. Потом он приподнял заднее колесо, завертевшееся в воздухе, и оба обидчика Маркуса повалились вперед. Они слезли с велосипеда и уставились на человека.

– Какого черта вы делаете? – спросил тот, что был побольше.

Мужчина пристально глядел на него и молчал. Маркус отметил, что у него странные волосы, эмблема Армии спасения на футболке и раны на руках. Стояла такая тишина, что Маркусу казалось, он слышит пение каждой птицы во всем Берге. По всей видимости, мальчишки тоже увидели руки мужчины.

– Мы просто хотели взять его покататься. – Голос большого мальчишки изменился, стал жалким и тихим.

– Но вы берите, если хотите, – поспешил добавить второй.

Мужчина продолжал пялиться на них. Он подал Маркусу знак, чтобы тот взял велосипед. Мальчишки попятились.

– Где вы живете?

– В Тосене. Э-э-э... Вы его отец?

– Возможно. Следующая остановка Тосен, да?

Мальчишки синхронно кивнули, повернулись как по команде и пошли прочь.

Маркус поднял голову и посмотрел на мужчину, который улыбался ему. У него за спиной один мальчишка тихо сказал другому:

– Ты видел, у него папаша-наркоман?

– Маркус, – сказал Маркус.

– Хорошего тебе лета, Маркус.

Мужчина отдал ему велосипед, подошел к калитке, ведущей к желтому дому, и открыл ее. Маркус затаил дыхание. Этот дом был похож на все остальные дома на улице: кубической формы, не слишком большой, с маленьким садиком. Дом не мешало покрасить, а по лужайке надо было пройтись газонокосилкой. Но тем не менее это был дом. А сейчас мужчина направлялся напрямик к лестнице в подвал. Не к входной двери, как агенты по недвижимости и «свидетели Иеговы». Неужели он знал о ключике, спрятанном на балке над дверью в подвал, который Маркус всегда клал на место?

Ответ он получил, когда дверь в подвал скрипнула, а потом захлопнулась.

У Маркуса перехватило дух. В этом доме на его памяти никогда никого не было. Конечно, он помнил, что было, только с тех пор, как ему исполнилось лет пять, а это произошло семь лет назад, но ему казалось, что этот дом должен пустовать. Кто захочет жить в доме, где прежний жилец лишил себя жизни?

Да, кстати, один человек бывал в этом доме по меньшей мере дважды в год. Маркус видел его только один раз, но понял, что это, должно быть, тот,

кто включает отопление перед зимой, а весной отключает. Наверняка этот же человек платил за электричество. Мама говорила, что без электричества дом совсем бы разрушился и в нем нельзя было бы жить, но она тоже не знала, что за человек туда ходит. Так или иначе, он был совсем не похож на мужчину, который сейчас находился внутри, в этом Маркус был совершенно уверен.

Маркус увидел лицо новоприбывшего в окне кухни. В доме не было занавесок, и Маркус, когда находился внутри, старался не приближаться к окнам, чтобы его не заметили. Непохоже, чтобы мужчина включал батареи, тогда что же он там делает? Как... Телескоп!

Маркус завез велосипед в калитку красного дома, забежал внутрь и поднялся на второй этаж, в свою комнату. Телескоп, а на самом деле обычный бинокль на штативе был единственной вещью, оставленной его отцом перед тем, как тот от них съехал. По крайней мере, так говорила мама. Маркус направил бинокль на желтый дом и навел резкость. Мужчина исчез. Мальчик стал перемещать полукружия обзора от одного окна к другому. А вот и он. В окне спальни. Там, где жил тот наркоман. Маркус обследовал каждый закуток этого дома. Даже тайник под отошедшей доской на полу в спальне с двуспальной кроватью. Но несмотря на то, что в той комнате никого не убили, он бы ни за что не согласился там жить. Прежде чем дом совсем опустел, в нем жил сын умершего. Он был наркоманом, устроил в доме полный беспорядок и никогда не убирал. И ничего не чинил – во всяком случае, потолок дома во время дождя протекал. Сын умершего исчез сразу после рождения Маркуса. Сел в тюрьму, сказала мама. Убил кого-то. И Маркус подумал, что, может быть, дом заколдовал своих жильцов и они стали убивать то себя, то других. Маркус содрогнулся. Но на самом деле в этом доме ему нравилось именно то, что он был немного зловещим и Маркус мог сочинять истории о том, что здесь происходило. Только вот сегодня ему не надо было сочинять. Сегодня что-то происходило само по себе.

Мужчина открыл окно, и это неудивительно: в доме пахло как-то странно. Но Маркусу больше всего нравилась как раз та комната, где он находился, хотя постельное белье было грязным, на полу валялись шприцы и всюду виднелись ватные тампоны со следами крови. Сейчас мужчина стоял спиной к окну и смотрел на стену. К стене кнопками были приколоты картинки, которые Маркус так любил. Семейный портрет, на котором все трое изображенных улыбаются и выглядят совершенно счастливыми. Мальчик в борцовском костюме и папа в спортивной одежде вместе держат кубок. Портрет отца в полицейской форме.

Мужчина открыл шкаф, вынул серый свитер с капюшоном и красную спортивную сумку, на которой белыми буквами было написано: «Борцовский клуб Осло». Он начал складывать в сумку какие-то вещи, Маркус не видел, какие именно. Потом он вышел из комнаты и пропал – и снова появился в «кабинете», в маленькой комнатке с письменным столом у окна. Мама говорила, что здесь и нашли мертвеца. Мужчина искал что-то у окна. Маркус знал, что он ищет. Но если он не знает секрета, то никогда это не найдет. Мужчина вернулся к письменному столу, и Маркусу показалось, что он выдвинул ящик, но, поскольку на столе стояла спортивная сумка, Маркус не видел, чем он занимается.

Потом мужчина либо нашел то, что искал, либо бросил поиски, потому что взял сумку и вышел из комнаты. Он зашел в спальню взрослых, а потом спустился на первый этаж и исчез из поля зрения Маркуса.

Через десять минут раздался скрип двери в подвал, и мужчина поднялся по лестнице на улицу. Он надел свитер и надвинул на глаза капюшон, на плече у него висела спортивная сумка. Он вышел из калитки и пошел по улице в ту сторону, откуда пришел.

Маркус сбежал по лестнице и выскочил на улицу. Он посмотрел в спину мужчине, перепрыгнул через забор желтого дома, пробежал по лужайке и бросился вниз по лестнице в подвал. Он запыхался и сгорал от любопытства, шаря рукой по балке. Ключ был на месте! Маркус вздохнул с облегчением и зашел в дом. Он не боялся, почти не боялся, ведь это был его дом. А тот человек вторгся в него. Если только...

Мальчик побежал в кабинет, прямою к заставленным книгами полкам. Вторая полка, между книгами «Повелитель мух»^[7] и «Чукурова в огне»^[8]. Он просунул ладонь между томами. Ключ от ящика письменного стола лежал на месте. Интересно, нашел ли его мужчина и воспользовался ли им? Вставляя ключ в скважину и поворачивая его, Маркус разглядывал столешницу. На деревянной поверхности виднелось темное пятно. Конечно, это мог быть жирный след от многолетних прикосновений рук работавшего за столом человека, но Маркус совершенно не сомневался в том, что это след от головы, лежавшей именно на этом месте в луже крови, а стены вокруг были забрызганы красной жидкостью, совсем как в кино.

Маркус заглянул в ящик и открыл рот. *Его* не было. По всей вероятности, это был он. Сын. Он вернулся. Никто другой не мог знать, где лежит ключ от ящика письменного стола. И у него на руках были следы от уколов...

Маркус пошел в комнату мальчика. В свою комнату. Он огляделся и

мгновенно увидел, чего не хватает. Фотографии отца в полицейской форме. Плеера. И одного из четырех дисков. Он проверил три оставшихся. Не хватало альбома «Депеш мод» «Violator». Маркус слушал его, но ему не особо понравилось.

Он сел в дальнем углу комнаты, там, где его наверняка не видно с улицы, и прислушался к летней тишине. Сын вернулся. Маркус сочинил для мальчика на фотографии целую биографию. Но об одном он не подумал: люди становятся старше. А теперь сын явился сюда. И забрал то, что лежало в ящике письменного стола.

Тишину нарушили звуки работающего вдалеке двигателя.

– Вы уверены, что номера домов уменьшаются именно в этом направлении? – спросила Кари, разглядывая скромные деревянные домики в поисках таблички, по которой можно было бы сориентироваться. – Может, спросим вон того парня?

– Дом находится за тем холмом, – сказал Симон, увеличивая скорость. – Положись на меня.

– Значит, вы знали его отца?

– Да. Что ты выяснила о парне?

– Те, кто согласился говорить в тюрьме, отзываются о нем как о мирном молчаливом человеке. Его очень любили, но настоящих друзей у него не было, он был сам по себе. Я не обнаружила у него родственников. А это его последнее место проживания перед тюрьмой.

– Ключи от дома?

– Среди его личных вещей на складе в тюрьме. Мне даже не пришлось запрашивать ордер на обыск, он был уже выписан из-за побега.

– Значит, они там уже побывали?

– Только чтобы проверить, не отправился ли он домой. На самом деле никто не думает, что он настолько глуп.

– Ни друзей, ни родственников, ни денег. Не так уж много мест, куда он может податься. А ты со временем узнаешь, что приговоренные к тюремным срокам обычно бывают на удивление глупыми.

– Я знаю, но этот побег не похож на поступок идиота.

– Может, и нет, – ответил Симон.

– Не похож, – безапелляционно заявила Кари. – В школе у Сонни Лофтхуса были отличные оценки. Он был одним из лучших борцов нашей страны в своей возрастной категории. Не потому, что был сильнее других, а потому, что был умным тактиком.

– Ты проделала основательную работу.

– Нет, – сказала она. – Гугл, электронные архивы старых газет, пара телефонных звонков. Это не ракету в космос запустить.

– Вот этот дом, – произнес Симон.

Он достал табельное оружие и снял его с предохранителя, прежде чем Кари отперла входную дверь. Симон вошел первым с поднятым пистолетом, остановился в коридоре, прислушался, а потом нажал выключатель. На стене загорелась лампа.

– Опа! – прошептал он. – Для пустого необитаемого дома наличие электричества нехарактерно. Указывает на то, что недавно кто-то...

– Нет, – перебила его Кари. – Я проверяла. С того момента, как Лофтхус начал отбывать срок, электричество по этому адресу оплачивается со счета одного фонда, зарегистрированного на Каймановых островах. Невозможно установить конкретных лиц. Суммы небольшие, но это...

– ...загадочно, – подхватил Симон. – Прекрасно, ведь мы, следователи, обожаем загадки, не так ли?

Он направился по коридору в кухню, открыл холодильник и убедился, что он отключен, хотя внутри стоял одинокий пакет молока. Он кивнул Кари, она вопросительно посмотрела на Симона и только потом поняла и понюхала пакет. Затем она потрясла его, и раздался звук болтающегося твердого комка, который когда-то был молоком. Вслед за Симоном она прошла через гостиную на лестницу и поднялась на второй этаж. Они проверили все комнаты и остановились в той, что, очевидно, принадлежала парню. Симон принялся.

– Семья, – произнесла Кари, указывая на одну из фотографий на стене.

– Да, – сказал Симон.

– Мать, по-моему, похожа на какую-то певицу или артистку?

Симон не ответил, он смотрел на другую фотографию. На ту, которой там не было. Точнее, на потемневший участок обоев, где раньше висела фотография. Он снова принялся.

– Я отыскала учителя Сонни, – сказала Кари. – Он говорит, что Сонни подумывал о том, чтобы стать полицейским, как и его отец. Но он полностью изменился после смерти папы: у него начались проблемы в школе, он отгородился от людей, искал одиночества и занимался саморазрушением. Его мать тоже опустила после самоубийства отца, она...

– Хелене, – произнес Симон.

– Что?

– Ее звали Хелене. Наглоталась снотворного.

Взгляд Симона скользил по помещению, пока не остановился на пыльной тумбочке. Кари продолжала говорить:

– Когда Сонни исполнилось восемнадцать, он сознался в двух убийствах, и его осудили.

По пыльной поверхности шла полоска.

– До этого момента полицейское расследование шло совершенно в другом направлении.

Симон сделал два быстрых шага к окну. Лучи вечернего солнца отражались от велосипеда, валявшегося у лестницы красного дома. Он посмотрел на улицу, по которой они приехали. Сейчас на ней никого не было.

– Не всегда все так, как кажется на первый взгляд, – сказал он.

– Что вы имеете в виду?

Симон закрыл глаза. Хватит ли у него сил? Еще раз? Он вздохнул:

– Все в полиции говорили, что Аб Лофтхус был кротом. Считалось, что шпионаж за деятельностью полиции закончился после его смерти: прекратились неудачные облавы, следствие перестало двигаться по неверному пути, свидетели и подозреваемые больше не исчезали в последнюю минуту. Они посчитали это доказательством своей правоты.

– Но?

Симон пожал плечами:

– Аб гордился своей работой и полицией как организацией. Он не стремился к богатству. Единственное, что его заботило, – это семья. Но нет никаких сомнений в том, что в полиции работал крот.

– И?

– И пусть кто-нибудь выяснит, кто был кротом.

Симон сделал глубокий вдох. Его прошиб пот. Тот самый запах. Здесь совсем недавно кто-то был.

– Кто, например?

– Как сказать. Кто-нибудь амбициозный, с юношеским задором.

Симон посмотрел на Кари. Вернее, через ее плечо. На дверцу шкафа.

Пот. Страх.

– Здесь никого нет, – громко произнес Симон. – Ладно. Пошли вниз.

Он остановился посреди лестницы и знаками велел Кари продолжать спуск. Сам же стал ждать, прислушиваясь и крепче сжимая рукоятку пистолета.

Тишина.

Потом он двинулся вслед за Кари.

Он вошел в кухню, отыскал ручку и стал писать на одной из клейких

бумажек.

Кари кашлянула:

– А что Франк имел в виду, говоря, что вас поперли из Экокрина?

– Я бы предпочел не отвечать, – сказал Симон, оторвал бумажку и приклеил ее на дверцу холодильника.

– Это как-то связано с игроманией?

Симон строго посмотрел на нее и ушел.

Она прочитала записку.

Я знал твоего отца. Он был хорошим человеком, и, думаю, он то же самое сказал бы обо мне. Свяжись со мной, и я обещаю тебе безопасное и пристойное возвращение в тюрьму. Симон Кефас, тел. 550106573. simon.kefas@oslopol.no

Затем она поспешила вслед за ним.

Маркус Энгсет услышал, как завелся двигатель автомобиля, и наконец снова начал дышать. Он сидел на корточках среди свисающей с вешалок одежды, прижавшись спиной к задней стенке шкафа. Никогда за всю свою жизнь он так не боялся. Он чувствовал запах футболки, которая так пропиталась потом, что прилипла к телу. И все равно он получил своего рода наслаждение. Как в тот раз, когда летел вниз с десятиметровой вышки в бассейне в парке Фрогнер и думал, что самое страшное, что может произойти, – это то, что он умрет. И, несмотря ни на что, это не так уж страшно.

Глава 15

– Чем могу вам сегодня помочь, господин хороший? – спросил Тур Йонассон.

Его постоянный номер. Туру было двадцать лет, средний возраст его покупателей – двадцать пять лет, а изобретениям, продававшимся в магазине, пять лет. Поэтому архаичная форма приветствия звучала забавно. По мнению Тура Йонассона. Но вполне возможно, клиент не понял юмора. Трудно сказать, поскольку капюшон его свитера был натянут так низко, что лицо находилось в тени. Оттуда раздался голос:

– Мне нужен такой мобильный телефон, по которому нельзя определить, кто звонит.

Торговец наркотиками. Конечно. Только они спрашивают о таком.

– На этом айфоне есть функция «скрыть номер», – сказал юный продавец и достал из витрины маленького магазинчика белый телефон. – Тогда ваш номер не высветится на экране телефона человека, которому вы звоните.

Потенциальный покупатель переминался с ноги на ногу. Он подтянул ручку красной сумки повыше на плечо. Тур решил не спускать с него глаз, пока он не уберется подальше от магазина.

– Я говорю о таком телефоне, который можно купить без указания имени, – сказал парень. – Чтобы никто не смог выяснить, кому он принадлежит. Даже телефонная компания.

Или полиция, подумал Йонассон.

– Вы говорите об анонимных телефонах, где баланс пополняется с помощью наличных. О тех, какими пользуются в «Прослушке».

– Простите?

– «Прослушка». Телесериал. Наркополицейские не могут отследить владельцев телефонов.

Тур заметил, что его собеседник находится в замешательстве. О господи. Торговец наркотиками, который говорит «простите» и не смотрел «Прослушку».

– Так только в США бывает, в Норвегии это не работает. У нас с две тысячи пятого года для покупки любого телефона необходимо предъявить удостоверение личности. Номер должен быть на кого-нибудь зарегистрирован.

– На кого-нибудь?

– Да, на ваше имя. Или на одного из ваших родителей, если, к примеру, они покупают телефон.

– Хорошо, – сказал мужчина. – Дайте мне самый дешевый аппарат. И тариф, который пополняется наличными.

– Сию минуту, – сказал продавец, опустив «господин хороший», убрал на место айфон и вынул аппарат поменьше. – Это не самый дешевый, но у него есть выход в Сеть. Тысяча двести крон вместе с номером.

– Выход куда?

Тур снова посмотрел на покупателя. Он, скорее всего, был ненамного старше самого Тура, но казался совершенно lost^[9]. Тур двумя пальцами заправил длинные волосы за ухо. Это движение вошло у него в привычку, после того как он посмотрел первый сезон «Сынов анархии».

– Телефон можно использовать для того, чтобы лазать по Интернету.

– Но ведь это можно сделать из интернет-кафе.

Тур Йонассон рассмеялся. Возможно, они все-таки обладают сходным чувством юмора.

– Мой начальник рассказывал, что в помещении этого магазина еще пару лет назад как раз располагалось интернет-кафе. Наверняка последнее в Осло...

Покупатель медлил. Наконец он кивнул:

– Я возьму этот телефон. – И выложил на прилавок стопку стокроновых банкнот.

Тур взял их в руки. Купюры были новенькие и пыльные, как будто долго пролежали спрятанными.

– Как я уже говорил, мне потребуется ваше удостоверение личности.

Мужчина достал из кармана документ и протянул Туру. Тур заглянул в него и понял, что ошибался. Очень ошибался. Покупатель был отнюдь не продавцом наркотиков. Скорее, совсем наоборот. Он набрал имя на компьютере. Хельге Сёренсен. Посмотрел на адрес. Выдал сим-карту и сдачу тюремному надзирателю.

– А для этого у вас батарейки найдутся? – спросил мужчина, показывая ему круглый серебристый прибор.

– Что это? – спросил Тур.

– Плеер для дисков, – сказал мужчина. – Как я вижу, вы продаете наушники для них.

Тур посмотрел на ряд наушников и гарнитур над айподами.

– Я продаю?

Он открыл заднюю панель музейного экспоната, вынул старые батарейки, нашел две батарейки «Саньо» класса АА, вставил в прибор и

нажал на кнопку воспроизведения. В наушниках раздался громкий шум.

- Эти батарейки можно заряжать.
- То есть они не умирают, как эти?
- Умирают, но могут воскреснуть из мертвых.

Туру показалось, что там, в тени, промелькнула улыбка. Затем мужчина опять надвинул капюшон пониже и надел наушники.

- «Депеш мод», – произнес он, широко улыбаясь.

Потом развернулся и вышел.

Тур Йонассон внезапно осознал, что лицо в капюшоне было на удивление приятным. Затем он подошел к следующему клиенту и спросил, чем он может сегодня помочь господину хорошему. Только в обед Тур понял, что его удивило в лице покупателя. Не то, что оно было приятным. А то, что оно было совершенно не похоже на фотографию в удостоверении личности.

Глядя на человека в окошке приемной, Марта спрашивала себя, что именно делает его лицо приятным. Может быть, просто то, что он сейчас сказал. Большинство посетителей приемной просили бутерброд с кофе или хотели поговорить о своих воображаемых и действительных проблемах. Либо же они приносили полную упаковку или ведро, набитое использованными шприцами, которые служили валютой для получения новых чистых шприцев. А новый постоялец только что сказал, что он обдумал вопрос, заданный ему на собеседовании насчет планов на будущее. И что теперь они у него имеются. Он хочет найти работу. Но для этого ему понадобится представительный наряд, костюм. И он видел на складе несколько костюмов. Нельзя ли одолжить...

- Разумеется, – ответила Марта, встала и пошла впереди него.

Она чувствовала, что уже давно не ходила такой легкой походкой. Конечно, может быть, это всего лишь фантазия и он забросит свой проект, как только столкнется с противодействием. Но это хоть что-то, надежда, временная остановка на вечном пути в одну сторону – на дно.

Марта сидела на стуле у двери в узком складском помещении и смотрела, как мужчина натягивает на себя костюмные брюки перед прислоненным к стене зеркалом. Он примерял уже третьи. Однажды к ним на экскурсию пришли политики из Городского совета. Они хотели удостовериться, что качество жилья в пансионатах Осло более чем удовлетворительное. На складе один из них поинтересовался, откуда у них столько костюмов; он полагал, что такое предложение готовой одежды в пансионе вряд ли оптимально соответствует запросам потребителей.

Политики тихо посмеивались над этим до тех пор, пока Марта с улыбкой не сказала: «Живущие здесь чаще любого из вас ходят на похороны».

Он был худым, но не настолько тощим, как она думала. Когда он поднимал вверх руки, чтобы натянуть одну из приготовленных ею рубашек, она видела, как играют под кожей мышцы. У него не было татуировок. Вместо этого бледная кожа была покрыта следами от уколов: на внутренней стороне коленей, бедер, на ногах, сбоку на шее.

Мужчина натянул пиджак и осмотрел себя, после чего повернулся к Марте. Он был одет в полосатый костюм. Вероятно, предыдущий владелец успел надеть этот костюм всего несколько раз, после чего мода изменилась и он по доброте душевной и по велению моды отдал его и остальные вещи из прошлогодней коллекции на благотворительность. Костюм был самую капельку велик.

– Великолепно, – рассмеялась Марта, всплеснув руками.

Он улыбнулся. И когда улыбка добралась до его глаз, ей показалось, что в них словно включили микроволновку. Это была та улыбка, которая способна смягчить напряженные мышцы и застывшие чувства. Такая улыбка была просто необходима человеку с compassion fatigue, но – и эта мысль до сих пор не приходила Марте в голову – она не могла ее себе позволить. Марта отвела взгляд от его глаз и осмотрела его с ног до головы.

– Жаль, у меня нет для тебя хороших ботинок.

– Эти вполне подойдут. – Он поставил на пятку синюю кроссовку.

Марта улыбнулась, на сей раз не поднимая глаз.

– А теперь тебе надо подстричься. Пошли.

Она провела его в приемную, усадила на стул, укрыла двумя полотенцами и взяла кухонные ножницы. Затем смочила его волосы водой из-под крана в кухне и расчесала собственной расческой. И под комментарии и советы других девочек из приемной волосы с его головы стали падать на пол. Некоторые постояльцы останавливались у окошка приемной и жаловались, что их никогда не стригли, так почему же к этому новенькому особое отношение?

Марта прогнала их и снова сосредоточилась на стрижке.

– Где собираешься искать? – спросила она, глядя на светлые красивые волосы на затылке.

Для них нужна машинка. Или бритва.

– У меня есть кое-какие знакомые, но я не знаю, где они живут, так что я собирался начать поиски с телефонного справочника.

– Телефонного справочника? – фыркнула одна из девушек. – Ты найдешь работу в Интернете.

– Правда? – произнес молодой человек.

– Точно! – засмеялась она.

Чутьочку слишком громко. И глаза у нее засверкали, заметила Марта.

– Я купил телефон с доступом в Интернет, – сказал парень. – Но я не знаю, как...

– Я могу тебе показать! – Девушка подошла к нему и протянула руку.

Он вынул телефон и отдал ей. Она привычно начала нажимать кнопки.

– Просто погугли вот здесь. Какое имя искать?

– Имя?

– Да. Имя. Например, мое имя Мария.

Марта попыталась послать ей мягкий предостерегающий взгляд. Девушка была молоденькой, она только что начала у них работать. Она прослушала пару курсов по социологии, но у нее не было опыта. Того опыта, что подсказывает, где именно проходит невидимая граница между профессиональной заботой и слишком тесным общением с постояльцами.

– Иверсен, – сказал парень.

– Будет много совпадений. Если назовешь еще первое имя, то...

– Просто покажи мне, как искать, и дальше я сам введу все данные, – сказал парень.

– О'кей. – Мария понажимала еще какие-то кнопки и вернула ему аппарат. – Вот. Теперь он в режиме поиска.

– Большое спасибо.

Марта закончила, оставалось только разобраться с волосами на шее, и она вспомнила, что нашла бритвенное лезвие, приклеенное к оконному стеклу, в комнате, которую убирала сегодня днем. Бритвенное лезвие, наверняка использовавшееся для измельчения порошка, предназначенного для вдыхания, она положила на кухонный стол, чтобы выкинуть в первое же принесенное ведро со шприцами. Она зажгла спичку, подержала лезвие несколько секунд над огнем и сунула под холодную воду, зажав между большим и указательным пальцем.

– Сейчас сиди совершенно спокойно, – велела она.

– Мм, – ответил парень, набиравший что-то в телефоне.

Марта содрогнулась, когда увидела, как тонкое стальное лезвие скользит по мягкой коже на шее, как отсекаются и падают волосинки. Мысль появилась автоматически: как мало надо. Как мало отделяет жизнь от смерти. Счастье от несчастья. Наполненное смыслом от бессмысленного.

Но вот дело было сделано. Марта заглянула ему через плечо и увидела, какое имя он набрал, и крутящийся значок ожидания результатов поиска.

– Вот так, – произнесла она.

Он запрокинул голову и посмотрел на нее:

– Спасибо.

Она взяла полотенца и поспешила в моечную, чтобы не разбросать состриженные волосы.

Йонни Пума лежал в темноте, повернувшись лицом к стене, и слушал, как тот вошел в дверь, беззвучно закрыл ее за собой и проскользнул в комнату. Но Йонни не спал и был готов. Парень познакомится с железными когтями Пумы, если попытается взять его наркотики.

Однако парень не стал приближаться к нему. Йонни услышал, как открывается дверь шкафа.

Он повернулся в постели. Это был личный шкаф парня. Ладно, значит, он уже проверил шкаф Йонни, пока тот спал, и обнаружил, что взять там нечего.

Полоска света просочилась между шторами и упала на парня. Пума придвинулся ближе.

Парень вынул что-то из красной сумки, и теперь Йонни увидел, что именно. Парень встал на цыпочки и спрятал вещь в пустую коробку от кроссовок, которую убрал на верхнюю полку.

Когда парень закрыл шкаф и повернулся, Йонни быстро зажмурился.

К черту, подумал он, не открывая глаз. Но он знал, что сегодня ночью спать не будет.

Маркус зевнул, приложил глаз к биноклю и стал разглядывать луну, висевшую над крышей желтого дома. Потом он снова направил бинокль на сам дом. Сейчас в нем было совсем тихо. Больше ничего не происходило. Но вернется ли сын обратно? Маркус надеялся, что да. Может быть, Маркус узнает, зачем ему понадобилась та вещь, та старая блестящая штукавина, лежавшая в ящике письменного стола и пахнувшая маслом и металлом. Может быть, именно ею его отец воспользовался, когда...

Маркус снова зевнул. Сегодняшний день был наполнен событиями. Он знал, что сегодня ночью будет спать как убитый.

Глава 16

Агнете Иверсен было сорок девять лет. Впрочем, если судить по гладкой коже, острому взгляду и стройному телу, то ей можно было дать лет тридцать пять. Однако все давали ей больше из-за рано поседевших волос, консервативного, классического, вневременного стиля, которого она придерживалась в одежде, и из-за слегка старомодной речи человека с хорошим образованием. И конечно, из-за образа жизни, который семья Иверсен вела в районе Хольменколлосен, расположенном на холме над городом. Казалось, семья принадлежала к другому, прошлому поколению. Агнете была домохозяйкой, и у нее имелось два «домашних ассистента», помогавших ей содержать в порядке дом, сад, Ивера Иверсена и удовлетворять большие и малые потребности их сына, Ивера-младшего. Даже по сравнению с окружающими громадными виллами дом Иверсенов отличался своими размерами. Но работа по хозяйству была настолько выполнимой, что «домашние ассистенты» (или «слуги», как Ивер-младший немного саркастически называл их теперь, когда стал студентом и начал общаться с новыми людьми социал-демократического склада) не приходили раньше двенадцати. Это означало, что Агнете Иверсен совершенно спокойно могла встать первой, совершить утреннюю прогулку по лесу, начинавшемуся прямо от границ их владений, собрать букет ромашек, а потом приготовить завтрак для своих двух мужчин. Она сидела с чашкой чая и смотрела, как они употребляют здоровый и питательный завтрак, приготовленный ею для начала длинного и напряженного рабочего дня. Когда они закончили трапезу и Ивер-младший поблагодарил за пищу рукопожатием, как в доме Иверсенов было принято на протяжении нескольких поколений, она убрала со стола и вытерла руки о белый передник, который позже положит в корзину для грязного белья. Затем она проводила их до парадного крыльца, поцеловала каждого в щеку и увидела, как неновый, но ухоженный «мерседес» задом выезжает из гаража на две машины на яркий солнечный свет. Сейчас, во время каникул, Ивер-младший работал в семейной риелторской компании, где, как надеялись родители, он поймет, что трудиться тяжело, что ничего не дается даром и что распоряжение семейным состоянием означает не только большую честь, но и массу обязательств.

Галька на дорожке хрустела под колесами отъезжающей машины, а Агнете махала мужчинам с крыльца. И если бы кто-нибудь сказал ей, что

вся эта сцена похожа на рекламный ролик пятидесятих годов, она бы рассмеялась, согласилась и не стала об этом больше думать. Потому что она жила той жизнью, какой хотела. Ее будни состояли в том, чтобы облегчить жизнь двум мужчинам, которых она любила и которые распоряжались ценностями во благо общества и семейного будущего, а что в жизни может иметь больший смысл?

Она слышала доносившиеся из кухни звуки радио: ведущий новостной программы говорил что-то о растущем количестве передозировок в Осло, о волне проституции и о беглом заключенном, который уже вторые сутки находится на свободе. Там было так грустно, в том мире. Там, внизу. Так много не функционирующих должным образом вещей, лишенных баланса и гармонии, к которым человек должен стремиться. И когда Агнете стояла и размышляла над этим, над тем, в какой прекрасной гармонии все находится: семья, хозяйство, этот день, – она обратила внимание на то, что разделяющие двухметровую, аккуратно подстриженную живую изгородь боковые ворота, которыми пользовались «домашние ассистенты», открыты.

Она рукой прикрыла глаза от солнца.

Парень, идущий по дорожке, был, похоже, ровесником Иверамладшего, и сначала она подумала, что это его друг. Агнете расправила передник. Но когда парень подошел ближе, она поняла, что он наверняка на несколько лет старше ее сына, а уж в такой наряд, что был на нем, – немодный полосатый коричневый костюм и пара кроссовок – ни Ивермладший, ни его друзья ни за что бы не облачились. На его плече висела красная спортивная сумка, и Агнете Иверсен подумала, не принадлежит ли он к «свидетелям Иеговы», но потом вспомнила, что они всегда ходят по двое. На коммивояжера он тоже не был похож. Молодой человек подошел к подножию лестницы.

– Чем я могу тебе помочь? – любезно спросила Агнете, секунду поколебавшись между «вы» и «ты».

– Я попал к Иверсенам?

– Да, верно. Но если ты хотел поговорить с Ивером или моим мужем, то они только что уехали. – Она указала в сторону дороги.

Парень кивнул, полез левой рукой в сумку и что-то из нее достал. Он направил предмет на Агнете, сделав полшага влево. Агнете никогда ничего подобного не видела в реальной жизни. Но у нее было отличное зрение, всегда отличное, это передавалось по наследству. Поэтому она ни на секунду не усомнилась в том, что увидела. Она стала хватать воздух ртом и машинально сделала шаг назад, к открытой двери у нее за спиной.

В руках у парня был пистолет.

Она продолжала пятиться, глядя на человека с пистолетом, но не могла поймать его взгляд.

Раздался хлопок, и ей показалось, будто ее кто-то ударил, сильно толкнул в грудь. Агнете продолжила движение назад, ввалилась в открытую дверь, оцепенев и потеряв контроль над членами, но все еще держась на ногах, прошла по коридору, вскинула вверх руки в попытке удержать равновесие и почувствовала, как задела рукой одну из картин на стене. Она упала, только войдя в кухню и едва ли заметив, что ударилась головой о столешницу и свалила на пол стоявшую на ней вазу. Агнете лежала на полу, повернув шею и прижавшись головой к нижнему ящику стола, так что взгляд ее был направлен вниз. И тут она увидела цветы. Ромашки в осколках стекла. И нечто похожее на красную розу, распускаящуюся на ее переднике. Она посмотрела на входную дверь и увидела очертания головы на улице. Парень стоял лицом к кустам веерного клена, которые росли слева от тропинки. Затем он нагнулся и исчез. И она молила Бога, чтобы так оно и было, чтобы он исчез.

Агнете попыталась подняться, но не могла шевельнуться, как будто тело отключили от мозга. Она закрыла глаза и прислушалась к себе. Боль ощущалась, но это была другая боль, какой она никогда прежде не испытывала. Эта боль чувствовалась во всем теле, как будто его пытались разорвать надвое, но вместе с тем она была тупой, почти далекой.

Новости кончились, и теперь снова передавали классическую музыку. Шуберт. «Вечерняя серенада».

Она услышала звук мягких шагов.

Подошвы кроссовок ступают по каменному полу.

Агнете открыла глаза.

Парень шел к ней, но взгляд его был направлен на то, что он держал между пальцами. Стреляная гильза. Она видела такие, когда семья выезжала осенью в свой летний дом на равнине Хардангервидда на охоту. Парень убрал гильзу в красную сумку, вынул из нее пару желтых резиновых перчаток и тряпку, присел на корточки и вытер что-то с пола. Кровь. Ее кровь. Потом он обтер свои подошвы. Агнете сообразила, что он убрал кровавые следы и кровь с обуви. Так поступил бы хладнокровный убийца. Тот, кто не хочет оставлять после себя следов. И свидетелей. Ей следовало бы испытывать страх. Но она не боялась, она ничего не чувствовала; все, что она могла, – наблюдать, запоминать, размышлять.

Он перешагнул через нее и направился по коридору к ванной и спальням. Распахнул дверь и вошел, оставив ее открытой. Агнете удалось повернуть голову. Парень раскрыл сумочку, которую она собрала и

положила на кровать, чтобы потом переодеться, поехать в город и купить себе юбку в магазине Фернера Якобсена. Он открыл кошелек, достал деньги и отбросил в сторону все остальное. Подошел к комоду и выдвинул верхний ящик. Потом второй сверху, где должен был найти шкатулку с драгоценностями. Чудесные бесценные жемчужные серьги, унаследованные ею от бабушки. Ну конечно, они не были бесценными, Иверу оценили их в двести восемьдесят тысяч крон.

Она услышала, как драгоценности упали в спортивную сумку.

Парень исчез в общей ванной и вышел, держа в руках три зубные щетки – ее, Ивера и Ивера-младшего. Он был либо очень беден, либо очень болен, либо и то и другое.

Он приблизился к Агнете, наклонился и положил руку ей на плечо:

– Больно?

Она смогла покачать головой. Такой радости она ему не доставит.

Он передвинул руку, и она почувствовала, как вокруг ее шеи сомкнулась резиновая перчатка. Большой и указательный пальцы лежали на артериях. Он хочет ее задушить? Но парень не стал сжимать пальцы.

– Твое сердце скоро перестанет биться, – сказал он.

Потом поднялся и пошел к входной двери, протер ручку тряпкой и закрыл за собой дверь. Вскоре она услышала, как хлопнули ворота. А после этого Агнете Иверсен почувствовала его. Холод. Он появился сначала в руках и ногах, потом в голове, дойдя до самой макушки, и с обеих сторон подступил к сердцу. За ним следовал мрак.

Сара посмотрела на мужчину, который вошел в вагон на станции метро в Хольменколлене. Он сидел во втором вагоне, откуда она сама переместилась, когда туда на станции в Воксенлиа сели три юнца в бейсболках набекрень. В период летних отпусков сразу после утреннего часа пик в метро было мало народа, и поначалу она находилась в вагоне одна. Сейчас юнцы пытались выжить и мужчину. Она слышала, как самый низкорослый из них, очевидно вожак, называл мужчину козлом, смеялся над его кроссовками, говорил, чтобы тот убирался из их вагона, плевал на пол у его ног. Чертовы гангста-подражатели. А теперь один из них, светловолосый красивый мальчик, наверняка заброшенный директорский сынок, достал пружинный нож. Господи, неужели они... Он махнул рукой в сторону мужчины, и Сара чуть не закричала. В соседнем вагоне раздался смех. Подросток воткнул нож в сиденье между ногами мужчины. Снова заговорил вожак, он дал мужчине пять секунд на то, чтобы тот убрался из вагона. Мужчина встал. На какой-то миг Саре показалось, что он

собирается что-нибудь предпринять. Да, на самом деле показалось. Он лишь плотнее прижал к телу красную сумку и перешел в ее вагон.

– Фак ю, трус! – прокричали они ему вслед на своем норвежском, подвергнувшись сильному влиянию MTV, и снова рассмеялись.

В поезде находились только она, он и трое юнцов. В гармошке между вагонами он на пару секунд остановился, ловя равновесие, и тут взгляды их встретились. И хотя в его глазах не было видно страха, Сара знала, что он боится, испытывает страх цивилизованного вырождающегося существа, всегда готового сдать свою территорию, незаметно убраться, оставив ее каждому, кто скалит зубы и демонстрирует готовность применить физическое насилие. Сара презирала его. Презирала его слабость. Ту чертову доброту, которой он из лучших побуждений окружал себя. Ей даже, можно сказать, хотелось, чтобы они побили его. Немного поучили его ненависти. И она надеялась, что он увидит презрение в ее взгляде и тогда сожмется в комок и забьется в угол.

Но вместо этого он улыбнулся ей, пробормотал тихое приветствие, сел в двух рядах сидений от нее и стал мечтательно смотреть в окно. Как будто ничего не случилось. Господи, да в кого же мы превратились? В сборище затравленных баб, у которых даже нет стыда, чтобы устыдиться. Ей захотелось самой плюнуть на пол.

Глава 17

– Говорят, в Норвегии нет высшего сословия, – сказал Симон Кефас, приподнимая бело-оранжевую заградительную ленту, чтобы Кари Адель смогла пройти под ней.

Перед гаражом на две машины их остановил полицейский в форме. На лбу у него выступил пот, он тяжело дышал. Они предъявили ему удостоверения, он проверил фотографии и попросил Симона снять солнцезащитные очки.

– Кто ее обнаружил? – спросил Симон, щурясь на ярком солнце.

– Домработники, – сказал полицейский. – Но мы поговорили с соседкой, которая утверждает, что слышала хлопок. Она подумала, что у машины лопнуло колесо или что-нибудь такое. Здесь, наверху, не привыкли слышать выстрелы.

– Спасибо, – произнес Симон, вернул очки на место и поднялся по лестнице на крыльцо, где одетые в белое криминалисты следственной группы старым способом обрабатывали входную дверь маленькими черными кисточками.

Маленькие флажки обозначали путь, который криминалисты уже обследовали, он вел к трупу на полу в кухне. Сквозь оконное стекло в дом проник луч света, протянулся по каменному полу и засверкал на водной поверхности и разбитом стекле вокруг ромашек. Рядом с трупом сидел на корточках мужчина в костюме и разговаривал с судебным медиком, знакомым Симону.

– Прошу прощения, – произнес Симон, и мужчина в костюме посмотрел вверх.

Волосы его блестели от различных средств ухода, а тщательно расчесанные узкие полоски бакенбардов навели Симона на мысли об итальянцах.

– Вы кто? – спросил Симон.

– Я мог бы задать вам тот же вопрос, – сказал мужчина, не собираясь подниматься.

По предположению Симона, ему было лет тридцать с небольшим.

– Комиссар Кефас. Отдел по расследованию убийств.

– Очень приятно. Осмунд Бьёрнстад, старший инспектор Крипоса^[10]. Судя по всему, вам не сообщили, что мы берем это дело.

– Кто это решил?

- Вообще-то, ваш непосредственный начальник.
- Начальник убойного отдела?

Костюм покачал головой и направил указательный палец в потолок. Симон увидел его ноготь. Вероятно, мужчина делал маникюр.

- Начальник полиции?

Бьёрнстад кивнул:

- Он связался с Крипосом и велел нам немедленно явиться.
- Зачем?

– Наверное, считает, что вы все равно попросили бы нас о помощи в этом деле.

– И тогда вы, прямо как сейчас, примчались бы и отобрали у нас все дело?

Осмунд Бьёрнстад улыбнулся:

– Послушайте, решение принял не я. Но когда к Крипосу обращаются с просьбой вмешаться и оказать содействие в расследовании убийства, мы всегда исходим из того, что будем руководить расследованием, как тактическим, так и техническим.

Симон кивнул. Конечно, ему было это известно, не впервые убойный отдел Полицейского управления Осло и всенорвежский Крипос сталкивались лбами. И он знал, что сейчас ему следовало бы с поклоном поблагодарить за то, что у него будет на одно дело меньше, поехать обратно в офис и сосредоточиться на расследовании дела Воллана.

– Ну, раз уж мы все равно приехали, мы ведь можем осмотреться, – сказал Симон.

– Зачем? – Бьёрнстад не стал скрывать раздражение.

– Я уверен, что у вас все под контролем, Бьёрнстад, но со мной следователь-новичок, и ей было бы крайне полезно осмотреть настоящее место преступления. Что скажете?

Следователь Крипоса неуверенно посмотрел на Кари и пожал плечами.

– Хорошо, – произнес Симон, опускаясь на корточки.

Только теперь он перевел взгляд на труп. Он сознательно избегал этого, дожидаясь того момента, когда сможет целиком и полностью сконцентрироваться на мертвом теле. Первое впечатление можно получить только один раз. Почти идеальной формы круг крови посреди передника на секунду воскресил в его памяти флаг Японии. За исключением того, что солнце уже зашло, а не восходит для женщины, устремившей в потолок мертвый взгляд. Взгляд, к которому он так и не смог привыкнуть. По-видимому, это было вызвано комбинацией человеческого тела и полностью нечеловеческого отсутствующего взгляда. Человек как вещь. Ему

сообщили, что жертву звали Агнете Иверсен. Он мог с уверенностью сказать, что ее убили выстрелом в грудь. Одним выстрелом, как ему показалось. Он посмотрел на ее руки. Ни один ноготь не был сломан, следы борьбы на руках отсутствовали. На лакированной поверхности ногтя среднего пальца левой руки была царапина, но жертва могла получить ее при падении.

– Следы взлома? – спросил Симон и подал знак судебному медику, чтобы тот перевернул труп.

Старший инспектор Бьёрнстад покачал головой:

– Вероятно, дверь была открыта, муж и сын только что уехали на работу. На ручке двери тоже никаких отпечатков.

– Никаких? – Взгляд Симона скользил по краешку столешницы.

– Нет, она содержит дом в чистоте, как вы видите.

Симон разглядел рану на спине Агнете.

– Насквозь. Значит, пуля прошла только через мягкие ткани.

Судебный медик сжал губы и вытянул их вперед, одновременно пожимая плечами. Эти движения сказали Симону, что его предположение не лишено оснований.

– А пуля? – спросил Симон и поднял взгляд на стену над столешницей.

Осмунд Бьёрнстад против воли указал на точку выше.

– Спасибо, – ответил Симон. – Стреляная гильза?

– Еще не нашли, – сказал следователь, доставая мобильный телефон в желтом чехле.

– Понимаю. И какова предварительная версия Крипоса относительно того, что здесь произошло?

– Версия? – улыбнулся Бьёрнстад, прикладывая телефон к уху. – Ну, это же очевидно. Грабитель вошел в дом, застрелил жертву, забрал ценные вещи, которые сумел отыскать, и сбежал. Запланированное ограбление, окончившееся незапланированным убийством. Может, она начала сопротивляться или закричала.

– А как, по вашему мнению...

Бьёрнстад поднял вверх руку, показывая, что на другом конце провода ему ответили.

– Привет, это я. Можете составить мне список грабителей, склонных к насилию, которые сейчас находятся на свободе? И быстренько проверьте, может ли кто-нибудь из них находиться в Осло. Приоритет тем, кто пользуется огнестрельным оружием. Спасибо. – Он опустил телефон в карман пиджака. – Послушайте, папаша, мне тут надо поработать, а у вас,

как я погляжу, уже есть помощник, поэтому я должен попросить...

– Прекрасно, – сказал Симон, улыбаясь самой широкой из своих улыбок. – Но если мы пообещаем не мешать, то, возможно, нам позволят немного оглядеться?

Следователь Крипоса подозрительно посмотрел на своего пожилого коллегу.

– И мы не будем заходить за флажки.

Бьёрнстад выдал им разрешение благосклонным кивком.

– Вот здесь он нашел то, что искал, – произнесла Кари, стоя в спальне на толстом ковре, простирающемся от стены до стены.

На покрывале лежали дамская сумочка, открытый пустой кошелек и шкатулка для драгоценностей, отделанная красным бархатом.

– Возможно, – ответил Симон, прошел мимо флажка и уселся на корточки рядом с кроватью. – Скорее всего, он стоял где-то здесь, когда рылся в сумочке и шкатулке, согласна?

– Судя по расположению вещей на кровати, да.

Симон разглядывал ковер у себя под ногами. Он уже начал было подниматься, как вдруг остановился и пригнулся к коврику.

– Что там?

– Кровь, – сказал Симон.

– Его кровь капнула на ковер?

– Вряд ли. Это прямоугольник, вероятно, какой-то отпечаток. Если бы ты была грабителем и полезла в виллу в этом богатом районе, где бы ты стала искать сейф?

Кари указала на платяной шкаф.

– Согласен, – произнес Симон, поднялся и открыл дверцу шкафа.

Сейф размером с микроволновку находился прямо посередине стены. Симон повернул ручку вниз. Закрыто.

– Если только он не потратил время на закрытие сейфа, что смешно с учетом того, как он отбросил шкатулку и кошелек, то он не трогал сейф, – сказал Симон. – Давай посмотрим, не освободился ли труп.

По пути назад, в кухню, Симон зашел в ванную. Когда он вышел из нее, лоб его прорезала морщина.

– В чем дело? – спросила Кари.

– Ты знала, что во Франции на сорок человек населения приходится одна зубная щетка?

– Старый миф, устаревшая статистика, – ответила она.

– И старый мужчина, – сказал Симон. – В любом случае, у семьи Иверсен щеток нет.

Они вошли в кухню, где Агнете Иверсен на некоторое время оставили в покое и Симон мог без помех поворачивать и крутить ее. Он осмотрел ее руки, внимательно разглядел входное и выходное отверстия пули. Потом он попросил Кари встать прямо у ступней трупa, повернувшись спиной к столешнице.

– Заранее прошу прощения, – сказал он, подошел вплотную к Кари и приставил указательный палец к ее телу между грудями в том самом месте, куда в тело Агнете Иверсен вошла пуля, а указательный палец другой руки – между лопатками, в месте, где располагалось выходное отверстие на теле Агнете Иверсен.

Он изучил угол между отверстиями, после чего перевел взгляд на отверстие от пули в стене. Потом нагнулся, сорвал головку ромашки, встал коленом на столешницу, вытянулся всем телом и воткнул цветок в отверстие.

– Пошли, – произнес Симон, слезая со столешницы, и пошел по коридору к входной двери.

По дороге он остановился около криво висящей картины, наклонился к ней и указал на что-то красное на краешке рамки.

– Кровь? – спросила Кари.

– Лак для ногтей, – ответил Симон.

Он встал посреди коридора, приложил внешнюю сторону левой ладони к картине и оглянулся на труп. Затем двинулся дальше в направлении входной двери, остановился, присел на корточки у косяка и наклонился над комком земли, отмеченным флажком.

– Эй, не трогайте его! – прозвучал голос у них за спиной.

Они подняли голову.

– А, это ты, Симон, – сказал одетый в белое человек, проводя пальцем по влажным губам и рыжей бороде.

– Привет, Нильс. Давненько не виделись. С тобой хорошо обращаются в Крипосе?

Рыжебородый пожал плечами:

– Ну да. Но наверное, это потому, что им меня жалко, такого старого и отсталого от жизни.

– А это так?

– Да, – вздохнул криминалист. – Теперь все решает ДНК, Симон. ДНК и компьютерные программы, в которых люди вроде нас с тобой не разбираются. Когда мы были молодыми, все было не так, да.

– Ну, мы еще не совсем вышли в тираж, – сказал Симон и перешагнул порог. – Кари, сосчитай до трех, а потом кричи изо всех сил. После этого

выбегай на крыльцо и остановись вот здесь. Хорошо?

Она кивнула, и он закрыл за собой дверь.

Кари посмотрела на Нильса. Тот покачал головой и оставил ее в одиночестве. Тогда она заорала «берегись!» – так она была обязана предостерегать людей и животных в те редкие моменты, когда наносила удары по мячу во время игры в гольф.

Потом она открыла дверь.

Симон стоял у подножия лестницы, направив на нее указательный палец.

– Подвинься, – велел он.

Она сделала, как он просил, и увидела, что сам Симон отошел немного влево и зажмурил глаз.

– Вероятно, он стоял на этом самом месте, – произнес Симон, целясь в нее из указательного пальца.

Кари повернулась и посмотрела на белую ромашку на стене.

Симон глянул вправо, подошел к кустам веерного клена и раздвинул их. Кари поняла, что он ищет. Стреляную гильзу.

– Ага, – тихо пробормотал он, вынул мобильный телефон и приложил его к глазу.

Кари услышала электронный симулятор щелчка фотоаппарата. Симон размял комок земли между указательным и большим пальцем, и тот разлетелся в прах. Потом он поднялся по лестнице и показал Кари только что сделанный снимок.

– Отпечаток подошвы, – сказала она.

– Убийцы, – кивнул он.

– О-о?

– Ничего, если мы скажем, что урок закончен, Кефас?

Они обернулись и увидели Бьёрнстада. Он кипел от ярости. Позади него стояли три криминалиста, включая бородатого Нильса.

– Скоро закончится, – ответил Симон, намереваясь вернуться в дом. – Я просто думал, что мы...

– А вот мы думаем, что вы уже давно закончили, – сказал старший инспектор и встал у них на пути, широко расставив ноги и сложив руки на груди. – Я вижу цветы в моих следах от пуля, а это уже слишком. Спасибо вам за все.

Симон пожал плечами:

– Ладно, мы увидели достаточно и можем делать выводы. Удачи в поисках того, кто совершил это преднамеренное убийство, люди.

Бьёрнстад хохотнул:

– Значит, вы пытаетесь произвести впечатление на вашу юную коллегу, утверждая, что это было преднамеренное убийство? – Он повернулся к Кари. – Приношу свои извинения за то, что действительность не так увлекательна, как пытается представить папаша. Это просто обычное дерьмовое убийство.

– Вы ошибаетесь, – сказал Симон.

Бьёрнстад уперся руками в бока:

– Родители учили меня, что старших надо уважать. Из уважения даю вам десять секунд, после чего вы уйдете.

Один из криминалистов фыркнул.

– Хорошие родители, – сказал Симон.

– Девять секунд.

– Соседка утверждает, что слышала выстрел.

– И что?

– Здесь большие дома, которые находятся на значительном расстоянии друг от друга. У вилл хорошая изоляция. Поэтому соседи не смогли бы услышать ничего похожего на выстрел, если бы дело происходило внутри дома. Если же события разворачивались снаружи...

Бьёрнстад откинул голову назад, как будто хотел взглянуть на Симона под другим углом:

– Что вы хотите сказать?

– Госпожа Иверсен ростом с нашу Кари. И если исходить из того, что, когда в нее стреляли, она стояла прямо, то входное отверстие от пули здесь, – он указал на грудь Кари, – и выходное здесь плюс след от пули на стене, где вы видите ромашку, указывают нам на то, что убийца стоял ниже, чем она, но оба они находились довольно далеко от той стены. Другими словами, Агнете стояла там, где сейчас стоим мы, а стрелок – у подножия лестницы, на дорожке. Именно поэтому соседка услышала выстрел. Но соседка не слышала ни крика, ни каких-либо других звуков, кроме выстрела, ничего, что указывало бы на сопротивление или борьбу, поэтому я думаю, что все произошло очень быстро.

Бьёрнстад непроизвольно бросил взгляд на коллег и перенес вес тела с одной ноги на другую.

– А потом он затащил ее сюда, вы хотите сказать?

Симон покачал головой:

– Нет, я думаю, она пятилась назад.

– И что навело вас на такую мысль?

– Вы совершенно правы, госпожа Иверсен была аккуратисткой.

Единственное в этом доме, что висит криво, – вот эта картина.

Все повернулись туда, куда указал Симон.

– Кроме того, на рамке со стороны двери видны частички лака для ногтей. Следовательно, она зацепилась за нее, когда задом шла внутрь дома. Это подтверждается царапиной на ногте среднего пальца левой руки.

Бьёрнстад покачал головой:

– Если бы ее подстрелили в дверях и она пятилась назад, то на всем полу в коридоре были бы пятна крови.

– И они были, – сказал Симон. – Но убийца их вытер. Как вы сами сказали, на ручке входной двери не было никаких отпечатков. Даже отпечатков членов семьи. И это не потому, что Агнете Иверсен срочно начала делать генеральную уборку и протерла дверную ручку через несколько секунд после того, как ее муж и сын прикоснулись к ней, уходя на работу, а потому, что убийца не хотел оставлять нам свои следы. И я почти уверен в том, что он вытер с пола кровь, потому что наступил в нее, а он не имел желания оставить нам отпечатки своих ног. А потом он вытер и подошвы.

– Вот как? – сказал Бьёрнстад, продолжая стоять с откинутой назад головой, но улыбаясь уже не так широко. – И все это ваши предположения, взятые с потолка?

– Когда вытираешь подошву обуви, то кровь, попавшая между ребрами рисунка подошвы, не удаляется, – сказал Симон и посмотрел на часы. – И эта кровь проступит, если долго стоять, например, на толстом ковре. Тогда ворсинки ковра проникают между ребрами и впитывают кровь. На ковре в спальне вы найдете прямоугольный кровавый отпечаток. Я думаю, ваш криминалист согласится со мной, Бьёрнстад.

В наступившей вслед за этим тишине Кари услышала звук останавливающегося автомобиля, которому преградили проезд полицейские у дороги, и раздраженные голоса, один из которых принадлежал юноше. Муж и сын.

– Ну и ладно, – сказал Бьёрнстад с напускным облегчением. – Где именно застрелили жертву, не так уж и важно, в любом случае мы имеем дело с грабежом и убийством, а никаким не преднамеренным убийством. И, судя по всему, скоро у нас тут появятся люди, которые смогут подтвердить, что из шкатулки пропали драгоценности.

– Драгоценности – это, конечно, хорошо, – сказал Симон. – Но если бы я был грабителем, я бы завел Агнете Иверсен в дом и угрозами заставил показать, где хранятся по-настоящему ценные вещи. Например, узнал бы у нее код от сейфа: ведь даже самому тупому вору известно, что подобные

дома оборудованы сейфами. Однако вместо этого он стреляет в нее прямо здесь, где могут услышать соседи. И не потому, что он впал в панику: то, как он подчищал за собой следы, свидетельствует о его хладнокровии. Нет, он делает это, потому что знает, что не проведет в доме много времени, что к приезду полиции его уже и след простынет. Потому что, вообще-то, он не собирается особо грабить, верно? Он берет ровно столько, чтобы не очень опытный следователь, сын хороших родителей, немного поспешно сделал вывод, что имеет дело с ограблением, и поэтому не стал бы слишком рьяно искать *настоящий* мотив.

Симон был вынужден признать, что наслаждается тишиной и красной краской, внезапно залившей лицо Бьёрнстада. Но Симон Кефас не был злым, и, несмотря на острое желание, он не произнес вслух последнюю фразу: «Ничего, если мы скажем, что урок закончен, Бьёрнстад?»

Ведь вполне возможно, Осмунд Бьёрнстад со временем приобретет опыт и станет хорошим следователем. А смирению способные ученики учатся охотно.

– Забавная версия, Кефас, – сказал Бьёрнстад. – Буду иметь ее в виду. Но время бежит, и... – быстрая улыбка, – может быть, и вам пора?

– Почему вы не рассказали старшему следователю все? – спросила Кари, пока Симон осторожно вел машину по крутым поворотам дороги, ведущей вниз с Хольменколлосена.

– Все? – невинно произнес Симон.

Кари не могла не улыбнуться. Очаровательный старик.

– Вы поняли, что стреляная гильза должна была упасть куда-то в те кусты. Вы не нашли гильзу, но заметили след. Вы сфотографировали его. А земля на том месте была идентична земле в коридоре?

– Да.

– Так почему вы не дали ему эту информацию?

– Потому что он – следователь, который гонится за славой, его эгоизм больше желания работать в команде, так что будет лучше, если он обнаружит все это сам. Его мотивация использовать все улики станет намного больше, если он будет чувствовать, что идет по своему, а не по моему следу, когда начнет поиски мужчины с сорок четвертым размером ноги, который подобрал стреляную гильзу в том розовом кусте.

Они остановились на красный перед выездом на улицу Сташунсвейен.

– А откуда вы знаете, о чем думает такой следователь, как Бьёрнстад?

Симон засмеялся:

– Это просто. Я тоже был молодым и жаждал славы.

- А жажда славы, она что, исчезает?
- В какой-то мере да, – улыбнулся Симон.

Кари его улыбка показалась грустной.

- Вы поэтому ушли из Экокрима?
- Почему ты так решила?

– Вы были руководителем, комиссаром, у вас были подчиненные. В убойном отделе вам позволили сохранить должность, но подчиняюсь вам только я.

– Точно, – сказал Симон, переехал через перекресток и поехал по направлению к Сместаду. – Слишком большая зарплата, слишком хорошая квалификация, все слишком. Вообще все. Все закончилось.

- Так что случилось?
- Ты не захочешь...
- Нет, я хочу это знать.

Они ехали в тишине, и Кари понимала, что это играет ей на руку, и потому сидела молча. Но все же они успели доехать почти до района Майорстуа, прежде чем Симон начал говорить.

– Я напал на след операции по отмыванию денег. Речь шла о больших суммах. И известных именах. И кто-то из руководства, по всей видимости, посчитал, что я и мое расследование представляем собой слишком большой риск. Что у меня нет достаточных доказательств, что если мы станем двигаться дальше, но не достигнем цели, то сломаем себе хребет. Это были не обычные преступники, а люди, облеченные властью, люди, способные нанести ответный удар, используя систему, которая обычно на стороне полиции. Начальство побоялось, что, даже победив, мы будем вынуждены расплачиваться по счетам, око за око.

Снова наступила тишина, которая продлилась до тех пор, пока они не доехали до парка Фрогнер. Кари потеряла терпение:

– Значит, вас выкинули за то, что вы начали неприятное расследование?

Симон покачал головой:

– У меня была проблема. Игромания. Или, используя очень точное определение, я был одержим игрой. Я покупал и продавал акции. Не много. Но когда ты работаешь в Экокрime...

- ...у тебя есть доступ к инсайдерской информации.
- Я никогда не торговал акциями, информация о которых проходила через мои руки, но все равно я нарушил правила. И они воспользовались этим по полной программе.

Кари кивнула. Они пробирались в сторону центра и туннеля Ибсена.

– А сейчас?

– Я больше не играю. И никого не мучаю.

Опять эта грустная смиренная улыбка.

Кари подумала о том, чем собиралась заняться во второй половине дня. Тренировка. Обед со свекром и свекровью. Осмотр квартиры в районе Фагерборг. А потом она услышала вопрос, заданный, должно быть, другой, почти бессознательной частью ее мозга:

– Для чего убийца забрал с собой стреляную гильзу?

– У гильз есть серийные номера, но они редко выводят на преступников, – сказал Симон. – Конечно, он мог испугаться, что на гильзе остались отпечатки его пальцев, но мне кажется, что наш убийца подумал бы об этом заранее и воспользовался бы перчатками, заправляя патроны в магазин. Думаю, мы можем сделать вывод, что у него довольно новое оружие, изготовленное в последние годы.

– Вот как?

– Производителей ручного стрелкового оружия в последние годы обязали штамповать серийные номера оружия на самом краю ударника, чтобы они оставляли, так сказать, отпечаток пальца, соприкасаясь с гильзой патрона. Поэтому стреляной гильзы и регистра оружия достаточно, чтобы вывести нас прямо на его владельца.

Кари в задумчивости покачивала головой, оттопырив нижнюю губу.

– Хорошо, это я понимаю. А вот чего я не понимаю: почему он хотел представить все как грабеж?

– Точно так же, как он боится, что мы найдем гильзу, он боится, что если мы узнаем его настоящий мотив, то выйдем прямо на него.

– Тогда это просто, – сказала Кари и подумала об объявлении.

В нем говорилось, что в квартире два балкона, на одном солнце утром, на другом – вечером.

– Вот как? – произнес Симон.

– Муж, – сказала Кари. – Каждый муж знает, что его будут подозревать, если он не постарается представить все так, будто его жену убили по другой, вполне определенной причине. Например, чтобы ограбить.

– По другой, чем что?

– Чем ревность. Любовь. Ненависть. Еще есть что-нибудь?

– Нет, – ответил Симон. – Больше ничего нет.

Глава 18

Сразу после полудня на Осло пролился дождь, но он не охладил город сколько-нибудь заметно. И когда солнце прорвалось сквозь тучи, оно решило взять реванш и выварить столицу в белом свете, от которого вода начала паром подниматься с крыш и тротуаров.

Луис проснулся, когда солнце стояло уже так низко, что его лучи попали в глаза. Он, щурясь, посмотрел на мир. На людей и машины, снующие мимо него взад и вперед, на свою кружку попрошайки. До того как несколько лет назад сюда стали приезжать цыгане из Румынии, его работа приносила неплохой доход. Потом их стало больше. А теперь – целая толпа. Вороватая, попрошаистая, жуликоватая толпа кузнечиков. И как с кузнечиками, с ними, конечно, надо было бороться всеми возможными средствами. Мнение Луиса по сути этого дела было простым: норвежские нищие, как и норвежские судовладельцы, заслуживают определенной государственной защиты от заграничной конкуренции. Сейчас ситуация была такова, что ему все чаще и чаще приходилось прибегать к воровству, а это не только утомительно, но, честно говоря, ниже его достоинства.

Он вздохнул и пихнул свою кружку грязным указательным пальцем. В ней что-то лежало. Не монеты. Купюры? В таком случае их надо убрать в карман, пока цыгане не отобрали. Луис заглянул в кружку. Моргнул пару раз. Потом поднял кружку. В ней лежали часы. Дамские как будто. «Ролекс». Конечно, подделка. Но тяжелые. Очень тяжелые. Неужели так и было задумано и люди должны носить на запястьях такие увесистые вещицы? Он слышал, что подобные часы продолжают работать на глубине до пятидесяти метров, и это впрямь могло пригодиться человеку, который решит поплавать с таким грузилом. Может быть... Некоторые люди совершенно ненормальные, в этом нет сомнений. Луис посмотрел вправо и влево. Он знал часовщика с угла улицы Стортингсгата, они учились в одном классе. Наверное, ему стоит...

Луис поднялся на ноги.

Кине стояла рядом со своей тележкой для покупок и курила сигарету. Когда на светофоре загорелся зеленый человечек и остальные пешеходы, стоявшие рядом с ней, начали движение, она осталась на месте. Она передумала. Сегодня она не станет переходить улицу. И она продолжала

стоять, докуривая сигарету. Тележку она давным-давно украла в магазине ИКЕА, просто выкатила ее на улицу, закатила в грузовик на стоянке и повезла кровать «Хемнес», обеденный стол «Хемнес» и книжные полки «Билли» туда, где, как она полагала, находится их будущее. Ее будущее. Он собрал мебель, а потом они вместе ширнулись. Он уже умер, она пока нет. И Кине больше не сидела на игле. Она справится. Но в той кровати «Хемнес» она не спала уже очень давно. Кине затушила сигарету и снова взялась за ручку тележки из ИКЕА. И тут обнаружила, что кто-то, наверняка один из пешеходов, проходя мимо, положил полиэтиленовый пакет на грязное шерстяное одеяло в ее тележке. Она раздраженно схватила пакет. Не впервые люди думали, что тележка с ее земными богатствами – это обычная урна. Поскольку Кине знала наизусть все мусорные ящики Осло, ей было известно, что один из них находится прямо у нее за спиной. Она повернулась, собираясь выкинуть пакет, но остановилась. Полиэтиленовый пакет был тяжелым, и ей стало любопытно. Кине открыла его, засунула внутрь руку и вытащила содержимое на солнечный свет. Оно блестело и сияло. Украшения. Ожерелья и кольцо. Ожерелья были с бриллиантами, а кольцо из золота. Из настоящего золота, с настоящими бриллиантами. Кине была практически уверена в этом, ведь раньше она видела и золото, и бриллианты. Несмотря ни на что, она происходила из приличной семьи.

Йонни Пума продрал глаза, почувствовал приближение страха и перевернулся. Он не заметил, чтобы кто-нибудь заходил в комнату, но сейчас он слышал сопение и пыхтение. Неужели это Коко? Впрочем, пыхтение больше напоминало звуки занятия сексом, чем дыхание вымогателя долгов. Однажды в пансионе жила пара. Наверное, руководство посчитало, что они очень нуждаются друг в друге, и сделало исключение из правила о том, что жить здесь могут только мужчины. Может, она и была ему нужна, во всяком случае, она платила за наркотики для них обоих, зарабатывая тем, что ходила из комнаты в комнату и торговала собой. В конце концов руководству это надоело, и ее вышвырнули вон.

В комнате находился новичок. Он лежал на полу ногами к Йонни, и из наушников на его голове до Йонни доносился синтетический ритм и монотонный механический голос. Парень отжимался. Йонни не знал почему, но сейчас это упражнение называлось «пуш-ап». В свои лучшие дни Йонни мог отжаться сотню раз. На одной руке. Мальчишка был сильным, вне всяких сомнений, но тело его уже перенапрягалось, а спина прогнулась. На свету, просочившемся между шторами и попавшем на стену, Йонни увидел фотографию, которую прикрепил сосед. Мужчина в

полицейской форме. И еще он увидел кое-что на подоконнике. Там лежала пара сережек. На вид дорогие, и где это парень их стянул?

И если они такие дорогие, как кажется, то Йонни сумеет решить свою проблему. Ходили слухи, что Коко собирается завтра съехать из пансиона и что его приспешники совершают обход и собирают долги. В таком случае у Йонни было всего несколько часов на сбор денег. Он думал взломать какую-нибудь квартиру в районе Бишлет, ведь сейчас люди разъехались в отпуска. Позвонить в домофон и посмотреть, на каких этажах не ответят. Надо только собраться с силами. Но здесь все было проще и надежнее.

Йонни подумал, сможет ли он незаметно выбраться из кровати и подобраться к сережкам, но отбросил эту мысль. Перенапряглось его тело или нет, но парень вполне мог избить Йонни. От одной мысли об этом слезы подступали к глазам. Но конечно, можно попытаться отвлечь его, выманить из комнаты и сделать дело. Внезапно Йонни встретился взглядом с соседом. Тот перевернулся и принялся качать пресс. «Сит-апс». Он улыбался.

Йонни подал ему знак, что хочет поговорить, и парень снял наушники. Йонни успел расслышать слова «...now I'm clean»^[11], а потом сказал:

– Поможешь мне спуститься в кафе? Тебе и самому надо поесть после тренировки. Если у тела не будет жира и углеводов, оно начнет поедать мышечную массу, знаешь ли. А стоит ли тогда игра свеч?

– Спасибо за совет, Йонни. Только схожу сначала в душ, ну а ты собирайся.

Парень поднялся, спрятал сережки в карман, вышел в коридор и направился в сторону общего душа.

Черт! Йонни закрыл глаза. Справится ли он? Да, должен справиться. Всего две минутки. Он сосчитал секунды, а потом сел на край кровати, оттолкнулся, поднялся, снял со стула брюки. Он уже собрался надеть их, как в дверь постучали. Наверное, сосед не взял с собой ключи. Йонни доковылял до двери и открыл ее.

– Ты же должен...

Рука с кастетом угодила прямо в лоб Йонни Пумы, и он попятился назад. Дверь распахнулась, в комнату вошел Коко с двумя подручными. Парни встали с двух сторон от Йонни, а Коко ударил его по голове так, что он шмякнулся затылком о верхнюю койку. Когда он смог посмотреть вверх, то прямо перед собой увидел страшные, накрашенные тушью глаза Коко и блестящий кончик шила.

– У меня мало времени, Йонни, – сказал Коко на своем ломаном норвежском. – У других есть деньги, но они не платят. У тебя, я знаю, денег

нет, поэтому ты можешь послужить уроком.

– У-уроком?

– Я не изверг, Йонни. Один глаз я тебе оставлю.

– Но... но черт возьми, Коко...

– Замолкни, чтобы глаз не испортился до того, как я его выну. Мы будем показывать его другим чертовым говнюкам, и они должны понимать, что это настоящий глаз, понятно?

Йонни начал кричать, но его быстро остановила рука, закрывшая рот.

– Спокойно, Йонни. В глазу не так много нервных окончаний, так что больно не будет, я обещаю.

Йонни знал, что страх должен бы придать ему сил для борьбы. Но вместо этого из него словно выпустили воздух. Йонни Пума, человек, когда-то поднимавший автомобили, в апатии следил за приближающимся острием ножа.

– Сколько?

Голос прозвучал тихо, как будто говоривший шептал. Все повернулись к двери. Никто не слышал, как он вошел. У него были мокрые волосы, из одежды – только джинсы.

– Убирайся! – прошипел Коко.

Парень не пошевелился:

– Сколько он тебе должен?

– Давай отсюда! Не уберешься подобру-поздорову – познакомишься с шилом!

Парень по-прежнему не шевелился. Один из подручных, зажимавший Йонни рот, отпустил его и пошел к новичку.

– Он... он украл у меня сережки, – сказал Йонни. – Это правда! Они у него в кармане. Я раздобыл их, чтобы рассчитаться с тобой, Коко. Обыщи его – и увидишь! Пожалуйста, пожалуйста, Коко!

Йонни услышал слезы в собственном голосе, но ему было безразлично. Все равно Коко его не слушал, а смотрел на мальчишку. И этой чокнутой свинье нравилась представшая его взору картина. Коко остановил подручного движением руки и тихо спросил:

– Малыш Йонни говорит правду, красавчик?

– Можешь попробовать выяснить, – ответил новичок. – Но если бы я был на твоём месте, то назвал бы сумму его долга, и проблем у тебя стало бы меньше. И меньше грязи.

– Двенадцать тысяч, – сказал Коко. – Почему...

Он замолчал, когда парень вынул из кармана брюк тонкую пачку банкнот и начал отсчитывать купюры. Дойдя до двенадцати, он протянул

деньги Коко и положил оставшиеся купюры в карман.

Коко помедлил, прежде чем взять деньги. Как будто с ними что-то было не так. Потом он рассмеялся: раскрыл пасть с чертовыми золотыми зубами, которые вставил взамен совершенно здоровых.

– Ну, блин, вот это да.

Он взял деньги, пересчитал, поднял голову.

– Мы в расчете? – спросил новичок.

Лицо его при этом совсем не выглядело каменным, как бывает у насмотревшихся кино молодых торговцев наркотиками. Совсем наоборот, он улыбался. Так обычно улыбались Йонни официанты в те времена, когда он ездил на гастроли и питался в хороших ресторанах, и спрашивали, понравилась ли ему еда.

– Мы добрые, – сверкнул улыбкой Коко.

Йонни лег на койку и закрыл глаза. В его ушах смех Коко раздавался еще долго после того, как тот закрыл за собой дверь и удалился.

– Не думай об этом, – сказал парень.

Йонни слышал его, хотя и пытался отключить от сознания его голос.

– Если бы я был на твоём месте, я поступил бы точно так же.

«Но ты не на моём месте, – подумал Йонни и почувствовал, что слезы никуда не делись, они застряли где-то между горлом и грудью. – Ты не был Йонни Пумой, а потом перестал им быть».

– Спустимся в кафе, Йонни?

Монитор компьютера был единственным источником света в кабинете, а звуки проникали сюда из-за двери, которую Симон оставил приоткрытой. На кухне тихо говорило радио и так же тихо копошилась Эльсе. Она была из крестьянской семьи, и ей всегда надо было что-то убирать, мыть, сортировать, переключать, выращивать, шить, печь. Работа не кончалась никогда. Сколько бы она ни сделала сегодня, завтра находилась целая куча дел. Поэтому работать надо было в ровном темпе, не спеша, чтобы не надорваться. Это был успокаивающий звук, производимый человеком, который находит смысл и радость в своих занятиях, звук ровного пульса и удовлетворенности. Симон в чем-то ей завидовал. Но он прислушивался и к другим звукам: к спотыкающимся шагам, стуку падающих на пол предметов. Если он услышит эти звуки, то не станет ее ни о чем спрашивать, а просто позволит ей поверить, что он ничего не заметил.

Симон залез во внутренние файлы отдела по расследованию убийств и прочитал отчеты о Пере Воллане. Кари, к счастью, написала довольно много, она работала эффективно. Но пока он читал, ему все время чего-то

не хватало. Обычно даже самые бюрократизированные, похожие на протоколы отчеты не могут скрыть живой интерес следователя-энтузиаста. Отчеты же Кари являлись образцами того, как следует составлять полицейские отчеты: объективно и разумно. Никаких тенденциозных ошибок, никакой предвзятости. Безжизненные, холодные. Симон прочитал допросы свидетелей в поисках интересных имен людей, с которыми общался Воллан. Ничего. Он уставился в стену. В его голове вертелось три слова: «Нестор. Дело прекращено».

Затем он набрал в поисковике имя Агнете Иверсен.

На экране появились газетные заголовки об убийстве:

«Известный риелтор жестоко убита».

«Застрелена и ограблена в собственном доме».

Он просмотрел одну из статей, где имелась ссылка на пресс-конференцию в Крипосе старшего инспектора Осмунда Бьёрнстада. «Следственная команда Крипоса установила: несмотря на то что тело Агнете Иверсен было обнаружено на кухне, ее, скорее всего, застрелили у входной двери». И дальше: «Несколько обстоятельств указывают на ограбление, но в настоящее время мы не можем исключить иные мотивы».

Симон опустил вниз списка и нашел более давние статьи, по большей части из финансовой прессы. Агнете Иверсен была дочерью одного из крупнейших владельцев недвижимости в Осло, имела магистерскую степень по экономике, полученную в бизнес-школе Уортона в Филадельфии, и в относительно раннем возрасте приняла в управление семейную собственность. Но, выйдя замуж за Ивера Иверсена, также экономиста, она отошла от дел. Один из финансовых журналистов отзывался о ней как о хорошем управляющем, который умеет эффективно и рентабельно распоряжаться имуществом. Что касается ее мужа, то он вел бизнес более агрессивно, часто совершал покупки и продажи, сопряженные с большим риском, но время от времени приносившие крупные прибыли. В другой статье, написанной два года назад, была фотография сына, Ивера-младшего. Заголовок статьи: «Наследник миллионного состояния развлекается в кругу золотой молодежи на Ибице». Загорелый, смеющийся, белозубый, с глазами, красными от вспышки, потный после танцев, с бутылкой шампанского в одной руке и такой же потной, как и он сам, блондинкой – в другой. Три года назад, статья из финансового раздела: Ивер-старший пожимает руку советнику по финансам городского правительства Осло в связи с покупкой коммунальных домов на сумму миллиард крон компанией «Недвижимость Иверсена».

Симон услышал звук открывающейся двери. Перед ним на столе

появилась дымящаяся кружка чая.

– Как у тебя здесь темно, – сказала Эльсе, положила руки ему на плечи и помассировала их. Или оперлась на него.

– Я все жду, когда ты расскажешь мне остальное, – произнес Симон.

– Какое остальное?

– Что сказал врач.

– Я тебе позвонила и рассказала, ты что, становишься забывчивым, дорогой?

Она тихо рассмеялась и коснулась губами его головы. Мягкими губами коснулась макушки. У него возникли подозрения, что она его любит.

– Ты сказала, что он может сделать не так много, – продолжил Симон.

– Да.

– Но?

– Что «но»?

– Я слишком хорошо тебя знаю, Эльсе. Он сказал что-то еще.

Она отодвинулась. На его плече осталась лежать только одна рука. Симон ждал.

– Он сказал, что в США начали делать операции. Что у следующего поколения есть надежда.

– У следующего?

– Операцию и оборудование сначала надо стандартизировать. Но это может занять годы. В настоящее время такая операция стоит целое состояние.

Симон так быстро повернулся к ней на своем крутящемся стуле, что ей пришлось сделать шаг назад. Он схватил ее за руки:

– Но это же замечательная новость! Сколько?

– Больше того, что могут заплатить люди, живущие на социальное пособие и зарплату полицейского.

– Послушай, Эльсе. У нас нет наследников. Мы владеем этим домом, нам больше не на что тратить деньги. Мы неприхотливы...

– Прекрати, Симон. Ты прекрасно знаешь, что денег у нас нет. А за этот дом мы еще не выплатили долг.

Симон сглотнул. Эльсе не произнесла вслух истинное название: игровые долги. Как обычно, она поступила очень тактично и не припомнила ему, что они до сих пор оплачивают его былые грехи. Он сжал ее руки:

– Я что-нибудь придумаю. У меня есть друзья, которые могут одолжить нам денег. Положись на меня. Сколько?

– У тебя *были* друзья, Симон. Но ты больше с ними не общаешься. Я

говорила тебе, что ты должен поддерживать связи, иначе всех потеряешь.

Симон вздохнул и пожал плечами:

– У меня есть ты.

Эльсе покачала головой:

– Меня недостаточно, Симон.

– Нет, достаточно.

– Я не хочу, чтобы ты довольствовался только мной. – Она наклонилась и поцеловала его в лоб. – Я устала, пойду лягу.

– Хорошо, но сколько сто...

Эльсе уже скрылась за дверью.

Симон посмотрел ей вслед, выключил компьютер и взял в руки телефон. Он пробежался по списку номеров в телефонной книге. Старые друзья. Старые недруги. Кто-то из них полезен, кто-то совершенно бесполезен. Симон набрал номер человека из первой категории. Недруг. Полезен.

Как и ожидалось, Фредрик Ансгар удивился его звонку, но сделал вид, что обрадовался, и, конечно, согласился встретиться, даже не пытаясь притвориться, что у него нет времени.

После того как разговор закончился, Симон еще долго сидел в темноте и смотрел на телефон. Он думал о том сне. Его зрение. Ей должно было достаться его зрение. Симон понял, что именно он разглядывает в телефоне. Фотографию отпечатка подошвы в розовом кусте.

– Очень вкусно, – сказал Йонни, вытирая рот. – Ты что, не будешь есть?

Парень улыбнулся и покачал головой.

Йонни огляделся. Кафе представляло собой помещение с открытой кухней, прилавками, отделом самообслуживания и обеденными столами, за которыми в настоящее время не было свободных мест. Обычно кафе закрывалось довольно рано, но, поскольку «Место встреч» (кафе Городской миссии для наркоманов на улице Шиппергата) было закрыто на ремонт, часы работы этого кафе продлили. Таким образом, не все сидящие за столами были постояльцами пансиона. Но большинство из них когда-то жили здесь, поэтому Йонни узнавал каждое лицо.

Он сделал глоток кофе, наблюдая, как посетители кафе исподлобья озираются по сторонам. Вечные и неизменные паранойя и охота, как у водопоя в саванне, где звери становятся то хищниками, то добычей. Кроме этого парня. Он выглядел совершенно спокойным. До сих пор. Йонни проследил за его взглядом, направленным в сторону двери за кухней, куда

из служебного помещения прошла Марта. Она надела куртку, наверняка собралась домой. И Йонни увидел, как у парня расширились зрачки, потому что наркоманы почти автоматически наблюдают за зрачками. Наркоман ли он, под кайфом ли он, опасен ли он? Так же, как люди наблюдают за руками других. За руками, которые могут украсть или схватиться за нож. За руками, которые в момент опасности невольно прикрывают и защищают место на теле, где спрятаны наркотики или деньги. А в этот самый момент руки парня находились в карманах. В тех самых карманах, куда он засунул сережки. Йонни не был глупым. Да, он был глупым, но не во всех отношениях. Марта вошла, зрачки расширились. Сережки. Стул заскрипел, когда мальчишка встал. Его лихорадочный взгляд был прикован к Марте.

Йонни кашлянул:

– Стиг...

Но было поздно, он уже повернулся спиной к Йонни и пошел к ней.

В это время дверь в кафе открылась, и в помещение вошел мужчина, по виду которого сразу было понятно, что он не отсюда. Короткая черная кожаная куртка, короткие темные волосы. Широкоплечий, с сосредоточенным взглядом. Он раздраженно отодвинул с дороги постельца, застывшего у него на пути в скрюченной позе наркомана, махнул рукой Марте, и она ответила ему. Йонни понял, что новичок увидел это, потому что он остановился, словно паруса его потеряли ветер. Марта продолжала идти к двери. Мужчина в кожаной куртке положил руку в карман и оттопырил локоть, чтобы Марта могла уцепиться за него, что она и сделала. Такие заученные движения можно увидеть у людей, какое-то время проживших вместе. А потом они исчезли в продуваемом ветрами вечере, внезапно ставшем холодным.

Парень так и остался стоять в растерянности, как будто ему требовалось время для переваривания информации. Йонни заметил, как головы посетителей начали поворачиваться в сторону парня. Они оценивали его. Йонни знал, что они думают.

Добыча.

Йонни проснулся от звуков плача.

Сначала он подумал, что это привидение. Ребенок. Явился сюда.

Но потом он понял, что плач доносится с верхней койки. Он повернулся на бок. Койка задрожала. Плач перешел в рыдания.

Йонни поднялся на ноги, встал у койки и положил руку на плечо парня, дрожащего как осиновый листок. Он зажег бра на стене над

новичком. Первое, что он увидел, – оскал зубов, вонзившихся в подушку.

– Больно? – произнес Йонни скорее утвердительно, чем вопросительно.

Белое, как у покойника, потное лицо со впалыми глазами повернулось к нему.

– Героин? – спросил Йонни.

Лицо кивнуло.

– Пойти посмотреть, что я смогу добыть?

Парень покачал головой.

– Ты знаешь, что если ты решил завязать, то пришел в неправильное место? – сказал Йонни.

Кивок.

– Тогда что я могу для тебя сделать?

Парень смочил губы белым языком и что-то прошептал.

– Что? – переспросил Йонни и пододвинулся ближе, почувствовав тяжелое гнилое дыхание. Он умудрился разобрать слова, выпрямился и кивнул: – Как хочешь.

Йонни улегся и устался на изнанку матраца, обтянутого пленкой ради предохранения от выделений из тел постояльцев. Он прислушался к вечному шуму пансиона, к звуку вечной охоты: топот бегущих по коридору ног, ругань, грохочущая музыка, смех, стук в двери, отчаянные крики и активная торговля прямо перед их дверью. Но ни один из этих звуков не заглушал тихого плача и слов, которые прошептал мальчишка: «Останови меня, если я захочу выйти».

Глава 19

– Значит, теперь ты в отделе по расследованию убийств, – сказал Фредрик и улыбнулся из-за солнцезащитных очков.

Название марки на оправе было написано крохотными буквами, и, чтобы разобрать его, требовалось соколиное зрение Симона. Знаний Симона о фирменных логотипах было недостаточно, чтобы понять, насколько очки эксклюзивны. Однако он предположил, что они дорогие, посмотрев на рубашку, галстук, маникюр и стрижку Фредрика. Светло-серый костюм с коричневыми ботинками? Наверное, так сейчас модно.

– Да, – ответил Симон, прищурившись.

Он сел спиной к ветру и солнцу, но лучи отражались от стеклянных панелей недавно построенного здания на противоположной стороне канала. Приглашал Симон, однако этот японский ресторан в районе Тьювхольмен предложил Фредрик, и Симон подумал, что он сделал свой выбор исходя из того, что в этом районе располагалось множество финансовых компаний, в том числе и та, где работал Фредрик.

– А ты начал управлять деньгами тех, у кого их так много, что их перестало интересовать, как там эти деньги проживают?

Фредрик рассмеялся:

– Что-то в этом духе.

Официант поставил перед каждым из них тарелку с чем-то похожим на маленькую медузу. Симон подумал, что, вполне возможно, это и есть маленькая медуза. На Тьювхольмене это, наверное, нормально, здесь суши – то же самое, что пицца для верхней прослойки среднего класса.

– Скучаешь иногда по Экокриму? – спросил Симон, отпивая воду из стакана.

Как утверждалось, вода происходила из ледников Восса. Ее разливали, отправляли в США и реимпортировали в Норвегию уже очищенной от всех важных минералов, необходимых телу. Точно такую же чистую и вкусную воду можно было бесплатно налить из-под крана. Шестьдесят крон за бутылку? Симон прекратил попытки понять рыночные механизмы. Как и психологию, и игру во власть. А вот Фредрик – нет. Он понимал. Он играл в эти игры. Всегда играл, как подозревал Симон. Он был вроде Кари: слишком хорошо образован, слишком амбициозен, к тому же хорошо знал свою выгоду. Поэтому они не смогли удержать его.

– Бывает, скучаю по коллегам и по напряжению, – соврал Фредрик. –

А вот по инертности и бюрократии – нет. Может, ты ушел по тем же причинам?

Он слишком быстро поднес стакан к губам, и Симон не успел прочесть выражение его лица: действительно ли он ничего не знает или просто делает вид. Вообще-то, скандал из-за Симона разразился сразу после того, как Фредрик сообщил о своем переходе на работу к человеку, которого многие в отделе считали врагом и по делу которого Фредрик даже был одним из следователей. Но вполне возможно, что он больше не общался ни с кем из полицейских.

– Вроде того, – ответил Симон.

– Убийство – дело гораздо более конкретное, – произнес Фредрик, украдкой бросая взгляд на часы.

– Кстати, насчет гораздо более конкретного дела, – сказал Симон. – Я хотел поговорить с тобой, потому что мне нужен заем. Деньги требуются моей жене для операции на глазах. Эльсе, помнишь ее?

Симон подождал, пока его собеседник дожует.

– Прости, Симон, мы помещаем деньги клиентов только в собственный капитал или обеспеченные государством облигации и не даем в долг частным лицам.

– Я знаю, но я спрашиваю тебя, потому что мне нечего предоставить в залог, если идти официальным путем.

Фредрик аккуратно вытер уголки губ и положил салфетку на блюдце.

– Мне очень жаль, что я не могу помочь тебе. Операция на глазах? Кажется, дело серьезное.

Подошедший официант взял тарелку Фредрика и заметил, что Симон не притронулся к своей еде. Он вопросительно посмотрел на него. Симон подал знак, что тарелку можно убирать.

– Тебе не понравилось? – спросил Фредрик и попросил счет, произнеся пару слов, видимо по-японски.

– Не знаю, но обычно я скептически отношусь к беспозвоночным животным. Они слишком легко проскальзывают, если ты понимаешь, о чем я. Я не расточителен, но мне показалось, что животное на моей тарелке было живым, и я понадеялся, что смогу продлить ему жизнь, если оно окажется в канализации.

Фредрик преувеличенно добродушно посмеялся над шуткой. Возможно, он испытывал облегчение оттого, что другая часть разговора уже закончилась. Он схватил счет, как только его принесли.

– Позволь мне... – начал Симон, но Фредрик уже вставил свою карту в платежный терминал, принесенный официантом, и быстро нажал кнопки.

– Приятно было снова встретиться, и жаль, что я не могу тебе помочь, – сказал Фредрик, когда официант удалился, и Симон догадался, что Фредрик уже приподнялся со стула.

– Ты читал вчера об убийстве Иверсен?

– Да, господь всемогущий! – Фредрик покачал головой, снял солнцезащитные очки и протер глаза. – Ивер Иверсен – наш клиент. Это трагедия.

– Да, он был твоим клиентом, еще когда ты работал в Экокриме.

– Что, прости?

– Я хотел сказать, подозреваемым. Жаль, что все вы, образованные, ушли. Если бы вы были с нами, может быть, нам удалось бы провести завершающий этап. Сфере недвижимости требовалась чистка. Ты не помнишь, что мы все были единокорны в этом, Фредрик?

Фредрик снова надел очки:

– Когда ставишь перед собой такие великие цели, как ты, Симон, то всегда вступаешь в игру.

Симон кивнул. Значит, Фредрик все-таки знал, почему Симону пришлось уйти из отдела.

– Кстати, об игре, – начал Симон. – Я был просто не очень умным полицейским без экономического образования, но, когда я изучал бухгалтерию Иверсена, я всегда размышлял о том, как его компании удастся оставаться на плаву. Они так плохо продавали и покупали, что очень часто теряли большие деньги.

– Да, но они прекрасно управляли собственностью.

– Благословен будь перенос убытков на будущее. Благодаря убыткам от продаж Иверсен в последние годы почти не платил налогов с прибыли от управления недвижимостью.

– Ух ты, звучит так, будто ты вернулся в Экокрим?

– Мой пароль все еще предоставляет мне доступ к старым файлам. Вчера вечером я сидел и читал документы в Сети.

– Вот как. Но в этом нет ничего незаконного, таково налоговое законодательство.

– Да, – сказал Симон, подставил руку под подбородок и посмотрел на синее утреннее небо. – Уж ты-то это знаешь, ведь именно ты проверял Иверсена. Возможно, его жену убил разозлившийся сборщик налогов.

– Что?

Симон засмеялся и встал:

– Просто старик ворошит старое. Спасибо за ланч.

– Симон?

- Да.
- Не хочу тебя обнадеживать, но я наведу справки о возможности предоставления займа.
- Очень ценю, – произнес Симон, застегивая куртку. – Пока.
- Ему необязательно было поворачиваться, он и так знал, что Фредрик задумчиво смотрит ему вслед.

Ларс Гилберг отложил в сторону газету, найденную в урне у магазина «Севен элевен». Сегодня ночью она послужит ему подушкой. Целую страницу в ней занимали материалы об убийстве богачки из западной части города. А вот если бы какой-нибудь бедняга загнулся от дозы отравленного наркотика, купленного здесь, у реки, или на улице Шиппергата, об этом не написали бы ни строчки. Молодой тип из Крипоса, Бьёрнстад, заявил, что все ресурсы полиции будут направлены на это расследование. В самом деле? А как насчет того, чтобы поймать массовых убийц, которые подмешивают в свой товар мышьяк и крысиный яд? Гилберг, сощурившись, высунулся из тени. У человека на голову был натянут капюшон, он был похож на обычного бегуна, проложившего себе маршрут по тропинке вдоль реки. Но, заметив Гилберга, он сбавил темп, и Ларс подумал, что это либо переодетый полицейский, либо наркоман, ищущий дозу спиды. Только после того, как человек зашел под мост и снял с головы капюшон, Гилберг узнал того парня. Он запыхался и вспотел.

Гилберг оживленно, почти радостно поднялся с подстилки:

– Привет, парень! Я, знаешь ли, сторожил, и все пока на месте. – Он кивнул в сторону кустов.

– Спасибо, – ответил парень, присел на корточки и нащупал собственный пульс. – Но я хотел спросить, не поможешь ли ты мне в другом деле.

– Конечно. Проси, о чем хочешь.

– Спасибо. У кого из здешних дилеров есть супербой?

Ларс Гилберг закрыл глаза. Черт.

– Не надо, парень. Только не супербой.

– Почему?

– Потому что я могу назвать тебе имена трех человек, которые подошли от этого говна только нынешним летом.

– А у кого самый чистый товар?

– Насчет чистоты не знаю, я не сижу на этой дряни. Но это просто. Супербой есть только у одного поставщика в городе. Продают эту дрянь всегда по двое: у одного наркотик, второй принимает деньги. Они стоят под

мостом Ньюбруа.

– Как они выглядят?

– По-разному, но, как правило, сборщик денег плотный, рябой, коротко стриженный. Он главный, но ему нравится находиться на улице и самому заботиться о деньгах. Он подозрительный дьявол, не доверяет своим дилерам.

– Плотный и рябой?

– Да, но его проще узнать по векам. Они как бы приспущены на глазные яблоки, и от этого он кажется сонным. Понимаешь?

– Ты говоришь о Калле?

– Ты его знаешь?

Парень задумчиво кивнул.

– Тогда ты знаешь, почему у него такие веки?

– Ты в курсе, в какое время они работают? – спросил парень.

– Они стоят где-то с четырех и до девяти. Я знаю, потому что их первые клиенты проходят здесь за полчаса до этого. А последние бегут бегом за несколько минут до девяти в таком отчаянии, что их глаза асфальт освещают, – боятся, что не успеют за дозой.

Парень снова надвинул капюшон на лицо:

– Спасибо, друг.

– Ларс. Меня зовут Ларс.

– Спасибо, Ларс. Тебе что-нибудь нужно? Деньги?

Ларсу всегда были нужны деньги. Он покачал головой:

– Как тебя зовут?

Парень пожал плечами, словно говоря: «А как бы ты хотел, чтобы меня звали?» И убежал.

Марта сидела в приемной и видела, как он поднялся по лестнице и хотел пройти мимо.

– Сtig! – окликнула она.

Он остановился, но на мгновение позже, чем надо. Конечно, причиной могла быть общая замедленность реакции. Или то, что его звали не Сtig. Он был потным, вроде бы бегал. Она надеялась, что не от неприятностей.

– У меня для тебя кое-что есть, – сказала Марта. – Подожди!

Она взяла сумочку, предупредила Марию, что будет отсутствовать всего несколько минут, и поспешила к нему. Легко прикоснулась рукой к его локтю:

– Пошли, мы поднимаемся к вам с Йонни.

Когда они вошли в комнату, их ждало неожиданное зрелище. Шторы

были раздвинуты, и помещение купалось в свете. Йонни отсутствовал, и воздух внутри стал свежим, поскольку окна были раскрыты так широко, как только позволяли ступоры. Коммунальные власти потребовали установить ступоры во всех комнатах пансиона после нескольких случаев, когда пешеходов внизу чуть не прибило довольно большими тяжелыми предметами, которые периодически вылетали из окон: радио, колонки, стереоустановки, телевизоры. Но хотя на улицу летело довольно много электроприборов, запрет вызвали не они, а вещества органического происхождения. Поскольку у постояльцев нередко был социальный страх, они часто опасались пользоваться общим туалетом. Поэтому кое-кому из них было позволено иметь в комнате ведро, которое они сами должны были регулярно выносить, хотя, к сожалению, многие делали это не слишком регулярно. Один из тех, кто делал это нерегулярно, ставил ведро на подоконник и открывал окно, чтобы выветрить самую зловещую вонь. Однажды кто-то из сотрудников пансиона открыл дверь в его комнату, и ведро сквозняком сбросило вниз. Это случилось как раз во время ремонта новой кондитерской, и судьбе было угодно, чтобы один из маляров стоял на лестнице прямо под окном. Физически он не пострадал, но Марта, первой прибывшая на место происшествия и оказавшая помощь шокированному рабочему, знала, что случившееся оставит шрамы в его душе.

– Садись, – сказала она, указывая на стул. – И снимай обувь.

Он сделал, как было велено. Марта открыла коробку.

– Не хотела, чтобы другие видели, – сказала она, вынимая пару черных полуботинок из мягкой кожи. – Они остались от моего отца. У вас должен быть одинаковый размер.

Она протянула туфли парню.

Он выглядел таким изумленным, что она почувствовала, как краснеет.

– Мы же не можем отправить тебя на собеседование в кроссовках, – добавила она быстро.

Пока он мерил обувь, Марта обводила взглядом комнату. Она спросила себя, кажется ей или нет, что здесь пахнет моющим средством? Насколько ей было известно, здесь сегодня не убрали. Она подошла к фотографии, прикрепленной кнопкой к стене.

– Кто это?

– Мой отец, – ответил парень.

– Правда? Полицейский?

– Да. Вот так.

Она повернулась к нему. Он стоял, переминаясь с ноги на ногу.

– Ну?

– Подошли прекрасно, – улыбнулся он. – Большое спасибо, Марта.

Она вздрогнула, когда он произнес ее имя. Дело было не в том, что она не привыкла его слышать, – постояльцы часто обращались к сотрудникам по именам. (Фамилии, домашние адреса и имена других членов семьи были конфиденциальной информацией: все-таки сотрудники пансиона ежедневно становились свидетелями незаконного оборота наркотиков.) Дело было в том, как он произнес ее имя. Как будто прикоснулся к ней. Осторожно, невинно, но все же. Марта сообразила, что ей не слишком подходит находиться в этой комнате наедине с ним, она ведь думала, что Йонни будет дома. Она понятия не имела, где Йонни. Единственное, что могло заставить его покинуть кровать, были наркотики, туалет или еда. Именно в такой последовательности. И все же она не ушла.

– Какой работой ты хотел бы заниматься? – спросила она, слегка задыхаясь.

– Что-нибудь в системе правосудия, – сказал он серьезно.

И эта серьезность была такой милой, по-детски рассудительной.

– Значит, как твой отец?

– Нет, полицейские работают на исполнительную власть. Я хочу работать на судебную ветвь власти.

Она улыбнулась. Он был другим, и, может быть, поэтому она и думала о нем. Он сильно отличался от всех людей, которых она знала. Полностью отличался, например, от Андерса. Там, где Андерс проявлял железный контроль, этот парень казался открытым и ранимым. Андерс был подозрительным и недружелюбным в отношении незнакомых людей, а Стиг – доброжелательным, добрым, почти наивным.

– Мне надо идти, – сказала Марта.

– Да, – кивнул он, прислоняясь к стене, и расстегнул молнию на куртке.

Его футболка насквозь пропиталась потом и прилипла к телу.

Он собирался сказать что-то еще, но в этот момент затрещала рация.

Марта поднесла ее к уху.

К ней пришел посетитель.

– Что ты хотел сказать? – спросила она, подтвердив получение сообщения.

– Это может подождать, – ответил парень и улыбнулся.

Снова явился пожилой полицейский.

Он стоял в приемной и ждал ее.

– Меня впустили, – извиняющимся тоном сказал он.

Марта осуждающе посмотрела на Марию, которая развела руками: тоже мне, большое дело.

– Есть место, где мы можем...

Марта провела его в комнату для встреч, но кофе не предложила.

– Видите, что это? – спросил он, поднеся к ее глазам свой мобильный телефон.

– Фотография земли?

– Отпечаток подошвы. Может быть, вам это почти ни о чем не говорит, а вот я задумался, почему этот отпечаток кажется мне таким знакомым. А потом я понял: потому что такие же отпечатки я видел на многих потенциальных местах совершения преступлений. Ну, знаете, там, где мы находим мертвых людей: в контейнерном порту со следами на снегу, в наркопритонах, у торговцев наркотиками на заднем дворе, в немецком бункере, который теперь служит тиром. Короче говоря, большинство таких мест...

– Короче говоря, большинство таких мест населено теми же типами, что живут здесь, – вздохнула Марта.

– Вот именно. Как правило, умирают они по собственной вине. Но тем не менее этот след повторяется. Синие кроссовки из Министерства обороны, которые с помощью Армии спасения и Городской миссии стали самой распространенной обувью наркоманов и бездомных по всей стране. Поэтому в качестве улики их практически нельзя использовать: слишком много таких кроссовок на ногах бывших заключенных.

– Так что вы хотите обнаружить здесь, комиссар Кефас?

– Эти кроссовки больше не производятся, а те, что еще существуют, изнашиваются. Но если вы внимательно разглядите фотографию, то увидите, что на земле отпечатался довольно четкий рельеф, как у новой кроссовки. А я поговорил с Армией спасения и выяснил, что последнюю партию синих кроссовок направили сюда, к вам, в марте этого года. Так что у меня к вам очень простой вопрос: выдавали ли вы такие кроссовки кому-нибудь начиная с весны? Сорок третьего размера.

– Ответ, конечно, будет положительным.

– Кому...

– Многим.

– Размер...

– Размер сорок три является самым распространенным размером мужской обуви в западном мире, и, как выяснилось, это касается также наркоманов. Больше этого я не могу да и не хочу сказать. – Марта взглянула на него, поджав губы.

Полицейский вздохнул:

– Я уважаю вашу солидарность с живущими здесь. Но речь идет не о нескольких граммах спида, речь идет о серьезном убийстве. Я нашел этот отпечаток в Хольменколлосене, где вчера застрелили женщину. Агнете Иверсен.

– Иверсен?

Марта снова почувствовала одышку. Удивительно. Но психолог, поставивший ей диагноз *compassion fatigue*, просил ее обращать внимание на симптомы стресса.

Комиссар Кефас слегка склонил голову набок:

– Да, Иверсен. Об этом много писали. Застрелена на крыльце собственного дома...

– Да-да, я видела какие-то заголовки. Но я никогда не читаю о таких делах, у нас и так работа довольно печальная. Если вы понимаете, о чем я.

– Я понимаю. Ее зовут Агнете Иверсен. Сорок девять лет. Раньше работала, теперь домохозяйка. Замужем, сыну двадцать лет. Председатель местного объединения жильцов. Финансово поддерживала Норвежский туристический союз. Принимая во внимание все это, ее, вероятно, можно отнести к столпам общества.

Марта кашлянула:

– Откуда вы знаете, что именно этот след оставил виновный?

– Мы не знаем. Но в спальне мы нашли кусочек следа от обуви, в которой наступили на кровь убитой, и этот след может совпадать с первым.

Марта снова прокашлялась. Надо бы показаться врачу.

– А если бы я вспомнила имена тех, кому были выданы такие кроссовки сорок третьего размера, как бы вы узнали, кто из них оставил след на месте преступления?

– Я не уверен, что мы смогли бы это определить, но, судя по всему, убийца наступил в кровь и кровь эта испачкала рисунок на подошве. И если она запеклась, то на ребрах подошвы ее еще можно обнаружить.

– Я понимаю, – сказала Марта.

Комиссар Кефас ждал.

Она поднялась:

– Но боюсь, не могу быть вам полезной. Я, естественно, спрошу у коллег, не помнят ли они кого-нибудь с сорок третьим размером.

Полицейский посидел еще немного, как будто давал ей шанс передумать и рассказать ему что-нибудь, но потом тоже встал и протянул ей визитку:

– Спасибо, я очень ценю вашу помощь. Звоните мне днем и ночью.

После ухода полицейского Марта осталась в комнате для встреч. Она прикусила нижнюю губу.

Сказанное ею было правдой. Сорок третий – это действительно самый распространенный размер.

– Ну вот мы и закончили, – сказал Калле.

Было девять часов, и солнце скрылось за стенами домов на берегу реки. Он принял последние стокроновые бумажки и засунул в поясную сумочку, постоянно висевшую у него на животе. Он слышал, что в Санкт-Петербурге ограбления кассиров происходили так часто, что мафия оснастила их стальными поясными сумками, которые заваривали прямо на человеке. В сумке была тонкая щель, куда засовывались купюры, и кодовый замок, код от которого знал только сотрудник главного офиса. Поэтому грабители не могли выведать у кассира код пытками, да и сам кассир не мог украсть содержимое пояса. Кассиру приходилось спать, есть, ходить в туалет и трахаться с этой неснимаемой сумкой на поясе, но Калле все равно раздумывал, не завести ли такую. Ему ужасно надоело стоять здесь каждый вечер.

– Пожалуйста! – заныла высохшая баба-наркоманка, одни кости, кожа натянута на череп, прямо как у жертвы холокоста.

– Завтра, – сказал Калле и пошел.

– Мне надо!

– У нас ничего нет, – соврал он и подал знак Пелвису, держателю наркотиков, что они уходят.

Она начала плакать. Калле не испытывал никакого сочувствия: они давно должны усвоить, что лавочка закрывается в девять и что не стоит приходить нога за ногу на две минуты позже. Конечно, он мог бы стоять здесь до десяти минут десятого, до пятнадцати минут и обслуживать тех, кто не успел быстро раздобыть деньги. Но в перспективе речь шла о качестве жизни, о том, чтобы точно знать, когда можно идти домой. И оборот его в любом случае не уменьшится, у них монополия на супербой, и баба эта будет на месте, когда завтра они откроются.

Она схватила его за руку, но Калле оттолкнул ее. Она отлетела на траву и упала на колени.

– Хороший день, – сказал Пелвис, когда они быстро шагали вниз по тропинке. – Сколько, как думаешь?

– А как думаешь *ты*? – раздраженно спросил Калле.

Эти идиоты не могут умножить количество проданных доз на стоимость дозы. В этой сфере деятельности сложно было найти

квалифицированную рабочую силу.

Перед тем как ступить на мост, он обернулся, проверяя, нет ли за ними слежки. Это движение было автоматическим, дорого давшимся результатом работы дилера, у которого с собой много денег. Жертва ограбления вроде него никогда не обратится в полицию. За этот опыт была заплачена дорогая цена. Однажды тихим летним днем у реки он не сумел удержать глаза открытыми и заснул на скамейке с героином на триста тысяч крон, который он должен был продать для Нестора. Когда он проснулся, героина, естественно, не было. На следующий день к нему приехал Нестор и объяснил, что вышестоящий начальник был так щедр, что предоставил Калле право выбора: оба больших пальца за подобную рассеянность или оба века за то, что заснул. Калле выбрал веки. Два мужика в костюмах, брюнет и блондин, держали его, пока Нестор оттягивал веки и резал их своим страшным кривым арабским кинжалом. После чего он, тоже по приказанию шефа, дал Калле денег на такси до больницы. Хирурги объяснили, что для новых век им потребуется кожа с другого места, и ему повезло, что он не еврей и не обрезан, ведь именно крайняя плоть является кожей, обладающей необходимыми для век свойствами. Операция прошла более или менее хорошо, и Калле на вопрос о веках стал давать стандартные объяснения, что потерял их в результате несчастного случая с кислотой, а для новых век использовал кожу с бедра. С чужого бедра, объяснял он, если его расспрашивала женщина, лежавшая с ним в кровати и желавшая увидеть шрамы. И что он на четверть еврей, если ей было интересно остальное. На самом деле он довольно долго был уверен, что все случившееся с ним было хорошо сохраняемой тайной, пока парень, поступивший на его место к Нестору, не подошел к нему в баре и не спросил громко, не пахнет ли спермой, когда он утром протирает глаза. Он громко смеялся вместе со своими друзьями, и Калле разбил свою бутылку пива о барную стойку и ткнул ему в лицо, вынул и снова ткнул, и делал так до тех пор, пока не удостоверился, что у парня не осталось глаз, которые он мог бы протирать.

На следующий день Нестор пришел к Калле и сказал, что вышестоящий начальник получил отчет о случившемся и предложил Калле вернуться на работу, потому что место стало вакантным и потому что ему понравилось, как Калле разобрался с обидчиком. С того самого дня Калле не закрывал глаз до тех пор, пока не убеждался, что все под контролем. Но сейчас он видел только умоляющую женщину на траве и одинокого бегуна в куртке с капюшоном.

— Две сотни кусков? — предположил Пелвис.

Идиот.

После пятнадцати минут ходьбы по центру восточной части Осло и по более подозрительным, формирующим характер улицам района Гамлебюен они свернули в открытые ворота заброшенной фабричной территории. Расчеты не должны были занять больше часа. Помимо них, спидом торговали только Энок и Сифф на улицах Эльген и Толлбугата соответственно. После этого им предстояло вскрывать, смешивать и фасовать новые пакетики на завтра. А потом он вернется домой к Вере. В последнее время она была раздражительной: обещанная поездка в Барселону не состоялась, потому что весной ему пришлось слишком много работать, и он пообещал ей поездку в Лос-Анджелес в августе. Но ему не дали разрешения на въезд в Америку из-за прошлых судимостей. И он знал, что у дамочек вроде Веры терпение не вечное, у них имелись альтернативы, поэтому ее надо было очень хорошо трахать, а перед ее миндалевидными алчными глазами постоянно держать морковку. А это требовало времени и энергии. И денег, так что ему надо было много работать. Ну и в переплет он попал!

Они шагали по открытому пространству, по испачканной маслом гальке, по высокой траве, мимо двух грузовиков без колес, навечно припаркованных на бетонных блоках. Затем запрыгнули на погрузочную панель у красного кирпичного здания. Калле набрал код из четырех цифр, услышал гудение входной двери и открыл ее. Воздух наполнился звуками барабанов и бас-гитар. Коммунальные власти перестроили первый этаж двухэтажного фабричного здания под репетиционное помещение для молодых групп. Калле и его люди почти задаром снимали второй этаж, прикинувшись фирмой, занимающейся менеджментом и организацией концертов. Пока что ни одного концерта они не организовали, но, как известно, для культуры наступили трудные времена. Они прошли по коридору к лифту, и входная дверь на жестких пружинах медленно закрылась за ними. Калле на минутку почудилось, что сквозь шум он услышал шаги бегущего по гальке человека.

– Три сотни? – спросил Пелвис.

Калле покачал головой и нажал на кнопку вызова лифта.

Кнут Шрёдер положил гитару на усилитель.

– Перекур, – сказал он, направляясь к двери.

Он знал, что остальные члены группы расстроено переглядываются. Снова перекур? Им предложили через три дня выступить в молодежном центре, и прискорбным фактом было то, что им приходилось репетировать

как одержимым, чтобы не ударить в грязь лицом. Чертовы придурки, не курят, пьют максимум кружку пива и никогда не видали косяка, а уж тем более не держали в руках. Как такие люди могут играть рок?

Он закрыл за собой дверь и услышал, как они начали играть песню с начала без него. Она звучала ровно, но без души. Не как у него. Он улыбался этой мысли, проходя мимо лифта и пустых репетиционных, расположенных в коридоре ближе к выходу. Это было точно как в кульминации диска «Hell Freezes Over»^[12] «Иглз» – тайное guilty pleasure^[13] Кнута, – где они репетируют с Филармоническим оркестром Бёрбанка, который сосредоточенно играет ноты «In a New York Minute»^[14], а Дон Хенли поворачивается к камере и недовольно шепчет: «...but they don't have the blues...»^[15].

Кнут миновал репетиционную, дверь в которую всегда была открыта, потому что замок на ней был сломан, а петли вывернуты так, что дверь не закрывалась. Он остановился. В помещении спиной к нему стоял человек. Раньше сюда все время влезали посторонние, чаще всего торчки в поисках легкодоступных в музыкальной среде наркотиков. Но это прекратилось после того, как на второй этаж въехали организаторы концертов и установили новую входную дверь с кодовым замком.

– Эй, там! – сказал Кнут.

Парень повернулся. Трудно сказать, кто он. Бегун? Нет. Да, он был одет в куртку с капюшоном и спортивные брюки, но на нем были выходные черные ботинки. А так плохо одевались только торчки. Но Кнут не боялся, с чего бы? Он был ростом с Джоуи Рамона и носил крутую кожаную куртку.

– Что ты тут делаешь, парень?

Парень улыбнулся. Не рокер, понятно.

– Пытаюсь немного прибраться.

Это прозвучало достаточно правдоподобно. Вот что происходило с этими коммунальными репетиционными: все портилось, разрывовывалось, и никто не нес за это ответственности. Окно было по-прежнему заделано звуконепроницаемыми панелями, но единственное, что еще оставалось в комнате из оборудования, – это отслуживший свой срок басовый барабан, на котором кто-то написал готическим шрифтом «The Young Hopeless»^[16]. На полу, среди окурков и обрывков струн, лежали одинокая барабанная палочка и рулон широкого скотча и стоял настольный вентилятор, которым, скорее всего, пользовался барабанщик, чтобы не перегреться. И еще удлинитель. Кнут уже наверняка проверял его на пригодность, и он

наверняка был испорчен. Ну и ладно, удлинители – ненадежный товар, будущее за беспроводными приборами, и мама обещала купить Кнуту беспроводную радиоустановку для гитары, если он бросит курить, что заставило его написать песню «She Sure Drives a Hard Bargain»^[17].

- Не поздновато ли работают коммунальные службы? – сказал Кнут.
- Мы собираемся снова начать репетировать.
- Мы?
- «The Young Hopeless».
- А, ты играл у них?
- Был барабанщиком прошлого состава. Кажется, я видел спины еще двух парней, когда шел сюда, но они уехали на лифте.
- Нет, это музыкальные менеджеры и организаторы концертов.
- Вот как? Может, мы воспользуемся их услугами?
- Думаю, они не берут новых клиентов. Мы стучались к ним, а нас послали к чертям собачьим, – усмехнулся Кнут, достал из пачки сигарету и засунул ее в рот.

Может, парень курит и захочет затянуться вместе с ним на улице. Поболтать о музыке. Или о наркоте.

- Все равно, пойду поднимусь и проверю, – сказал барабанщик.

Вообще-то, на вид парень был больше похож на вокалиста, чем на барабанщика. И Кнут внезапно подумал, что ему, вполне возможно, удастся поговорить с менеджерами, он такой... харизматичный. И если ему откроют дверь, то Кнут тоже сможет пролезть внутрь.

- Я поднимусь с тобой, покажу, где это.

Парень заколебался, но потом кивнул:

- Спасибо.

Большой грузовой лифт поднимался так медленно, что за время пути с первого этажа на второй Кнут успел рассказать парню, почему усилитель «Веса Буги» сделан настолько плохо, что это даже талантливо; что он испортился, а потом снова наладился и теперь рок на нем звучит прекрасно.

Они вышли из лифта, Кнут повернул налево и указал на синюю металлическую дверь, единственную на всем этаже. Парень постучал. Прошла пара секунд, на уровне головы открылось маленькое окошко, в котором показались два налитых кровью глаза. Все как в прошлый раз.

- Чего надо?

Парень прильнул к окошку, чтобы рассмотреть, что находится за спиной у мужчины.

- Не могли бы вы найти работу для «The Young Hopeless»? Мы одна

из групп, которые репетируют на первом этаже.

– Пошли вы к чертям собачьим, и больше сюда не суйтесь. Усек?

Парень по-прежнему стоял, прильнув к окошку, и Кнут видел, как его глаза бегают из стороны в сторону.

– Мы хорошо играем. Вам нравится «Депеш мод»?

Из комнаты за спиной красноглазого раздался голос:

– Кто там, Пелвис?

– Да группа какая-то.

– Гони их к черту! Давай, мне надо успеть домой к одиннадцати.

– Вы слышали босса, парни.

Окошко захлопнулось.

Кнут сделал четыре шага обратно к лифту и нажал кнопку вызова. Двери нехотя открылись, и он вошел в кабину. Но парень остался стоять на месте. Он смотрел на зеркало, которое менеджеры повесили высоко на стене с правой стороны от дверей лифта. В нем отражалась их металлическая дверь, бог знает для чего. Ну, допустим, это не самое спокойное здание в городе, но парни явно страдают паранойей, а это слишком даже для музыкальных менеджеров. Хотя, возможно, они хранят здесь огромные суммы наличными для оплаты за выступления. Он слышал, что самые известные норвежские группы получают по полмиллиона за выступление на крупнейших фестивалях. Только репетируй. Только бы ему получить эту радиоустановку. И новую группу. С душой. Может быть, этот парень думает о том же? Парень наконец зашел в лифт, но поднес руку к сенсорам, чтобы не дать дверям закрыться. Потом он втянул руки в кабину и стал рассматривать световые трубки на потолке кабины. А может, и нет. Кнуту доводилось играть со многими ненормальными.

Он вышел на улицу, чтобы выкурить свою сигарету, а парень вернулся в репетиционную и продолжил уборку.

Кнут сидел на погрузочной панели одного из насквозь проржавевших грузовиков, когда парень вышел из здания.

– Что-то остальные запаздывают, но мне с ними не связаться: батарейка села, – сказал он, поднимая вверх мобильник, на вид совершенно новый. – Пойду куплю сигарет.

– Можешь у меня стрельнуть, – сказал Кнут, протягивая ему пачку. – А что у тебя за барабаны? Нет, дай-ка отгадаю! Ты похож на человека старой школы. «Людвиг»?

Парень улыбнулся.

– Спасибо, очень любезно с твоей стороны. Но мне нужно «Мальборо».

Кнут пожал плечами. Он уважал людей, придерживающихся своей марки, как в отношении барабанов, так и сигарет. Но «Мальборо»? Это все равно что признаться, что ты не можешь управлять ничем другим, кроме «тойоты».

– Pease^[18], мужик, – сказал Кнут. – Увидимся.

– Спасибо за помощь.

Он смотрел, как парень шел по гальке к воротам, но тот вдруг развернулся и направился назад.

– Вспомнил, что код от двери записан у меня в мобильном, – сказал он, улыбаясь немного сконфуженно.

– А... он же разрядился. 666S. Это я его придумал, знаешь, что он означает?

Парень кивнул:

– В Аризоне это полицейский код для обозначения самоубийства.

Кнут заморгал:

– Что, правда?

– Ага. А S означает suicide^[19]. Мне отец рассказывал.

Парень скрылся за воротами в светлом летнем вечере, а по высокой траве вдоль забора прошелся порыв ветра, и она стала раскачиваться, как публика под слюнявую балладу. Suicide. Черт возьми, это же *намного* круче, чем 666 Сатана!

Пелле посмотрел в зеркало и потерял больную ногу. Все плохо: заработок, настроение и адрес, только что названный клиентом на заднем сиденье. «Пансион Ила». Так что пока они еще не тронулись с более или менее постоянного места парковки Пелле в Гамлебюене.

– Ты хочешь сказать, общежитие? – спросил Пелле.

– Да. Теперь это называется... да, общежитие.

– Я не поеду ни в какое общежитие без предоплаты. Прости, но у меня есть печальный опыт.

– Конечно, я об этом не подумал.

Пелле внимательно наблюдал, как клиент или, вернее, потенциальный клиент роется в карманах. Пелле просидел в такси тринадцать часов без перерыва, но ему оставалось еще несколько часов до того момента, когда он поедет в квартиру на улице Швейгорд, припаркуется, проковыляет вверх по лестнице на складных костылях, лежащих у него под сиденьем, повалится в кровать и заснет. Хотелось бы без сновидений. Или с ними. Все зависит от сна. Он мог оказаться как в раю, так и в аду, тут уж не угадаешь.

Клиент протянул ему пятидесятикроновую купюру и горсть мелочи.

– Здесь чуть больше стольника, этого мало.

– *Стольника* мало? – сказал почти уже реальный клиент с неподдельным изумлением на лице.

– Давно на такси последний раз ездил?

– Давно. У меня больше нет, но, может, довезешь меня до места, до которого хватит денег?

– Конечно, – сказал Пелле, положил деньги в бардачок, поскольку было непохоже, что парень потребует у него квитанцию, и нажал на газ.

Марта находилась одна в комнате 323.

Она сидела в приемной и видела, как сначала Стиг, а потом Йонни ушли. А на Стиге были подаренные ею черные ботинки.

По правилам сотрудники имели право без предупреждения и разрешения постояльцев проводить обыски в комнатах, если у них имелись подозрения, что в комнате хранится оружие. Но правила также гласили, что в подобных случаях сотрудников обычно должно быть двое. Обычно. А что, если это не обычно? Марта смотрела на комод. И на шкаф.

Она начала с комода.

В нем лежала одежда. Только одежда Йонни – она знала, что было у Стига.

Марта открыла дверцы шкафа.

Белье, которое она выдала Стигу, лежало на полке аккуратно сложенным. Пальто висело на плечиках. На полке для головных уборов стояла красная спортивная сумка, которую она видела у Стига, когда он пришел в пансион. Она протянула руки вверх, чтобы снять ее, когда внезапно взгляд ее привлекла пара синих кроссовок внизу шкафа. Марта отпустила сумку, нагнулась и взяла в руки кроссовки. Она сделала вдох и затаила дыхание. Свернувшаяся кровь. Марта перевернула кроссовки подошвой вверх.

Она выдохнула и почувствовала приступ радости.

Подошвы были совершенно чистыми. На ребрах – ни капли грязи.

– Чем это ты тут занимаешься?

Марта развернулась, сердце ее дико стучало. Она приложила руку к груди:

– Андерс! – Она нагнулась вперед и засмеялась. – Господи, ты меня напугал.

– Я сидел внизу и ждал тебя, – сказал он с кислой миной, засунув руки в карманы короткой кожаной куртки. – Скоро уже половина десятого.

– Прости, я совсем забыла о времени. Нам поступило сообщение, что у одного из жильцов этой комнаты хранится оружие, а мы обязаны проверять такие сообщения. – Марта была так возбуждена, что ложь лилась рекой.

– Обязаны? – фыркнул Андерс. – Может, и впрямь настало время начать думать об обязанностях. Большинство людей, говоря об обязанностях, подразумевают семью и дом, а не работу в местах, подобных этому.

Марта вздохнула:

– Андерс, не начинай...

Но она уже видела, что он не собирается сдаваться. Обычно для того, чтобы довести себя до взвинченного состояния, ему требовались считанные секунды:

– Моя мать давно зовет тебя на работу в свою галерею. И я с ней согласен. На самом деле для твоего же собственного развития было бы полезно пообщаться с более интересными людьми, чем эти отбросы.

– Андерс! – Марта повысила голос, но она чувствовала себя усталой и не способной спорить. Она подошла к нему и положила ладонь ему на руку. – Я не позволяю тебе называть их отбросами. И я уже говорила тебе: ни твоя мать, ни ее клиенты не нуждаются во мне.

Андерс высвободил руку.

– Здешним людям нужна не ты, им надо, чтобы общество перестало облегчать им жизнь. Наркоманы, черт возьми, священная корова Норвегии!

– Я не готова к возобновлению этой дискуссии. Может быть, ты поедешь домой первым, а я, когда закончу здесь, приеду на такси?

Но Андерс сложил руки на груди и прислонился к дверному косяку.

– А к какой дискуссии ты *готова*, Марта? Я пытался заставить тебя выбрать дату для...

– Не сейчас.

– Нет, сейчас! Моя мать должна распланировать лето, и...

– Не сейчас, я сказала.

Она хотела вытолкать его, но он не поддался, упершись рукой в противоположную стену.

– Что это за ответ? Если моя семья будет платить...

Марта проскользнула у него под рукой и пошла по коридору.

– Эй!

У нее за спиной захлопнулась дверь, и Андерс побежал за ней. Он схватил ее за руку, развернул и притянул к себе. Она уловила запах дорогого лосьона для бритья, который мама подарила ему на Рождество и

который сама Марта не переносила. Сердце ее почти замерло, когда она увидела черную пустоту в его взгляде.

– Ты не уйдешь от меня просто вот так, – прошипел он.

Она машинально подняла руку, защищая лицо, и заметила, что он удивился.

– Что это? – прошептал он с металлом в голосе. – Думаешь, я тебя ударю?

– Андерс, я...

– Два раза, – прошипел он, и она ощутила на лице его жаркое дыхание. – Всего два раза за девять лет, Марта. А ты обращаешься со мной, как с чертовым... чертовым домашним насильником!

– Отпусти, мне...

Позади нее послышалось покашливание. Андерс отпустил ее руку и гневно посмотрел ей за спину, а потом бросил:

– Ну что, торчок, мимо идешь или как?

Она повернулась. Это был он. Стиг. Он просто стоял и ждал, переводя спокойный взгляд с Андерса на нее. Во взгляде был вопрос. Она ответила кивком: все в порядке.

Он кивнул ей в ответ и прошел мимо них. Двое мужчин пристально посмотрели друг на друга. Они были одного роста, но Андерс шире в плечах, и у него было больше мышечной массы.

Марта проводила взглядом идущего по коридору Стига.

Потом она повернулась к Андерсу. Он склонил голову набок и смотрел на нее тем злобным взглядом, какой она стала все чаще замечать у него. Но Марта считала, что злость эта вызвана переживаниями по поводу того, что он не получал на работе признания, которого, по его мнению, был достоин.

– Что, черт возьми, это было? – спросил он.

Раньше он не ругался.

– Ты о чем?

– Вы как будто... переговаривались, или как? Что это за тип?

Марта выдохнула почти с облегчением. По крайней мере, эта территория была ей больше знакома. Ревность. Здесь почти ничего не изменилось с тех пор, как они подростками начали встречаться, поэтому опыт в урегулировании таких ситуаций у нее имелся. Она положила руку ему на плечо:

– Андерс, прекращай дурить, давай спустимся вниз за моей курткой и поедem домой. И не будем ругаться сегодня вечером, а лучше приготовим поесть.

– Марта, я...

– Тихо, – сказала она, уже зная, что преимущество на ее стороне. – Ты приготовишь поесть, а я приму душ. А о свадьбе мы поговорим завтра. Понятно?

Она видела, что он собирается возразить, и положила палец на его губы. На полные губы, которые она полюбила без памяти. Она провела пальцем вниз, по темным, правильной формы зачаткам бороды. Или же она полюбила ревность? Она уже не помнила.

Когда они усаживались в машину, он снова был спокоен. Этот «БМВ» он купил против ее воли, думая, что она полюбит автомобиль, как только поймет, насколько он удобен, особенно при поездках на дальние расстояния, и надежен. Андерс завел машину, и Марта снова увидела того, второго мужчину. Он вышел из дверей пансиона и быстро зашагал на восток. На плече у него висела красная сумка.

Глава 20

Симон проехал мимо участка с футбольными полями и свернул на свою улицу. Он увидел, что сосед снова делает гриль. Громкие, промаринованные солнцем и пивом взрывы хохота подчеркивали летнюю тишину их района. В большинстве домов окна темные, на улице почти нет припаркованных автомобилей.

– Ну вот мы и приехали, – произнес Симон, поворачивая к гаражу.

Он не знал, зачем сказал это. Эльсе прекрасно видела, что они подъехали к дому.

– Спасибо за фильм, – сказала она, опуская ладонь на его руку на рычаге переключения скоростей, как будто он проводил ее до ворот и собирался оставить.

Никогда, подумал Симон и улыбнулся ей. Он задумался, многое ли она поняла из того, что происходило на экране. Это Эльсе предложила пойти в кино. Несколько раз во время сеанса он поглядывал на нее и заметил, что смеялась она, во всяком случае, в правильных местах. Но в фильмах Вуди Аллена больше юмора содержится в диалогах, чем в визуальной составляющей. Да-да, но все равно они провели замечательный вечер. Еще один замечательный вечер.

– Но думаю, тебе не хватало Миа Фэрроу, – сказала она игриво.

Симон засмеялся. Это была их шутка. Первым фильмом, на который он ее повел, был «Ребенок Розмари», отвратительный гениальный фильм Поланского, где героиня Миа Фэрроу рождает ребенка, который оказывается сыном дьявола. Эльсе испытала потрясение и еще долго считала, что таким образом Симон дал ей понять, что не хочет иметь детей, особенно когда он стал настоятельно приглашать ее посмотреть этот фильм еще раз. Только потом, после просмотра четвертого фильма Аллена с Миа Фэрроу, она поняла, что его привлекала Фэрроу, а не сыновья дьявола.

Когда они шли от машины к дверям дома, Симон заметил на улице вспышку света. Короткую, как у мигающего маяка. Она исходила от припаркованной машины.

– Что это было? – спросила Эльсе.

– Не знаю, – ответил Симон, отпирая дверь. – Поставишь кофе? Я сейчас вернусь.

Симон вышел на проезжую часть. Он видел эту машину при подъезде к дому, такой не было ни у кого на их улице. И на прилегающих улицах. В

Осло лимузины принадлежат преимущественно посольствам, королевскому двору или министрам. Он знал еще только одного человека, разъезжавшего по Осло на машине с затемненными стеклами, удобным местом для ног и личным шофером. С шофером, который только что вышел из автомобиля и открыл для Симона заднюю дверцу.

Симон нагнулся, но остался стоять снаружи. У маленького человека, сидевшего в салоне, был острый нос и круглое розовощекое лицо того типа, что называют приятным. Синий блейзер с золотыми пуговицами, любимый наряд норвежских финансистов, судовладельцев и слащавых певцов в 80-е годы, всегда заставлял Симона задуматься, правда ли, что все норвежские мужчины в глубине души мечтают стать капитанами.

– Добрый вечер, комиссар Кефас, – сказал маленький человек высоким радостным голосом.

– Что ты делаешь на моей улице, Нестор? Здесь никто не будет покупать твоё дерьмо.

– Ой-ой. Всегда включаешь яростного полицейского воина?

– Дай мне малейший повод арестовать тебя, и я это сделаю.

– Ну, если закон не запрещает помогать человеку, попавшему в затруднительное положение, то, думаю, это не понадобится. Не хочешь сесть в машину, чтобы мы могли поговорить спокойно и без помех, Кефас?

– Не вижу причин.

– Ты тоже плохо видишь?

Симон уставился на Нестора. Короткие ручки, маленькое толстое тельце. Но рукава блейзера коротки ровно настолько, чтобы открывать золотые запонки в виде инициалов SN. Хотя этот человек утверждал, что является украинцем, по сведениям из полицейского досье на Хуго Нестора, он родился и вырос в норвежском городе Флурё, происходил из семьи рыбаков, носил фамилию Хансен, которую позже сменил, и никогда надолго не выезжал за границу – исключением был только период прерванной учебы на экономическом факультете Университета города Люнд в Швеции. Откуда у него взялся странный акцент, неизвестно, но украинским он точно не был.

– Не знаю, поняла ли твоя молодая жена, Кефас, кто исполнял какие роли. Но она, наверное, слышала, что сам Аллен не играл? Этот еврей так противно болтает. Не то чтобы я имел что-то против отдельно взятых евреев, но я считаю слова Гитлера об их расе правильными. То же самое со славянами. Хотя я и восточный славянин, но понимаю, что он был прав, когда говорил, что славяне не в состоянии сами править собой. На уровне расы, надо заметить. А этот Аллен, он ведь еще и педофил?

В полицейском досье далее говорилось, что Хуго Нестор был самым главным оператором на городском рынке наркотиков и торговли людьми. Он никогда не был осужден, никогда не привлекался, никогда не подозревался. Он был слишком умным и осторожным, этот чертов угорь.

– Не знаю, Нестор. Зато я знаю, что ходят слухи, будто это твои люди ликвидировали тюремного священника. Он вам что, денег задолжал?

Нестор снисходительно улыбнулся:

– Разве распространение слухов не ниже твоего достоинства, Кефас? Ты всегда отличался от коллег определенным стилем. Если бы у тебя имелось больше, чем слухи, например надежный свидетель, который мог бы предстать перед судом и опознать преступников, ты бы уже давно кого-нибудь задержал. Верно?

Угорь.

– Так или иначе, у меня есть предложение для тебя и твоей жены, которое несет с собой быстрые деньги. И денег хватит на довольно дорогую глазную операцию, например.

Симон сглотнул и, отвечая, заметил, что голос его осип:

– Это Фредрик тебе рассказал?

– Твой бывший коллега из Экокрима? Позволь сказать так: до меня дошли слухи о твоих потребностях. Когда ты обращаешься к нему с подобным вопросом, значит, ты хочешь, чтобы он достиг таких ушей, как мои. Или нет, Кефас? – Нестор улыбнулся. – Ну ладно. У меня есть предложение, выгодное, по-моему, для нас обоих. Ну что, не хочешь сесть в машину?

Симон взялся за дверцу и заметил, что Нестор автоматически подвинулся на сиденье, словно освобождая для него побольше места. Симон сосредоточился на том, чтобы дышать ровно и чтобы ярость не заставила его голос дрожать слишком сильно:

– Продолжай, Нестор. Дай мне наконец повод арестовать тебя.

Нестор вопросительно поднял бровь:

– О каком поводе вы говорите, комиссар Кефас?

– Попытка подкупа официального лица.

– Подкупа? – Нестор рассмеялся коротким визгливым смешком. – Давай назовем это деловым предложением, Кефас. Ты увидишь, что мы...

Остального Симон не расслышал, поскольку в лимузине, судя по всему, была хорошая звукоизоляция как внутри, так и снаружи. Он шел, не оглядываясь, и жалел, что не очень сильно захлопнул дверцу. Он услышал, как автомобиль завелся и шины зашуршали по асфальту.

– Ты, кажется, расстроен, любимый, – сказала Эльсе, когда он уселся

за кухонный стол со своей чашкой кофе. – Что случилось?

– Просто один водитель заблудился, – ответил Симон. – Я объяснил, как ему выехать.

Эльсе, мягко ступая, принесла кофейник. Симон смотрел в окно. Улица была пуста. В тот же миг он почувствовал, как по бедрам растекается горячая боль.

– Черт!

Он вышиб кофейник из рук Эльсе, и тот с грохотом упал на пол. Симон заорал на нее:

– Черт, женщина, ты льешь на меня кипящий кофе! Ты... ты... – Какая-то часть его мозга уже отреагировала и попыталась забрать слова назад, но, как и с той автомобильной дверцей, он не *хотел*, он отказывался, он все испортит, лучше бы ему вонзить нож себе в сердце. И ей. – Слепая!

В кухне стало тихо, единственным звуком было перекачивание крышки кофейника по линолеуму и бульканье вытекающего кофе. Нет! Он этого не хотел. Только не это!

– Прости, Эльсе, я...

Он поднялся, чтобы обнять ее, но Эльсе уже шла к раковине. Она открыла кран с холодной водой и сунула под него полотенце.

– Спусти брюки, Симон, я...

Он обнял ее сзади, прижался лбом к ее затылку и прошептал:

– Прости, прости, пожалуйста. Ты можешь меня простить? Я... я просто не знаю, что мне делать. Я должен бы что-нибудь для тебя сделать, но я... я не могу, я не знаю, я...

Он еще не слышал рыданий, но уже чувствовал, как они сотрясают ее тело и распространяются на него. Он ощутил комок в горле и подавил собственные рыдания, не зная, справился ли с ними. Оба стояли и дрожали.

– Это я должна извиняться, – всхлипнула Эльсе. – Ты мог бы выбрать кого-нибудь получше, а не ту, что... что будет тебя обваривать.

– Но лучше тебя нет, – прошептал он. – Так что все в порядке, можешь калечить меня, сколько хочешь, я тебя все равно никуда не отпущу, ясно?

И он понял, что она знает: это правда. Он сделает все, выдержит все, пожертвует всем.

«Чтобы он достиг таких ушей, как мои...»

Он просто не смог.

Из темноты доносился отдаленный экзальтированный смех соседа, а из глаз Эльсе лились слезы.

Калле посмотрел на часы: без двадцати одиннадцать. День удался,

сегодня они сбыли больше супербоя, чем обычно за целые выходные, поэтому пересчет и фасовка новых доз заняли немного больше времени, чем всегда. Он снял с лица маску, – они все надевали маски, когда измельчали и смешивали наркотик на скамейке в простой двадцатиметровой квадратной комнате, служившей им офисом, наркозаводом и банком одновременно. Наркотик они получали, конечно, уже с добавками, но супербой все равно был самым чистым веществом, с каким Калле имел дело в своей дилерской карьере. Настолько чистым, что если бы они не пользовались масками, то не только словили бы кайф, но и умерли от вдыхания пыли при измельчении и смешивании коричнево-белого порошка. Калле положил маски в сейф перед пачками денег и расфасованными дозами. Может, позвонить Вере и сообщить, что он задерживается? Или же настало время дать ей понять, кто в доме хозяин, кто приносит the dough^[20] и может приходить и уходить, не отчитываясь за каждый чертов шаг?

Калле попросил Пелвиса проверить коридор.

От их железной двери до лифта с правой стороны было всего два-три метра. В конце коридора находилась дверь на лестницу, но они, нарушив все противопожарные предписания, повесили на нее цепь, так что она всегда была закрыта.

– Cassius, check the parking place!^[21] – прокричал Калле, запирая сейф.

В их маленький офис не проникали никакие другие звуки, кроме отголосков репетиций на первом этаже, но он любил кричать. Кассиус был самым большим и жирным африканцем в городе. Его тело было таким здоровым и бесформенным, что порой бывало трудно понять, где какая его часть находится, но зато он мог остановить почти любого, пусть даже мышечная масса составляла всего десять процентов его тела.

– No cars, no people at the parking lot^[22], – сказал Кассиус, выглянув в зарешеченное окно.

– Коридор чист, – произнес Пелвис, посмотрев в дверное окошко.

Калле крутил колесико сейфового замка, ощущая ровное, хорошо смазанное сопротивление и мягкое постукивание. Шифр находился у него в голове, и больше нигде, он нигде не был записан, в цифрах не было логики, никаких дат рождения и прочей чепухи.

– Тогда уходим, – сказал он, выпрямляясь. – Have your gun ready, both of you^[23].

Они вопросительно посмотрели на Калле.

Калле ничего не сказал, но с глазами, которые он заметил в дверном

окошке, что-то было не так. Он знал, что эти глаза успели разглядеть сидевшего за столом Калле. Хорошо, если это просто парень из плохой группы, который мечтает о менеджере, тогда ничего страшного. Но на столе находилось немало денег и наркотиков, поэтому любой придурок мог захотеть попытать счастья. Будем надеяться, что парень успел заметить на столе и два пистолета, принадлежавшие Кассиусу и Пелвису.

Калле подошел к двери. Замок можно было открыть только его единственным ключом, как снаружи, так и изнутри. Это означало, что Калле мог запереть в офисе работавших там людей, когда самому ему требовалось выйти. Решетки на окнах не открывались. Короче говоря, никто из работающих на Калле не мог смыться с деньгами и товаром. Или впустить непрошенных гостей.

Калле выглянул в окошко, и вовсе не потому, что забыл, как Пелвис недавно сообщил, что коридор чист. Просто он был уверен, что Пелвис может обманом заставить своего босса открыть дверь, если ему за это хорошо заплатят. Черт возьми, да Калле сам поступил бы так же. *Поступил так же.*

В дверное окошко он никого не увидел. Калле посмотрел в зеркало, которое установил на стене напротив, чтобы никто не мог спрятаться, прижавшись к двери прямо под окошком. Слабо освещенный коридор был пуст. Он повернул в замке ключ и выпустил Кассиуса и Пелвиса. Первым вышел Пелвис, за ним Кассиус, потом сам Калле. Он повернулся, чтобы запереть дверь.

– Что за... – раздался голос Пелвиса.

Калле обернулся и только сейчас заметил то, чего не мог видеть из окошка из-за угла обзора: двери лифта были открыты. Но он все еще не видел, что делается в кабине, поскольку свет в ней был отключен. В скупом освещении коридора он видел только что-то белое с одной стороны от дверей лифта. Скотч. Сенсоры кабины лифта заклеены скотчем. И осколки стекла на полу.

– Осторо...

Но Пелвис уже сделал три шага по направлению к лифту.

Мозг Калле отметил вспышку в темноте лифта и только потом получил информацию о хлопке.

Голова Пелвиса качнулась в сторону, как будто кто-то залепил ему пощечину. Он посмотрел на Калле с выражением удивления на лице. Казалось, на его скуле появился третий глаз. А потом жизнь ушла из него, и тело повалилось на пол, как пальто, из которого только что вышел владелец.

– Кассиус! Стреляй, мать твою!..

В панике Калле забыл, что Кассиус не говорит по-норвежски, но это не имело никакого значения: тот уже направил пистолет в темноту лифта и пальнул. Калле почувствовал, как в груди колотится сердце. Он никогда раньше не находился по другую сторону пистолета, но теперь он знал, почему те, на кого направлялось дуло, замирали в таких комичных позах, словно их залили цементом. Боль разливалась по груди, было трудно дышать, но он должен был зайти в офис, за пуленепробиваемыми дверьми которого находился воздух, безопасность и надежный замок. Однако рука не слушалась, ему не удавалось вставить ключ в замок, он был как во сне, будто двигался под водой. К счастью, его прикрывало гигантское тело Кассиуса, который палил не переставая. Наконец ключ проскользнул в скважину, и Калле повернул его, рванул дверь и влетел в офис. Он быстро развернулся, чтобы захлопнуть за собой дверь, но та наткнулась на Кассиуса, который успел просунуть внутрь помещения руку размером с бедро. Черт! Калле попытался вытолкнуть ее, но остальные части Кассиуса уже протискивались внутрь офиса.

– Заходи давай, жирдяй хренов! – прохрипел Калле, открывая дверь.

Африканец завалился внутрь, как тесто, выпирающее из квашни. Он вдавливался в помещение, перекатывая массу своего тела через порог. Его остекленевшие глаза вращались, как у только что вытащенной из воды глубоководной рыбы, рот открывался и закрывался.

– Кассиус!

Единственным ответом ему был влажный хлопок разорвавшегося на губах у африканца большого красного пузыря. Калле уперся ногами в стену и попытался вытолкнуть чернокожую гору наружу, чтобы закрыть дверь. Но ничего не получалось. Калле наклонился и попробовал заволочь его в офис. Слишком тяжело. В коридоре слышались тихие шаги. Пистолет! Кассиус упал так, что рука с оружием оказалась под ним. Калле уселся на него верхом, отчаянно стараясь запустить руку под его тело, но за каждой жировой складкой находилась новая, а пистолета не было и в помине. Сидя на трупе с рукой, по локоть закопанной в жир, Калле услышал, как шаги в коридоре ускорились. Он понял, что сейчас произойдет, попытался спрятаться, но слишком поздно: дверь ударила его в лоб и наступила темнота.

Когда Калле открыл глаза, он лежал на спине и смотрел на типа в куртке с капюшоном, в желтых резиновых перчатках, с пистолетом, направленным прямо на него. Он покрутил головой, но больше никого не увидел, только Кассиуса, половина тела которого находилась в офисе. Из

своего положения Калле видел дуло пистолета, выглядывающее из-под туши Кассиуса.

– Что тебе надо?

– Чтобы ты открыл сейф. У тебя осталось семь секунд.

– Семь?

– Я начал обратный отсчет до того, как ты очнулся. Шесть.

Калле поднялся на ноги. У него кружилась голова, но он подошел к сейфу.

– Пять.

Он начал крутить колесико замка.

– Четыре.

Еще одна цифра, и сейф откроется, а деньги исчезнут. Деньги, которые ему придется возмещать лично, – таковы правила игры.

– Три.

Он помедлил. Только бы ему добраться до пистолета под телом Кассиуса!

– Два.

Он действительно выстрелит или блефует?

– Один.

Этот тип застрелил двоих, глазом не моргнув, так что` ему стоит застрелить третьего?

– Вот... – сказал Калле, отходя в сторону.

Он не мог заставить себя посмотреть на пачки денег и товар.

– Клади все сюда, – приказал парень, протягивая ему красную спортивную сумку.

Калле сделал, как он велел. Ни быстро, ни медленно. Он просто перекладывал содержимое сейфа в сумку, а мозг его в это время автоматически подсчитывал. Сто тысяч крон. Двести тысяч...

Когда он закончил, парень велел ему бросить сумку на пол, что Калле и сделал. И в тот же самый миг он понял, что если его застрелят, то это произойдет сейчас. Здесь. От него больше не было пользы. Калле сделал два шага в сторону Кассиуса. Он должен немедленно добыть пистолет.

– Если ты не будешь этого делать, я тебя не застрелю, – сказал парень. Вот черт, он что, мысли читает?

– Положи руки за голову и выходи в коридор.

Калле помедлил. Может, это означает, что ему будет позволено жить? Он перешагнул через Кассиуса.

– Лицом к стене, руки над головой.

Калле снова поступил так, как ему было велено. Он покрутил головой

и увидел, что парень уже подобрал пистолет Пелвиса и сидит на корточках, шаря рукой под Кассиусом и не отводя взгляда от Калле. Он выудил второй пистолет.

– Вынь пулю из той стены, будь так добр, – сказал парень, указывая направление.

И до Калле дошло, где он его видел. У реки, это тот бегун. Наверное, выследил их. Калле посмотрел вверх, на деформированную пулю, застрявшую между кирпичами. Многочисленные брызги крови вели от стены туда, откуда они появились: к голове Пелвиса. У этой пули была не слишком большая скорость, Калле выковырял ее ногтем.

– Давай сюда, – сказал парень, принимая пулю свободной рукой. – Теперь найди-ка мою вторую пулю и обе стреляные гильзы. У тебя тридцать секунд.

– А что, если твоя вторая пуля в Кассиусе?

– Я так не думаю. Двадцать девять.

– Посмотри на эту гору жира, приятель!

– Двадцать восемь.

Калле упал на колени и начал поиски. Черт, почему он пожалел денег на более яркие лампы!

К «тринадцати» он собрал четыре стреляные гильзы Кассиуса и одну другую. На «семь» он нашел вторую пулю, выпущенную в них, – судя по всему, она прошла насквозь через голову Кассиуса и попала в металлическую дверь, потому что на двери осталась небольшая вмятина.

К окончанию отсчета он так и не сумел найти вторую стреляную гильзу.

Он закрыл глаза, почувствовав, как одно веко, немного тесноватое, оцарапало глазное яблоко. Он молил Бога подарить ему еще один день жизни. Калле услышал выстрел, но не почувствовал боли. Он открыл глаза и обнаружил, что по-прежнему стоит на полу на четвереньках.

Парень отводил дуло пистолета Пелвиса от тела Кассиуса.

Черт, парень на всякий случай еще раз выстрелил в Кассиуса из пистолета Пелвиса! А теперь он подошел к Пелвису, приставил пистолет Кассиуса к тому же месту, в которое вошла первая пуля, и подкорректировал угол. И выстрелил.

– Черт! – заорал Калле и услышал рыдания в собственном голосе.

Парень убрал оба пистолета в красную сумку и махнул своим в сторону Калле:

– Пошли. Покатаемся на лифте.

Лифт. Осколки. Это должно произойти в лифте. Он *должен* схватить

этого парня в лифте.

Они вошли в кабину, и в свете, попадавшем внутрь из коридора, Калле увидел многочисленные осколки стекла на полу лифтовой кабины. Он нацелился на один из них, удлиненный, прекрасно подходивший для задуманного. Когда двери закроются, в кабине наступит полная тьма, и ему всего-то надо наклониться, схватить кусок стекла и быстрым плавным движением махнуть им. Всего-то...

Двери закрылись. Парень засунул пистолет за пояс брюк. Прекрасно! Не сложнее, чем курицу зарезать. В кабине стало темно. Калле нагнулся. Пальцы нащупали осколок. Он поднялся. И тут его поймали.

Калле не знал, что за захват к нему применили, но он совершенно не мог двигаться, не мог, черт возьми, даже пальцем пошевелить. Он попытался высвободиться, но это было все равно что тянуть не за тот конец веревки: захват только усилился, а шее и рукам сделалось нестерпимо больно. Кусок стекла выскользнул из его руки. Наверное, что-то из арсенала боевых искусств. Лифт тронулся.

Двери раскрылись, и они услышали бесконечный грохот баса. Захват ослаб. Калле открыл рот и стал пить воздух. На него снова был нацелен пистолет, приказывавший ему двигаться дальше по коридору.

Калле отвели в одну из пустующих репетиционных комнат и приказали сесть на пол спиной к батарее. Он сидел не шевелясь и разглядывал большой барабан с надписью «The Young Hopeless», пока парень привязывал его к батарее длинным черным проводом. Спротивляться не было причин: у него нет планов убить Калле, иначе он был бы уже мертв. А деньги и товар можно восполнить. Конечно, восполнять придется ему лично, но в данную минуту больше всего он думал о том, как объяснит Вере, что в обозримом будущем шоп-тура в один из городов мира не предвидится. Парень поднял с пола две гитарные струны и обвязал голову Калле через переносицу толстой струной, а через подбородок – тонкой. Затем он, вероятно, привязал струны к батарее, потому что Калле почувствовал, как металл тонкой струны врезается ему в кожу и давит на десну нижней челюсти.

– Покрути головой, – сказал парень.

Ему приходилось говорить громко, потому что в помещении было шумно из-за музыки, доносившейся из коридора. Калле попытался пошевелить головой, но гитарные струны слишком крепко удерживали ее.

– Хорошо.

Парень поставил на барабанную подставку вентилятор, включил его и направил Калле в лицо. Калле прикрыл глаза от потока воздуха и

почувствовал, как по его лицу потек пот. Когда он вновь открыл глаза, то увидел, что парень поставил один из килограммовых мешков чистого супербоя на стул перед вентилятором и натянул свою куртку на нос и рот. Что он, черт возьми, собирается делать? А потом Калле заметил длинный осколок стекла.

Его сердце сжала ледяная рука.

Он понял, что сейчас произойдет.

Парень взмахнул осколком. Калле застыл. Острый конец стекла вошел в пластиковый пакет, проделал в нем длинное отверстие, и в следующий момент комната наполнилась белым порошком. Он попал Калле в глаза, в рот, в нос. Калле закрыл рот, но его одолел приступ кашля. Он снова закрыл рот и почувствовал горький вкус порошка, осевшего на слизистой, которая жгла и горела. Вещество уже начало поступать в его кровь.

Фотография Пелле и его жены была приклеена к торпеде слева, между рулем и дверцей. Пелле провел пальцем по скользкой засаленной поверхности. Он вернулся на место на своей стоянке в районе Гамлебюен, но это не помогло: было по-летнему безжизненно, а вызовы, возникавшие на мониторе, поступали из других концов города. Но у Пелле появилась надежда: он увидел человека, только что вышедшего из ворот старого фабричного комплекса. Человек этот двигался целенаправленно и быстро, и было понятно, что он торопится и поспешит схватить единственное такси на стоянке, пока огонек на его крыше не погас и оно не исчезло. Но внезапно человек остановился, склонился к стене дома и согнулся пополам. Он стоял прямо под уличным фонарем, и Пелле видел, как содержимое его желудка льется на асфальт. Не дай бог такое случится в машине. Парень стоял согнувшись и блевал. Пелле и сам не раз бывал в его положении и поэтому ощутил во рту привкус желчи от одного взгляда на парня. Потом тот утерся рукавом куртки, выпрямился, набросил на плечо ремень сумки и пошел по направлению к Пелле. И только когда парень приблизился, Пелле понял, что он уже подвозил его меньше часа назад. У него еще не хватило денег, чтобы доехать до пансиона. А сейчас он подавал Пелле знаки, что хочет сесть в такси. Пелле нажал на кнопку, блокирующую все двери в машине, и приоткрыл окно. Он подождал, пока парень подойдет к машине и безуспешно попытается открыть дверь.

— Извини, приятель, я не поеду.

— Ну пожалуйста?

Пелле оглядел его. Следы от слез на лице. Черт знает, что с ним произошло, это не его дело. Ладно, может, случилось что-то печальное, но

таксисту в городе Осло не выжить, если он станет широко распахивать двери чужим бедам.

– Слушай, я видел, как ты блевал. Рвота в машине будет стоять тебе тысячу крон, а мне – потерянного рабочего дня. Кроме того, когда ты в прошлый раз выходил из моей машины, у тебя не было денег. Поэтому я пас, понятно?

Пелле до конца закрыл окно и уставился прямо перед собой в надежде, что парень уйдет, не поднимая шума. Он приготовился при необходимости отъехать. Черт, как же у него разболелась нога сегодня вечером! Боковым зрением он увидел, как парень открывает сумку, вынимает из нее что-то и прикладывает к стеклу.

Пелле слегка повернул голову. Тысячекроновая бумажка.

Пелле покачал головой, но парень не уходил. Он стоял не двигаясь и ждал. На самом деле Пелле не беспокоился, в прошлый раз парень не бедокурил. Скорее наоборот, вместо того чтобы упрашивать Пелле проехать еще чуть-чуть, как делало большинство людей, у которых не хватало денег, он поблагодарил Пелле, когда тот остановился и высадил его, как только на таксометре высветилась заплаченная парнем сумма. Он благодарил так искренне, что Пелле начал испытывать угрызения совести, что не довез его до дверей пансиона: это заняло бы у него две лишние минуты.

Пелле вздохнул и нажал на кнопку, разблокировавшую двери.

Парень скользнул на заднее сиденье.

– Большое, большое спасибо.

– Ладно. Куда?

– Сначала, будьте добры, в Берг. Я там кое- что оставлю, если вы будете так любезны и подождете. А потом в пансион «Ила». Я, конечно, заплачу вперед.

– Не надо, – сказал Пелле, заводя двигатель.

Жена была права, он слишком добр для этого мира.

Часть III

Глава 21

Было десять часов утра, и лучи солнца уже давно освещали улицу Вальдемара Тране, где Марта припарковала свой «гольф-кабриолет». Она вылезла из машины и легкими шагами прошла мимо кондитерской к входу в кафе пансиона «Ила». Она заметила, что некоторые мужчины и даже женщины поглядывали на нее, когда она проходила мимо. Не то чтобы это было совсем необычно, но сегодня ей казалось, что она привлекает больше внимания, чем всегда. Она отнесла это на счет необычайно хорошего настроения, которое, наверное, замечали и окружающие. А вот почему она была в таком прекрасном настроении, она не знала. Марта ругалась со своей будущей свекровью по поводу даты свадьбы, с начальницей пансиона Грете – по поводу распределения дежурств, с Андерсом – по любому, в общем-то, поводу. Может быть, настроение было таким замечательным, потому что она была свободна: Андерс с мамой уехали на выходные в загородный дом, и минимум два дня солнце будет светить для нее одной.

Марта вошла в кафе и увидела, как поднялись головы всех параноиков. Все, кроме одной. Она улыбнулась, помахала в ответ на приветствия, подошла к двум девушкам за прилавком и протянула одной из них ключ:

– Все будет замечательно. Просто отработайте до конца. Вас двое, помните это.

Бледнолицая девушка кивнула.

Стоя спиной к залу, Марта налила себе чашку кофе. Она знала, что говорит немного громче, чем нужно. Марта повернулась и с напускным удивлением встретила взглядом со Стигом, а затем подошла к столику у окна, где он сидел в одиночестве. Она поднесла чашку к губам и произнесла через ее край:

– Рано встал?

Он поднял бровь, и Марта поняла, как глупо это прозвучало, ведь уже перевалило за десять.

– Большинство местной публики обычно встает позже, – поспешила она добавить.

– Да, это так, – улыбнулся он.

– Послушай, я хотела извиниться за то, что произошло вчера.

– Вчера?

– Да. Андерс обычно не такой, но иногда... В любом случае, он не имел права разговаривать с тобой в таком тоне. Обзывать тебя торчком и...

Стиг покачал головой:

– Тебе не надо извиняться, ты ничего плохого не сделала. И твой парень тоже, я ведь на самом деле торчок.

– А я вожу машину, как тупая баба. Но это не значит, что я позволяю другим сообщать мне об этом.

Он рассмеялся. Смех смягчил его лицо, сделал его мальчишеским.

– Но как я вижу, ты все равно водишь. – Он кивнул в сторону окна. – Твоя машина?

– Да, я знаю, что это старая рухлядь, но я люблю водить. А ты разве нет?

– Не знаю, я никогда не сидел за рулем.

– Никогда? Что, правда?

Он пожал плечами.

– Как грустно, – сказала Марта.

– Грустно?

– Ничто не может сравниться с ездой на кабриолете с опущенным верхом в солнечный день.

– Даже для...

– Да, даже для торчка, – засмеялась она. – Лучшая поездка из возможных, слово даю.

– Тогда тебе придется когда-нибудь взять меня с собой.

– Конечно, – сказала она. – Может, прямо сейчас?

Марта заметила в его взгляде легкое удивление. Эти слова вырвались у нее сами собой. Она знала, что на них смотрят другие. Ну и что? Она могла часами сидеть с другими постояльцами и разговаривать об их личных проблемах, и никому это не казалось странным, наоборот, это было частью ее работы. А сегодня, кроме всего прочего, у нее выходной, и она может распоряжаться им, как пожелает, разве не так?

– С удовольствием, – сказал Стиг.

– У меня, в общем-то, всего несколько часов, – ответила Марта и заметила, что говорит очень быстро.

Неужели она уже раскаивается?

– Вот если бы я мог попробовать самую малость, – сказал он. – Порулить. Кажется, это весело.

– Я знаю одно местечко. Пошли.

Когда они выходили из кафе, Марта чувствовала на своей спине взгляды постояльцев.

Он выглядел таким сосредоточенным, что она рассмеялась.

Наклонившись вперед и крепко вцепившись в руль, он невозможно медленно выписывал большие круги по свободной в выходной день от машин парковке в районе Экерн.

– Хорошо, – сказала Марта. – А теперь попробуй поехать восьмеркой.

Он последовал ее указанию, прибавил газ, но, когда количество оборотов двигателя увеличилось, инстинктивно отпустил педаль.

– Кстати, к нам заходила полиция, – сказала Марта. – Они спрашивали, не выдавали ли мы новые кроссовки. Это как-то связано с убийством Иверсен, ты, наверное, о нем слышал.

– Да, я читал о нем, – ответил он.

Она бросила на него взгляд. Ей понравилось, что он читает. Многие из постояльцев «Илы» в жизни не прочли ни одного слова, не следили за новостями, не знали имени премьер-министра и понятия не имели, что такое 9/11^[24]. Но они могли быстро рассказать, где и за сколько можно купить спид, оценить степень чистоты героина и процент действующих веществ в новом лекарстве.

– Кстати, об Иверсене: не так ли звали человека, который мог дать тебе работу?

– Да. Я заходил к нему, но вакансии уже не было.

– О, как жаль.

– Да, но я не сдаюсь. В моем списке есть и другие имена.

– Отлично! Значит, у тебя есть список?

– Да, список есть.

– Попробуем увеличить скорость?

Спустя два часа они катились по улице Моссевейен. За рулем была Марта. Рядом с ними в солнечных лучах купался Осло-фьорд. Стиг учился необычайно быстро: пробовал и ошибался, переключая скорости, но когда освоился, то словно запрограммировал свой мозг на правильные действия и постоянно повторял их, доводя до автоматизма. Три раза попытавшись начать движение со склона, он смог сделать это без использования ручного тормоза. А когда понял геометрию парковки, то начал парковаться с раздражающей легкостью.

– Что это?

– «Депеш мод», – сказал он. – Тебе нравится?

Марта послушала распевающее пение на два голоса, сопровождающееся механическим ритмом.

– Да, – ответила она, увеличивая громкость проигрывателя дисков. – Звучит очень... по-английски.

– Точно. А что еще ты слушаешь?

– Хм. Веселую и мрачную музыку. Как те, кто не принимает собственную депрессию слишком всерьез, если ты понимаешь, о чем я.

Он рассмеялся:

– Я понимаю, о чем ты.

Несколько минут они ехали по шоссе, потом она свернула к Несоддтангену. Дороги стали уже, движение – не таким напряженным. Марта съехала с главной дороги и остановилась.

– Ты готов к встрече с действительностью?

Он кивнул:

– Да, я готов к встрече с действительностью.

Они вышли из машины и поменялись местами. Стик сел за руль, посмотрел прямо перед собой, сосредоточился. О своей готовности к встрече с действительностью он заявил с выражением, которое навело Марту на мысль, что он имел в виду нечто большее, чем вождение автомобиля. Он выжал сцепление и включил передачу, после чего осторожно попробовал нажать на газ.

– Зеркало, – напомнила Марта, поправляя зеркало заднего вида.

– Путь свободен, – произнес он.

– Поворотник.

Стик включил поворотник, пробормотал «готово» и аккуратно отпустил сцепление.

Они медленно выехали на дорогу. Число оборотов было великовато.

– Ручной тормоз, – сказала Марта и схватила рычаг, расположенный между ними, чтобы поднять его.

Он потянулся сделать то же самое, задел ее руку и поспешно убрал свою, как будто обжегся.

– Спасибо, – сказал он.

Десять минут они ехали в полной тишине. Позволили спешащей машине обогнать их. Навстречу ехал трейлер. Марта затаила дыхание. Хотя она и понимала, что места на узкой дороге хватит для обеих машин, сама бы она невольно притормозила и съехала на обочину. Но Стик не дал себя запугать. И самое удивительное, она доверяла ему. Он правильно оценивал ситуацию, обладая врожденной мужской способностью видеть в трех измерениях. Она смотрела на его руки, спокойно лежащие на руле, и думала, что ему не хватает того, чего у нее имеется в переизбытке, – сомнений в собственной способности давать верные оценки. Она видела красивые толстые вены на его руках, по которым сердце спокойно перекачивало кровь. Кровь для кончиков пальцев. Она увидела, как руки

быстро, но не в панике повернули вправо, когда ветер от проехавшего мимо трейлера охватил их машину.

– Эй! – закричал он оживленно и взглянул на нее. – Ты почувствовала?

– Да, – сказала она, – я почувствовала.

Под ее руководством они доехали до самого конца Несоддена, а потом свернули на гравиевую дорожку и припарковались позади миниатюрного низкого дома-коробки с маленькими окнами на задней стороне и большими окнами в сторону моря.

– Перестроенные летние домики пятидесятых годов, – объяснила Марта, идя впереди Стига по тропинке среди высокой травы. – Я выросла в одном из таких. А здесь было наше секретное место для загораения...

Они вышли на вершину холма. Под ними расстиралось море, и оттуда, снизу, доносились радостные взвизги купающихся детей. Чуть дальше располагалась пристань с судами, совершавшими челночные рейсы на север, в центр Осло. В ясную погоду казалось, что город находится всего в нескольких сотнях метров. На самом деле до центра было пять километров, но большинство работающих в Осло предпочитали добираться до города на корабле, а не тащиться пять километров вокруг фьорда.

Марта села и втянула в себя соленый воздух.

– Мои родители и их друзья обычно называли Несодден Маленьким Берлином, – сказала она. – Из-за всех тех художников, которые здесь жили. В холодных летних домах жить было дешевле, чем в центре Осло. Если наступала минусовая температура, все собирались в самом теплом доме. В нашем. Сидели до утра и пили красное вино, потому что матрацев в доме на всех не хватало. А утром все вместе завтракали.

– Звучит неплохо. – Стиг сел рядом с ней.

– Так и жили. Люди здесь помогали друг другу.

– Прямо настоящая идиллия.

– Ну да. Случалось, они жаловались на нехватку денег, критиковали искусство друг друга, а иногда и трахали жен друг друга. Но это была жизнь, и она была интересной. Мы с сестрой и правда думали, что живем в Берлине, пока папа однажды не показал мне на карте, где находится настоящий Берлин, и не объяснил, что до него ехать долго-долго, минимум тысячу километров. Но однажды мы туда поедem. И тогда мы пойдem к Бранденбургским воротам и дворцу Шарлоттенбург, где мы с сестрой станem принцессами.

– И как, вы туда съездили?

– В Большой Берлин? – Марта покачала головой. – У мамы с папой

всегда было туго с деньгами. И до старости они не дожили. Мне было восемнадцать, когда они умерли, и мне пришлось взять на себя заботу о сестре. Но я всегда мечтала о Берлине. Так сильно, что я уже не уверена, существует ли он.

Стиг медленно кивнул, закрыл глаза и откинулся назад, на траву.

Она посмотрела на него:

– Послушаем еще ту твою группу?

Он открыл один глаз и прищурился:

– «Депеш мод»? Диск в проигрывателе в машине.

– Дай мне свой мобильник, – попросила Марта.

Он отдал, и она принялась набирать текст. Из маленьких динамиков раздались ритмичные звуки дыхания, а потом неживой голос, предложивший взять их в путешествие. На лице Стига было написано такое изумление, что Марта рассмеялась.

– Это называется «Спотифай», – объяснила она и положила телефон на землю между ними. – Ты можешь закачивать песни из Сети. Кажется, это все в новинку для тебя?

– В тюрьме нам не разрешали иметь мобилы, – сказал он и живо схватил телефон.

– В тюрьме?

– Да, я сидел.

– Наркотики продавал?

Стиг заслонился от солнца:

– Точно.

Она кивнула, коротко улыбнулась. Она-то что думала? Что он был героинщиком и законопослушным гражданином? Он делал то, что был должен, как и все остальные.

Марта взяла у него телефон, объяснила ему функцию GPS, как можно на карте найти свое местоположение и выбрать кратчайший маршрут в любую точку мира. Она сфотографировала его на камеру телефона, включила диктофон и попросила его что-нибудь сказать.

– Сегодня прекрасный день, – сказал он.

Она остановила запись и проиграла ее Стигу.

– Это что, мой голос? – спросил он удивленно и явно обеспокоенно.

Марта нажала на «стоп» и снова проиграла ему запись. Металлический голос в динамиках звучал напряженно: «Это что, мой голос?»

Она рассмеялась, увидев выражение его лица, и расхохоталась еще больше, когда он схватил телефон, нашел диктофон и сказал, что теперь ее

очередь, теперь она должна поговорить, нет, лучше спеть.

– Нет! – со смехом отказалась она. – Лучше сделай фотографию.

Стиг покачал головой:

– Голоса лучше.

– Чем же?

Он сделал движение, будто собирался убрать волосы за ухо. Машинальное движение человека, который очень долго носил длинные волосы и забыл о том, что подстригся.

– Люди меняют внешность. Но голоса остаются неизменными.

Стиг смотрел на море, а она следила за его взглядом. Но не видела ничего, кроме сверкающей на солнце водной поверхности, чайек, шхер и парусов далеко в море.

– Некоторые меняются, – сказала она.

И подумала о детском голосе, который иногда раздавался в рации. Он не менялся.

– Ты любишь петь, – сказал Стиг. – Но не для других.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что ты любишь музыку. Но когда я попросил тебя спеть, ты испугалась так же, как та девушка в кафе, которой ты дала ключ.

Марта вздрогнула. Он что, прочитал ее мысли?

– Чего она боялась?

– Ничего, – ответила Марта. – Они еще с одной девочкой должны уничтожить часть архива, а другую часть перенести с чердака. А там никому не нравится находиться. Поэтому на чердаке мы делаем то, что необходимо, по очереди.

– А что не так с чердаком?

Марта посмотрела на чайку, застывшую высоко в воздухе над морем и едва заметно покачивавшуюся из стороны в сторону. Наверное, там ветер намного сильнее, чем на земле.

– Ты веришь в привидения? – спросила она тихо.

– Нет.

– Я тоже. – Она откинулась назад и оперлась на локти, чтобы видеть его, не поворачиваясь. – Дом, где находится «Ила», выглядит так, будто ему намного больше ста лет, правильно? Но на самом деле его построили в двадцатые годы. Сначала это был простой пансион...

– Железные буквы на фасаде.

– Верно, они остались с тех времен. Но во время войны немцы превратили его в дом для молодых женщин с детьми. Тогда эти стены увидели много грустных судеб, которые засели в его стенах. Одна из

живших там женщин родила мальчика. Она утверждала, что забеременела в результате непорочного зачатия, а такое заявление не было совсем уж необычным, когда люди в те времена попадали в беду. Мужчина, которого все подозревали, был женат и, конечно, отрицал свое отцовство. О нем ходило два слуха. Один из них гласил, что он участвовал в движении Сопротивления, другой – что он был немецким шпионом и проник в движение Сопротивления, и именно поэтому немцы дали той женщине место в пансионе и до сих пор не арестовали мужчину. Но тем не менее однажды утром мужчину застрелили в битком набитом трамвае в центре Осло. Кто его убил, так и не выяснили. Движение Сопротивления утверждало, что устранило предателя, немцы – что разделились с партизаном. И чтобы ни у кого не осталось сомнений, немцы повесили труп перед прожектором на маяке Кавринген.

Она указала на море.

– Моряки, проходившие мимо маяка в дневное время, видели высохший, поклеванный чайками труп, а те, кто шел мимо ночью, видели огромную тень, которую покойник отбрасывал на поверхность моря. Но в один прекрасный день труп внезапно исчез. Некоторые считали, что его убрало движение Сопротивления. Но с того дня женщина в пансионе начала сходить с ума, она утверждала, что мужчина превратился в привидение, что он приходит в ее комнату по ночам, стоит над колыбелькой их ребенка, а когда она кричит на него и требует убраться, он поворачивается к ней лицом с двумя черными дырами на тех местах, где находились выклеванные чайками глаза.

Стиг поднял бровь.

– Вот так мне рассказывала Грете, начальница «Илы», – сказала Марта. – История гласит, что их ребенок все время плакал, но когда женщины из соседних комнат стали жаловаться и требовать, чтобы она успокоила свое дитя, она ответила, что ребенок плачет за них обоих и будет делать это вечно.

Марта сделала паузу. Ей всегда больше всего нравилась именно эта часть истории.

– По слухам, она сама не знала, на кого работает отец ребенка, но, чтобы отомстить ему за отказ от отцовства, она сдала его немцам как партизана, и движению Сопротивления – как шпиона.

Внезапно налетел прохладный ветер, и Марта поежилась. Она села и обняла колени руками.

– И вот однажды она не пришла на завтрак. Ее нашли на чердаке. Она повесилась на большой поперечной балке. На дереве видна светлая

полоска, и, по слухам, именно там была привязана веревка.

– И теперь ее привидение живет на чердаке.

– Я не знаю, знаю только, что в том месте трудно находиться. В принципе я не верю в привидения, но никто не может находиться долго на чердаке. Там как будто чувствуется зло. У людей начинает болеть голова, им кажется, что помещение выталкивает их. Обычно это происходит с новенькими сотрудниками или с людьми, нанятыми для уборки, которые не знают всей истории. И дело не в асбестовой изоляции или чем-то подобном.

Она пристально посмотрела на Стига. Но на его лице не было скептического выражения или улыбки, которую она почти ожидала увидеть. Он просто слушал.

– Но это не все, – вновь заговорила Марта. – Ребенок.

– Да, – произнес Стиг.

– Да? Можешь угадать?

– Ребенок исчез.

Она удивленно посмотрела на него:

– Откуда ты узнал?

Он пожал плечами:

– Ты попросила меня угадать.

– Кто-то считает, что она отдала его людям из Соппротивления в ту же ночь, когда повесилась. Другие думают, что она убила ребенка и похоронила в саду, чтобы никто не отнял его у нее. В любом случае... – Марта вздохнула. – Его так и не нашли. Но вот что удивительно: иногда в наших рациях раздаются звуки, происхождение которых нам неизвестно. Однако мы слышим, что́ это.

Ей показалось, что он и это уже знает.

– Детский плач, – сказала она.

– Детский плач, – повторил он.

– Многие, особенно новички, пугаются, когда слышат его. Но Грете говорит им, что ничего странного в этом нет, потому что наши рации иногда ловят сигналы соседских радионянь.

– Однако ты в это не веришь?

Марта пожала плечами:

– Ну, возможно, так оно и есть.

– Но?

Еще один порыв ветра. На западе появились темные тучи. Марта пожалела, что не взяла с собой куртку.

– Но я проработала в «Иле» семь лет. А ты ведь сам сказал, что голоса

остаются неизменными...

– Да?

– Клянусь, это голос одного и того же младенца.

Стиг кивнул. Он ничего не сказал, не попытался предложить какие-либо объяснения или комментарии, только кивнул. Ей это понравилось.

– Знаешь, что означают вон те тучи? – сказал он наконец и поднялся на ноги.

– Что будет дождь и нам надо ехать?

– Нет, – сказал он. – Что мы должны поторопиться, чтобы успеть искупаться и обсохнуть на солнце.

– Compassion fatigue, – сказала Марта. Она лежала на спине и смотрела на небо. Во рту до сих пор ощущался привкус соленой воды, а теплый камень приятно касался кожи и мокрого белья. – Это значит, что я утратила способность к состраданию. И это до такой степени невозможно в системе социальной помощи Норвегии, что название синдрома даже не посчитали нужным перевести на норвежский.

Стиг не ответил, и это нормально; на самом деле она говорила все это не ему, его присутствие было просто поводом поразмышлять вслух.

– Я думаю, что это способ самозащиты – отключиться, когда кончаются силы. Или источник пересыхает, или во мне больше не осталось любви. – Она передумала. – Да нет, осталось. У меня много... только не...

Марта увидела, как по небу проплывает Великобритания. Приблизившись к кроне дерева над ее головой, Великобритания превратилась в мамонта. Это во многом напоминало сеанс на кушетке у психолога. Потому что ее психолог был из тех, кто до сих пор использовал кушетку.

– Андерс был самым красивым и умным мальчиком в школе, – сказала она облакам. – Капитаном футбольной команды. И даже не спрашивай, был ли он председателем совета учеников.

Она подождала.

– Ну и как, был?

– Да.

Они разом рассмеялись.

– Ты была в него влюблена?

– Еще как. До сих пор. Я влюблена в него. Он хороший парень. Он не просто красивый и умный. Мне повезло, что у меня есть Андерс. А как дела у тебя?

– А что у меня?

– Какие у тебя были возлюбленные?
– Никаких.
– Никаких? – Она приподнялась на локтях. – У такого очаровашки, как ты? Ни за что не поверю.

Стиг снял с себя футболку. Его кожа казалась на солнце такой бледной, что почти обжигала глаза. Кстати, Марта не заметила ни одного свежего следа от укола. Наверное, кололся в бедра или пах.

– Признавайся, – сказала она.
– Я целовался с несколькими девчонками... – Он провел рукой по старым следам от укусов. – Но моей единственной любовью было вот это.

Марта посмотрела на следы и тоже захотела провести по ним рукой. Стереть их.

– Во время нашего первого собеседования ты сказал, что завязал, – произнесла она. – Я не собираюсь ничего рассказывать Грете. Пока. Но ты знаешь, что...

– ...вы даете приют только активным потребителям наркотиков.

Она кивнула:

– Ты справишься, как думаешь?

– Ты о водительских правах?

Они улыбнулись друг другу.

– Сегодня справляюсь, – сказал он. – Посмотрим, что будет завтра.

Тучи все еще находились далеко, но уже слышался отдаленный грохот, предупреждавший о грядущем. Казалось, что солнце тоже все понимало и грело сильнее.

– Дай мне свой телефон, – сказала Марта.

Она включила запись, а потом спела песню, которую ее отец обычно играл на гитаре для матери, причем охотнее всего в те моменты, когда один из их бесконечных летних праздников близился к концу. Он сидел на том самом месте, что и они сейчас, со своей обшарпанной гитарой и играл так тихо, что звук был едва слышен. Он играл песню Леонарда Коэна о том, что он всегда будет ее любовником, что он уедет с ней, слепо последует за нею, что он знает, как она ему доверяет, потому что он тронул ее великолепное тело своей душой.

Марта пела строчку за строчкой тихим тонким голосом. Так всегда было во время пения: она производила впечатление более слабой и ранимой, чем на самом деле. Хотя, конечно, время от времени Марта думала, что она именно такая, что другой голос, тот крутой голос, которым она пользовалась для защиты, не был ее настоящим голосом.

– Спасибо, – сказал Стиг, когда она закончила. – Очень красиво.

Ей не было интересно, почему она испытывает неловкость. Ей было интересно, почему это чувство не слишком острое.

– Пора ехать домой, – улыбнулась она и протянула ему телефон.

Марта должна была бы знать, что убрать старый прогнивший откидной верх значило накликасть беду, но она хотела чувствовать свежий ветер в волосах. Они потратили больше четверти часа на тяжелую работу, эксперименты, практическую смекалку и грубую силу, и вот наконец верх опустился. И она знала, что ей не удастся поднять его без нескольких новых деталей и помощи Андерса. Когда она уселась в кабину, Стиг показал ей свой телефон. Он отметил Берлин на карте GPS.

– Твой отец был прав, – сказал он. – От Маленького Берлина до Большого Берлина тысяча тридцать километров. Предполагаемое время в пути – двенадцать часов пятнадцать минут.

За рулем была Марта, она ехала быстро, как будто они куда-то спешили. Или от чего-то убегали. Марта посмотрела в зеркало. Белые башни облаков над фьордом навели ее на мысли о невесте. О невесте, осознанно и уверенно шагающей в их сторону со шлейфом из дождя.

Первые тяжелые капли упали на них, когда они стояли в пробке на третьем кольце, и Марта незамедлительно поняла, что проиграла.

– Съезжай сюда, – сказал Стиг, указывая направление.

Она сделала, как он велел, и они внезапно оказались в районе вилл.

– Здесь направо, – сказал Стиг.

Капель становилось все больше.

– Где мы?

– В Берге. Видишь вон тот желтый дом?

– Да.

– Я знаю людей, которые владели им. Он сейчас пустует. Остановись вон там, у гаража, а я открою.

Спустя пять минут они сидели в автомобиле, припаркованном среди ржавого инструмента, старых покрышек и садовой мебели в паутине и смотрели на капающую воду через открытую дверь гаража.

– Кажется, дождь не собирается просто так прекращаться, – сказала Марта. – А откидному верху, мне кажется, крышка.

– Понимаю, – произнес Стиг. – Может, кофе?

– Где?

– На кухне. Я знаю, где лежит ключ.

– Но...

– Это мой дом.

Марта посмотрела на него. Она ехала недостаточно быстро. Она не успела. Что бы сейчас ни произошло, уже слишком поздно.

– С удовольствием, – сказала она.

Глава 22

Симон поправил маску на лице и начал изучать труп. Он кого-то ему напоминал.

– Это место принадлежит коммунальным властям, они и управляют им, – сказала Кари. – Репетиционные помещения сдаются молодым музыкантам для всякой ерунды. Лучше петь о том, что такое быть гангстером, чем болтаться по улицам и стать им.

Симон вспомнил. Замерзший насмерть Джек Николсон в «Сиянии». Он смотрел этот фильм в одиночестве. После нее. И до Эльсе. Может быть, это просто снег. Казалось, что умерший находится в снежном сугробе. Героин тонким слоем лежал на трупе и по всей комнате. Вокруг рта, носа и глаз порошок стал влажным и собрался в комки.

– В другом конце коридора репетировали музыканты, они его и нашли, когда уходили домой, – сообщила Кари.

Труп обнаружили накануне вечером, но Симону об этом не доложили, пока он сегодня рано утром не пришел на работу. Три человека были найдены мертвыми. Дело передали Крипосу. Другими словами, начальник полиции попросил Крипос о «помощи» – а это означало передачу им дела, – даже не посоветовавшись для начала с собственным убийным отделом. Рекомендация убийного, вполне возможно, была бы такой же, но все-таки.

– Его зовут Калле Фаррисен, – сказала Кари.

Она читала предварительный отчет. Симон позвонил начальнику полиции и попросил как минимум прислать этот отчет. И предоставить незамедлительный доступ на место преступления. Несмотря ни на что, это был их полицейский округ.

– Симон, – сказал начальник полиции. – Посмотри, что к чему, но не углубляйся в это дело. Мы с тобой слишком старые для того, чтобы мериться размерами.

– Ты, может быть, и старый, – сказал Симон.

– Ты слышал меня, Симон.

Симон иногда думал об этом. В том, кто из них обладает наибольшим потенциалом, не было никаких сомнений. Так в какой же момент все изменилось? Когда было решено, кто в какое кресло сядет? Кто займет кресло с высокой спинкой в кабинете начальника полиции, а кто – затасканный стул в убийном отделе, пониженный и кастрированный? А

лучший из них будет сидеть в кресле в собственном кабинете с пулей из собственного пистолета в голове.

– Гитарные струны, придерживающие голову, – это струны Е и G соответственно фирмы «Эрни Болл». Удлинитель фирмы «Фендер», – читала Кари.

– А вентилятор и батарея?

– Что?

– Ничего. Продолжай.

– Вентилятор был включен. Предварительные выводы судебных медиков: Калле Фаррисен был задушен.

Симон изучал узел на проводе.

– Все выглядит так, будто Калле заставили вдыхать наркотик, который ветром несло ему в лицо. Согласна?

– Согласна, – сказала Кари. – Ему удастся ненадолго задержать дыхание, но потом приходится сделать вдох. Из-за гитарных струн он не может отвернуть голову в сторону. Но он пытался, именно поэтому на лице остался шрам от тонкой струны. Наркотик попадает в нос, желудок и легкие, попадает в кровь, он тупеет, продолжает дышать, но все слабее, потому что героин подавляет дыхательную деятельность. И в конце концов он совсем перестает дышать.

– Классическая смерть от передозировки, – сказал Симон. – Совсем как у многих покупавших у него наркотики. – Он указал на провод: – А человек, завязавший этот узел, – левша.

– Мы не можем продолжать так встречаться.

Они повернулись. Осмунд Бьёрнстад стоял в дверях и криво улыбался. Позади него находились двое с носилками.

– Труп сейчас уберут, поэтому если вы закончили...

– Мы увидели то, что должны были, – сказал Симон и тяжело поднялся. – Нам позволят осмотреть остальное?

– Разумеется, – ответил следователь Крипоса, не убирая с лица улыбочку, и галантно указал им дорогу.

Симон изумленно посмотрел на Кари, которая ответила ему поднятой бровью: неплохо.

– Свидетели? – спросил Симон в лифте, разглядывая осколки стекла на полу.

– Нет, – ответил Бьёрнстад. – Но гитарист группы, обнаружившей его, говорит, что ранее тем вечером здесь был один парень. Он заявил, что играет в группе под названием «The Young Hopeless». Но мы проверили: этой группы больше не существует.

- Как он выглядел?
- Свидетель сказал, что парень был одет в куртку с капюшоном и шапочку. Так одевается сегодняшняя молодежь.
- Значит, этот парень был молодым?
- Свидетель так считает. Где-то от двадцати до двадцати пяти.
- Какого цвета была его куртка?

Бьёрнстад полистал блокнот:

- Серого вроде бы.

Двери лифта раскрылись, они осторожно вышли наружу и пошли, перешагивая через оградительные ленты и вымпелы криминалистов. На полу находились четыре человека. Двое живых и двое мертвых. Симон коротко кивнул одному из живых. У него была рыжая борода, он стоял на четвереньках над покойником с карманным фонариком размером с шариковую ручку. У покойного была большая рана под глазом. Под его головой виднелся темно-красный ореол из крови. У верхней части ореола кровь разбрызгалась пятнами, имевшими каплевидную форму. Симон однажды пытался объяснить Эльсе, что место преступления может быть красивым. Но только когда видишь его в первый раз.

Другой, гораздо более объемный труп лежал поперек дверного порога, часть туловища располагалась внутри помещения.

Симон автоматически заскользил взглядом по стенам и нашел дырку от пули. Он заметил окошко в двери и зеркало под потолком напротив. Потом он задом зашел в лифт, поднял правую руку и прицелился. Передумал и поднял левую руку. Ему пришлось сделать шаг вправо, чтобы угол соответствовал пулевому отверстию в черепе и – если только черепная коробка не заставила пулю изменить направление – дырке в стене. Симон закрыл глаза. Совсем недавно он стоял точно в такой же позе. У лестницы дома Иверсенов. И целился правой рукой. Тогда ему тоже пришлось немного отступить, чтобы поймать правильный угол. Он сдвинул одну ногу в сторону от каменной плиты и попал на мягкую землю. Такую же мягкую землю, какая была вокруг кустов. Но рядом с каменными плитами дорожки не было соответствующего отпечатка ботинка.

– Продолжим экскурсию здесь, дамы и господа? – Бьёрнстад открыл дверь и придержал ее, пока Кари и Симон перешагивали через труп и заходили внутрь. – Коммуна сдала эту комнату людям, которые считались менеджерами молодежных музыкальных групп.

Симон заглянул в пустой сейф.

- Как вы думаете, что случилось?
- Бандитская разборка, – сказал Бьёрнстад. – Они напали на эту базу

незадолго до закрытия или сразу после. Первый был застрелен, когда лежал на полу, мы вынули пулю из половой доски. Второй был застрелен, когда лежал поперек порога, там тоже пуля в полу. Третьего они заставили открыть сейф. Они взяли деньги и наркоту, а потом убили внизу третьего, послав тем самым сообщение конкурентам о том, кто теперь главный.

– Я понимаю, – сказал Симон. – А стреляные гильзы?

Бьёрнстад хохотнул:

– Я понимаю. Шерлок Холмс почуял связь с убийством Иверсен.

– Гильз нет?

Осмунд Бьёрнстад перевел взгляд с Симона на Кари и обратно. Потом с широкой триумфальной улыбкой фокусника достал из кармана пиджака пластиковый пакет и потряс им перед лицом Симона. В нем лежали две стреляные гильзы.

– Прошу прощения, если это разрушило вашу теорию, папаша, – сказал он. – К тому же большие дыры в трупах указывают на гораздо больший калибр, чем был использован при убийстве Агнете Иверсен. Экскурсия окончена. Надеюсь, вам было весело.

– Напоследок только три вопроса.

– Прошу вас, комиссар Кефас.

– Где вы нашли гильзы?

– Рядом с трупами.

– Где оружие трупов?

– У них не было оружия. Последний вопрос?

– Это начальник полиции попросил вас сотрудничать с нами и провести для нас экскурсию?

Осмунд Бьёрнстад рассмеялся:

– Может быть, через моего начальника в Крипосе. Мы ведь делаем то, что нам велят наши начальники, правда?

– Да, – сказал Симон. – Если мы хотим двигаться вверх и вперед, то да. Благодарю за экскурсию.

Бьёрнстад остался в помещении, а Кари последовала за Симоном и остановилась, когда он, вместо того чтобы пройти прямо в лифт, попросил рыжебородого криминалиста одолжить ему фонарик и подошел к следу от пули в стене. Он посветил в дырку.

– Вы уже вынули пулю, Нильс?

– Наверное, это старая дырка, в ней не было никакой пули, – сказал рыжебородый, изучая пол вокруг покойного при помощи простого увеличительного стекла.

Симон присел на корточки, смочил слюной кончики пальцев и прижал

их к полу прямо под дыркой в стене. Он поднял пальцы и продемонстрировал их Кари.

– Спасибо за помощь, – сказал Симон.

Нильс посмотрел на него снизу вверх, кивнул и взял свой фонарик.

– Что там было? – спросила Кари, когда перед ними закрылись двери лифта.

– Я должен немного подумать, а потом скажу, – ответил Симон.

Кари почувствовала раздражение. Не потому, что она заподозрила своего шефа в желании пробудить в ней интерес к своей персоне, а потому, что не смогла уследить за ходом его мысли. Отставать она не привыкла. Двери раскрылись, и она вышла из лифта, повернулась и вопросительно посмотрела на Симона, который остался стоять в кабине.

– Можно мне воспользоваться твоим игральным шариком? – спросил он.

Она вздохнула и полезла в карман куртки. Симон положил маленький желтый шарик на пол посреди лифта. Он покатился сначала медленно, а потом все быстрее к выходу из кабины. Там он исчез в щели между внутренними и внешними дверями.

– Привет, – сказал Симон. – Пойдем в подвал и поищем.

– Да ничего страшного, – произнесла Кари. – У меня дома есть еще.

– Я говорю не о твоём шарике.

Кари устремилась за ним, снова отставая на два шага. Минимум на два. Ей внезапно пришла в голову одна мысль. Мысль о том, что в эту самую минуту она могла исполнять другие обязанности на другой работе. Лучше оплачиваемой, более самостоятельной. Без странноватых начальников и вонючих трупов. Но время еще придет, надо было только набраться терпения.

Они нашли лестницу, подвальный коридор и дверь лифта. В отличие от верхних этажей здесь лифт закрывался простой железной дверью с неровными стеклами. Прямо над ней имелась табличка: «КОНТРОЛЬ ЛИФТА. ВХОД ЗАПРЕЩЕН». Симон подергал за ручку. Заперто.

– Поднимись наверх в репетиционные и посмотри там какой-нибудь провод, – велел Симон.

– Какой...

– Любой, – сказал он, прислоняясь к стене.

Кари проглотила возражения и направилась к лестнице.

Две минуты спустя она вернулась с проводом и увидела, что Симон вынул гвозди и оторвал прикрывающий металл пластик. Потом он согнул провод буквой U и просунул его между дверью лифта и косяком на высоте

дверной ручки. Раздался громкий щелчок, вылетело несколько искр, и он открыл дверь.

– Ого, – сказала Кари. – Где это вы такому научились?

– Играл в суровые игры, когда был мальчишкой, – объяснил Симон и спрыгнул на каменный пол, расположенный на полметра ниже пола подвала. Он посмотрел вверх на шахту лифта. – Если бы я не был полицейским...

– Разве это не рискованно? – спросила Кари, ощущая покалывание на коже головы. – Что, если лифт опустится сюда?

Но Симон уже стоял на четвереньках и ощупывал каменный пол руками.

– Вам нужен свет? – спросила она в надежде, что он не услышит нервозности в ее голосе.

– Всегда, – засмеялся он.

Кари вскрикнула, когда раздался звук удара и толстые, смазанные маслом провода начали двигаться. Но Симон быстро вскочил на ноги, уперся руками в пол подвального коридора и вылез из шахты лифта.

– Пошли, – сказал он.

Она поспешила за ним вверх по лестнице, через входную дверь, через покрытую гравием площадку.

– Подождите! – взмолилась Кари, не дожидаясь, пока он усядется в машину, припаркованную между двумя развалившимися грузовиками.

Симон остановился и посмотрел на нее поперх крыши автомобиля.

– Я знаю, – сказал он.

– Что вы знаете?

– Как раздражает, когда твой напарник действует в одиночку и ничего тебе не рассказывает.

– Вот именно! Так когда же вы...

– Но я не твой напарник, Кари Адель, – сказал Симон. – Я твой начальник и наставник. Расскажу, когда надо будет. Понятно?

Она посмотрела на него: легкий бриз играл реденькими волосами на его блестящем черепе, обычно дружелюбные глаза сверкали.

– Понятно, – ответила Кари.

– Возьми. – Он разжал ладонь и бросил ей что-то через крышу автомобиля.

Кари сложила ладони лодочкой, поймала оба предмета и осмотрела их. Первым был желтый игровой шарик. Вторым – стреляная гильза.

– Человек может обнаружить новые факты, изменив угол зрения и свое местоположение, – сказал Симон. – Слепоту можно компенсировать.

Мы уезжаем.

Она уселась на пассажирское сиденье, он завел двигатель и поехал по гравию к воротам. Кари помалкивала. Ждала. Он остановился и внимательно посмотрел направо, затем налево, а уж потом выехал на улицу. Так любят поступать осторожные старики. Кари всегда думала, что все дело в уменьшении производства тестостерона, но сейчас ей, почти как откровение, пришло в голову, что любой рационализм основывается на опыте.

– Минимум один выстрел был произведен в лифте, – сказал Симон, пристраиваясь в хвост «вольво».

Кари продолжала молчать.

– И твое возражение на сей счет?

– Это противоречит обнаруженным уликам, – сказала Кари. – Единственными найденными пулями были убиты жертвы, и эти пули были найдены прямо под трупами. Вероятно, когда в них стреляли, они лежали на полу, и, принимая во внимание угол выстрела, он не мог быть произведен из лифта.

– Нет, и, кроме того, ты видела следы пороха на коже парня, убитого выстрелом в голову, и обожженные хлопковые нити на рубашке вокруг следа от выстрела, убившего второго. А это указывает на...

– На то, что они были убиты с близкого расстояния, когда лежали. Что и подтверждают найденные поблизости от трупов гильзы и пули в полу.

– Хорошо. Но тебе не кажется странным, что оба они сначала повалились на спину и только потом были застрелены?

– Может быть, они так перепугались, увидев пистолет, что впали в панику и стали спотыкаться. Или им приказали лечь на пол, а потом казнили.

– Хорошо мыслишь. Но обратила ли ты внимание на кровь вокруг трупа, который лежал ближе к лифту?

– На то, что ее было много?

– И? – протянул он, давая понять, что это еще не все.

– Кровь, вытекшая из его головы, собралась в лужу, – сказала Кари. – Это значит, что тело не перемещали после выстрела.

– Да, но вдоль верхнего края лужи есть потеки. Как будто кровь туда брызнула. Другими словами, вытекающая кровь частично покрыла область, куда сначала брызнула кровь из его головы. А судя по длине и радиусу разбрызгивания крови, жертва в момент выстрела должна была стоять строго вертикально. Именно поэтому Нильс ползает там со своей лупой и никак не может разобраться в следах крови.

- А вы смогли?
- Да, – ответил Симон просто. – Убийца произвел первый выстрел из кабины лифта. Пуля прошла через череп жертвы и сделала отметину в стене, которую ты видела. А стреляная гильза упала на пол лифта...
- Покатилась по наклонной поверхности и провалилась через щель в шахту лифта.
- Ага.
- Но... но пуля в полу...
- Убийца выстрелил в него еще раз с близкого расстояния.
- Входное отверстие...
- Наш друг из Крипоса посчитал, что убийца пользовался пистолетом большого калибра, но если бы он лучше разбирался в пулях, то заметил бы, что стреляные гильзы принадлежат пулям небольшого калибра. Так что одно большое входное отверстие в действительности представляет собой два маленьких, перекрывающих друг друга входных отверстия. И убийца очень старался, чтобы они казались одним, именно поэтому он забрал с собой первую пулю, след от которой остался в стене.
- Потому что это вовсе не старая дырка, как подумал криминалист, – сказала Кари. – Именно поэтому на полу прямо под отверстием свежие крошки.
- Симон улыбнулся. Она поняла, что он доволен ею, и, к своему удивлению, отметила, что у нее поднялось настроение.
- Посмотри на марку и серийный номер гильзы. Этот патрон отличается от тех, что мы обнаружили на втором этаже. Следовательно, выстрел, произведенный убийцей из кабины лифта, был сделан не из того пистолета, который он использовал позже. Я думаю, баллистическая экспертиза покажет, что жертвы застрелены из собственного оружия.
- Собственного?
- На самом деле это твоя область, Адель, но мне трудно представить, что на наркобазе сидят три невооруженных типа. Он унес с собой их пистолеты, чтобы мы не выяснили, что он ими воспользовался.
- Вы правы.
- Вопрос, – сказал Симон, пристраиваясь за трамваем, – заключается, естественно, в том, почему он так не хочет, чтобы мы нашли первую пулю и стреляную гильзу.
- Разве это не очевидно? Отпечаток ударника даст нам серийный номер пистолета, а это через регистр оружия может вывести нас на...
- Неверно. Посмотри на задник гильзы. Никакого отпечатка. Он пользовался старым пистолетом.

– О'кей, – сказала Кари и пообещала себе никогда больше не употреблять слово «очевидно». – Тогда я действительно не знаю. Но у меня есть предчувствие, что вы меня скоро просветите...

– Обязательно, Адель. Гильза, которую ты держишь в руках, принадлежит к тому же типу оружия, из которого была застрелена Агнете Иверсен.

– Вот как? То есть вы считаете...

– Я считаю, он попытался сделать так, чтобы никто не подумал, что здесь действовал тот же человек, который убил Агнете Иверсен, – сказал Симон и остановился на желтый так рано, что следовавший за ним автомобиль бибикнул. – Причина, по которой он подобрал стреляную гильзу у Иверсенов, – это не отпечаток ударника, как я думал. Он сделал это, потому что уже запланировал новое убийство и хотел как можно лучше прибраться, чтобы минимизировать наши шансы увидеть связь. Я думаю, что стреляная гильза, которую он забрал от Иверсенов, была той же серии, что и эта.

– Тот же тип оружия, но самый обычный тип, верно?

– Да.

– Почему же вы так уверены, что между двумя убийствами есть связь?

– Я не уверен, – сказал Симон, пристально глядя на светофор, как будто перед ним находилась бомба замедленного действия. – Но ведь всего десять процентов населения – левши.

Кари кивнула и попробовала поразмыслить самостоятельно. Сдалась и вздохнула:

– Объясните.

– Калле Фаррисена привязал к батарее левша. Агнете Иверсен застрелил левша.

– Первое я понимаю. Но второе...

– Я должен был понять это намного раньше. Угол от входной двери до стены в кухне. Если выстрел, убивший Агнете Иверсен, был произведен правой рукой с того места, о котором я думал сначала, убийца должен был стоять рядом с дорожкой и на мягкой земле остался бы отпечаток его ботинка. Но он, конечно, стоял на дорожке обеими ногами и стрелял левой рукой. Я этого не увидел.

– Давайте проверим, правильно ли я вас поняла, – сказала Кари, складывая ладони под подбородком. – Между Агнете Иверсен и тремя этими жертвами есть связь. И, принимая во внимание, что убийца приложил так много труда для того, чтобы мы не обнаружили эту связь, он боится, что именно эта связь сможет вывести нас на него.

– Хорошо, инспектор Адель. Ты изменила угол зрения и свое местоположение и прозрела.

Кари услышала нервное бибиканье и снова открыла глаза.

– Зеленый, – сказала она.

Глава 23

Дождь лил уже не так сильно, но Марта без возражений наблюдала за тем, как Стиг достает ключ с балки над дверью в подвал и отпирает ее, натянув куртку на голову. Подвал, как и гараж, был забит вещами, рассказывающими семейную историю: рюкзаки, палаточные колышки, изношенные красные бутсы, в которых, видимо, занимались каким-то спортом, может боксом. Санки. Ручная газонокосилка, которую заменили бензиновой, стоящей в гараже. Большой продолговатый морозильник, покрытый сверху жаростойким пластиком. Широкие полки с опутанными паутиной бутылками сока и банками варенья и висящий на гвозде ключ с бледной биркой, когда-то информировавшей, для чего этот ключ предназначался. Марта остановилась у ряда лыж, на некоторых из них виднелись следы жидкой лыжной мази. Одна лыжа, самая длинная и широкая, треснула вдоль.

Войдя в жилую часть дома, Марта моментально поняла, что здесь давно никто не жил. Может, дело было в запахе, а может, в невидимом слое времени и пыли. Подтверждение нашлось, когда они вошли в гостиную: она не увидела ни одного предмета, произведенного на свет за последние десять лет.

– Я приготовлю кофе, – сказал Стиг и прошел в прилегающую к гостиной кухню.

Марта стала разглядывать расставленные на камине фотографии.

На одной из них были изображены молодожены. Схожесть Стига с ними, особенно с невестой, была поразительной.

На другой фотографии, очевидно сделанной несколько лет спустя, были эти же двое с двумя другими парами. У Марты моментально появилось ощущение, что пары связывали мужчины, а не женщины. Мужчины в чем-то были похожи. У трех друзей были одинаковые, почти постановочные позы, самоуверенные улыбки, самодовольный вид, как у трех альфа-самцов, непринужденно метящих свою территорию. Равноценные, подумала она.

Марта вышла на кухню. Стиг стоял к ней спиной, склонившись к холодильнику.

– Нашел кофе? – спросила она.

Он повернулся к ней, поспешно снял с дверцы холодильника желтую клейкую бумажку и убрал ее в карман брюк.

– Конечно, – сказал он, открывая шкафчик над раковиной.

Быстрыми уверенными движениями он насыпал кофе в фильтр, налил в кофеварку воды и включил ее. Снял с себя куртку и повесил ее на спинку одного из стульев. Не того, что стоял ближе к нему, а того, что стоял ближе к окну. *Своего* стула.

– Ты жил здесь, – сказала Марта.

Стиг кивнул.

– Ты очень похож на маму.

Он криво улыбнулся:

– И они так говорили.

– Говорили?

– Моих родителей больше нет в живых.

– Ты скучаешь по ним?

Она моментально прочитала на его лице, как совершенно обычный, почти будничный вопрос задел его, словно проник в отверстие, которое он забыл заделать. Стиг дважды моргнул, открыл и закрыл рот, как будто боль наступила так неожиданно и внезапно, что он потерял дар речи. Потом кивнул, повернулся к кофеварке и стал поправлять ее, как будто она стояла неровно.

– Твой отец на фотографиях выглядит очень солидно.

– Он таким и был.

– В хорошем смысле?

Он повернулся к ней:

– Да, в хорошем смысле. Он защищал нас.

Марта кивнула и подумала о своем отце, который вел себя совершенно иначе.

– А тебя надо было защищать?

– Да. – Он быстро улыбнулся. – Меня надо было защищать.

– О чем? Ты подумал о чем-то.

Он пожал плечами.

– О чем? – повторила Марта.

– Нет, я просто увидел, как ты остановилась у треснувшей лыжи для прыжков с трамплина.

– А что с ней?

Стиг с отсутствующим видом посмотрел на кофе, который только что начал литься в колбу.

– Каждую Пасху мы обычно ездили к дедушке в Лешаскуг. Там был трамплин, рекорд которого установил мой отец. Предыдущий рекорд принадлежал моему деду. Мне было пятнадцать, и всю зиму я

тренировался прыгать с трамплина, чтобы побить рекорд. Но Пасха в том году была поздно, потеплело, и, когда мы приехали к дедушке, снега под трамплином почти не было, потому что туда попадали солнечные лучи, и из-под снега уже торчали сухие ветки и камни. Но я *должен* был попытаться.

Он бросил взгляд на Марту. Она ободряюще кивнула.

– Папа понял это, посмотрев на меня, и сказал, что не разрешает, что это слишком опасно. Поэтому я просто кивнул и подговорил соседского мальчишку быть моим свидетелем и замерщиком расстояния. Он помог мне набросать побольше снега на то место, куда я намеревался приземлиться, и я побежал вверх, надел лыжи, унаследованные папой от дедушки, и поехал. Лыжня была дьявольски скользкой. И я хорошо оттолкнулся. Даже слишком хорошо. Я летел и летел, ощущая себя орлом, наплевав на все, потому что все дело было в этом, именно в этом, ничего не могло быть лучше.

Марта увидела, как у него загорелись глаза.

– Я приземлился на четыре метра ниже места, на которое мы накидали снег. Лыжи насквозь прошили снежную кашу, и острый камень прорезал правую лыжу, как банановую шкурку.

– А ты сам?

– Я грохнулся рожей. Пропахал борозду по всему спуску и немного по полю.

Марта в ужасе схватила за сердце.

– Боже правый! Ты ушибся?

– Отделался синяками. И промок насквозь. Но ничего не сломал. А если бы и сломал, то не заметил бы, потому что я думал только о том, что скажет отец. Я сделал то, что мне было запрещено, и сломал его лыжу.

– И что он сказал?

– Не много, только спросил меня, каким, по моему мнению, будет подходящее наказание.

– Что ты ответил?

– Я сказал: три дня под домашним арестом. Но он сказал, поскольку сейчас Пасха, можно обойтись двумя. После его смерти мама призналась, что, пока я сидел под арестом, он заставил соседского мальчишку показать ему, где я приземлился, и несколько раз рассказать ему всю историю. И что он до слез смеялся. Но мама взяла с него слово, что он ничего не скажет мне об этом, чтобы не вдохновить меня на новые подвиги. Вместо этого отец привез сломанную лыжу домой под предлогом того, что хочет склеить ее. Но мама сказала, что это ерунда, на самом деле эта лыжа была его

лучшим воспоминанием.

– Можно мне еще раз на нее взглянуть?

Он налил им кофе и пошел в подвал с чашками в руках. Марта села на морозильную камеру, а он продемонстрировал ей тяжелую белую лыжу фирмы «Сплиткейн» с шестью бороздами на нижней стороне. И она подумала, что сегодняшний день выдался довольно странным. Солнце, дождь. Ослепительное море, темный подвал. Чужак, которого по ощущениям она знает всю жизнь. Такой далекий, такой близкий. Все так, и все не так...

– А ты оказался прав в отношении того прыжка? – спросила она. – Ничего не может быть лучше?

Стиг задумчиво свесил голову набок:

– Первый укол. Он был лучше.

Она осторожно стукнула каблуками о морозильник. Может быть, это из него повеяло холодом? Внезапно она поняла, что морозильник включен, между ручкой и замком горела маленькая красная лампочка. Это было немного странно, потому что все остальное в доме указывало на то, что он долго пустовал.

– В любом случае, ты установил рекорд трамплина, – сказала она.

Он улыбнулся и покачал головой.

– Нет?

– Засчитываются только те прыжки, при которых прыгун устоял на ногах, Марта, – сказал он, отпивая кофе.

И Марта подумала, что, хотя Стиг не в первый раз назвал ее по имени, она словно бы впервые услышала, как *кто-то* произносит ее имя.

– Значит, тебе пришлось продолжать прыгать. Потому что мальчишки сравнивают себя с отцами, а девчонки с матерями.

– Ты думаешь?

– А ты не думаешь, что все сыновья хотят каким-то образом стать похожими на своих отцов? И именно поэтому сыновья так разочаровываются, когда обнаруживают слабости отцов. Они видят свои собственные слабости и поражения, которые ожидают их в жизни. И иногда этот шок бывает таким сильным, что они отказываются, не начав.

– Так случилось с тобой?

Марта пожала плечами:

– Моей матери не стоило оставаться замужем за отцом. Но она подчинилась. Я прокричала ей это в один прекрасный день, когда мы ссорились из-за того, что мне что-то не разрешили, уж не помню что. Но тогда я прокричала ей, что несправедливо отказывать мне в возможности

быть счастливой только потому, что она отказала в этой возможности себе самой. Я ни о чем в своей жизни так сильно не сожалела, потому что мне не забыть ее полный страдания взгляд, когда она ответила мне: «Тогда я могла бы потерять того, кто делает меня счастливой. Тебя».

Стиг кивнул и посмотрел на подвальное окно:

– Иногда мы ошибаемся, думая, что разоблачили своих родителей. Может быть, они вовсе не были слабыми. Может быть, происходили события, которые производили неверное впечатление. Может быть, они были сильными. Может быть, они соглашались оставить после себя замаранное имя, почить в бесчестье, взять вину на себя только ради спасения тех, кого они любили. И если они были настолько сильными, то, может быть, ты тоже очень сильный.

Дрожь в его голосе была почти незаметна. Почти. Марта дождалась, когда он снова повернулся к ней, и спросила:

- Так что он сделал?
- Кто?
- Твой отец.

У него заходило вверх-вниз адамово яблоко. Он быстро заморгал, сжал губы. Марта увидела, чего он хочет. Увидела, что мысленно он приближается к столу отрыва. Он все еще мог упасть на слишком скользкой лыжне, остановиться.

– Перед тем как его застрелили, он написал письмо о самоубийстве, – сказал Стиг. – Чтобы спасти маму и меня.

У Марты закружилась голова, а он продолжил рассказывать. Может быть, она и столкнула его вниз, но сама тоже последовала за ним. И теперь уже не было пути назад, туда, где она не знала того, что знала теперь. Понимала ли она в глубине души, на что идет? Хотела ли отправиться в этот дикий полет, в это свободное падение?

В те выходные он с мамой был на борцовском турнире в Лиллехаммере. Обычно папа ездил с ними, но в те выходные он сказал, что должен остаться дома, потому что ему предстоит сделать что-то важное. Стиг победил в своей весовой категории, и когда они вернулись домой, он побежал наверх, в папин кабинет, чтобы рассказать ему об этом. Папа сидел спиной к двери, голова его лежала на письменном столе, и Стиг сначала подумал, что он заснул за работой. А потом он заметил пистолет.

– До того дня я видел пистолет всего один раз. Обычно в кабинете папа писал дневник, тетрадь с желтыми страницами в черном кожаном переплете. Когда я был маленьким, он говорил, что так он исповедуется. И я думал, что «исповедоваться» – это синоним «писать», вплоть до

одиннадцати лет, когда наш учитель религии рассказал, что исповедоваться – значит каяться в своих грехах. Вернувшись в тот день из школы, я пробрался в кабинет и нашел ключ от письменного стола, – я знал, где отец его прячет. Я хотел выяснить, какие грехи были у моего папы. Я открыл...

Марта затаила дыхание, будто это она рассказывала.

– Но дневника в столе не оказалось, там лежал только старый черный пистолет. Я запер стол и выскользнул из кабинета. И вот тогда я испытал стыд. Ведь я пытался шпионить за собственным отцом, хотел разоблачить его. Я никогда никому об этом не рассказывал и больше никогда не пытался выяснить, куда он прячет свой дневник. Но в тот день в кабинете, когда я стоял за спиной отца, это чувство вернулось. Это было наказанием за то, что я сделал. Я положил руку ему на затылок, чтобы разбудить. И он не просто не был теплым, он был холодным, от его тела исходил мраморный холод смерти. И я знал, что это моя вина. А потом я увидел письмо...

Марта смотрела на вену у него на шее, пока он рассказывал о том, как прочел письмо и увидел маму в дверях кабинета, как сначала собирался порвать письмо на мелкие кусочки и сделать вид, что его не существовало. Но он не смог заставить себя и отдал письмо приехавшим полицейским. И он заметил, что им тоже больше всего хотелось уничтожить это письмо. Вена на его шее выпирала, как вена у мало репетировавшего певца или как у человека, не привыкшего много говорить.

Его мама начала принимать выписанные ей антидепрессанты, потом по собственной инициативе добавила другие таблетки, но, по ее словам, ни то ни другое не приводило ее в чувство так быстро и эффективно, как алкоголь. Она пила крепкие напитки: водку на завтрак, обед и ужин. Он пытался заботиться о ней и прятал таблетки и бутылки. Для того чтобы постоянно быть с ней, ему пришлось бросить борьбу, а потом и школу. Из школы пришли, позвонили в дверь и спросили, почему мальчик, у которого такие хорошие оценки, прогуливает уроки, а он выставил их. Маме становилось все хуже и хуже, она все больше и больше сходила с ума, а потом у нее появились суицидальные наклонности. Ему было шестнадцать, когда во время рейда в маминой спальне среди коробочек с таблетками Стик обнаружил шприц. Он понял, что это такое. Во всяком случае, для чего этот шприц предназначен. Он уколол себя в бедро, и все мгновенно наладилось. На следующий день он пошел на Плату и купил свою первую дозу. За последующие шесть месяцев он продал все имевшиеся в доме ценности и обворовал беззащитную маму. Он ни о чем не беспокоился, а меньше всего – о самом себе, но для того, чтобы держать боль на расстоянии, ему требовались деньги. Поскольку ему еще не было

восемнадцать и его нельзя было посадить в тюрьму, он стал брать деньги за то, что сознавался в небольших ограблениях и взломах, по которым проходили преступники в возрасте. После того как ему исполнилось восемнадцать и подобные предложения перестали поступать, стресс, вечный стресс из-за безденежья усугубился, и он согласился взять на себя вину за два убийства в обмен на обещание снабжать его наркотиками все время пребывания в тюрьме.

– А теперь ты вышел на свободу? – спросила Марта.

Он кивнул:

– Я вышел.

Марта соскользнула с морозилки и подошла к нему. Она не думала, думать было уже поздно. Она дотронулась до вены на его шее. Он взглянул на нее большими черными зрачками, почти поглотившими радужную оболочку глаз. Потом она обняла его за талию, а он ее – за плечи, как будто они были партнерами по танцу, но поменялись ролями. Они постояли немного в таком положении, а затем он прижал ее к себе. Боже мой, какой он горячий, наверное, у него температура. Или у нее? Она закрыла глаза и почувствовала, как он носом и губами коснулся ее волос.

– Пойдем вверх? – прошептал он. – У меня есть кое-что для тебя.

Они поднялись в кухню. Дождь прекратился. Стик вынул что-то из кармана висевшей на спинке стула куртки.

– Это тебе.

Сережки были такими красивыми, что Марта потеряла дар речи.

– Тебе не нравится?

– Они прекрасны, Стик. Но где ты... Ты их украл?

Он серьезно посмотрел на нее, но не ответил.

– Прости, Стик. – Она смутилась, почувствовав, как ее глаза наполняются слезами. – Я знаю, ты больше не колешься, но я заметила, что сережки ношенные и...

– Ее больше нет в живых, – прервал ее Стик. – А такие красивые вещи должны носить живые.

Марта смущенно заморгала, а потом сообразила:

– Они были... они принадлежали... – Она подняла на него глаза, полуслепые от слез. – Твоей маме.

Она закрыла глаза и почувствовала его дыхание на своем лице, его руку на щеке, шее, затылке. Свою свободную руку она положила ему на бок, пытаясь оттолкнуть его, притянуть его. Они целовались уже давным-давно, она это знала. Раз сто, не меньше, с момента первой встречи. Но когда губы их встретились, все было по-другому, через ее тело словно

прошел разряд электрического тока. Не открывая глаз, она ощущала его мягкие губы, его руки, скользившие вниз по ее спине, колючие волосы на его лице, запах и вкус. Она хотела его, хотела его всего. Но это прикосновение пробудило ее, вырвав из сладких мечтаний, которым она позволяла себе предаваться, потому что это не грозило никакими последствиями. До этого момента.

– Я не могу, – прошептала Марта дрожащим голосом. – Я должна идти, Стик.

Он отпустил ее, и она быстро развернулась, отперла дверь и, прежде чем выйти, остановилась:

– Это моя ошибка, Стик. Мы больше не должны встречаться. Ты понимаешь? Никогда.

Не дожидаясь ответа, она закрыла за собой дверь. Сквозь толщу облаков пробивалось солнце, над черным блестящим асфальтом поднимался пар. Марта вышла во влажную жару.

Маркус смотрел в бинокль. Он увидел женщину. Она быстрым шагом прошла в гараж, завела старый «гольф», на котором они приехали, и выехала. Крыша на машине была по-прежнему опущена. Женщина двигалась так быстро, что ему не удалось как следует поймать ее в фокус, но ему показалось, что она плачет.

Потом он снова направил бинокль на окно кухни и приблизил изображение. Сын стоял и смотрел ей вслед. Руки его были переплетены, челюсти крепко сжаты, а на висках проступили вены, как будто он испытывал боль. И в следующий миг Маркус понял почему. Сын вытянул руки вперед, раскрыл ладони и прижал их к стеклу. Блестящие солнечные лучи отражались от поверхности. В каждой ладони торчало по сережке, и к запястьям стекали два тонких ручейка крови.

Глава 24

В офисном помещении стоял полумрак. Кто-то выключил свет, подумав, что уходит последним, и Симон не стал его включать: летние вечера все еще были достаточно светлыми. К тому же ему выдали новую клавиатуру со светящимися клавишами, так что ему даже не приходилось включать настольную лампу. Один только их этаж офисного здания потреблял около четверти миллиона киловатт-часов в год. Если им удастся снизить это число до двухсот тысяч, они сэкономят средства, которых хватит на покупку двух дополнительных патрульных автомобилей.

Симон продолжил путешествие по сайту клиники Хауэлла, не похожему на сайты многих других частных американских больниц, которые на фотографиях казались пятизвездочными отелями с улыбающимися пациентами. Их сайты пестрели восторженными откликами, а хирурги выглядели как нечто среднее между кинозвездой и пилотом. На сайте этой клиники было всего несколько фотографий, краткая информация о квалификации персонала, отчеты о деятельности, профильные статьи и ссылки на номинатов на Нобелевскую премию. И что важнее всего, процент успешных операций по профилю, требовавшемуся Эльсе. Процент этот был намного выше пятидесяти, но все же не настолько высоким, как надеялся Симон. С другой стороны, он был настолько низким, что Симон в него поверил. На сайте не указывались расценки. Но он их не забыл. Настолько высокие, что он в них поверил.

В темноте он уловил чье-то движение. Это оказалась Кари.

– Попыталась дозвониться до вас дома. Жена сказала, что вы здесь.

– Да.

– Почему вы работаете так поздно?

Симон пожал плечами:

– Когда не можешь прийти домой с хорошими новостями, случается, откладываешь возвращение до последнего.

– Что вы хотите сказать?

Симон отмахнулся:

– Что у тебя?

– Я сделала, как вы просили, перевернула все камни в поисках всех возможных и невозможных связей между убийством Иверсен и тройным убийством. И ничего не нашла.

– Ты, естественно, понимаешь, что это не исключает *наличия* таких

связей, – произнес Симон, продолжая стучать по клавишам.

Кари выдвинула стул и села.

– Мне, во всяком случае, не удалось обнаружить эти связи. А я искала хорошо. И потом я подумала...

– Думать – это нам нравится.

– Может быть, перед нами просто грабитель, увидевший две хорошие возможности: дом Иверсенов и место хранения наркотиков и денег. И во время первого ограбления он усвоил, что, прежде чем убивать, надо заставить человека выдать код от сейфового замка.

Симон оторвался от компьютера:

– Грабитель, застреливший двоих и израсходовавший полкило супербоя рыночной стоимостью в полмиллиона только для того, чтобы убить свою третью жертву?

– Бьёрнстад считает, что это разборка между бандами, способ передать послание конкурентам.

– Банды передают послания, не клея на конверты марки стоимостью в полмиллиона, инспектор Адель.

Кари откинула голову назад и вздохнула:

– Во всяком случае, Агнете Иверсен не имела никакого отношения к наркоторговле и типам вроде Калле Фаррисена, – это, я думаю, можно утверждать с полной уверенностью.

– Но связь есть, – возразил Симон. – Вот чего я не понимаю: мы установили, что он пытается скрыть факт какой-то связи, но мы все равно не можем выяснить, что это за связь. Если эта связь настолько хорошо спрятана, то зачем ему прилагать столько усилий для того, чтобы скрыть, что за обоими преступлениями стоит один и тот же человек?

– Возможно, камуфляж предназначен не для нас, – сказала Кари, зевая.

Она закрыла рот, когда заметила, что Симон смотрит на нее расширенными глазами.

– Ну конечно. Ты права.

– Да?

Симон вскочил и снова сел. Ударил по столу ладонью:

– Он боится не того, что полиция встревожится и обнаружит его. Он боится кого-то другого.

– Потому что думает, что эти другие могут его поймать?

– Да. Или, возможно, он боится, что они насторожатся. Но в то же время... – Симон взял рукой за подбородок и беззвучно выругался.

– В то же время что?

– Все немного сложнее. Он не пытается скрыться полностью. Убивая Калле таким способом, он, по-видимому, передает послание.

Симон раздраженно откинулся назад, так что спинка стула закачалась. Они сидели и молчали, а темнота вокруг них незаметно сгущалась. Симон первым нарушил тишину:

– Я думал о том, что Калле лишили жизни так же, как он, будучи наркоторговцем, убивал других. Отказ дыхания вследствие передозировки. Как будто убийца – ангел мести. Это не наводит тебя на какие-нибудь мысли?

Кари покачала головой:

– Только на то, что Агнете Иверсен вряд ли убили, следуя тому же принципу. Насколько мне известно, она никого не застрелила в грудь из пистолета.

Симон поднялся, подошел к окну и уставился на освещенную улицу. По асфальту прошуршали колеса двух скейтбордов. Проехали двое мальчишек, оба в куртках с капюшонами.

– Ой, вот что я забыла, – сказала Кари. – На самом деле я нашла другую связь. Между Пером Волланом и Калле Фаррисеном.

– Вот как?

– Да. Я поговорила с одним из информаторов наркоотдела. Ему показалось странным, что два человека, прекрасно знавшие друг друга, умерли один за другим.

– Воллан знал Фаррисена?

– Причем хорошо. Слишком хорошо, по мнению моего информатора. И еще кое-что.

– Да?

– Я проверила досье Калле. Его привлекали в качестве свидетеля по одному делу об убийстве несколько лет назад, даже в КПЗ сажали. Жертву звали Джейн Доу.

– Не опознана?

– Нам известно только, что она была молодой азиатской девушкой. Экспертиза зубов показала, что ей шестнадцать лет. Один свидетель видел, как на заднем дворе какой-то мужчина делал ей укол, а на опознании указал на Калле.

– Да что ты?

– Да. Но Калле отпустили, потому что другой человек сознался.

– Как ему повезло.

– Да. И кстати, сознался тот самый парень, что сбежал из Гостюрьмы.

Кари посмотрела на неподвижную спину Симона. Ей было

любопытно, слышал ли он, что она сказала, и она уже собиралась повторить все сначала, когда от окна раздался его грубоватый, спокойный старческий голос:

– Кари...

– Да?

– Я хочу, чтобы ты покопалась в жизни Агнете Иверсен. Не происходило ли в ее окружении чего-нибудь похожего на пистолетный выстрел. Чего угодно, ты понимаешь?

– Ну да. О чем вы сейчас думаете?

– Я думаю, – спокойствие исчезло из старческого голоса, – что если...
если... то...

– То?

– То все только начинается.

Глава 25

Маркус выключил свет в комнате. Какое удивительное ощущение – видеть другого человека и знать, что он тебя не видит. И все же его бросало в дрожь всякий раз, когда Сын подходил к окну и смотрел прямо в его бинокль. Как будто знал, что за ним кто-то наблюдает. Сейчас он находился в спальне родителей, сидел на расписанном розами сундуке, в котором – Маркус знал – не лежало ничего, кроме пары пододеяльников и простыней. В комнате не было занавесок, освещалась она люстрой с четырьмя лампочками, поэтому видно было хорошо. А поскольку желтый дом располагался ниже по склону, чем его собственный, а Маркус вдобавок ко всему уселся на верхний ярус двухэтажной кровати, которую он придвинул к окну, ему было прекрасно видно, чем занимается Сын. Ничем особенным. Он уже целую вечность сидел, вставив в уши наушники от телефона, и что-то слушал. Наверное, какую-то веселую песенку, потому что каждые три минуты он нажимал на телефон, как будто раз за разом прокручивал одну и ту же песню. И каждый раз он улыбался в одном и том же месте, хотя наверняка был расстроен случившимся с той девушкой. Они целовались, а потом она просто умчалась на бешеной скорости. Бедняга. Может быть, Маркусу стоит пойти постучать в дверь и пригласить его к ним на ужин. Мама, конечно, скажет, что это замечательная идея. Но Сын казался таким расстроенным, и вполне возможно, что сейчас ему не хочется общаться с другими людьми. Это может подождать до завтра. Завтра Маркус встанет пораньше, подойдет к его дому и позвонит в дверь, держа в руках свежие булочки. Да, так и надо поступить. Маркус зевнул. В голове он тоже прокручивал одну песенку. Даже не песенку, а всего одно слово. Но он повторял его с тех пор, как тот дурак из Тосена спросил Сына, не отцом ли он приходится Маркусу: «Возможно».

Возможно. Хо-хо!

Маркус зевнул. Пора спать. Завтра ему рано вставать и печь булочки. Но только он собрался отойти от бинокля, как там что-то произошло. Сын поднялся. Маркус снова притянул к биноклю. Сын откинул ковер и поднял одну незакрепленную половицу. Тайник. Он что-то убрал туда. Красную спортивную сумку. Он открыл ее и вынул пакет с белым порошком. Маркус прекрасно знал, что это, он видел такие пакеты по телевизору. Наркотики. А потом Сын внезапно вскинул голову. Казалось, он прислушивается, наострив уши, прямо как антилопы у водопоя на канале «Энимал плэнет».

Теперь Маркус тоже слышал звук. Отдаленный шум мотора. Автомобиль. Так поздно летним вечером на их улице машин бывало не много. Сын словно окаменел. Маркус увидел, как автомобильные фары осветили асфальт. Большая черная машина из тех, что называют внедорожниками, остановилась под уличным фонарем между домами. Из нее вышли двое мужчин. Маркус рассмотрел их в бинокль. Оба были одеты в черные костюмы. Люди в черном. Один из них выглядел круто. А у низкого были белокурые волосы, и это совсем неправильно. Хотя волосы великана были черными и кудрявыми, совсем как у Уилла Смита, но у него имелась огромная лысина, а кожа была белой как мел.

Маркус увидел, как они поправляют куртки, разглядывая желтый дом. Лысоватый указал на светящееся окно спальни, и они направились к воротам. Ну вот к нему и гости пожаловали. Вместо того чтобы войти в калитку, они перепрыгнули через ограду, совсем как Маркус. Дело в том, что, когда идешь по лужайке, издаешь меньше звуков, чем когда идешь по гравию. Маркус снова направил бинокль на спальню. Сына не было. Наверное, он увидел их, как и Маркус, и пошел вниз, чтобы впустить гостей. Маркус перевел бинокль на входную дверь, к которой парочка уже поднялась по лестнице. Было слишком темно, и Маркус не смог разглядеть, что именно произошло. Но он услышал треск, после чего дверь открылась. Маркус затаил дыхание.

Они... они взломали дверь. Это взломщики!

Наверное, им кто-то рассказал, что дом пустует. Как бы то ни было, он должен предупредить Сына. Возможно, эти люди опасны! Маркус спрыгнул с кровати. Разбудить маму? Позвонить в полицию? И что сказать? Что он следил за соседом в бинокль? И если полицейские приедут снимать отпечатки пальцев, чтобы найти воров, они найдут его, Маркуса, отпечатки! И наркотики Сына, и он тоже окажется в тюрьме. Маркус в растерянности стоял посреди комнаты. Он заметил движение в спальне дома напротив и вернулся к биноклю. Это были мужчины, они вошли в комнату. Они что-то искали в шкафу и под кроватью. У них... у них были пистолеты! Маркус машинально отступил на шаг назад, когда великан с кудряшками подошел к окну, проверил, заперто ли оно, и посмотрел наружу, прямо на Маркуса. Сын, вероятно, спрятался, но где? Кажется, он успел убрать сумку с наркотиками обратно в тайник, но места для человека там было недостаточно. Ха! Они никогда не найдут Сына, он знает свой дом намного лучше их, совсем как вьетнамские солдаты знали джунгли гораздо лучше американских. Ему всего-навсего надо сидеть тихо, как мышь, прямо как Маркус. Сын справится. Должен справиться! Дорогой

Боженька, помоги ему.

Сильвестр оглядел комнату еще раз и почесал лысую лагуну на своем черепе, окруженную темными кудрями.

– Черт, Бу, он наверняка был здесь! Я уверен, что вчера света не было ни в одном из окон.

Он плюхнулся на разрисованный розами сундук, сунул пистолет в кобуру на боку и закурил.

Светловолосый коротышка остался стоять посреди комнаты с пистолетом в руке:

– У меня такое ощущение, что он все еще здесь.

Сильвестр помахал сигаретой:

– Расслабься, он был здесь, но снова уехал. Я проверил оба сортира и вторую спальню.

Светловолосый покачал головой:

– Нет, он где-то в доме.

– Да ладно тебе, Бу, он же не привидение, а просто любитель, которому до сих пор везло.

– Может быть. Но я бы не стал недооценивать сына Абба Лофтхуса.

– Я даже не знаю, кто это такой.

– Это было до тебя, Сильвестр. Аб Лофтхус был самым крутым копом в городе, by far^[25].

– Откуда ты знаешь?

– Потому что я с ним встречался, придурок. Однажды в девяностые мы с Нестором передавали товар в Алнабру, а мимо более или менее случайно проезжали Лофтхус еще с одним копом. Лофтхус понял, что мы заключаем сделку с наркотиками, но вместо того, чтобы вызвать подкрепление, эти два идиота попытались повязать нас. Аб Лофтхус собственноручно вырубил четверых из нас, прежде чем мы повалили его на землю. А это было нелегко, должен тебе сказать: парень занимался борьбой. Мы думали, не пристрелить ли его на месте, но Нестор струсил, посчитал, что кровь полицейского вызовет слишком большую шумиху. И пока мы разговаривали, этот псих лежал и орал «давайте попробуйте!». Совсем как тот горячий рыцарь из «Монти Пайтона», ну, знаешь. Тот, что рубит себе руки и ноги, но не сдается.

Бу рассмеялся. Как от приятного воспоминания, подумал Сильвестр. Его напарник был больной, он любил смерть, увечья и болезни, он посмотрел все сезоны «Ребят с приветом» в Интернете, потому что это шоу о людях, по-настоящему избивающих и калечащих себя, в отличие от

жалких семейных видео о тех, кто хряпнулся или вывихнул себе палец и над кем можно посмеяться.

– Мне кажется, ты сказал, их было двое, – произнес Сильвестр.

Бу фыркнул:

– Его спутник сразу же backed out^[26]. Он был преисполнен желания сотрудничать и идти на компромиссы, он стоял на коленях и молил о пощаде, ну, ты знаешь таких.

– Ага, – сказал Сильвестр. – Лузер.

– А вот и нет, – ответил Бу. – Победитель. Это называется «правильная оценка ситуации». И эта оценка завела того парня дальше, чем ты думаешь. Но хватит об этом. Давай обобщем дом.

Сильвестр пожал плечами, поднялся и уже вышел из комнаты, как вдруг заметил, что Бу не идет за ним. Он повернулся и увидел, что его коллега стоит и пялится на то место, где только что сидел Сильвестр. На крышку сундука. Бу повернулся к нему, приложил к губам указательный палец и указал на сундук. Сильвестр достал пистолет и снял его с предохранителя, ощущая, как высвобождаются его чувства, свет становится ярче, а в горле начинает биться пульс. Бу бесшумно обошел сундук слева, чтобы не стоять на линии огня у Сильвестра. Сильвестр обхватил пистолет двумя руками и подошел ближе. Бу знаками показал, что сейчас поднимет крышку. Сильвестр кивнул.

Он затаил дыхание, и Бу с пистолетом, нацеленным на сундук, взялся левой рукой за край крышки. Он подождал секунду, прислушиваясь, а потом распахнул сундук.

Сильвестр указательным пальцем почувствовал сопротивление курка.

– Черт, – прошептал Бу.

Если не считать постельного белья, сундук был пуст.

Они вместе обошли остальные комнаты, включая и выключая свет, но ничего не нашли, даже признаков того, что кто-то в настоящее время жил в доме. В конце концов они вернулись в спальню, где все было так же, как и когда они уходили.

– Ты ошибся, – сказал Сильвестр. Он произнес эти два слова медленно и четко, потому что точно знал, как они разозлят Бу. – Его здесь нет.

Бу поднял и опустил плечи, как будто костюм сидел на нем не так, как надо.

– Если парень уехал и оставил свет включенным, это может означать, что он вернется. И если мы останемся здесь и будем готовы, то наша работа окажется гораздо легче, чем если бы нам пришлось снова входить в дом.

- Возможно, – сказал Сильвестр.
 - Он догадывался, куда клонит Бу.
 - Нестор хочет, чтобы мы взяли его как можно быстрее. Он может многое испортить, знаешь ли.
 - Это точно, – кисло ответил Сильвестр.
 - Так что ты останешься здесь на ночь, на случай если он вернется.
 - А почему такую работу всегда делаю я?
 - Ответ начинается на букву «с».
- Стаж. Сильвестр вздохнул. Вот если бы кто-нибудь пристрелил Бу, у него появился бы новый напарник. У которого не очень большой стаж.
- Предлагаю тебе устроиться в гостиной, оттуда тебе будет видно и входную дверь, и дверь в подвал, – сказал Бу. – Я не уверен, что убрать парня будет так же легко, как того священника.
 - Я тебя слышал и в первый раз, – сказал Сильвестр.

Маркус увидел, как двое мужчин покинули освещенную спальню, и сразу после этого светловолосый коротышка вышел из дома, уселся в машину и уехал. Сын все еще был где-то внутри, но вот где? Может быть, он слышал, как завелся и уехал автомобиль, но знал ли он, что один из гостей до сих пор находится в доме?

Маркус направил бинокль на темные окна, однако ничего не увидел. Сын, разумеется, мог выбраться из укрытия и выйти из дома с другой стороны, но Маркус так не думал, ведь он открыл окно и прислушивался и что-нибудь да услышал бы.

Заметив движение, Маркус направил бинокль на спальню, поскольку только там горел свет. И понял, что был прав.

Кровать. Она шевелилась. Точнее говоря, матрац. Его подняли и откинули в сторону. Там был он. Он прятался между днищем кровати и большим толстым двуспальным матрацем, на котором Маркус так любил валяться. Хорошо, что Сын такой тощий: если бы он был таким толстым, каким, по словам мамы, скоро станет Маркус, они бы его заметили. Он тихо подошел к незакрепленной половице, поднял ее и вынул что-то из красной спортивной сумки. Маркус приблизил изображение, навел резкость и открыл рот.

Сильвестр поставил стул так, чтобы видеть как входную дверь, так и калитку. Калитка освещалась уличными фонарями, но он в любом случае услышит, если кто-нибудь приблизится, – он понял это по шуршанию гравия под ногами уходящего Бу.

Ночь могла стать долгой, и ему надо было придумать какое-нибудь занятие, чтобы не заснуть. Он осмотрел книжные полки и нашел то, что искал: семейный фотоальбом. Сильвестр включил настольную лампу, отвернул ее от окна, чтобы свет не был виден с улицы, и начал листать страницы. Они казались счастливой семьей, такой отличной от его собственной. Может быть, именно поэтому он всегда испытывал такое благоговение перед чужими семейными альбомами. Ему нравилось разглядывать карточки и пытаться представить себе, как это было. Конечно, он понимал, что фотографии не содержат всей правды. Но одна правда в них была. Сильвестр остановился на фотографии, где были изображены три человека, вероятно, на пасхальных каникулах. Улыбающиеся, загорелые, они стояли перед небольшой пирамидой из камней. В середине стояла женщина, которая, как Сильвестр понял по другим фотографиям, была матерью семейства. Слева – отец, тот самый Аб Лофтхус. Справа – мужчина в очках без оправы. «Мы с тройкой в поездке, фотограф Прыгун», – было написано под фотографией женской рукой.

Сильвестр поднял голову. Что-то услышал? Он посмотрел на калитку: никого. Звук шел не от входной двери и не от двери в подвал. Но что-то изменилось, как будто воздух стал плотнее, а в темноте появилось нечто осязаемое. Темнота. Он всегда будет немного бояться темноты, об этом позаботился отец. Сильвестр снова сосредоточился на фотографии, на том, какими счастливыми они выглядели. Потому что темноты совершенно не стоит бояться, это всем известно.

Хлопок был похож на звук от пряжки папиного ремня.

Сильвестр уставился на фотографию.

Она была залита кровью. Рядом с ней находилась дырка, проходившая насквозь через весь альбом. Что-то белое упало и прилипло к крови. Перо? Наверное, из спинки стула. Сильвестр догадался, что, скорее всего, он пребывает в шоке, потому что боли он не чувствовал. Пока не чувствовал. Он посмотрел вниз, на пистолет, соскользнувший на пол и находившийся вне досягаемости. Он ждал следующего выстрела, но его не последовало. Может быть, парень решил, что он умер. Что ж, если он заставит парня думать, что так оно и есть, у него появится шанс.

Сильвестр закрыл глаза, услышал, как в комнату кто-то входит, и затаил дыхание. Он почувствовал руку у себя на груди, она пошарила по внутренним карманам пиджака, нашла бумажник и права и вынула их. Потом две руки обхватили его за талию, подняли со стула и взвалили на плечо. Парень пошел. Похоже, он был очень сильным.

Звук открывающейся двери, щелчок выключателя, скрип нетвердых

шагов по лестнице, ведущей вниз, сырой воздух. Парень нес его в подвал.

Они спустились вниз по лестнице. Звук, с каким медицинская банка отрывается от тела. А потом Сильвестр упал. Но приземлился мягче, чем рассчитывал. Он почувствовал поток воздуха, проходящий на уровне ушей. Стало темнее. Он открыл глаза. Полный мрак. Сильвестр ничего не видел, он лежал в каком-то ящике. Темнота – это не страшно. Монстров не существует. Он слышал шаги человека – тот ходил взад и вперед, потом ушел. Стукнула дверь в подвал. Сильвестр остался один, парень ничего не заметил!

Теперь надо успокоиться, не делать ничего скоропалительного. Надо дожидаться, когда парень ляжет спать, тогда можно будет выбраться. Или позвонить Бу, чтобы они приехали и забрали его отсюда, а парня убрали. Удивительно, но он до сих пор не чувствовал особой боли, только ощущал, как кровь капает на руку. И вдруг ему стало холодно. Очень холодно. Сильвестр попробовал пошевелить ногами, чтобы повернуться и достать мобильный, но у него не получилось, ноги его не слушались. Ему удалось засунуть руку в карман и вынуть телефон. Он нажал на кнопку, и экран засветился в темноте.

Сильвестр снова затаил дыхание.

Прямо перед его лицом лежал монстр и пялился на него выпученными глазами, а в его открытой пасти виднелись маленькие острые зубы.

Ну конечно, это треска. Упакованная в пластик. Вокруг нее лежало несколько полиэтиленовых пакетов, несколько коробок фирмы «Фрионор», филе цыпленка, стейки, ягоды. Свет отражался от кристаллов льда на белоснежных стенках, окружавших Сильвестра. Он находился в морозильной камере.

Маркус смотрел на дом и считал секунды.

Окно в его комнате было открыто, он слышал, как внутри дома напротив раздался хлопок, и видел вспышку в гостиной. Потом снова настала полная тишина.

Маркус решил, что это совершенно точно был выстрел из пистолета, но кто стрелял?

Господи, хоть бы Сын. Пожалуйста, хоть бы стреляли не в него.

Маркус досчитал до ста и увидел, как открылась дверь в освещенную спальню.

Спасибо, Господи, спасибо, Господи, это он!

Сын убрал пистолет в спортивную сумку, поднял половицу и начал перекладывать в сумку пакеты с белым порошком. Закончив, он перекинул

сумку через плечо и вышел из комнаты, не погасив света.

Вскоре раздался стук входной двери, и Маркус увидел, как Сын быстро пошел к калитке. Он остановился, посмотрел направо и налево, а потом направился по улице в ту же сторону, откуда появился во время своей первой встречи с Маркусом.

Маркус упал на спину на кровать и уставился в потолок. Он выжил! Он застрелил плохих дядек! Потому что... потому что они ведь плохие? Конечно плохие. Маркус так сильно ликовал в душе, что понял: сегодня ночью он спать не будет.

Сильвестр услышал, как наверху захлопнулась входная дверь. Морозильная камера была плотно закрыта, и слышал он плохо, но дверь стукнула так сильно, что он ощутил вибрацию. Наконец-то. Мобильный телефон, разумеется, не мог принимать или посылать сигнал из морозильной камеры, стоящей в подвале, так что после трех попыток позвонить он бросил это дело. Теперь Сильвестр начал чувствовать боль, и ему захотелось спать. Но холод не давал ему заснуть. Он уперся ладонями в крышку, стал толкать ее и почувствовал легкий укол паники, когда крышка не поддавалась с первого раза. Он стал толкать сильнее, но крышка по-прежнему не поддавалась. Он вспомнил звук склеивающихся резиновых реек – ему просто надо приложить чуть больше силы. Сильвестр прижал ладони к крышке и толкнул изо всех сил. Крышка не шевельнулась. И в тот же миг он понял: парень запер морозильную камеру.

На этот раз паника дала о себе знать не просто уколом, она схватила его за горло.

Хватая ртом воздух, Сильвестр попытался закрыть дверь в сознание, чтобы его не разорвало и чтобы мрак, *настоящий* мрак, не наполнил его. Он думал. Отключить сознание и мыслить ясно.

Ноги. Конечно. Он ведь знал, что ноги во много раз сильнее рук. Он жал ногами двести килограммов, а руками – жалкие семьдесят пять. А здесь ему надо справиться всего лишь с замком на морозилке, который придумали для того, чтобы соседи в домах с общими подвалами не воровали друг у друга мясо и морошку, а не для защиты от большого мужчины, находящегося в отчаянном положении и искренне желающего выбраться наружу. Сильвестр перевернулся на спину. Между его телом и крышкой был просвет как раз такого размера, что, если ему удастся согнуть колени и упереться ногами в крышку...

Но он не смог согнуть колени.

Они ему просто-напросто не повиновались. Как ужасно, что онемели

ноги. Он попробовал еще раз. Никакой реакции, как будто ноги отключились. Он ущипнул себя за ногу. Ущипнул за бедро. Дверь в сознание заскрипела. Думай. Нет, не думай! Слишком поздно. Дыра в альбоме, кровь. Выстрел, скорее всего, прошел через его спину. Отсутствие боли. Сильвестр потрогал живот. Он был мокрым от крови. Но ему казалось, что он потрогал кого-то другого.

Он был парализован.

Судя по всему, от живота и ниже. Он ударил руками по крышке, но это не помогло; единственное, что открылось, – дверь в сознание. Дверь, которая, как он знал, никогда не должна открываться. Так учил отец. Но сейчас петли отлетели, и Сильвестр понял, что умрет, как в своих кошмарах. Запертым. Одиноким. В темноте.

Глава 26

– Именно таким и должно быть воскресное утро, – сказала Эльсе, выглядывая в боковое окно.

– Согласен, – ответил Симон, сбросил скорость и посмотрел на нее.

Он задумался над тем, сколько она поняла и может ли она видеть, как нереально зазеленел Дворцовый парк после вчерашнего ливня. Понимает ли она вообще, что они едут мимо Дворцового парка.

Это Эльсе заявила, что хочет на выставку Шагала в Хёвикоддене, и Симон подтвердил, что идея замечательная, и сказал, что ему только надо по дороге заскочить к коллеге, живущему в Шиллебекке.

На парковке на улице Гамле-Драмменсвейен свободных мест было в избытке. Старые респектабельные виллы и многоквартирные дома казались опустевшими из-за летних отпусков. То тут, то там на ветру развевались флаги разных посольств.

– Я недолго, – сказал Симон, вышел из машины и подошел к двери с адресом, найденным в Интернете.

Нужное имя стояло первым в списке жильцов у домофона.

После двух звонков Симон уже готов был сдать, как вдруг услышал женский голос:

– Да?

– Фредрик дома?

– Э... кто его спрашивает?

– Симон Кефас.

Несколько секунд было тихо, но Симон слышал треск, какой бывает, когда человек закрывает ладонью микрофон трубки домофона. Потом она снова вышла на связь:

– Он спускается.

– Хорошо.

Симон стал ждать. Для обычных людей вставать еще слишком рано, поэтому сейчас на улице он видел только пару его возраста. Они выглядели так, будто вышли на так называемую воскресную прогулку. На прогулку, где место отправления и место назначения совпадают. На мужчине были кепка и брюки цвета хаки неизвестного происхождения. Так одеваются состарившиеся люди. Симон посмотрел на свое отражение в стекле резных дубовых дверей. Кепка и солнцезащитные очки. Штаны цвета хаки. Воскресный наряд.

Время шло. Наверное, он разбудил Фредрика. Или его жену. Или кто она там. Симон взглянул на машину и увидел, что Эльсе смотрит прямо на него. Он помахал, но ответа не получил. Дверь открылась.

Фредрик был одет в джинсы и футболку. Он успел принять душ, влажные густые волосы были зачесаны назад.

– Неожиданно, – сказал он. – Что...

– Прогуляемся немного?

Фредрик посмотрел на тяжелые часы.

– Слушай, у меня...

– Нестор и его наркобандиты приходили ко мне, – сказал Симон так громко, что пожилая пара, проходившая мимо них, должна была расслышать его слова. – Но мы можем поговорить об этом и у тебя в квартире с твоей... женой?

Фредрик посмотрел на Симона и закрыл за собой дверь.

Они вышли на тротуар. Шлепанцы Фредрика стучали по асфальту, и эхо его шагов металось между стенами домов.

– Он предложил мне кредит, о котором я говорил с тобой, Фредрик. Только с тобой.

– Я не разговаривал ни с каким Нестором.

– Можешь не называть его *каким-то* Нестором, мы оба знаем, что это имя тебе известно. А о том, насколько хорошо ты знаешь Нестора, можешь врать сколько влезет.

Фредрик остановился посреди пешеходного мостика.

– Послушай, Симон. Найти для тебя заем у меня на работе невозможно. Поэтому я поболтал кое с кем о твоей проблеме. Разве ты не этого хотел? Если честно?

Симон не ответил.

Фредрик вздохнул:

– Слушай, Симон, я сделал это только для того, чтобы помочь тебе. Самое плохое, что может случиться: ты получишь предложение, от которого сможешь отказаться.

– Самое плохое, – ответил Симон, – что эти подонки думают, будто нашли способ подобраться ко мне. Наконец-то, как они считают. Они никогда до меня не доберутся, Фредрик. До тебя – да, а до меня – никогда.

Фредрик облокотился на перила:

– Может быть, в этом и заключается твоя проблема, Симон. Из-за этого ты так и не сделал карьеры, которую должен был сделать.

– В том, что я не позволил себя купить?

Фредрик улыбнулся:

– В твоём темпераменте. Тебе не хватает дипломатических способностей. Ты обижаешь даже тех, кто пытается тебе помочь.

Симон посмотрел вниз, на старую заброшенную железнодорожную линию, проходившую под ними. Она осталась с тех времен, когда функционировала Западная железная дорога. Неизвестно почему вид этого углубления в ландшафте приводил его в состояние меланхолической торжественности.

– Возможно, ты читал в газетах о тройном убийстве в Гамлебюене.

– Конечно, – сказал Фредрик. – В газетах больше ни о чем и не пишут. Кажется, весь Крипос поднят на ноги. А вам разрешили присоединиться к игре?

– Им по-прежнему не нравится делиться самыми большими игрушками. Одного из убитых звали Калле Фаррисен. Имя знакомо?

– Не могу сказать. Но если убойный отдел не допускают до игры, то почему ты хочешь...

– Потому что Фаррисена в свое время подозревали в убийстве вот этой девушки.

Симон вынул фотографию, которую он распечатал из дела, и протянул ее Фредрику. Он смотрел, как тот изучает бледное лицо с азиатскими чертами. Для того чтобы понять, что девушка мертва, видеть ее тело было необязательно.

– Ее нашли на заднем дворе, все должно было выглядеть так, будто она вколола себе слишком большую дозу. Пятнадцать лет. Может, шестнадцать. Документов у нее не было, поэтому мы так и не смогли установить ни ее личность, ни место рождения. Мы не знали, как она попала в страну. Возможно, в контейнере на вьетнамском корабле. Установить удалось только то, что она была беременна.

– Погоди-ка, я помню это дело. А разве в нем не было признания?

– Да. Оно поступило поздно и довольно неожиданно. Я хочу спросить у тебя, была ли какая-нибудь связь между Калле и твоим прекрасным клиентом Иверсеном?

Фредрик пожал плечами, посмотрел на фьорд, покачал головой. Симон проследил за его взглядом, направленным на лес мачт в порту маломерных судов. «Маломерные» в наше время относится к судам, которые по размеру уступают фрегату.

– Тебе известно, что человек, сознавшийся в убийстве девушки и осужденный за него, сбежал из тюрьмы?

Фредрик вновь покачал головой.

– Приятного завтрака, – сказал Симон.

Симон стоял, облокотившись на стойку раздевалки в художественной галерее в Хёвикоддене. Все было изогнутым. Все было функциональным. Даже стеклянные стены, разделяющие помещения, были изогнутыми и, возможно, функциональными. Он смотрел на Эльсе. Эльсе смотрела на Шагала. Там, в зале, она казалась очень маленькой. Меньше, чем фигуры Шагала. Может, все дело было в изгибах, может, в оптической иллюзии комнаты Эймса.

– Значит, вы поехали к этому Фредрику только для того, чтобы задать один-единственный вопрос? – спросила Кари, стоявшая рядом с ним. Она прибыла в галерею через двадцать минут после его звонка. – И вы говорите, что...

– Что я знал: он в любом случае ответит «нет», – сказал Симон. – Но я должен был его видеть, чтобы понимать, врет он или нет.

– Знаете, несмотря на то что телесериалы утверждают совершенно иное, очень сложно определить, врет кто-то или нет.

– Дело в том, что Фредрик не «кто-то». У меня есть опыт выслушивания его лжи, я знаю, как он врет.

– Значит, этот Фредрик Ансгар – заведомый лжец?

– Нет. Он врет по необходимости, а не потому, что склонен к этому или любит это делать.

– Ну ладно. А откуда вы это знаете?

– Я этого не понимал, пока мы в Экокريمة не начали работать над одним большим делом о недвижимости.

Он заметил, что Эльсе растерянно оглядывается по сторонам, и громко кашлянул, чтобы она смогла сориентироваться и понять, где он находится.

– Доказать, что Фредрик врет, было трудно, – продолжал Симон. – Он был нашим единственным экспертом по бухгалтерии, и нам было трудно проверить все, что он говорил. Все началось с мелочей и случайностей, которые в сумме стали немного подозрительными. Он перестал рассказывать нам о ходе дела или же напрямую дезинформировал. Подозрения зародились только у меня одного. И постепенно я научился распознавать, когда он лжет.

– Как?

– Да очень просто. Голос.

– Голос?

– Когда врешь, то задействуешь свои чувства. Фредрику прекрасно удавалось врать при помощи слов, логики и языка тела. Но голос был единственным барометром чувств, который он не мог контролировать. Ему

не удавалось сохранять естественный тон, у него появлялся как будто лживый акцент, и он сам его слышал и знал, что это может его выдать. Поэтому, если ему задавали прямой вопрос, на который он должен был ответить очевидной ложью, он не полагался на свой голос. В таких случаях он обычно отвечал кивком или покачиванием головы.

– И вы спросили у него, есть ли какая-либо связь между Калле Фаррисеном и Иверсенами.

– Он пожал плечами, как будто не знал.

– Значит, солгал.

– Да. И он покачал головой, когда я спросил, знает ли он о побеге Сонни Лофтхуса.

– Разве это не слишком просто?

– Да, но Фредрик – обычный человек, который просто знает таблицу умножения лучше других. Слушай, я хочу, чтобы ты сделала вот что. Проверь все приговоры Сонни Лофтхуса. Посмотри, проходили ли по его делам другие подозреваемые.

Кари Адель кивнула:

– Прекрасно, а то у меня не было планов на эти выходные.

Симон улыбнулся.

– То дело в Экокриме, – сказала Кари. – О чем оно было?

– Мошенничество, – ответил Симон. – Неуплата налогов, большие деньги, известные имена. Дело было в такой стадии, что могло затронуть как бизнесменов, так и политиков, и нам казалось, что оно могло привести к человеку, стоявшему за всем этим.

– И это был?

– Близнец.

Кари как будто передернуло.

– Удивительное прозвище, должна сказать.

– Не настолько удивительное, как его история.

– А вам известно его настоящее имя?

Симон покачал головой:

– Ходят слухи о нескольких именах. И вариантов так много, что он полностью анонимен. Когда я начинал работать в Экокриме, я по наивности полагал, что крупная рыба видна лучше других. Правда же такова, что видимость обратно пропорциональна размеру. Поэтому и в тот раз Близнец ускользнул. Из-за вранья Фредрика.

Кари медленно кивала.

– Вы думаете, что Фредрик Ансгар мог быть кротом?

Симон уверенно покачал головой:

– Фредрик еще не начал работать в полиции, когда там появился крот. Он был более мелким кирпичиком. Но, ясное дело, он мог нанести ущерб, если бы ему позволили двигаться дальше. И я остановил его.

Кари удивленно посмотрела на него:

– Вы сдали Фредрика Ансгара начальнику полиции?

– Нет. Я сделал ему предложение. Либо он тихо и мирно уволится, либо я отнесу то небольшое, что у меня есть, куда надо. Материалов едва ли хватило бы на то, чтобы возбудить дело или уволить его, но их было достаточно, чтобы подрезать ему крылья и затормозить карьеру. Он согласился на мои условия.

На лбу Кари проступила вена.

– Вы... Вы просто дали ему уйти?

– Мы избавились от гнилого яблока, не ткнув полицию лицом в грязь. Да, я дал ему уйти.

– Но ведь таким людям нельзя позволять вот так просто уйти.

Он слышал негодование в ее голосе. Прекрасно.

– Фредрик – это мелкая рыба, и он в любом случае ускользнул бы. Ему даже не удалось скрыть, что сделка его более чем устраивает. И теперь он чувствует, что должен мне услугу.

Симон посмотрел на нее. Конечно, это было задумано как провокация. И она *отреагировала*. Но похоже, ее увлеченность уже прошла. Теперь она, видимо, думает, что нашла еще одна причина уйти с этой работы.

– А что за история связана с кличкой Близнец?

Симон пожал плечами:

– У него был однояйцовый брат-близнец. Когда ему было одиннадцать лет, две ночи подряд ему снилось, что он убил своего брата. И он подумал: раз они однояйцовые, то логично предположить, что и его брату снится такой же сон. А посему вопрос был только в том, чтобы опередить брата.

Кари посмотрела на Симона.

– Опередить брата, – повторила она.

– Прости, – сказал Симон и поспешил к Эльсе, которая направлялась прямо в стеклянную стену.

Фидель Лаэ увидел машину до того, как услышал ее. Вот такими были новые автомобили – они не издавали звуков. Если ветер дул со стороны шоссе, через стену и во двор, иногда можно было услышать, как автомобильные покрышки шуршат по гравию, как происходит резкое ускорение или как звучит двигатель на высоких оборотах при движении по пригоркам. Но в других случаях для получения предупреждения Фидель

мог полагаться только на зрение. Это что касается автомобилей. С пешеходами и животными дело обстояло иначе, для этого у него имелась лучшая в мире сигнализация. Девять доберманов-пинчеров в клетках. Семь сук каждый год приносили щенков, уходивших по двенадцать тысяч за голову. Это была официальная часть псарни, где содержались собаки, которые передавались покупателям с чипом, страховкой от скрытых дефектов и родословной, зарегистрированной в Норвежском клубе собаководства.

Вторая часть псарни находилась в глубине леса.

Две суки, один кобель. Нигде не зарегистрированные. Аргентинские доги. Доберманы-пинчеры до смерти их боялись. Шестьдесят пять килограммов агрессии и преданности, покрытые короткой шерстью альбиносов, из-за чего все собаки Фиделя получали клички со словом «призрак»: сук звали Призрачная Машина и Святой Призрак, а кобеля – Охотник За Призраками. Щенков владельцы могли называть, как их душе будет угодно, если заплатили положенное. Сто двадцать тысяч. Цена отражала уникальность породы с усиленным инстинктом убийцы и тот факт, что эти собаки были запрещены в Норвегии и ряде других стран. И поскольку его клиенты не особо задумывались о деньгах и норвежских законах, для снижения цены не существовало никаких предпосылок, скорее наоборот. Так что в этом году он передвинул загон еще глубже в лес, чтобы возможный лай не был слышен на псарне.

Машина ехала к псарне, гравиевая дорожка вела только сюда, поэтому Фидель медленно направился к вечно запертым воротам. Он закрывал их не для того, чтобы не дать доберманам выбежать за пределы двора, а для того, чтобы незваные гости не могли попасть внутрь. А поскольку незваными были все, кроме клиентов, у Фиделя в шкафу на внешней стороне сарая рядом с воротами имелся переделанный «Маузер М98». В доме у него было и более дорогое оружие, но про «маузер» всегда можно было сказать, что он для охоты на лосей. Лоси переходили болото прямо неподалеку, конечно, только в те дни, когда ветер дул не со стороны псарни с аргентинскими призраками.

Фидель подошел к воротам одновременно с автомобилем, на боковом окне которого виднелся логотип фирмы по сдаче машин в аренду. Водитель наверняка не привык к автомобилям данной марки, Фидель слышал это по шуму двигателя, когда машина ехала по дороге. И еще водитель слишком много времени потратил на то, чтобы выключить фары и дворники и заглушить двигатель.

– Ну? – спросил Фидель, изучая вышедшего из машины мужчину.

Куртка с капюшоном и коричневые ботинки. Городской. Конечно, случалось, что люди находили сюда дорогу самостоятельно и приезжали без предварительной договоренности. Но редко: он не рекламировал свою псарню и не давал описания подъездных путей в Интернете, как многие другие. Мужчина подошел к воротам, но Фидель не собирался их открывать.

– Я ищу собаку.

Фидель надвинул кепку на лоб:

– Прости, но ты приехал напрасно. Я не разговариваю с потенциальными владельцами моих собак, не получив предварительных рекомендаций. Так уж повелось. Доберманы-пинчеры не милые зверюшки, им нужен хозяин, который знает, на что идет. Позвони мне в понедельник.

– Я ищу не добермана, – сказал мужчина, глядя мимо Фиделя, мимо псарни и клеток его девяти законных собак. Глядя на лес. – И рекомендовал мне вас Густав Ровер.

Он достал визитку. Фидель, сощурившись, посмотрел на нее. «Мотоциклетная мастерская Ровера». Фидель хорошо запоминал имена и лица, поскольку и то и другое видел нечасто. Парень с мотоциклом и золотыми зубами. Он приезжал сюда вместе с Нестором и покупал аргентинца.

– Он сказал, у тебя есть собаки, которые умеют следить за белорусскими домработницами, чтобы те не убежали.

Фидель почесал бородавку на руке, а потом открыл ворота. Это не полиция, они не имели права провоцировать преступные деяния, как, например, продажа незаконных собак, иначе они сами развалят все дело. Во всяком случае, так утверждал его адвокат.

– У тебя есть?..

Мужчина кивнул и достал из кармана куртки толстую пачку денег. Тысячные купюры.

Фидель открыл ящик с оружием и вынул «маузер».

– Никогда не хожу к ним без этого, – объяснил он. – Если один из них умудрится вырваться на свободу...

Дорога до ограды в лесу заняла у них десять минут.

Последние пять минут они слышали яростный залиvistый лай, становившийся все громче и громче.

– Это потому, что они думают, их будут кормить, – сказал Фидель, не договорив до конца: «...тобой».

Собаки стали яростно бросаться на проволочную ограду, как только люди появились в поле их зрения. Фидель чувствовал, как содрогалась

земля, когда они падали с решетки вниз. Он точно знал, насколько глубоко вкопаны столбы решетки, и надеялся, что этого достаточно. В клетках немецкого производства напольные пластины были металлическими, чтобы собаки, которые любят копать, вроде терьеров, такс или ищеек, не смогли сбежать, а жестяной потолок позволял держать клетки сухими и в то же время не позволял самым настойчивым выпрыгнуть наружу.

– Сейчас, когда они в стае, они опаснее всего, – сказал Фидель. – Они подчиняются лидеру, Охотнику За Призраками. Он самый крупный.

Клиент только кивал и смотрел на собак. Фидель знал, что он должен бояться. Розовые десны открытых пастей украшали полукружья мокрых от слюны блестящих зубов. Черт возьми, да он сам боялся. Он был уверен в своем превосходстве, только если с ним была одна собака, лучше всего сука.

– Щенку важно сразу же показать, что ты главный, и оставаться главным. Помни, что доброта в виде уступчивости и прощения воспринимается как слабость. Нежелательное поведение должно наказываться, и это твоя работа. Понимаешь?

Клиент повернулся к Фиделю. У его улыбающихся глаз было удивительно отсутствующее выражение, когда он повторил:

– Наказывать за нежелательное поведение – моя работа.

– Хорошо.

– Почему эта клетка пуста? – Клиент указал на ограду, примыкающую к собачьей.

– У меня было два кобеля. Если они сидят в одной клетке, это заканчивается убийством одного из них. – Фидель вынул связку ключей. – Проходи, посмотри щенков, у них своя клетка вон там...

– Сначала расскажи мне...

– Да?

– Позволить собаке укусить молоденькую девушку за лицо – это желательное поведение?

Фидель остановился.

– Чего?

– Желательное ли поведение использовать собак для пожирания ее лица за то, что она пыталась сбежать из рабства, или за это надо наказывать?

– Послушай, собаки просто следуют своему инстинкту, их нельзя за это наказывать...

– Я говорю не о собаках. О хозяевах. Их надо наказывать, как думаешь?

Фидель внимательнее пригляделся к клиенту. Возможно ли, что он все-таки из полиции?

– Естественно, если произошло такое несчастье, то...

– Едва ли это было несчастьем. После этого хозяин перерезал девушке горло и выбросил ее в лесу.

Фидель крепче сжал в руках «маузер».

– Я об этом ничего не знаю.

– Зато я знаю. Хозяина звали Хуго Нестор.

– Слушай, тебе нужна собака или нет? – Фидель на несколько сантиметров приподнял дуло винтовки, до того направленное в землю.

– Он купил собаку у тебя. Он купил у тебя несколько собак, потому что ты продаешь собак, которых можно использовать для таких целей.

– Что ты знаешь об этом?

– Много. Я двенадцать лет просидел в клетке и слушал, как люди рассказывают истории. Тебе когда-нибудь было интересно – как это, сидеть в клетке?

– Слушай...

– Можешь сейчас попробовать.

Фидель попытался вскинуть винтовку, но мужчина обхватил его и сжал так крепко, что из Фиделя с шипением вышел воздух. Владелец псарни успел заметить неистовый лай собак, когда тело его поднялось в воздух. Мужчина повалился на спину, подняв Фиделя и перебросив его через себя. Но когда Фидель упал на землю, коснувшись ее сначала шеей, затем плечами, мужчина повернулся так, что оказался сверху на Фиделе. Фидель хватал ртом воздух и пытался высвободиться, но резко замер, когда увидел прямо перед собой дуло пистолета. Четыре минуты спустя Фидель смотрел вслед мужчине. Тот пробирался через болото в легкой дымке, но Фиделю казалось, что он идет по воде. Пальцы Фиделя впились в решетку рядом с громадным навесным замком. Взаперти. В соседней клетке Охотник За Призраками улегся и спокойно разглядывал Фиделя. Мужчина налил воды в его миску, просунул ему в клетку четыре банки собачьей еды «Роу» и забрал его мобильный, ключи и бумажник.

Фидель закричал, и белые дьяволы немедленно отозвались воем и гавканьем из псарни, построенной так далеко в лесу, что никто не мог их услышать или увидеть.

Черт!

Мужчина ушел. Наступила удивительная тишина. Закричала птица. Потом на жестяную крышу упали первые капли дождя.

Глава 27

Когда утром в понедельник, в восемь ноль восемь, Симон вышел из лифта и зашагал в отдел по расследованию убийств, он думал о трех вещах. О том, что Эльсе стояла в ванной и лила воду в глаза, не зная, что Симон находится в спальне и видит ее. О том, что он дал Кари слишком большое задание на воскресенье. И о том, что он ненавидит открытые офисные пространства, особенно после того, как друг Эльсе, архитектор, рассказал ему, что представление о том, будто открытое офисное пространство экономит место, – это миф: из-за стоящего в нем шума необходимо строить столько переговорных комнат и буферных зон, что игра не стоит свеч.

Он подошел к столу Кари.

– Рано на месте, – отметил он.

На него посмотрела слегка помятая, еще сонная физиономия.

– И вам доброго утра, Симон Кефас.

– Благодарю покорно. Нашла что-нибудь?

Кари откинулась на спинку стула. Симону показалось, что даже во время зевания на ее лице проскальзывает удовлетворение.

– Во-первых, связь между Иверсенами и Фаррисеном. Здесь ничего. Во-вторых, приговоры Сонни Лофтхуса и, возможно, другие подозреваемые. В общем, Лофтхус был осужден за убийство неопознанной, вероятно вьетнамской, девушки, которая умерла от передозировки. Полиция сначала подозревала Калле Фаррисена. Но Лофтхус отсидел и за другое убийство. За убийство Оливера Йовича, торговца наркотиками, косовского серба, который собирался было пробиться на рынок, да был найден в Стенс-парке с бутылкой колы в горле.

Симон сморщился:

– Сонная артерия?

– Нет, не так. Бутылку колы вогнали ему в глотку.

– В глотку?

– Горлышком вперед. Так легче скользит. Вогнали целиком, так что доньшко касалось задней стенки зубов.

– Откуда ты знаешь...

– Видела фотографии. В наркоотделе сначала считали, что это внутреннее послание, которое должно было рассказать потенциальным конкурентам, что с ними случится, если они попытаются откусить слишком большой кусок рынка колы. – Она подняла глаза на Симона и добавила: –

Кола – это кокаин.

– Спасибо, я знаком с терминологией.

– Началось расследование, но оно ни к чему не привело. Дело не закрыли, но расследование практически не продвигалось, пока Сонни Лофтхуса не арестовали за убийство азиатской девушки. Одновременно он сознался в убийстве Йовича. В протоколе допроса записано, что они с Йовичем встретились в парке, чтобы разобраться с долгом, у Лофтхуса не хватило денег, а Йович стал угрожать ему пистолетом. Тогда Лофтхус набросился на него и повалил на землю. Полиции показалось, что это звучит убедительно, особенно учитывая, что Лофтхус раньше занимался борьбой.

– Хм.

– Интересно, что полиции удалось снять с бутылки отпечаток пальца.

– И?

– И он не принадлежал Лофтхусу.

Симон кивнул:

– И как Лофтхус это объяснил?

– Сказал, что вынул бутылку из урны поблизости. Что торчки вроде него всегда так поступают.

– И?

– Торчки не собирают пустые бутылки. Чтобы таким образом набрать денег на дозу, требуется очень много времени. А в протоколе написано, что отпечаток большого пальца сняли с доньшка бутылки.

Симон понял, куда она клонит, но не хотел все испортить, опередив ее.

– Я хочу сказать, кто оставляет отпечаток пальца на дне бутылки, когда пьет? А вот когда ты запиливаешь бутылку в глотку кому-нибудь...

– И ты считаешь, что в тот раз полиция не подумала об этом?

Кари пожала плечами:

– Я думаю, что полиция не отдает приоритет делам о том, как наркоторговцы убивают друг друга. Они пробили отпечатки по базе, но не нашли соответствий. Так что когда вдобавок у них появилось признание по делу, которое давно лежало без движения...

– Они с поклоном поблагодарили, поставили на дело печать «раскрыто» и стали двигаться дальше?

– Ну, вы ведь так работаете, правда?

Симон вздохнул. «Вы». Он прочитал в газете, что общественное мнение о полиции улучшается после событий последних лет, но полиция по-прежнему занимает предпоследнее место в рейтинге популярности, опережая только Железные дороги. «Вы». Она, наверное, безумно рада, что

одной ногой уже выбралась из этого открытого офисного пространства.

– Значит, у нас есть два убийства, за которые осудили Сонни Лофтхуса, но в обоих случаях подозрения указывали в сторону наркосреды. Ты хочешь сказать, что он профессиональный козел отпущения?

– А вы не согласны?

– Может быть. Но по-прежнему нет ничего, что связывало бы его или Фаррисена с Агнете Иверсен.

– Есть и третье убийство, – сказала Кари. – Эва Морсанд.

– Жена судовладельца, – произнес Симон, думая о кофе и кофейном автомате. – Полицейское управление Бускеруда.

– Точно. Верхушка черепа отрезана. Сонни Лофтхуса в этом тоже подозревали.

– Ну, такого не могло быть. В это время он сидел в тюрьме.

– Нет, он был в отпуске. Находился поблизости от места преступления. Там даже нашли волос, который может принадлежать ему.

– Ты шутишь, – сказал Симон, позабыв о кофе. – Об этом бы написали в газетах. Известный убийца, которого можно привязать к месту преступления, – более убийственной новости не существует.

– Руководство следствием в Бускеруде решило не обнародовать это, – сказала Кари.

– Почему?

– Спросите у них.

Кари сделала знак, и Симон обратил внимание на высокого широкоплечего мужчину, который шел в их сторону от кофейного автомата с кружкой кофе в руке. Несмотря на летнюю жару, он был одет в толстый шерстяной свитер.

– Хенрик Вестада, – сказал мужчина, протягивая руку. – Старший инспектор управления полиции Бускеруда. Я веду дело Эвы Морсанд.

– Я попросила его заехать сегодня утром и поговорить с нами, – сказала Кари.

– Из Драммена в утренний час пик, – произнес Симон и пожал руку мужчины. – Мы вам благодарны.

– До часа пик, – сказал Вестада. – Мы сидим здесь с половины седьмого. На самом деле я не думал, что смогу так много рассказать о следствии, но у вас очень пытливая коллега. – Он кивнул на Кари и уселся на стул напротив нее.

– Так почему же вы не обнародовали тот факт, что нашли волос осужденного убийцы? – спросил Симон, с завистью глядя на кружку, которую гость поднес к губам. – Это же все равно что объявить, что вы

раскрыли дело. Полиция обычно не скрывает хорошие новости.

– Это правда, – ответил Веста́д. – Особенно если учесть, что владелец волоса на первом допросе сознался.

– И что же случилось?

– Случился Лейф.

– Лейф?

Веста́д медленно кивнул:

– Я мог бы обнародовать выяснившееся на первом допросе, но кое-что было не так. Что-то... в его отношении. И я стал ждать. А на втором допросе он отозвал признание и начал утверждать, что у него есть алиби. Парень по имени Лейф с наклейкой «Драммен» на синем «вольво», у которого, как показалось этому человеку, были проблемы с сердцем. Я поговорил с дилером «Вольво» в Драммене и с отделением кардиологии Центральной больницы Бускеруда.

– Да?

– Лейф Крогнес, пятьдесят три года. Живет в Коннеруде в Драммене. Он сразу опознал парня на фотографии, которую я ему предъявил. Он видел его на площадке для стоянки автомобилей у старой государственной дороги, идущей параллельно шоссе Драмменсвейен. Ну, знаете, такая площадка со скамейками и столами, где можно насладиться природой. Лейф Крогнес поехал на небольшую прогулку в солнечную погоду и просидел на площадке несколько часов, потому что очень устал. Обычно там никого не бывает, все ездят по новой дороге, и, кроме того, там рассадник комаров. Но в тот день за одним из столов сидели двое мужчин. Они просто сидели и молчали, час за часом, как будто чего-то ждали. Потом один из них посмотрел на часы и сказал, что они могут ехать. Когда они проходили мимо стола, у которого сидел Лейф, этот человек наклонился к нему, спросил, как его зовут, и посоветовал ему обратиться к врачу, потому что с его сердцем что-то не так. Второй мужчин поволок его за собой, и Лейф тогда подумал, что это пациент психушки на прогулке. Потом они уехали.

– Но ему не удалось совсем изгнать воспоминания об этой встрече, – произнесла Кари. – И он пошел к врачу, который обнаружил у него проблемы с сердцем и немедленно положил его в больницу. Именно поэтому Лейф запомнил парня, которого он видел один раз на площадке для автомобилей у государственной дороги возле речки Драмменсельва.

Возле реки Драмменсельва, подумал Симон.

– Ага, – сказал Веста́д. – Лейф Крогнес утверждает, что тот парень спас ему жизнь. Но дело не в этом. Дело в том, что в отчете

патологоанатома говорится, что Эву Морсанд убили в то время, когда они сидели на автомобильной площадке.

Симон кивнул:

– А волос? Вы не выяснили, как он мог оказаться на месте преступления?

Вестада пожал плечами:

– У подозреваемого, как я уже сказал, есть алиби.

Симон заметил, что Вестада еще ни разу не назвал Лофтхуса по имени. Он кашлянул:

– Может показаться, что волос подкинули. И если отпуск был организован для того, чтобы подставить Сонни Лофтхуса, то в деле замешан кто-то из надзирателей Гостюрьмы. Вы из-за этого не стали поднимать шум?

Хенрик Вестада поставил чашку на стол Кари. Может быть, кофе утратил вкус.

– Мне приказали молчать, – сказал он. – Мой шеф наверняка получил указание от кого-то сверху оставить дело в покое, пока они все не проверят.

– Они хотят получить контроль над фактами до того, как разразится скандал, – произнесла Кари.

– Будем надеяться, что так, – тихо сказал Симон. – Но почему вы рассказываете нам все это, если вам приказали молчать, Вестада?

Вестада снова пожал плечами:

– Трудно быть единственным, кому все известно. А когда Кари рассказала, что работает вместе с Симоном Кефасом... Ну, про вас говорят, что вы самостоятельный.

Симон посмотрел на Вестада:

– Вам известно, что это просто другое обозначение нарушителя спокойствия?

– Да, – сказал Вестада. – Я не хочу проблем. Я просто не хочу быть единственным, кому все известно.

– Чувствуете себя в большей безопасности?

Вестада в третий раз пожал плечами. Когда он сидел, то не казался таким высоким и широкоплечим. И, несмотря на свитер, создавалось ощущение, что ему холодно.

В продолговатой комнате для переговоров стояла полная тишина.

Взгляд Хуго Нестора был прикован к стулу в конце стола.

Высокий стул, обтянутый белой буйволиной кожей, был повернут к ним спинкой.

Человек, сидевший на стуле, потребовал объяснений.

Нестор посмотрел на картину, висевшую на стене над стулом. На ней было изображено распятие. Картина была гротескной, кровавой, преувеличенно натуралистичной. У мужчины на крестеросло два рога на лбу, а глаза его горели красным огнем. За этим исключением сходство было очевидным. По слухам, художник написал это полотно после того, как человек, сидящий на стуле, отрезал у него два пальца за неуплату долга. Про пальцы – правда, Нестор присутствовал при этом. Тоже по слухам, через двенадцать часов после того, как художник выставил эту картину в своей галерее, ее конфисковал человек, сидящий на стуле. Картину и печень художника. А вот этот слух *не был* правдой. Прошло восемь часов, и взяли не печень, а селезенку.

Что касается буйволиной кожи, то Нестор не мог ни подтвердить, ни опровергнуть слухов о том, что человек, сидящий на стуле, заплатил тринадцать с половиной тысяч долларов, чтобы получить право поохотиться и застрелить белого буйвола, священное животное индейцев лакота сиу. Говорили, что он убил буйвола из арбалета и что, получив две стрелы в область сердца, зверь не умер, и тогда мужчина сел верхом на огромное животное весом в полтонны и свернул ему шею, пользуясь только мышцами ног. Нестор не видел причин сомневаться в правдивости этих слухов. Разница в весе между зверем и мужчиной не могла быть *слишком* большой.

Хуго Нестор отвел взгляд от картины. Кроме него самого и мужчины на стуле, обтянутом буйволиной кожей, в комнате находились еще три человека. Нестор поднял и опустил плечи, чувствуя, как рубашка под пиджаком прилипает к спине. Он редко потел. И не потому, что избегал солнца, грубой шерсти, занятий спортом и любовью и любых других физических нагрузок, но потому, что, по словам врача, его внутренний термостат, вызывающий потливость у других людей, был неисправен. Так что даже когда он напрягался, он не потел, а только перегревался. Наследственная предрасположенность, подтверждающая то, что он всегда знал: его так называемые родители не были его родителями и его сны о том, как он лежал в колыбели в месте, похожем на Киев, который он знал по фотографиям семидесятых годов, были не просто снами, а его первыми детскими воспоминаниями.

Но сейчас он потел. Даже несмотря на то, что принес хорошие новости.

Человек, который сидел на стуле, не бушевал, не шумел по поводу украденных из офиса Калле Фаррисена наркотиков и денег, не кричал, как

так вышло, что Сильвестр куда-то запропастился, совсем исчез, не рычал на них за то, что они какого-то черта до сих пор не нашли мальчишку Лофтхуса. А ведь все знали, что стоит на кону. Существовало четыре сценария, и три из них были плохими. Первый плохой сценарий: Агнете Иверсен, Калле и Сильвестра убил Сонни и он будет дальше убивать людей, с которыми они сотрудничали. Второй сценарий: Сонни арестовали, он сознался и рассказал, кто стоит за убийствами, за которые он отсидел. Третий сценарий: без признания мальчишки Лофтхуса Ингве Морсанда арестуют за убийство жены, он не выдержит давления и расскажет, как все было.

Когда Морсанд пришел к ним и заявил, что хочет, чтобы его жену убили, Нестор сначала подумал, что тот говорит о наемном убийце. Но Морсанд утверждал, что сам желает насладиться этим деянием, он просто хотел, чтобы они устроили так, что вину на себя принял бы кто-то другой, поскольку сам он, как отвергнутый муж, автоматически станет главным подозреваемым в глазах полиции. А ведь все можно купить, если только заплатить нужную цену. В данном случае цена составляла три миллиона крон. Нормальная почасовая оплата пожизненного заключения, как аргументировал Нестор, и Морсанд с ним согласился. Потом, когда Морсанд объяснил, что хочет привязать эту шлюху к кровати, приставить к ее голове циркулярную пилу и смотреть ей в глаза, отпиливая череп, у Нестора волосы на спине встали дыбом от смеси ужаса и веселья. Они скоординировали все с Арильдом Франком: отпуск для мальчишки Лофтхуса, место, где он должен находиться, и какого доверенного, коррумпированного и хорошо оплачиваемого надзирателя отправить вместе с ним. Таковым оказался одинокий любитель толстушек из Каупанга, тратящий деньги на кокаин, оплату долгов и проституток настолько страшных и жирных, что вполне можно было подумать, что это они платят ему, а не наоборот.

Четвертый и единственный хороший сценарий был прост: найти мальчишку Лофтхуса и убить его. Это должно быть просто. Это должно было быть сделано давным-давно.

И все же мужчина говорил спокойно, своим глубоким тихим голосом. И именно от звуков его голоса Нестор потел. Из-за высокой белой спинки стула голос попросил у Нестора объяснений. Вот и все. Объяснение. Нестор прокашлялся и понадеялся, что собственный голос не выдаст его страха, который он всегда испытывал, оказавшись в одном помещении с великаном.

— Мы вернулись в дом и искали Сильвестра, но нашли только пустое

кресло с дыркой от пули в спинке. Мы поговорили с нашим человеком в Теленоре: ни одна из их базовых станций не принимала сигналов мобильного телефона Сильвестра начиная с прошлой полуночи. Это означает, что либо Лофтхус полностью разобрал его телефон, либо аппарат находится в месте без связи. И все же я думаю, существует опасность того, что Сильвестра уже нет в живых.

Стул в конце стола медленно повернулся, и показался он. Он был копией картины над стулом: огромных размеров, с накачанными мускулами, выпирающими под костюмом, высоколобый, с немодными усами и густыми бровями над обманчиво сонными глазами. И сейчас Хуго Нестор пытался поймать его взгляд. Нестор отнимал жизнь у женщин, мужчин и детей и, убивая, запросто смотрел им в глаза. Скорее, он изучал их в поисках страха смерти, осознания того, что должно произойти, какого-то знания, которое, возможно, осеняло умирающих перед переходом на тот свет. Как в случае с той белорусской девушкой, которой он перерезал горло, когда остальные отказались. Он смотрел в ее умоляющие глаза и получал удовлетворение от смеси собственных чувств: ярости и злости оттого, что все остальные, и женщина тоже, оказались слабаками и сдались. Он испытывал возбуждение оттого, что держал в своих руках человеческую жизнь и решал, совершит ли и когда именно действия, направленные на прекращение этой жизни. Он мог продлить ее жизнь на секунду, и еще на одну секунду. И еще на одну. Или нет. Решал только он. И ему пришло в голову, что в тот момент он находился ближе всего к ощущению сексуального возбуждения, о котором говорили другие в компании, к каковой он относился с легкой неприязнью и, находясь в ней, болезненно пытался казаться так называемым нормальным человеком. Он где-то прочитал, что один человек из ста асексуален. Таким образом, он был исключением. Но это не значит, что он ненормальный. Наоборот, это позволяло ему сосредоточиться для достижения своих целей, для выстраивания своей жизни, для создания имени, для того чтобы вызывать у других уважение и страх. Без всякой невнимательности и потери энергии, сопутствующей сексуальной наркомании, которой подвержены другие. А насколько это рационально и, следовательно, нормально? Так что он был нормальным человеком, который не боялся смерти, а, наоборот, интересовался ею. Кроме того, у него имелись *хорошие* новости для великана. Но Нестор смог смотреть ему в глаза всего пять секунд, а потом был вынужден отвести взгляд, потому что то, что он увидел в глубине глаз великана, было холоднее и пустыннее смерти и уничтожения. Погибель. Обещание того, что у тебя есть душа, которая будет у тебя отнята.

– Но мы получили наводку о том, где Лофтхус может находиться, – произнес Нестор.

Великан поднял четко очерченную бровь:

– От кого?

– От Коко. От дилера, до недавнего времени проживавшего в пансионе «Ила».

– Шизик с шилом?

Нестору не удалось узнать, откуда великан получает всю информацию. Его нельзя было увидеть на улицах, Нестор никогда не слышал, чтобы кто-то утверждал, что разговаривал с ним и уж тем более что видел его. Во времена крота это было понятно, тогда у великана имелся доступ ко всему происходившему в полиции. Но после того как они убили Аба Лофтхуса, чуть было не раскрывшего всю схему, деятельность агента прекратилась. Это произошло почти пятнадцать лет назад, и Нестор смирился с тем, что он никогда не узнает, кто был кротом.

– Он говорил что-то о молодом парне в «Иле», у которого было так много денег, что он заплатил долг за своего соседа по комнате, – сказал Нестор с хорошо отрепетированной интонацией, произнося звук «р» так, как, по его представлениям, это делали восточные европейцы. – Двенадцать кусков налом.

– В «Иле» никто не платит за других, – заметил Варген, пожилой человек, отвечавший за импорт девушек.

– Вот именно, – сказал Нестор. – И он сделал это несмотря на то, что сосед обвинил его в краже сережек. И я подумал...

– Ты подумал о деньгах из сейфа Калле, – закончил великан. – И о том, что у Иверсенов украли драгоценности, так?

– Именно. Я пошел к Коко и показал ему фотку мальчишки. И он подтвердил, что это сделал он, Сонни Лофтхус. У меня даже есть номер его комнаты. Триста двадцать три. Вопрос только в том, как нам... – Нестор соединил кончики пальцев и причмокнул, как будто пробовал на вкус все синонимы выражения «убить его».

– Мы не проникнем внутрь, – сказал Варген. – Во всяком случае, незамеченными. Дверь там заперта, в приемной дежурят сотрудники, а по всей территории развешены камеры наблюдения.

– Мы могли бы использовать для этой работы одного из постояльцев, – вступил в разговор Восс, бывший директор охранного предприятия, которого вышибли с работы за импорт и торговлю анаболическими стероидами.

– Нельзя доверять такое дело торчку, – возразил Варген. – Лофтхус

улизнул не только от наших собственных, как мы считаем компетентных, людей, он еще, судя по всему, пришел одного из них.

– Так что нам делать? – спросил Нестор. – Дождаться его на улице у пансиона? Поселить снайпера в соседнем доме? Поджечь все заведение и закрыть аварийные выходы?

– Не говори ерунды, Хуго, – усмехнулся Восс.

– Ты должен знать, что я никогда не говорю ерунды. – Нестор почувствовал, как запылало его лицо. Ему было жарко, но он больше не потел. – Если мы не возьмем его до того, как его возьмет полиция...

– Хорошая идея.

Эти два слова были произнесены очень тихо, едва слышно. И все равно прозвучали как гром посреди помещения.

За ними последовала тишина.

– Какая из них? – спросил наконец Нестор.

– Не брать его до того, как его возьмет полиция, – сказал великан.

Нестор огляделся по сторонам, чтобы удостовериться, что не он один ничего не понимает, а потом спросил:

– Что вы имеете в виду?

– То и имею, – прошипел великан, улыбнулся и направил взгляд на единственного человека в помещении, до сих пор не сказавшего ни слова. – Ты же понимаешь, что я имею в виду?

– Понимаю, – ответил человек. – Мальчишка Лофтхус окажется в Гостюрме. И может быть, как и отец, решит покончить с собой?

– Хорошо.

– Тогда я подскажу полиции, где он может находиться, – сказал человек и поднял подбородок, вытаскивая складки кожи на шее из выреза рубашки, одетой под зеленой формой.

– Нет необходимости, я сам займусь полицией, – сказал великан.

– Вот как? – удивленно спросил Арильд Франк.

Великан развернулся и обратился ко всем сидящим за столом:

– А что с этим свидетелем из Драммена?

– Он лежит в больнице, в кардиологии, – услышал Хуго Нестор чей-то ответ, продолжая разглядывать картину.

– И что мы будем делать?

Он не отводил взгляда от картины.

– То, что должны, – ответил низкий голос.

Нестор разглядывал Близнеца, висящего на кресте.

Повешение.

Марта сидела на чердаке.

Она смотрела на балку.

Марта сказала коллегам, что собирается проверить, хорошо ли выполнена работа с архивными шкафами. Наверняка хорошо, об этом она не беспокоилась. Она ни о чем не беспокоилась, а думала о нем, о Стиге. Это было столь же банально, сколь трагично: она влюбилась. Марта всегда считала, что не предрасположена к сильным чувствам. Конечно, она и раньше влюблялась, и не один раз, но не так, как сейчас. Другие были бабочками в животе, интересной игрой, обострением чувств, покраснением щек. А это... болезнь. Нечто проникшее в ее тело и управлявшее всем, что она делала и думала. Запала. Очень точное слово. Как заработалась или заелась. Слишком. Чересчур. Нежелательно. Деструктивно.

С женщиной, повесившейся на этом чердаке, произошло то же самое? Она тоже влюбилась в мужчину, который, как она считала в глубине души, оказался не на той стороне? Была ли она настолько же ослеплена влюбленностью, что начала спорить сама с собой насчет того, что такое та сторона и что такое не та? Пыталась ли сформировать для себя новую мораль, которая сочеталась бы с ее сладкой болезнью? Или же она, как и Марта, разобралась во всем потом, когда было уже слишком поздно? Марта зашла в комнату 323 во время завтрака. Она еще раз проверила кроссовки. От подошв пало хозяйственным мылом. Кто моет подошвы почти новой обуви, если не собирается что-то скрыть? И почему эта мысль привела ее в такое отчаяние, что она была вынуждена подняться сюда? Господи, да она же даже не собиралась заводить с ним роман.

Она смотрела на балку.

Но Марта не хотела поступать так, как та женщина. Выдать его. Она не могла. У него должна быть неизвестная ей причина. Он не такой. У Марты была работа, на которой она каждый день выслушивала столько лжи, уверток и переиначиваний действительности, что в конце концов перестала верить, что люди являются теми, за кого себя выдают. Но в одном она была уверена: Стиг не хладнокровный убийца.

Она знала это, потому что была влюблена.

Марта спрятала лицо в ладони и почувствовала, как подступают слезы. Она сидела в тишине и содрогалась. Он хотел поцеловать ее. Она хотела поцеловать его. *Хотела* поцеловать его. Здесь, сейчас, всегда! Пропасть в большом, чудесном, теплом море чувств. Принять наркотик, поддаться, опустошить шприц, почувствовать эйфорию, благодарить и проклинать.

Она услышала плач, и волосы у нее на руке встали дыбом. Она уставилась на рацию. Обиженный, жалобный детский плач.

Марта хотела отключить рацию, но не стала. На этот раз плач звучал иначе, как будто ребенок был напуган и звал ее. Но это был тот же самый ребенок, всегда один и тот же. Ее ребенок. Потерявшийся ребенок. Он заперт в темноте и неизвестности и пытается найти дорогу домой. И никто не хочет или не может ему помочь. Никто не решается. Потому что не знают, что это, а когда мы не знаем, с чем имеем дело, мы боимся. Марта прислушалась к плачу. Он нарастал и нарастал. Потом раздался громкий треск и истерический вопль:

– Марта! Марта! Выйди на связь...

Она застыла. Что это?

– Марта! Они врываются! У них оружие! Господь всемогущий, где ты?

Она взяла в руки рацию и нажала на кнопку вызова:

– Что происходит, Мария?

Отпустила кнопку.

– Они одеты в черное, у них маски, щиты и оружие, и их очень много! Ты должна прийти!

Марта встала и побежала к двери. Ее ноги быстро стучали по ступенькам лестницы. Она распахнула дверь в коридор на третьем этаже и увидела, как человек в черном поворачивается и направляет в ее сторону дуло короткого ружья, а может, и автомата. Трое других стояли напротив двери с номером 323. Двое из них размахивали коротким тараном.

– Какого... – начала Марта.

Но не закончила, потому что человек с автоматом подошел к ней и приложил палец к тому месту на черной балаклаве, где предположительно находились его губы. Какое-то мгновение она простояла молча, пока не сообразила, что ее остановило только это идиотское оружие.

– Предъявите ордер на обыск, немедленно! Я не позволю...

Таран с грохотом ударил по двери ниже замка. Третий мужчина приоткрыл дверь и бросил внутрь что-то похожее на две ручные гранаты. Потом они отвернулись и прикрыли глаза руками. Господи, они что... Вспышка света из двери была настолько яркой, что полицейские начали отбрасывать тени в освещенном коридоре, а взрыв – таким громким, что у Марты заложило уши. Тогда они ворвались внутрь.

– Идите туда, откуда пришли, фрёкен!

Приглушенный звук голоса стоявшего перед ней полицейского достиг ее ушей. Наверное, он кричал.

Марта пару секунд стояла, глядя на него. Как и остальные, он был одет в черную униформу «Дельты» и пуленепробиваемый жилет. Она

попятилась и вышла в дверь, ведущую на лестничную площадку. Прислонилась к стене и пошарила по карманам. Визитка все еще лежала в заднем кармане, как будто она всегда знала, что настанет время воспользоваться ею. Марта набрала номер, написанный под именем.

– Да?

Голос – удивительно точный термометр. У Симона Кефаса он был усталым, замученным, но без той оживленности, которая может появиться от нанесенного удара, от большого ареста. Кроме того, по акустике в трубке она определила, что он не находится на улице перед «Илой» или внутри здания. Он был в каком-то серьезном месте в окружении большого количества людей.

– Вы здесь, – сказала она. – Вы бросаете гранаты.

– Простите?

– Это Марта Лиан из общежития «Ила». Здесь спецподразделение. Они напали на нас.

В последовавшей за этим паузе она услышала на заднем плане голос человека, объявлявшего что-то в микрофон: имя, вызов в послеоперационную. Комиссар находился в больнице.

– Сейчас буду, – сказал он.

Марта отключила телефон, открыла дверь и снова вышла в коридор. Она услышала треск и шуршание раций.

Мужчина направил на нее оружие:

– Эй, я что сказал!

Из его рации зазвучал металлический голос:

– Мы выводим его.

– Стреляйте в меня, если должны, но я исполнительный директор и до сих пор не видела ордера на обыск, – сказала Марта, проходя мимо него.

В тот же момент она увидела, кто выходит из дверей 323-й комнаты: на нем были наручники, двое полицейских волокли его под руки. Он был почти голым, только в больших по размеру белых трусах, и казался на удивление беззащитным. Несмотря на мускулистый торс, он выглядел худым, скрюченным, сдавшимся. Из его уха текла тонкая струйка крови.

Он поднял глаза и встретился с ней взглядом.

А потом они прошли мимо нее и направились к выходу.

Все закончилось.

Марта с облегчением выдохнула.

Дважды постучав в двери, Бетти достала мастер-ключ и открыла люкс. Как обычно, она делала это медленно, чтобы у гостя, если он все-таки

находится в номере, было время избежать неловкой ситуации. Такова была политика отеля «Плаза»: сотрудники не должны видеть и слышать то, что им не положено видеть и слышать. Но Бетти не разделяла эту политику. Скорее, наоборот. Ее мама всегда говорила, что любопытство однажды доведет Бетти до беды. Ну ладно, довело, и не однажды, но как сотруднику службы приема гостей оно приносило ей пользу: ни у кого в отеле не было такого нюха на злостных неплательщиков, как у Бетти. Это стало ее отличительной чертой: она умела выводить на чистую воду людей, которые хотели жить, есть и пить в отеле и не платить за это. И она с удовольствием действовала на опережение. Бетти никогда не скрывала своих амбиций. Во время последней беседы с работодателем ее похвалили за внимательность и тактичность, а также за то, что интересы отеля она ставит на первое место. Ее начальник сказал, что она может далеко продвинуться и что служба приема гостей – всего лишь небольшая остановка для таких людей, как она.

Этот люкс был одним из самых больших номеров отеля, в нем имелась гостиная, а из окон открывался вид на весь Осло. Барная стойка, кухонный уголок, ванная и отдельная спальня с собственной ванной. Она услышала звук льющейся воды в душе.

Он зарегистрировался как Фидель Лаэ и, совершенно очевидно, не испытывал денежных затруднений. Костюм марки «Тайгер», который она принесла, был куплен сегодня утром на улице Бугстадвейен, отправлен портному для срочной подгонки, а оттуда – на такси в отель. Обычно в сезон они предлагали сервис доставки в номера, но сейчас, в середине лета, было так тихо, что сотрудники службы приема гостей занимались этим сами. И Бетти сразу согласилась принести костюм вовсе не потому, что испытывала конкретные подозрения. Когда она зарегистрировала гостя, он заплатил авансом за две ночи, а так гостиничные мошенники не поступают. Ее насторожило другое. Он совсем не был похож на человека, останавливающегося в люксах на последних этажах отелей. Скорее, он выглядел как бомж или постоялец дешевого хостела. Во время регистрации оказалось, что он совсем не знает процедуры и очень напрягается, как будто раньше никогда не жил в отелях и знал все только в теории, а теперь хотел сделать все верно на практике. Кроме того, он заплатил наличными.

Бетти открыла шкаф в гостиной и увидела, что в нем уже висит галстук и две рубашки, тоже марки «Тайгер», наверняка купленные в том же магазине. На полу стояла пара новых черных ботинок. Бетти прочитала надпись «Васс» на стельке. Рядом с костюмом стоял высокий мягкий чемодан на колесиках. Размерами он был почти с Бетти, ей приходилось видеть такие зимой – их использовали для транспортировки сноубордов

или досок для серфинга. Она подумала, не открыть ли молнию, но вместо этого нажала на чемодан. Он поддался. Пустой. По крайней мере, в нем не было сноуборда. Рядом с чемоданом лежал единственный неновый предмет в шкафу – красная спортивная сумка с надписью «Борцовский клуб Осло».

Бетти закрыла дверцы шкафа, подошла к открытой двери спальни и прокричала в сторону душа:

– Господин Лаэ! Прошу прощения, господин Лаэ!

В ванной выключили душ, и сразу же в дверях появилась голова с зачесанными назад мокрыми волосами и пеной для бритья на лице и бровях.

– Я повесила ваш костюм в шкаф. Мне сообщили, что я должна забрать письмо для отправки.

– А, да. Спасибо большое. Подождите минуточку.

Бетти подошла к окну гостиной и посмотрела на здание Оперы и Осло-фьорд, на новые высотки, тесно прижавшиеся друг к другу, как штакетины в заборе. На Экебергосен. На здание почтового управления. На Ратушу. На железнодорожные пути, прибежавшие со всей страны и собравшиеся в нервный клубок на Центральном вокзале Осло, прямо под ней. Она заметила на большом письменном столе водительское удостоверение. Оно не принадлежало Лаэ. Рядом лежали ножницы и фотография на паспорт Лаэ с привлекающими внимание квадратными очками в темной оправе, которые она заметила, когда регистрировала его. Чуть дальше на столе лежали два одинаковых новых «дипломата». Из-под крышки одного из них выглядывал кусочек полиэтиленового пакета. Бетти уставилась на него. Матовый, но прозрачный пластик. Со следами чего-то белого внутри.

Она сделала два шага назад, чтобы заглянуть в спальню. Дверь в ванную была распахнута, и она увидела спину гостя, стоявшего перед зеркалом. Вокруг пояса у него было повязано полотенце, он сосредоточенно брился. Это означало, что у нее имеется немного времени.

Она попыталась открыть «дипломат» с торчащим пакетом. Он был заперт.

Бетти посмотрела на кодовый замок. Маленькие металлические колесики показывали комбинацию 0999. Она посмотрела на второй чемоданчик. 1999. Мог ли у замков быть одинаковый код? Если да, то 1999 похоже на код. Обозначение года. Может быть, год чьего-то рождения. Или выхода сингла Принса. В таком случае чемоданчик не заперт.

В ванной зажурчала вода. Он мыл лицо. Не стоило.

Она подняла крышку второго «дипломата» и замерла.

Пачки денег заполняли его до самых краев.

Бетти услышала в спальне звук шагов и быстро закрыла «дипломат», сделала два шага в сторону и заняла позицию у входных дверей. Сердце ее громко стучало.

Он вышел из спальни и улыбнулся ей. Но он изменился. Возможно, потому, что был без очков. Или потому, что над глазом у него был приклеен окровавленный кусок бумаги. И в то же мгновение Бетти поняла, что изменилось. Он сбрил брови. Кто, скажите на милость, удаляет свои брови? Кроме Боба Гелдофа в «Стене», конечно. Но он сумасшедший. Во всяком случае, ведет себя как сумасшедший. А мужчина, стоящий перед ней, тоже ненормальный? Нет, ненормальные не носят чемоданы, набитые деньгами, они только *думают*, что у них есть чемоданы, набитые деньгами.

Он выдвинул ящик письменного стола, вынул коричневый конверт и протянул его Бетти.

– Как думаете, сможете отправить его сегодня?

– Да, конечно, – ответила она и понадеялась, что он не заметил ее нервозности.

– Большое спасибо, Бетти.

Она дважды моргнула. Разумеется, на ней значок с именем.

– Хорошего вам дня, господин Лаэ, – улыбнулась она и опустила ладонь на ручку двери.

– Подождите, Бетти...

Улыбка застыла у нее на лице. Он заметил, что «дипломат» открывали, он...

– Наверное... э-э, за такие услуги принято давать чаевые?

Она облегченно выдохнула:

– Нет, совсем нет, господин Лаэ.

Только войдя в лифт, она поняла, что вся вспотела. Почему ей так трудно усмирить свое любопытство? Ведь она никому не может рассказать, что рылась в вещах гостей. И кто сказал, что носить деньги в «дипломате» противозаконно? Особенно если человек, например, работает в полиции. Потому что именно это было написано на коричневом конверте: «Полицейское управление, улица Грёнланнслейрет, 44. Симону Кефасу».

Симон Кефас стоял в комнате 323 и осматривался.

– Значит, «Дельта» вас штурмовала? – спросил он. – И забрала человека, лежавшего на нижнем ярусе? Йонни как там его?

– Пуму, – сказала Марта. – Я позвонила, потому что подумала, что,

может быть, вы...

– Нет, я не имею к этому отношения. А Йонни живет здесь с...

– Со Стигом Бергером, как он себя называет.

– Хм. И где он сейчас?

– Не знаю. Никто не знает. Полиция спрашивала у всех постояльцев.

Но послушайте, если это не вы, то я хочу знать, кто несет ответственность за нападение.

– Этого я не знаю, – ответил Симон, открывая шкаф. – Всякое использование «Дельты» должно согласовываться с начальником полиции, поговорите с ним. Это одежда Стига Бергера?

– Да, насколько мне известно.

У него было ощущение, что она врет, что она прекрасно знает, чьи это вещи. Он поднял синие кроссовки, стоящие на полу шкафа. 43-й размер. Симон поставил их обратно, обнюхал шкаф и заметил фотографию, прикрепленную к стене рядом. И остававшиеся у него сомнения мигом улетучились.

– Его зовут Сонни Лофтхус, – сказал Симон.

– Что?

– Второго жильца. Его зовут Сонни, а это фотография его отца, Аба Лофтхуса. Его отец был полицейским. Сын стал убийцей, на сегодняшний день лишившим жизни шестерых человек. Вы, конечно, можете пожаловаться начальнику полиции, но, мне кажется, можно утверждать, что поведение «Дельты» не является неправомерным.

Ее лицо застыло, а зрачки сузились, как будто в них попало слишком много света. Здесь люди ко многому привыкли, но, естественно, новость о том, что они приютили серийного убийцу, может повергнуть в шок.

Симон сел на корточки. Под кроватью что-то лежало. Он достал предмет.

– Что это? – спросила Марта.

– Шоковая граната, – ответил он, поднимая вверх предмет оливкового цвета, похожий на рукоятку велосипедного руля. – Она производит сильную вспышку и удар силой семьдесят децибелов. Неопасна, но после взрыва люди на несколько секунд слепнут, глохнут, испытывают головокружение и потерю ориентации, и за это время «Дельта» успевает сделать то, что ей надо. Но у этой не выдернута чека, и она не взорвалась. Такова жизнь, люди ошибаются в стрессовых ситуациях. Или нет?

Он посмотрел на кроссовки, а потом на Марту. Но когда она ответила, взгляд ее был твердым и уверенным. Он ничего не увидел в ее глазах.

– Мне надо вернуться в больницу, – сказал Симон. – Вы позвоните

мне, если он снова появится?

– У вас что-то болит?

– Конечно, – произнес Симон. – Но в больницу положили мою жену.

Она слепнет.

Он посмотрел на свои руки и чуть не добавил: «Совсем как я».

Глава 28

Хуго Нестор любил «Вермонт». Это было одно из немногих заведений, где с одинаковым успехом располагались ресторан, бар и ночной клуб. Заведение посещали богатые и красивые, некрасивые, но богатые, небогатые, но красивые, смесь знаменитостей, полуудачливых финансистов и ночных работников развлекательной отрасли. Плюс удачливые преступники. В девяностые годы именно в «Вермонте» банда Твейта и другие, специализировавшиеся на грабежах банков, почтовых отделений и инкассаторских машин, покупали шестилитровые бутылки «Дом Периньон» и, поскольку в те времена норвежским стриптизершам не хватало изюминки, привозили на специальных самолетах лучших танцовщиц из Копенгагена для частных танцев в своих отдельных кабинетах. Они использовали коктейльные трубочки, чтобы вдуть кокаин прямо в различные отверстия на телах стриптизерш, а потом и в свои собственные, а официанты подавали им устриц, перигорские трюфели и фуа-гра из гусей, с которыми обходились почти так же, как они обходились с собой. Короче говоря, «Вермонт» был местом со стилем и традициями. Здесь Хуго Нестор и его люди каждый вечер могли сидеть за своим огороженным столом и наблюдать, как мир идет ко дну. Здесь можно было делать дела, здесь денежные мешки могли общаться с преступниками, не опасаясь, что тайные агенты обратят на это слишком пристальное внимание.

Поэтому требование мужчины, сидевшего за их столом, вовсе не было таким уж необычным. Он вошел в помещение, огляделся и рванул через толпу людей прямо к ним. Его остановил Бу, когда он попытался перешагнуть через красный шпагат, ограничивавший их территорию. Они обменялись с Бу парой слов, после чего Бу подошел к Нестору и прошептал ему на ухо:

– Он хочет азиатку. Говорит, что действует от имени клиента, который хорошо платит.

Нестор склонил голову и отхлебнул шампанского. Он превратил поговорку Близнеца в свою собственную: «Money can buy you champagne»^[27].

– Тебе не кажется, что это подстава?

– Нет.

– Мне тоже. Дай ему стул.

Мужчина был одет в казавшийся дорогим костюм, свежевыглаженную рубашку и галстук. Над его заметными эксклюзивными очками были видны светлые брови. Нет, кстати, бровей *не было*.

– Ей должно быть меньше двадцати.

– Понятия не имею, о чем ты говоришь, – сказал Нестор. – Почему ты пришел сюда?

– Мой клиент – друг Ивера Иверсена.

Хуго Нестор пригляделся к нему внимательнее. Ресниц у него тоже не было. Может, у него alopecia universalis^[28], как и у брата Нестора? Так называемого брата. Ни волосинки на теле. В таком случае волосы на черепе мужчины – парик.

– Мой клиент из судоходного бизнеса. Он платит наличными и героином, поступившим морским путем. Вы, наверное, лучше меня знаете, что это говорит о чистоте продукта.

Меньше перевалочных пунктов. Меньше примесей.

– Дай-ка я позвоню Иверсену, – сказал Нестор.

Мужчина покачал головой.

– Мой клиент надеется на полную конфиденциальность. Ни Иверсен, ни кто другой не должны об этом знать. А то, что Иверсен рассказывает близким друзьям, чем занимается, – это его проблема.

«И потенциально наша», – подумал Нестор. Кто этот мужчина? Не похож на мальчика на побегушках. Протеже? Очень доверенный семейный адвокат?

– Я, конечно, понимаю, что такое прямое обращение от незнакомого вам человека требует дополнительных гарантий безопасности транзакции. Поэтому мы с моим клиентом предлагаем аванс в знак серьезности наших намерений. Что скажете?

– Я скажу: четыреста тысяч, – ответил Нестор. – Это просто цифра, я по-прежнему не понимаю, о чем ты говоришь.

– Конечно, – ответил мужчина. – Все можно устроить.

– Как быстро?

– Думаю, сегодня вечером.

– Сегодня вечером?

– Я в городе только до завтрашнего утра, потом возвращаюсь в Лондон. Задаток находится в моем люксе в «Плазе».

Нестор обменялся взглядом с Бу и одним глотком опустошил узкий бокал.

– Ни слова не понимаю, мистер. Если, конечно, вы не пытаетесь пригласить нас на бокальчик в вашем номере.

Мужчина улыбнулся:

– Именно это я и пытаюсь сделать.

Они обыскали мужчину, как только спустились в подземный гараж. Бу держал его, а Нестор искал оружие или микрофоны. Парень позволил им произвести эту процедуру, не сопротивляясь. Он был чист.

Бу на лимузине довез их до «Плазы», и они пешком дошли от парковки позади «Спектрума» до высоченной стеклянной призмы отеля. Поднимаясь на наружном лифте, они смотрели вниз на город, и Нестор подумал, что это метафорично: люди становились тем меньше, чем выше он сам поднимался.

Когда мужчина отпирал им дверь, Бу достал пистолет. Никаких очевидных причин подозревать подвох не было: Нестор не имел живых врагов, о которых он знал. Никаких невыясненных вопросов на рынке, так что полиция сколько угодно могла его арестовывать – у них на него ничего не было. И все же он чувствовал беспокойство, природу которого никак не мог определить. Он решил, что это профессиональная бдительность, постоянная настороженность, которой коллеги могли бы поучиться. Нестор достиг своего положения не просто так.

Люкс оказался хорошим, с отличным видом, ну а как иначе. Мужчина положил на стол два «дипломата». Пока Бу проверял остальные комнаты, хозяин зашел за барную стойку и начал смешивать напитки.

– Прошу вас, – сказал он, махнув рукой в сторону «дипломатов».

Нестор подошел к столу и приподнял крышку одного из чемоданчиков, потом посмотрел на другой.

Здесь было больше четырехсот тысяч. Наверное.

А если вещество из второго чемоданчика такой чистоты, как он намекал, то денег здесь было достаточно для того, чтобы купить маленькую деревушку с маленькими азиатскими девочками.

– Не возражаешь, если я включу телевизор? – спросил Нестор, взяв пульт.

– Ни в коей мере, – ответил мужчина, занятый приготовлением напитков.

Казалось, это занятие было для него непривычным, но сейчас он уже отрезал три кусочка лимона для трех джин-тоников.

Нестор нажал на кнопку включения телевизора, прощелкал семейные и детские каналы, добрался до порнухи, увеличил звук и пошел к барной стойке.

– Ей шестнадцать лет, ее доставят на парковку у бассейна

«Ингьерстранд» завтра около полуночи. Ты припаркуешься посреди стоянки и не будешь выходить из машины. Кто-то из нас подойдет к тебе, сядет на заднее сиденье и пересчитает бабло. Потом он выйдет с деньгами, а второй приведет девчонку. Ясно?

Собеседник кивнул.

Однако Нестор не сказал (потому что этого не надо было делать), что девчонку привезут не в том же автомобиле, который приедет за деньгами. Деньги покинут стоянку до того, как прибудет машина с девчонкой. Тот же принцип, что и при продаже наркотиков.

– А деньги...

– Еще четыреста тысяч, – сказал Нестор.

– Хорошо.

Бу вернулся из спальни, встал у телевизора и уставился на экран. Он любил смотреть. Да все любили. Самому Нестору порнофильмы нравились потому, что их предсказуемый и ровный саундтрек стонов, «о боже мой», и «да, трахни меня» делал невозможным вероятное прослушивание помещения.

– Бассейн «Ингьерстранд», завтра около полуночи, – повторил Нестор.

– Выпьем за это? – спросил мужчина, протягивая им два бокала.

– Спасибо, но я за рулем, – сказал Бу.

– Конечно, – со смехом произнес мужчина, стукнув себя рукой по лбу. – Колы?

Бу пожал плечами, и мужчина открыл банку колы, вылил содержимое в бокал и отрезал еще один кусок лимона.

Они чокнулись и уселись за стол. Нестор подал знак Бу, и тот вынул из «дипломата» первую пачку купюр и начал пересчитывать их вслух. Он прихватил из машины сумку, куда и стал складывать деньги. Они никогда не брали с собой тару покупателя, в ней могли находиться сенсоры, благодаря которым можно проследить путь транспортировки денег. Только заметив, что Бу считает неправильно, Нестор почувствовал, что что-то не так, вот только не понял, что именно. Он огляделся. Неужели стены изменили цвет? Он уставился в свой пустой бокал, посмотрел на пустой бокал Бу, на бокал адвоката.

– А почему в твоём бокале нет лимона? – спросил Нестор.

Его собственный голос доносился откуда-то издалека. Ответ пришел из того же далекого места:

– Непереносимость лимона.

Бу перестал считать, голова его свесилась над купюрами.

– Ты нас одурманил, – сказал Нестор и потянулся к ножнам на ноге.

Он успел понять, что тянется не к той ноге, потом заметил приближение ножки лампы. После этого наступил мрак.

Хуго Нестор всегда любил музыку. И, говоря о музыке, он не имел в виду те громкие ребяческие наборы нот, которые считаются музыкой у простых людей. Он любил музыку для взрослых, мыслящих людей. Рихард Вагнер. Хроматическая гамма. Двенадцать полутонов, частота которых различается на значение, равное корню двенадцатой степени из двух. Настоящая чистая математика, гармония, немецкий порядок. Но звук, который он слышал, был противоположностью музыке. Непорядок, несвязанные между собой вещи, хаос. Придя в сознание, Нестор понял, что лежит в машине в какой-то упаковке. Его тошнило и мутило, а руки и ноги были скованы чем-то острым, царапающим кожу, наверное, пластиковыми наручниками – он сам иногда сковывал такими девчонок. Когда машина остановилась, его подняли и вытащили наружу, и он догадался, что находится в чемодане с колесиками. Полулежа-полустоя его повезли по пересеченной местности. Человек, тащивший чемодан, тяжело дышал и отдувался. Нестор кричал ему, предлагал деньги за освобождение, но ответа не получил. Следующим услышанным звуком был тот немзыкальный, атональный галдеж, который становился все громче и громче. Нестор давно узнал его. Чемодан опустили, Нестор лежал на спине, ощущал грунт под собой и знал – поскольку понял, где находится, – что холодная вода, сочившаяся через ткань чемодана и его костюма, была болотной.

Собаки. Короткий резкий лай аргентинских догов.

Однако он не понимал, что происходит. Кем был тот мужчина, почему это все случилось? Кто-то хочет отобрать у них рынок? Это тот же человек, который убил Калле? Но зачем делать это таким способом?

Молнию открыли, и Нестор зажмурился, ослепленный светом карманного фонарика, направленного ему в лицо.

Рука схватила его за шиворот и подняла на ноги.

Он открыл глаза и увидел пистолет, матово посверкивающий в потоке света. Собачий лай резко прекратился.

– Кто был кротом? – спросил человек с фонариком.

– Что?

– Кто был кротом? Тем, за кого полиция приняла Аба Лофтхуса?

Хуго Нестор зажмурился против света:

– Не знаю. Просто пристрелили меня, я все равно не знаю.

– Кто знает?

– Никто. Никто из нас. Может, кто-то в полиции.

Луч света опустился вниз, и Хуго увидел, что перед ним адвокат. Он снял очки.

– Ты должен принять наказание, – произнес он. – Хочешь сначала облегчить душу?

О чем это он говорит? Прямо как поп. Что, если все это имеет какое-то отношение к священнику, которого они устранили? Но тот был просто несчастным коррумпированным педофилом, вряд ли кто-то захотел бы отомстить за него.

– А я ни в чем не раскаиваюсь, – сказал Нестор. – Давай, я готов.

Он чувствовал себя на удивление спокойно. Может быть, сказался прием одурманивающего средства. Или же то, что он довольно много раз думал об этом, приняв тот факт, что все наверняка закончится как-то так, пулей в лоб.

– Даже в том, что позволил искушать девчонку, а потом перерезал ей горло? Вот этим ножом...

Нестор, часто моргая, посмотрел на блестящее лезвие кривого ножа. Его собственного ножа.

– Не...

– Где же ты прячешь девочек, Нестор?

Девочек? Так, значит, вот что ему надо? Хочет отобрать торговлю людьми? Нестор попытался сосредоточиться. Это было непросто, мозг его все еще был затуманен.

– Обещаешь не стрелять в меня, если я все расскажу? – спросил он, хотя и знал, что ответ «да» будет столь же надежным, как немецкая марка в 1923 году.

– Да, – сказал мужчина.

Так почему же Нестор ему поверил? Почему поверил этому мужчине, пообещавшему не стрелять в него, хотя с момента своего появления в «Вермонте» он только и делал, что врал? Просто его глупый мозг ухватился за соломинку. Потому что этой ночью на псарне посреди леса ничего другого не оставалось, ничего другого, кроме идиотской надежды, что мужчина, похитивший его, не врет.

– Улица Энерхауггата, девяносто шесть.

– Премного благодарен, – сказал мужчина и засунул пистолет за пояс. Премного благодарен?

Он вынул телефон и начал набирать что-то написанное на желтой клейкой бумажке, должно быть, номер телефона. Дисплей осветил его

лицо, и Нестору вдруг подумалось, что это, вполне возможно, все-таки священник. Священник, который не врет. А contradiction in terms^[29], конечно, но он был уверен в существовании священников, которые *не знают*, что врут. Мужчина продолжал набирать что-то на телефоне. Сообщение. Последним нажатием он отправил его адресату. Телефон скользнул в карман. Мужчина посмотрел на Нестора.

– Ты совершил хороший поступок, Нестор, и, возможно, теперь их спасут, – произнес он. – Я подумал, тебе будет приятно узнать это перед тем, как ты...

«Перед тем, как я *что?*» Нестор сглотнул. Когда мужчина пообещал не убивать, в его голосе удивительным образом звучало нечто заставившее Нестора ему поверить. Погодите-ка! Он пообещал не *стрелять* в него. Луч карманного фонарика упал на навесной замок на ограде. Ключ скользнул в скважину. Нестор услышал собак. Никакого лая, только едва слышный, но дружный низкий звук. Сдержанное рычание, исходившее из глубины их животов, набирало громкость и становилось объемным. Это происходило медленно и строго контролировалось, совсем как контрапункт в музыке Вагнера. И никакой дурман теперь не мог остановить его страха. Страх был похож на поток ледяной воды, которая лилась на него и прижимала к земле. Его чуть не смыло потоком, но человек, державший шланг в руках, был внутри, был в нем и поливал внутреннюю сторону головы и тела. Убежать было невозможно. Он сам, Хуго Нестор, держал шланг.

Фидель Лаэ сидел в темноте и смотрел перед собой. Он не шевелился, не издавал ни звука. Только сжался в комок, чтобы согреться и держать дрожь под контролем. Он узнал голоса двух мужчин. Один голос принадлежал парню, который появился из великого ничто и запер его здесь больше суток назад. Фидель почти ничего не ел, только пил воду. И мерз. Даже летними ночами холод может сковать тело, сделать его неподвижным, пронзить насквозь. Какое-то время он кричал и звал на помощь, пока не пересохло в горле и не пропал голос, пока кровь, а не слюна не смочила глотку, а вода, которую он пил, не перестала утоляла жажду и начала жечь, как спирт.

Услышав звук автомобиля, Фидель снова попытался закричать. И заплакал, когда вместо крика слышал лишь слабый скрежет.

По поведению собак он понял, что кто-то приближается. Он надеялся. Молился. В конце концов он увидел силуэт на фоне летнего неба и догадался, что это снова тот парень. Тот, что ушел по болоту днем раньше. Сейчас он шел согнувшись и тащил что-то за собой. Чемодан. С живым

человеком внутри. Человеком, у которого руки и ноги были связаны так крепко, что ему трудно было удерживать равновесие. Теперь этот человек стоял перед воротами, ведущими к клеткам собак рядом с Фиделем.

Хуго Нестор.

Они находились всего в четырех метрах от Фиделя, и все же он не слышал ни слова из того, что они говорили. Парень открыл навесной замок и опустил руку на макушку Нестору, словно благословляя его. Он что-то сказал. Потом слегка толкнул голову Нестора. Грузный мужчина вскрикнул, опрокинулся назад и натолкнулся на ворота, открывшиеся внутрь. Собаки попятились. Парень быстро запихнул ноги Нестора в загон и закрыл ворота. Собаки медлили. Потом по телу Охотника За Призраками прокатилась волна дрожи, и он начал движение. Фидель увидел белые собачьи тела, набросившиеся на Нестора. Вокруг было так тихо, что он совершенно отчетливо слышал щелканье челюстей, звук отрываемого мяса, почти умиротворенное урчание, а потом крик Нестора. Одиноким, дрожащим, на удивление чистый звук вознесся к светлому северному небу, в котором танцевали насекомые. Затем крик внезапно оборвался, и Фидель увидел, как что-то поднимается к небу, словно стайка насекомых. Это нечто приблизилось к нему, и его окатил душ крошечных теплых капель. И Фидель все понял, потому что он принимал участие в проделывании дыр в сонных артериях лосей во время охоты. Фидель прикрыл лицо рукой и отвернулся. Стоявший за оградой человек тоже отвернулся, и плечи его задрожали. Как будто он плакал.

Глава 29

– Сейчас глубокая ночь, – сказал врач, протирая глаза. – Почему бы вам не поехать домой и не поспать немного, Кефас? А завтра поговорим.

– Нет, – ответил Симон.

– Ладно, – сказал врач и знаком предложил Симону сесть на один из стульев, стоящих вдоль стены в пустынном больничном коридоре.

Врач сел рядом, подождал немного, а потом подался вперед, и Симон понял, что его ждут плохие новости.

– У вашей жены осталось не слишком много времени. Если мы хотим, чтобы у нее были шансы на удачный исход операции, она должна лечь под нож в течение ближайших дней.

– И вы ничего не можете сделать?

Врач вздохнул:

– Обычно мы не рекомендуем пациентам ехать за границу и проходить дорогостоящее лечение в частных клиниках, особенно в тех случаях, когда исход операции представляется совершенно неопределенным. Но в данном случае...

– Вы хотите сказать, что я должен немедленно отвезти ее в клинику Хауэлла?

– Я не говорю, что вы что-то *должны*. Многие слепые ведут полноценную жизнь, невзирая на свою инвалидность.

Симон кивал, поглаживая пальцами шоковую гранату, которая все еще лежала у него в кармане. Он пытался думать, но мозг его, казалось, хотел улизнуть, найти убежище в размышлениях о том, является ли слово «инвалидность» запретным. Теперь это вроде бы называется «ограниченными возможностями». Или же, как и «пансион», оно стало не-словом? Все происходило так быстро, что он не успевал следить: слова из сферы здравоохранения и социальной защиты прокисали быстрее, чем молоко.

Врач прокашлялся.

– Я... – начал Симон и услышал звук мобильного телефона.

Он схватил его, обрадовавшись тайм-ауту. Номер отправителя сообщения был ему незнаком.

Текст оказался относительно коротким:

Ты найдешь пленников Нестора на Энерхауггата, 96. Срочно. Сын.
Сын.

Симон набрал номер.

– Послушайте, Симон, – сказал врач. – У меня нет времени для...

– Прекрасно, – ответил Симон и поднял руку, чтобы тот замолчал.

В трубке раздался сонный голос:

– Фалькейд.

– Привет, Сиверт, это Симон Кефас. Я хочу, чтобы ты приказал «Дельте» взять дом на Энерхауггата, девяносто шесть. Как быстро вы сможете прибыть?

– Сейчас глубокая ночь.

– Я не об этом спрашивал.

– Через тридцать пять минут. Ты получил разрешение начальника полиции?

– Понтиус сейчас вне досягаемости, – соврал Симон. – Но расслабься, основания для операции такие, что лучше не придумаешь. Торговля людьми. Фактор времени определяющий. Просто приезжайте, всю ответственность беру на себя.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

Симон завершил разговор и посмотрел на врача:

– Спасибо, доктор, я подумаю. А сейчас мне надо на работу.

Бетти услышала звуки спаривания, как только вышла из лифта на последнем этаже.

– Это по-настоящему? – спросила она.

– Платное телевидение, – ответил сотрудник службы безопасности, которого она прихватила с собой.

К ним поступили жалобы из соседних номеров, и Бетти привычно записала их в журнал ночных происшествий на стойке приема гостей: «02.13. Жалоба на шум из люкса номер 4». Она позвонила в люкс, но ей никто не ответил. Тогда она позвонила в службу безопасности отеля.

Они проигнорировали табличку «Просьба не беспокоить», висевшую на ручке двери, и стали громко стучать. Подождали и снова постучали. Бетти переминалась с ноги на ногу.

– Ты вроде нервничаешь, – сказал сотрудник безопасности.

– У меня такое ощущение, что этот гость занимается... кое-чем.

– Кое-чем?

– Наркотиками или чем-то подобным.

Сотрудник безопасности расстегнул ремешок, пристегивающий дубинку, и выпрямился, а Бетти вставила в замок мастер-ключ. Она отперла дверь.

– Господин Лаэ?

В гостиной было пусто. Звуки спаривания исходили от женщины в красном кожаном корсете с белым крестом, вероятно означающим, что она – медсестра. Бетти взяла со стола пульт и выключила телевизор, а сотрудник безопасности прошел в спальню. «Дипломатов» не было. Бетти обратила внимание на пустые бокалы и половину лимона на барной стойке. Лимон высох, внутренности его имели необычный коричневый цвет. Бетти открыла дверцы шкафа. Костюма, большого чемодана и красной сумки тоже не было. Самый старый трюк гостиничных мошенников: повесить на дверь табличку «Просьба не беспокоить» и включить телевизор, чтобы казалось, что гости находятся в номере. Но он заплатил за номер авансом. И неоплаченных счетов из ресторана или бара у него тоже не имелось – Бетти уже проверила.

– В ванной человек.

Бетти повернулась к сотруднику безопасности, возникшему в дверях спальни, и пошла следом за ним.

Мужчина, лежавший на полу ванной, выглядел так, будто обнял унитаз и крепко вцепился в него. Приглядевшись внимательнее, она увидела, что руки его скованы наручниками. Он был одет в черный костюм, у него были светлые волосы, и он казался не совсем вменяемым. Как будто под кайфом. Или в отходняке. Он сонно моргал тяжелыми веками и смотрел на них.

– Освободите меня, – произнес он с акцентом, который Бетти не смогла нанести на карту мира.

Бетти кивнула сотруднику безопасности, он достал швейцарский нож и перерезал пластиковые ремешки.

– Что случилось? – спросила она.

Мужчина, покачиваясь, поднялся на ноги. Ему было непросто сфокусировать сонный взгляд.

– Мы просто играли в дурацкую игру, – пробормотал он. – Я пошел...

Сотрудник безопасности встал в дверях, преграждая ему путь.

Бетти огляделась по сторонам. Ничего не повреждено. Счет оплачен. Все, что у них имеется, – жалобы на громкий звук телевизора. А вот получить они могут проблемы с полицией, шум в прессе и славу места встреч сомнительных личностей. Шеф хвалил ее за скромность, за то, что она ставит интересы отеля выше собственных. И что она пойдет далеко, что служба приема гостей – это временная остановка для людей вроде нее.

– Отпусти его, – сказала она.

Ларс Гилберг проснулся от шороха в кустах. Он перевернулся и увидел

сквозь ветки и листья очертания человека. Кто-то хотел украсть вещи парня. Ларс выбрался из грязного спальника и поднялся на ноги.

– Эй, там!

Человек замер. Повернулся. Парень изменился. И дело было не только в костюме. Что-то случилось с его лицом, оно казалось опухшим.

– Спасибо, что сторожил мои вещи, – сказал парень и кивнул на мешок, который держал под мышкой.

– Хм, – произнес Ларс и наклонил к плечу голову: вдруг так ему будет легче определить, в чем заключаются изменения. – Ты ведь не попал в беду, парень?

– Ну что ты, – улыбнулся парень.

Но с его улыбкой тоже что-то произошло. Она поблекла. Губы дрожали. Судя по всему, он плакал.

– Помощь нужна?

– Нет, но спасибо.

– Хм. Мы ведь больше не увидимся, да?

– Нет, наверное, не увидимся. Живи хорошо, Ларс.

– Обещаю. А ты... – Он сделал шаг вперед и положил руку на плечо парня. – Живи долго. Можешь мне это пообещать?

Парень поспешно кивнул.

– Проверь, что у тебя под подушкой, – сказал он.

Ларс машинально повернулся к своему ложу под мостом. А когда повернулся обратно, то успел увидеть лишь спину парня, которую вскоре поглотила мгла.

Он подошел к своему спальнику. Из-под подушки торчал конверт. Он вынул его. «Ларсу» – вот что было написано на нем. Он открыл конверт.

Ларс Гилберг никогда в жизни не видел столько денег одновременно.

– Разве «Дельта» уже не должна быть здесь? – спросила Кари, зевнула и посмотрела на часы.

– Должна, – сказал Симон, выглядывая в окно.

Они припарковались посередине улицы Энерхауггата, дом номер девяносто шесть располагался в пятидесяти метрах от них на другой стороне дороги. Белый двухэтажный деревянный дом, один из тех, что сохранились после того, как живописные деревянные постройки района Энерхауген снесли в 1960 году, чтобы освободить место для четырех высоток. Этой летней ночью маленький домик казался тихим и мирным, и Симону было трудно представить себе, что в нем держат пленников.

– «У нас имеются легкие угрызения совести», – произнес Симон. –

«Но я думаю, что стекло и бетон лучше подходят для современных людей».

– Что?

– Так сказал директор строительной компании «ОБОС» в тысяча девятьсот шестидесятом году.

– Ах вот оно что, – произнесла Кари и снова зевнула.

Симон задумался, не должен ли он сам испытывать легкие угрызения совести из-за того, что вытащил ее из кровати посреди ночи. Ему могли возразить, сказав, что, строго говоря, брать ее на эту операцию не было необходимости.

– Почему «Дельты» до сих пор нет? – спросила она.

– Не знаю, – сказал Симон, и в тот же миг салон автомобиля осветился от дисплея телефона, лежащего между сиденьями. Симон посмотрел на номер. – Но скоро мы это узнаем. – Он медленно поднес телефон к уху. – Да?

– Это я, Симон. Никто не приедет.

Симон поправил зеркало. Возможно, психолог сумел бы ему объяснить, в чем дело, но это была автоматическая реакция на голос собеседника. Он сосредоточился на зеркале и посмотрел назад.

– Почему?

– Потому что для операции нет оснований, очевидной необходимости и никто не пытался связаться с органами власти, которые могут санкционировать использование «Дельты».

– Ты можешь санкционировать, Понтиус.

– Могу. И я сказал «нет».

Симон тихо выругался.

– Слушай, это...

– Нет, это ты слушай. Я приказал Фалькейду отменить мобилизацию и сказал, что он и его люди могут еще немного поспать. Чем ты там занимаешься, Симон?

– У меня есть основания считать, что на Энерхауггата, девяносто шесть, содержатся пленники. Честно говоря, Понтиус...

– Честность – это хорошо, Симон. В том числе и при разговоре с начальником «Дельты».

– Для разговоров не было времени. Да и сейчас, блин, времени нет. Обычно ты доверял моим оценочным способностям.

– Хорошо, что ты употребил прошедшее время, Симон.

– Значит, ты больше мне не доверяешь?

– Ты проиграл все свои деньги, помнишь? Включая деньги своей жены. Как по-твоему, что тут можно сказать об оценочных способностях?

Симон сжал зубы. В прежние времена заранее нельзя было сказать, кто из них победит в споре. Кто из них получит лучшие оценки, пробежит быстрее или подцепит самую красивую девушку. Единственное, что было известно заранее, – это что оба они пристраивались вслед третьему человеку из их тройки. Но теперь он мертв. И, несмотря на то что именно умерший думал лучше и быстрее из них троих, у Понтиуса Парра всегда была своя сила: он думал дольше всех.

– Обсудим это завтра утром, – сказал начальник полиции с той естественной самоуверенностью, благодаря которой сейчас все считали само собой разумеющимся, что Понтиус Парр знает все лучше всех. Включая Понтиуса. – Если у тебя есть сведения о доме, где занимаются торговлей людьми, то за одну ночь эту деятельность не свернут. Домой и спать.

Симон открыл дверцу автомобиля, вылез из него и подал Кари знак оставаться внутри. Он закрыл дверь и прошел несколько метров вниз по склону, тихо разговаривая по телефону.

– Я не могу ждать. Дело срочное, Понтиус.
– Что заставляет тебя так думать?
– Наводка.
– И от кого же?
– Получил эсэмэску от... неизвестного. Я войду сам.
– Что? Не может быть и речи! Остановись, Симон. Ты слышишь? Ты здесь?

Симон посмотрел на телефон и снова приложил его к уху.

– «Оценка произведена сотрудником полиции на месте». Помнишь, мы учили это, Понтиус? Ты помнишь, нас учили, что такая оценка всегда превалирует над приказом не присутствующего на месте?

– Симон! В этом городе царит хаос, уж таков он. Городской совет и пресса требуют от нас раскрытия этих убийств. Ты не будешь сейчас прыгать в речку, договорились? Симон!

Симон прервал связь, выключил телефон, открыл багажник и отпер отделение для оружия. Он вынул дробовик, пистолет, коробки с патронами и два пуленепробиваемых жилета, открыто лежавших в багажнике, после чего уселся в салон.

– Мы входим, – сказал Симон, протягивая Кари дробовик и жилет. Она посмотрела на него:
– Вы разговаривали с начальником полиции?
– С ним, – ответил Симон, удостоверился, что магазин пистолета «Глок-17» полон, и вставил его обратно в рукоятку. – Можешь дать мне

наручники и шоковую гранату из бардачка?

– Шоковую гранату?

– Опавший фрукт облавы в «Иле».

Она протянула Симону его наручники фирмы «Пирлесс» и гранату.

– Он разрешил нам войти внутрь?

– Он согласен, – сказал Симон, натягивая на себя свинцовый жилет.

Кари сломала дробовик и быстрыми привычными движениями вставила в него патроны.

– Охочусь на куропаток с девяти лет, – объяснила она, заметив взгляд Симона. – Но мне больше нравились винтовки. Как мы это сделаем?

– На счет «три», – сказал Симон.

– Я имею в виду, как мы ворвемся...

– Три, – произнес Симон и открыл дверцу машины.

Гостиница «Бисмарк» располагалась, мягко говоря, в самом центре Осло. Маленькая гостиница находилась посреди Квадратуры, места, где зародился город, на перекрестке, где встречаются рынок наркотиков и рынок проституции. Здесь сдавали номера на час вместе с чистыми полотенцами, совершенно затвердевшими от частой стирки. Комнаты не ремонтировались с тех пор, как шестнадцать лет назад гостиница перешла в руки своему нынешнему владельцу, а вот кровати приходилось менять каждые два года из-за износа и поломок.

Поэтому, когда Ула, сын хозяина, работавший за стойкой портье с шестнадцати лет, в 03.02 поднял взгляд от монитора компьютера и посмотрел на человека перед стойкой, он по привычке подумал, что мужчина что-то перепутал и зашел не туда. Он был одет в красивый костюм и держал в руках два «дипломата» и красную сумку, и к тому же у него не было спутника ни мужского, ни женского пола. Но посетитель настоял на том, чтобы заплатить за недельное пребывание в одном из номеров, взял полотенце двумя руками с почти подобострастной благодарностью и скрылся на третьем этаже.

Потом Ула вернулся к чтению сетевой версии газеты «Афтенпостен», где писали о волне убийств в Осло, о том, как из-за этого развязалась война банд и какое отношение все это может иметь к убийце, сбежавшему из Гостюрмы. Некоторое время Ула разглядывал фотографию. А потом отогнал от себя эту мысль.

Симон остановился перед лестницей, ведущей в дом, и подал знак Кари приготовить оружие и следить за окнами второго этажа. Сам же он

поднялся на три ступеньки, осторожно постучал по двери костяшкой указательного пальца и прошептал «полиция». Потом он посмотрел на Кари, чтобы удостовериться, сможет ли она подтвердить, что он четко следовал процедуре. Постучал. Снова прошептал «полиция». После этого он взял пистолет за ствол и потянулся, чтобы разбить стекло в окне рядом с дверью. В другой руке он держал наготове шоковую гранату. У него был план. Естественно, у него был план. Подобие плана. В нем говорилось, что неожиданность и быстрота – залог успеха. На карту должно быть поставлено все. Как всегда. И в этом, как объяснил ему юный психолог, заключалась его болезнь. Согласно исследованиям, человек систематически преувеличивает вероятность того, что должно произойти нечто невероятное. Например, что он погибнет в авиакатастрофе. Или что его ребенка изнасилуют либо похитят по дороге в школу. Или что лошадь, на которую он поставил все накопления жены, первый раз за всю свою карьеру безнадежно отстанет. Психолог сказал, что в подсознании Симона имелось то, что было сильнее разума, и нужно было только вступить в диалог с этим больным, с этим сумасшедшим диктатором, терроризировавшим его и разрушившим его жизнь. И нужно было подумать о том, есть ли в его жизни что-нибудь важное. Важнее диктатора. То, что он любит больше игры. Было. Эльсе. И у него получилось. Он поговорил со зверем, приручил его. И ни разу не сорвался. До сегодняшнего дня.

Он сделал вдох и уже собрался ударить пистолетом по стеклу, как вдруг дверь открылась.

Симон развернулся, держа пистолет перед собой. Но он был не так быстр, как раньше. Шансов ноль. Был бы ноль, если бы у мужчины, стоявшего в дверях, было стрелковое оружие.

– Добрый вечер, – сказал мужчина просто.

– Добрый вечер, – ответил Симон и попытался вернуть самообладание. – Полиция.

– Чем могу помочь? – Мужчина полностью открыл дверь.

Он был одет. Узкие джинсы. Футболка. Босиком. Пистолет спрятать негде.

Симон засунул гранату в карман и продемонстрировал свое удостоверение:

– Я должен попросить вас выйти из дома и встать у стены вот здесь. Немедленно.

Мужчина спокойно пожал плечами и сделал, как было велено.

– Если не считать девочек, сколько вас в доме? – спросил Симон.

Он быстро обыскал мужчину и удостоверился, что тот безоружен.

– Девочек? Тут только я. А что вы хотите?

– Показывай, где они, – сказал Симон, защелкнув наручники на мужчине.

Он втолкнул его в дом и подал знак Кари, чтобы она вошла внутрь вместе с ними. Мужчина что-то сказал.

– Что? – спросил Симон.

– Говорю, что ваша коллега тоже может войти. Мне нечего скрывать.

Симон стоял позади мужчины и видел его затылок. Кожа на шее слегка подрагивала, как у пугливой лошади.

– Кари! – прокричал Симон.

– Да?

– Лучше стой снаружи. Я войду один.

– Хорошо.

Симон опустил руку на плечо мужчины.

– Начинай движение внутрь, никаких резких движений, мой пистолет нацелен тебе в спину.

– А что...

– Смирись с тем, что я пока считаю тебя преступником, которого можно застрелить, а потом ты получишь безоговорочные извинения.

Мужчина без дальнейших протестов вошел в коридор. Симон автоматически отмечал вещи, которые могли рассказать ему, что там внутри. Четыре пары обуви на полу. Мужчина жил здесь не один. Пластмассовая миска с водой и коврик перед дверью в кухню.

– А что случилось с собакой? – спросил Симон.

– Какой собакой?

– Ты, что ли, пьешь из этой миски?

Мужчина не ответил.

– Собаки имеют обыкновение лаять, когда чужие приближаются к дому. Так что у тебя либо плохая сторожевая собака, либо...

– Она на псарне. Куда идти?

Симон огляделся. На окнах отсутствовали решетки, входная дверь запиралась на простой замок с поворотным механизмом на внутренней стороне. Пленники содержались не здесь.

– В подвал, – сказал Симон.

Мужчина пожал плечами и пошел по коридору. И Симон понял, что попал в яблочко, когда увидел, как мужчина отпирает дверь. На двери было два замка.

Спускаясь вниз по лестнице, Симон почувствовал запах, который

рассказал ему то, что он уже знал: здесь живут люди. Много людей. Он крепче ухватил пистолет.

Но внизу никого не оказалось.

– А это для чего? – спросил Симон, проходя мимо кладовок, у которых вместо стен были стальные решетки.

– Да так, – ответил мужчина. – Собака здесь живет. Матрацы хранятся, как видите.

Запах стал еще сильнее. Девочки должны были быть здесь совсем недавно. Черт, они опоздали. Но с этих матрацев можно собрать образцы ДНК. Хотя что это доказывает? Что кто-то лежал на матрацах, которые сейчас находятся в подвале.

Удивительнее было бы, если бы на старых матрацах не нашли ДНК. У них ничего не было. Только несанкционированное проникновение. Черт, черт.

На полу у одной из дверей Симон заметил маленькую спортивную туфельку.

– Куда ведет эта дверь?

Мужчина пожал плечами:

– Всего лишь на парковку.

«Всего лишь». Он пытался подчеркнуть, насколько неважная это дверь. Точно так же он подчеркнул, что ему хотелось бы, чтобы Кари тоже вошла в дом.

Симон подошел к двери и распахнул ее. Слева он увидел белый грузовик на асфальтированной дорожке, втиснутой между стеной дома и забором соседнего строения.

– Для чего используется этот автомобиль? – спросил Симон.

– Я электрик, – сказал мужчина.

Симон сделал несколько шагов назад, наклонился и поднял туфельку с пола подвала. Тридцать шестой размер, наверное. Меньше, чем у Эльсе. Он сунул в нее руку. Туфелька еще хранила тепло. С того момента, как кто-то потерял ее, не могло пройти больше нескольких минут. В тот же миг он услышал звук. Приглушенный, далекий, но легко узнаваемый. Лай. Симон пристально посмотрел на грузовик. Внезапно он получил удар в бок и, заваливаясь, услышал крик мужчины: «Уезжай! Уезжай!»

Симон перевернулся и направил на мужчину пистолет, но тот уже упал на колени и сложил руки за головой, сдаваясь. Двигатель грузовика завелся, заработал на больших оборотах так громко, что даже завизжал. Симон перевернулся на другой бок и увидел головы в кабине. Очевидно, до этого люди в ней лежали и прятались на сиденьях.

– Стоять! Полиция!

Симон попытался встать на ноги, но испытал жуткую боль, – наверное, мужчина сломал ему ребро. И прежде чем он прицелился, грузовик начал движение и пропал из его поля зрения. Черт бы...

Раздался удар и звук разбившегося стекла.

Шум двигателя затих.

– Оставайся здесь, – сказал Симон, со стоном поднялся на ноги и, хромая, вышел из дверей.

Грузовик стоял. Из кузова раздавались громкие крики и дикий собачий вой.

Но для помещения в архив памяти Симон сделал моментальный снимок другой картины, той, что находилась перед грузовиком: Кари Адель в длинном кожаном пальто стоит в свете передних фар грузового автомобиля без лобового стекла, рукоятка дробовика на локте, рука поддерживает еще дымящееся дуло.

Симон прошел вперед вдоль борта грузовика и распахнул дверцу кабины:

– Полиция!

Мужчина, сидевший внутри, не ответил, он просто смотрел вперед, словно пребывал в шоке, по лицу его струилась кровь. На коленях у него лежала куча осколков. Несмотря на боль в боку, Симон вытащил мужчину из кабины и бросил его на землю.

– Мордой в асфальт, руки за голову! Немедленно!

Он обошел грузовик и повторил всю процедуру с апатичным пассажиром кабины.

После этого Симон и Кари подошли к дверцам кузова. Они слышали, как собака заливается лаем и бьется внутри. Симон схватился за ручку, а Кари встала прямо перед дверцей с дробовиком наперевес.

– Судя по всему, псина большая, – предупредил Симон. – Может, тебе лучше отойти на метр назад?

Она кивнула и последовала его совету. Тогда он открыл дверцу.

Белый монстр вылетел из машины и, оскалив пасть, полетел прямо на Кари. Это произошло так быстро, что она не успела выстрелить. Зверь повалился на землю перед ней и остался лежать.

Симон удивленно посмотрел на свой дымящийся пистолет.

– Спасибо, – сказала Кари.

Они повернулись к машине. Из кузова на них смотрели большие глаза на испуганных лицах.

– Police^[30], – сказал Симон. И добавил, когда увидел по выражению

лиц, что это сообщение не воспринято как безусловно хорошее: – *Good police. We will help you*^[31].

Затем он достал телефон, набрал номер, приложил аппарат к уху и посмотрел на Кари:

– Можешь позвонить в Операционный центр и попросить прислать пару патрульных машин?

– А вы кому звоните?

– Прессе.

Глава 30

За холмом Энерхауг начал подниматься рассвет, а журналисты все еще фотографировали девушек, кутавшихся в выданные им шерстяные одеяла, и беседовали с ними. Кари приготовила им чай на кухне. Три журналиста собрались вокруг Симона и пытались выжать из него как можно больше деталей.

– Нет, мы не знаем, есть ли в деле другие фигуранты, помимо арестованных здесь сегодня ночью, – повторил Симон. – И да, мы действительно провели операцию по этому адресу после получения анонимного сообщения.

– Была ли необходимость лишать жизни невинное животное? – спросила журналистка, кивая в сторону чудовища, которое Кари прикрыла одеялом, взятым в доме.

– Оно напало, – сказал Симон.

– Напало? – фыркнула журналистка. – Двое взрослых людей против одной маленькой собачки – вы могли бы поступить иначе.

– Расставание с жизнью всегда печально, – сказал Симон и, понимая, что продолжать не стоит, все же не смог удержаться: – Но если принять во внимание, что предполагаемая продолжительность жизни собаки обратно пропорциональна ее размеру, то, заглянув под одеяло, вы поймете, что этой собаке так или иначе оставалось недолго.

Сталсберг, пожилой журналист, пишущий о преступности, был первым, кому позвонил Симон. Сейчас он улыбнулся.

Один из полицейских внедорожников взлетел на холм и припарковался за патрульной машиной, на которой все еще не была отключена мигалка, что вызывало раздражение Симона.

– Впрочем, вместо того чтобы расспрашивать меня, предлагаю вам поговорить с самим начальником.

Симон кивнул в сторону внедорожника, и журналистка развернулась. Редкие волосы высокого худого человека, вышедшего из машины, были зачесаны назад, а на носу сидели прямоугольные очки без оправы. Он выпрямился и удивленно посмотрел на устремившихся к нему журналистов.

– Поздравляю с арестами, Парр, – произнес Сталсберг. – Можем ли мы получить комментарий к новости о том, что вы, кажется, решили наконец взяться за проблему торговли людьми? Вы бы могли назвать это

прорывом?

Симон стоял, сложив руки на груди, и смотрел в холодные глаза Понтиуса Парра. Начальник полиции почти незаметно кивнул, а потом перевел взгляд на собеседника:

– Это в любом случае важный шаг в борьбе, которую полиция ведет против торговли людьми. Мы уже заявляли, что этой проблеме будет отдан приоритет, и, как видите, наша расстановка приоритетов приносит плоды. Поэтому остается только поздравить комиссара Кефаса и его коллег.

Парр перехватил Симона по дороге к машине.

– Какого черта ты тут творишь, Симон?

Вот к этой особенности своего старого товарища Симон никак не мог привыкнуть: интонация и высота его голоса никогда не менялись. Он мог быть глубоко удовлетворен или разъярен, но говорил совершенно одинаковым тоном.

– Делаю свою работу. Ловлю всяких плохих людей.

Симон остановился, засунул пакетик табака под верхнюю губу и протянул коробочку Парру, закатившему в ответ глаза. От этой старой шутки Симон никогда не уставал: Парр ни разу в своей жизни не жевал табак и не выкурил ни одной сигареты.

– Я говорю вот об этом цирке, – сказал Парр. – Ты плюешь на прямой приказ не вторгаться в дом, после чего вызываешь всю прессу. Зачем?

Симон пожал плечами:

– Подумал, что хорошее освещение в прессе иногда не помешает. К тому же здесь не вся пресса, а только те, кто был на ночном дежурстве. И как удачно мы с тобой договорились, что выводы сотрудника полиции на месте являются определяющими. Если бы мы не вошли в дом, то не нашли бы девушек: их собирались увезти.

– Вот что меня интересует: как ты узнал об этом месте?

– Эсэмэс-сообщение.

– От?

– Анонимное. Номер не зарегистрирован.

– Используй телефонную компанию, чтобы отследить телефон. Найди информатора как можно скорее, и мы проведем допрос и узнаем что-нибудь еще. Потому что, если я не ошибаюсь, от арестованных здесь мы ни слова не добьемся.

– Вот как?

– Это мелкая рыба, Симон. Они знают, что большие рыбы приплывут и сожрут их, если они не будут держать рот на замке. А мы ведь хотим

поймать больших, не так ли?

– Конечно.

– Хорошо. Послушай, Симон, ты меня знаешь, и знаешь, что я иногда считаю себя совершенством, и...

– И?

Парр кашлянул и покачался с пяток на носки, как будто собирался оттолкнуться:

– И твоя оценка сегодняшней ситуации была вернее моей. Я не забуду об этом на следующем перепутье.

– Спасибо, Понтиус, но, когда мы доберемся до следующего перепутья, я уже выйду на пенсию.

– Это правда, – улыбнулся Парр. – Но ты хороший полицейский, Симон, и всегда им был.

– Это тоже правда, – ответил Симон.

– Как дела у Эльсе?

– Спасибо, хорошо. Хотя...

– Да?

Симон сделал вдох:

– Нормально. Поговорим об этом в следующий раз. Спать?

Парр кивнул:

– Спать.

Он похлопал Симона по плечу, развернулся и зашагал к внедорожнику.

Симон посмотрел ему вслед. Он засунул палец в рот и вытащил пакетик табака. У табака был не тот вкус.

Глава 31

Симон пришел на работу в семь часов. До этого он успел поспать два с половиной часа, выпить полчашки кофе и заработать головную боль. Некоторые люди довольствуются кратким сном. Симон не принадлежал к их числу.

А вот Кари, видимо, принадлежала. Во всяком случае, идя навстречу Симону, она выглядела на удивление свежей.

– Ну? – спросил Симон.

Он опустил в свое офисное кресло и вскрыл коричневый конверт, который лежал в его почтовой ячейке.

– Никто из троих арестованных вчера не заговорил, – сообщила Кари. – Они вообще ни слова не произнесли. Даже отказываются называть свои имена.

– Умные мальчики. А мы знаем, кто они?

– Да, конечно. Наши агенты их узнали. Все трое ранее судимы. А прямо посреди ночи совершенно неожиданно явился адвокат и пресек наши попытки разговорить их. Некий Эйнар Харнес. И еще я отследила телефон, с которого этот Сын отправил свое сообщение. Он принадлежит Фиделю Лаэ, владельцу псарни. Телефон не отвечает на вызовы, но сигналы базовых станций показывают, что аппарат находится на его псарне. Мы направили туда два патрульных автомобиля.

Симон понял, почему она, в отличие от него, не казалась только что вылезшей из постели. Она в нее и не забиралась – работала всю ночь.

– А потом еще этот Хуго Нестор, которого вы просили найти, – продолжила Кари.

– Да?

– Его нет по домашнему адресу, он не отвечает на телефонные звонки, его нет в офисе, но все это может быть фиктивным. Единственное, что у меня есть, – это утверждение одного из наших агентов, что Нестор вчера вечером был в «Вермонте».

– Хм. Тебе не кажется, что от меня дурно пахнет, инспектор Адель?

– Не обратила внимания, но мы ведь не...

– Тогда мне не следует воспринимать это как намек, а?

Симон держал в руке три зубные щетки.

– Ими уже пользовались, – сказала Кари. – От кого вы их получили?

– Посмотрим, – пробормотал Симон, заглядывая внутрь конверта.

Он вытащил листок бумаги с логотипом отеля «Рэдиссон». Имени отправителя не было, только короткое сообщение, написанное от руки:

Проверьте на ДНК. С.

Он протянул лист бумаги Кари и уставился на щетки.

– Какой-то псих, – сказала Кари. – В Центре судебной медицины все заняты этими убийствами, и они не станут...

– Отвези их туда, – велел Симон.

– Что?

– Это он.

– Кто?

– С. Это Сонни.

– Откуда вы знаете...

– Попроси сделать срочный анализ.

Кари посмотрела на него. Телефон Симона начал звонить.

– Хорошо, – сказала она.

Кари все еще стояла перед лифтом, когда Симон подошел и встал рядом с ней. Он был в пальто.

– Сначала ты съездишь со мной в другое место, – сказал он.

– Да?

– Звонил Осмунд Бьёрнстад. Они нашли новый труп.

В ельнике глухо заплакала лесная птица.

Высокомерие с Осмунда Бьёрнстада как сдуло. Он был бледен. По телефону он прямо заявил: «Нам нужна помощь, Кефас».

Симон стоял рядом с инспектором Крипоса и Кари и сквозь ограду осматривал клетку и остатки трупа, предварительно опознанного при помощи различных кредитных карт как Хуго Нестор. Подтверждение они могли получить только после того, как зубы трупа сравнят с рентгеновскими снимками, сделанными во время посещений дантиста. В том, что труп бывал у дантиста, Симон удостоверился, не сходя с места, по пломбам в обнаженных зубах. Двое полицейских из собачьего патруля, которые увезли аргентинских догов, дали ужасное объяснение состоянию трупа: «Собаки были голодными. Кто-то давал им слишком мало пищи».

– Нестор был начальником Калле Фаррисена, – сказал Симон.

– Знаю, – простонал Бьёрнстад. – Врата ада разверзнутся, когда об этом проведает пресса.

– Как вы нашли Лаэ?

– Две патрульные машины приехали на псарню в поисках следов телефона, – ответил Бьёрнстад.

– Это я их направила, – сказала Кари. – Нам кто-то прислал эсэмэс-сообщение.

– Сначала они обнаружили телефон Лаэ, – произнес Бьёрнстад. – Он лежал на воротах, как будто кто-то положил его туда, чтобы его легко было засечь и обнаружить. Полицейские искали в доме, но не нашли Лаэ. Они уже собирались уезжать, как вдруг одна из полицейских собак на что-то прореагировала и стала рваться в лес. Там они и нашли... это. – Он взмахнул руками.

– Лаэ? – спросил Симон, кивая на дрожащего мужчину в шерстяном одеяле, сидевшего на пеньке позади них.

– По его словам, преступник угрожал ему пистолетом. Он запер его в соседней клетке, отобрал мобильник и бумажник. Лаэ просидел взаперти полтора суток. Он видел все, что произошло.

– И что он говорит?

– Он совершенно сломлен, бедняга, и болтает без умолку. Что Нестор был его клиентом, что он незаконно торговал собаками. Но он не может дать приличного описания преступника. Обычный случай: свидетели не помнят лиц людей, угрожавших их жизни.

– О, они прекрасно их помнят, – сказал Симон. – Эти лица они будут помнить всю свою жизнь. Только они помнят их не такими, какими мы, все остальные, их видим. Поэтому и дают неправильные описания. Подождите.

Симон подошел к мужчине и присел на пенек рядом с ним.

– Как он выглядел? – спросил Симон.

– Я уже давал описание...

– Вот так? – спросил Симон, доставая из внутреннего кармана фотографию и показывая ему. – Попробуйте представить его без бороды и длинных волос.

Мужчина долго изучал фотографию, медленно кивая.

– Взгляд. У него был особенный взгляд. Какой-то невинный, что ли.

– Уверены?

– Точно.

– Спасибо.

– Он все время это повторял. «Спасибо». И еще заплакал, когда собаки набросились на Нестора.

Симон убрал фотографию в карман.

– И последнее. Вы сказали полиции, что он угрожал вам пистолетом. В какой руке он держал пистолет?

Мужчина моргнул два раза, как будто раньше об этом не задумывался.

– В левой. Он левша.

Симон поднялся и подошел к Бьёрнстаду и Кари:

– Это Сонни Лофтхус.

– Кто? – спросил Осмунд Бьёрнстад.

Симон пристально посмотрел на инспектора:

– Разве не вы с «Дельтой» пытались изловить его в «Иле»?

Бьёрнстад покачал головой.

– Неважно, – сказал Симон, вновь вынимая фотографию. – Нужно объявлять его в розыск, и чтобы общественность нам помогла. Надо отправить это фото в редакции новостей НРК и ТВ-два.

– Сомневаюсь, что человека можно опознать по этой фотографии.

– Пусть подстригут и побреют его в «Фотошопе», пусть делают что угодно. Как быстро это можно устроить?

– Они освободят для нас место при первой же возможности, поверьте мне, – сказал Бьёрнстад.

– Тогда утренние новости через пятнадцать минут, – произнесла Кари, взяла мобильник и включила функцию фотоаппарата. – Возьмите фотографию и держите ровно. Кому в НРК мы можем это отправить?

Морган Аскёй осторожно потрогал корочку ранки на запястье, но тут автобус резко затормозил, он сорвал корку, и на руке выступила капля крови. Морган быстро поднял глаза – он не выносил вида крови.

Он вышел на остановке у Государственной тюрьмы строгого режима, где проработал два месяца, и двинулся вслед за группой других надзирателей. Какой-то парень в форме нагнал его и пошел рядом.

– Доброе утро.

– Доброе утро, – машинально ответил Морган, посмотрел на парня, но не узнал.

Однако тот продолжал идти рядом с ним, как будто они были знакомы. Или как будто хотел познакомиться.

– Ты не из корпуса А, – сказал парень. – Новенький?

– Из корпуса Б, – ответил Морган. – Два месяца.

– Вот как.

Парень был моложе остальных любителей формы. Обычно пожилые ходят на работу и с работы в форме, словно гордятся ею. Как сам начальник, Франк. Морган чувствовал бы себя полным идиотом, если бы сел в автобус в форме. На него все пялились бы, а может, кто-нибудь спросил бы, где он работает. В Гостюрье, так-то. В тюрьме. Черт возьми.

Он посмотрел на удостоверение, приколотое к форме парня. Сёренсен.

Они прошли вместе мимо будки охранника, и Морган кивнул сидевшему в ней человеку.

Когда они приблизились к входной двери, парень достал мобильный телефон и немного отстал – возможно, собирался послать сообщение.

За шедшими впереди захлопнулась дверь, и Моргану пришлось достать свой ключ. Он отпер дверь.

– Спасибо большое, – произнес этот тип Сёренсен и проскользнул вперед него.

Морган вошел следом за ним и свернул к шкафчикам. Он увидел, как парень вместе с другими забежал в шлюз, ведущий к корпусам.

Бетти скинула туфли и плюхнулась на кровать. Ну и ночная смена! Она устала и знала, что сразу не заснет, но попытаться в любом случае стоило. А чтобы это удалось, ей необходимо избавиться от мыслей, что она должна была сообщить в полицию о том, что произошло в люксе номер 4. После того как они вместе с сотрудником службы безопасности осмотрели номер, чтобы удостовериться, что ничего не сломано и не украдено, Бетти решила немного прибраться. Она уже собиралась выкинуть половинку лимона, как вдруг заметила в мусорной корзине использованный одноразовый шприц. Ее мозг совершенно самостоятельно сложил два и два: странный цвет фруктовой мякоти и шприц. Бетти ощупала кожуру лимона и обнаружила на ней несколько крошечных дырочек. Она выжала каплю на ладонь и увидела, что та мутная, как будто содержит мел. Бетти осторожно коснулась капли языком и почувствовала, что к сильному вкусу лимона примешивается другой, горький лекарственный вкус. Ей надо было принять решение. Существуют ли предписания, запрещающие постояльцам использовать лимоны со странным вкусом? Или иметь одноразовые шприцы: вдруг у гостя диабет или другая болезнь? Или играть со своими гостями в странные игры? Она забрала содержимое мусорной корзины с собой и выбросила. Затем сделала запись в журнале происшествий о шуме в люксе 4 и о привязанном к унитазу мужчине, который спокойно разъяснил им случившееся. Что еще она могла сделать?

Бетти включила телевизор и начала раздеваться. Затем пошла в ванную, смыла косметику и почистила зубы. Все это время она слышала ровный голос диктора новостного канала ТВ-2. Обычно телевизор работал тихо, он помогал ей заснуть, возможно потому, что голос постоянного диктора напоминал ей голос отца. Диктор с таким голосом может объявить о гибели континентов, не потревожив вас. Ну а еще она начала принимать

снотворное. Слабенькое, но тем не менее. Ее врач посоветовал отказаться от ночных смен и посмотреть, поможет ли это. Однако путь наверх не бывает гладким, нужно пройти через свои тернии. Сквозь шум воды из-под крана и шорох зубной щетки она расслышала, как голос говорит, что полиция разыскивает одного человека за убийство на псарне, случившееся прошлой ночью, и что этого человека связывают также с убийством Агнете Иверсен и тройным убийством в Гамлебюене.

Бетти прополоскала рот, выключила кран, пошла в спальню и резко остановилась в дверном проеме. Она увидела лицо на экране телевизора.

Это был он.

У него была борода и длинные волосы, но Бетти хорошо натренировалась снимать с лиц маски и маскировку, сравнивать их с имевшимися в «Плазе» и других международных отелях фотографиями известных гостиничных мошенников, которые рано или поздно появятся в их службе приема гостей. И это был он. Она видела, как он заселялся в гостиницу без очков и с бровями.

Бетти посмотрела на телефон, лежащий на тумбочке у кровати.

Внимательность и тактичность. Интересы отеля на первом месте. Далеко пойдет.

Она зажмурила глаза.

Мама была права. Чертово любопытство.

Арильд Франк стоял у окна и наблюдал, как надзиратели ночной смены выходят из ворот. Он отмечал, кто из надзирателей опаздывает к началу первой смены. Он был раздражен. Люди, не способные выполнять свою работу, нервировали его. Например, люди из Крипоса и отдела по расследованию убийств. Чего стоит операция в «Иле»: у них имелась информация, а Лофтхус все равно ускользнул. Так продолжаться не может. А вот и расплата за небрежность полиции: сегодня ночью убили Хуго Нестора. На псарне. Поверить невозможно. Один человек, наркоман, смог столько уничтожить. Гражданина во Франке ужасно раздражала некомпетентность, его даже раздражало, что полиция не смогла вывести на чистую воду его самого, коррумпированного тюремного руководителя. Он ясно видел подозрение в глазах Симона Кефаса, но Кефас, естественно, не осмелился нанести удар: эта трусливая крыса могла потерять слишком много. Симон Кефас проявлял мужество только тогда, когда на кону стояли мертвые деньги. Чертовы деньги. А что он думал? Что они смогут купить ему бюст, имя, которое будут помнить, славу строителя общества? А подсесть на деньги – это все равно что подсесть на героин, и цифры в

сумме банковского счета становились целью, а не средством, потому что осмысленных целей больше не существовало. И, как и героинщик, ты знал и понимал это и все же ничего не мог с этим поделать.

– Надзиратель Сёренсен идет, – сказала секретарь в приемной.

– Не...

– Он прошел мимо меня, будет через минуту.

– Вот как? – сказал Франк.

Сёренсен. Он что, собирается досрочно выйти с больничного? Нетипичное поведение для норвежского работника.

У него за спиной открылась дверь.

– Ну, Сёренсен? – громко произнес Арильд Франк, не оборачиваясь. – Забыли постучать?

– Сядь.

Франк услышал, как щелкнул дверной замок, и удивленно повернулся на голос. И замер, увидев пистолет.

– Только пикни, и я застрелю тебя прямо в лоб.

У пистолета есть одно свойство: когда он на кого-то наведен, то тот, на кого он нацелен, обычно так сильно концентрируется на пистолете, что не сразу узнает человека, держащего оружие. Но когда парень оторвал от пола ногу и толкнул кресло, покотившееся к руководителю тюрьмы, Франк понял, кто перед ним. Он вернулся.

– Ты изменился, – произнес Франк.

Он собирался сказать это более авторитетно, но в горле у него пересохло, и он не мог издавать нормальных звуков.

Пистолет поднялся чуть выше, и Франк мгновенно опустил в кресло.

– Положи руки на подлокотники, – сказал парень. – Сейчас я нажму кнопку на коммутаторе, и ты велишь Ине сходить в пекарню и купить нам с тобой булочек. Немедленно.

Он нажал на кнопку.

– Да? – раздался любезный голос секретарши.

– Ина... – Мозг Франка отчаянно искал альтернативные варианты.

– Да?

– Сходите... – Метания Франка резко прекратились, когда он увидел, как палец мальчишки Лофтхуса отводит курок немного назад. – Сходите купите свежих булочек, пожалуйста. Прямо сейчас.

– Да, хорошо.

– Спасибо, Ина.

Лофтхус отпустил кнопку, вынул из кармана рулон белого скотча, обошел вокруг кресла Франка и начал привязывать его руки к

подлокотникам. После этого он привязал его туловище к спинке кресла, а ноги – к ножкам с колесиками. Странная мысль посетила Франка: он должен быть напуган сильнее. Мальчишка убил Агнете Иверсен. Калле. Сильвестра. Хуго Нестора. Он что, не понимает, что умрет? Может, все из-за того не относящегося к делу факта, что он находится в собственном безопасном офисе в Гостюрме и что сейчас разгар дня. Или из-за того, что он наблюдал, как этот мальчишка вырастет в его собственной тюрьме, ни разу не проявив воли или склонности к насилию, кроме того единственного случая с Халденом.

Мальчишка обшарил его карманы и вынул бумажник и ключи от машины.

– «Порше-кайен», – громко прочитал он на ключах. – Дорогая машина для государственного служащего, не находишь?

– Чего ты хочешь?

– Я хочу получить ответы на три простых вопроса. Если ответишь честно, останешься в живых. Если нет, я, к сожалению, буду вынужден лишить тебя жизни, – произнес он почти извиняющимся тоном. – Первый вопрос: на какой счет и на какое имя Нестор посылал деньги, когда платил тебе?

Франк задумался. О счете никто не знал, он мог сказать что угодно, придумать номер, который никто не сможет подтвердить. Франк открыл рот, но мальчишка прервал его:

– Если бы я был на твоём месте, я бы подумал, прежде чем отвечать.

Франк уставился на дуло пистолета. Что он имеет в виду? Никто не мог ни подтвердить, ни опровергнуть номер его счета. Никто, кроме, конечно, Нестора, посылавшего деньги. Франк моргнул. Неужели он заставил Нестора перед смертью назвать номер его счета? Это что, проверка?

– Счет открыт на организацию, – сказал Франк. – На фирму «Деннис лимитед», зарегистрированную на Каймановых островах.

– А номер счета?

Мальчишка держал перед собой нечто похожее на позолоченную визитку. Он что, записал на ней номер, полученный от Нестора? А если мальчишка блефует, что тогда? Впрочем, даже если он продиктует номер счета, мальчишка все равно не сможет снять с него деньги.

Франк начал диктовать.

– Помедленнее, – сказал мальчишка, глядя на карточку. – И четче.

Франк сделал, как было велено.

– Теперь осталось только два вопроса, – произнес мальчишка, когда

Франк закончил. – Кто убил моего отца? И кто был кротом, который помогал Близнецу?

Арильд Франк заморгал. Теперь тело все поняло. Оно поняло и брызнуло потом из каждой поры. Поняло, что ему надо бояться. Нож. Маленький, мерзкий, кривой нож Хуго Нестора.

Он закричал.

– Тогда я понимаю, – сказал Симон, опустил телефон в карман пиджака и выехал из туннеля на свет, в район Бьёрвика у Осло-фьорда.

– Что понимаете? – спросила Кари.

– Одна из ночных портье в «Плазе» только что позвонила в полицию и рассказала, что разыскиваемый прошлую ночь провел в их люксе. Под именем Фидель Лаэ. И что после жалобы соседей в его номере обнаружили другого человека, прикованного к унитазу. Он улизнул из отеля, как только его освободили. Кроме того, в отеле проверили записи с камер наблюдения у входных дверей и увидели Лофтхуса, входящего внутрь вместе с Хуго Нестором и мужчиной, обнаруженным позже в его номере.

– Вы так и не сказали, что же вы такое поняли.

– Ах да. Откуда эта троица с улицы Энерхауггата узнала, что мы придем за ними. Судя по журналу происшествий отеля, привязанный к унитазу в «Плазе» покинул отель сразу после того, как мы прибыли к дому, где содержались невольницы. Этот парень позвонил всем и рассказал, что Нестора похитили, и они приготовились покинуть все опасные позиции, которые мог сдать Нестор. Они помнили, что случилось с Калле. Но когда они уже собрались увезти девочек на грузовике, то обнаружили, что мы прибыли на место. Тогда они стали ждать, когда мы исчезнем. Или когда мы оба зайдем внутрь, чтобы они смогли спокойно отъехать.

– Вы немало размышляли над этим, – сказала Кари. – Над тем, откуда они могли узнать о нашем прибытии.

– Возможно, – произнес Симон, сворачивая к Полицейскому управлению. – Но теперь я это знаю.

– Вы знаете, как все могло быть, – поправила Кари. – Можете рассказать, о чем вы сейчас думаете?

Симон пожал плечами:

– Что нам надо взять Лофтхуса до того, как он шире раскроет ворота ада.

– Смешной тип, – сказал Морган Аскёй старшему коллеге, когда они шли по широкому коридору с распахнутыми дверьми камер,

приготовленных к утренней инспекции. – Его зовут Сёренсен. Просто подошел ко мне.

– Не может быть, – возразил коллега. – В корпусе А работает только один Сёренсен, и он сейчас на больничном.

– Да, это был он. Я видел удостоверение с именем на его форме.

– Но я разговаривал с Сёренсеном пару дней назад, его как раз снова отправили в больницу.

– Значит, быстро поправился.

– Странно. Ты сказал, он был в форме? Это не Сёренсен, тот ненавидит форму и всегда оставляет ее в своем шкафчике в гардеробной. Оттуда ее украл Лофтхус.

– Сбежавший?

– Да. Как тебе здесь работается, Аскёй?

– Хорошо.

– Прекрасно. Используй отгулы, не поддавайся искушению поработать побольше.

Они сделали еще шесть шагов, после чего резко остановились и посмотрели в широко раскрытые глаза друг друга.

– Как выглядел тот парень? – спросил коллега.

– А как выглядит Лофтхус? – спросил Морган.

Франк дышал через нос. Его крик остановила рука мальчишки, накрывшая рот. Потом мальчишка сбросил ботинок, снял носок, запихал его в рот Франка и заклеил ему рот скотчем.

Затем мальчишка разрезал скотч, крепивший правую руку Франка к подлокотнику, так чтобы его пальцы смогли взять поданную ручку и поднести ее к бумаге, лежащей на краю письменного стола.

– Отвечай.

Франк написал: «Не знаю». И выпустил ручку из пальцев.

Он услышал треск отрывающегося скотча, почувствовал запах клея, исходивший от него, а потом скотч закрыл его ноздри и перекрыл подачу воздуха. Франк ощутил, как его собственное тело словно вышло из-под контроля, стало дергаться и вытягиваться в кресле. Крутиться и вертеться. Выплясывать перед чертовой мальчишкой! Давление в голове увеличивалось, скоро ее разорвет. Он приготовился умереть, как вдруг увидел, что мальчишка тычет острым концом ручки в туго натянутый перед его ноздрей скотч.

Он проткнул дырку, и левая ноздря Арильда Франка втянула воздух, а по его щекам потекли первые теплые слезы.

Мальчишка снова протянул ему ручку. Франк сосредоточился.

«Пощади. Написал бы имя крота, если бы знал».

Мальчишка прочитал. Он закрыл глаза и сморщил лицо, как будто от боли. Затем оторвал еще один кусок скотча.

На столе зазвонил телефон. Франк с надеждой посмотрел на него. На дисплее высветился внутренний номер. Начальник охраны Голдсруд. Но мальчишка не беспокоился, он снова сосредоточенно приклеивал скотч к крыльям носа Франка. И Франк почувствовал дрожь, спутницу паники. Он не совсем понимал, дрожит он или смеется.

– Шеф не отвечает, – сказал Гейр Голдсруд, опуская трубку. – А Ины нет на месте, обычно она берет трубку, когда шеф отсутствует. Но прежде чем беспокоить шефа, давайте еще раз повторим. Вы говорите, что человек, которого вы видели, называл себя Сёренсеном и был похож вот на этого... – Начальник охраны указал на монитор компьютера, куда была выведена фотография Сонни Лофтхуса.

– Не похож! – прокричал Морган. – Это и есть он, я же говорю.

– Спокойно, – сказал пожилой коллега.

– Спокойно, как же, – фыркнул Морган. – Парня разыскивают всего-навсего за шесть убийств.

– Я позвоню на мобильный Ины, и, если она не знает, где шеф, мы начнем внутренние поиски самостоятельно. Но мне не нужна паника, это ясно?

Морган перевел взгляд с коллеги на начальника охраны. Ему казалось, что паниковать скорее должен он, а не рядовые сотрудники. Сам Морган был всего лишь возбужден. Чертовски возбужден. Заключение, тайком проникший в Гостюрьму, – неужели это случилось на самом деле?

– Ина? – чуть не закричал Голдсруд в телефон, и Морган увидел облегчение на его лице. Легко обвинить начальника охраны в боязни взять на себя ответственность, но быть начальником среднего звена при помощнике начальника тюрьмы – это адская работа. – Нам немедленно надо связаться с Франком! Где он?

Морган увидел, как облегчение на его лице сменяется изумлением, а затем ужасом. Начальник охраны прервал связь.

– Что... – начал пожилой коллега.

– Она говорит, у него посетитель, – произнес Голдсруд. Он поднялся и пошел к шкафам у дальней стены кабинета. – Некий Сёренсен.

– Что мы будем делать? – спросил Морган.

Гейр вставил ключ в замок, повернул его и открыл шкаф.

– Вот что, – ответил он.

Морган насчитал двенадцать винтовок.

– Дан и Харальд, пойдете со мной! – прокричал Голдсруд, и Морган больше не слышал изумления, ужаса или боязни ответственности в его голосе. – Сейчас!

Симон и Кари стояли у лифтов в атриуме Полицейского управления, когда у Симона зазвонил телефон.

Звонили из института судебной медицины.

– У нас есть предварительные результаты анализа ДНК с ваших зубных щеток.

– Отлично, – ответил Симон. – И какие же?

– Да почти окончательные. Точность более девяноста пяти процентов.

– Точность чего? – спросил Симон и увидел, как открываются двери лифта.

– Что слюна с двух щеток имеет частичное совпадение с регистром ДНК. Но вот что удивительно: ДНК совпадает не с известными преступниками или полицейским, а с жертвой. Точнее говоря, те, кто пользовался щетками, имеют тесную родственную связь с жертвой убийства.

– Я так и думал, – сказал Симон, заходя в кабину лифта. – Это щетки семьи Иверсен. После убийства я заметил, что в ванной дома Иверсенов нет зубных щеток. Совпадение ведь с Агнете Иверсен, так?

Кари бросила быстрый взгляд на Симона, триумфально взмахнувшего руками.

– Нет, – ответил голос из Института судебной медицины. – На самом деле образец ДНК Агнете Иверсен еще не помещен в центральный регистр.

– Да? Но как...

– Речь о неизвестной жертве убийства.

– Вы обнаружили родственную связь между двумя щетками и неизвестной жертвой убийства? «Неизвестная» значит...

– Значит «личность которой не установлена». Очень молодая и очень мертвая девочка.

– Насколько молодая? – спросил Симон, уставившись на закрывающиеся двери лифта.

– Моложе, чем можно себе представить.

– Ну давайте же!

– Приблизительно четыре месяца.

Сердце Симона работало на износ.

– Вы хотите сказать, что Агнете Иверсен сделала аборт на позднем сроке?

– Нет.

– Нет? Тогда кто... Черт! – Симон закрыл глаза и прислонился лбом к обитой пластмассой стене.

– Связь пропала? – спросила Кари.

Симон кивнул.

– Мы скоро выйдем из лифта, – сказала она.

Мальчишка сделал два быстрых прокола в скотче. По одному у каждой ноздри. И Арильд Франк втянул в легкие новые секунды жизни. Он хотел только одного – жить. И тело его повиновалось только этому желанию.

– Есть ли имя, которое ты хотел бы написать? – тихо спросил мальчишка.

Франк тяжело дышал, мечтая иметь ноздри и носоглотку пошире, чтобы наслаждаться этим сладким воздухом. Он прислушивался, не раздадутся ли звуки, свидетельствующие о приближении спасения, мотал головой и пытался при помощи языка за носком и заклеенного рта сказать, что имени у него нет, он не знает, кто крот, он просто молит о пощаде. Просит дать ему уйти. Простить.

Он замер, увидев, как мальчишка встал перед ним и поднял нож. Франк не мог пошевелиться, все было привязано скотчем к креслу. Все... Вот и нож. Мерзкий кривой нож Нестора. Он прижался головой к спинке кресла, напряг каждый мускул и издал внутренний крик, когда увидел брызнувшую из собственного тела струю крови.

Глава 32

– Два, – прошептал начальник охраны Голдсруд.

Мужчины стояли с оружием наготове и вслушивались в тишину за дверью кабинета помощника начальника тюрьмы.

Морган затаил дыхание. Сейчас, сейчас все произойдет. Сейчас он станет частью того, о чем думал с тех пор, как был мальчишкой. Он кого-то поймает. Может быть, даже...

– Три, – прошептал Голдсруд.

А потом он взмахнул тараном и ударил по дверному замку. Во все стороны полетели щепки, и Харальд, самый крупный из них, ударом плеча выбил дверь. Морган вошел в кабинет, держа винтовку на уровне груди, и сделал два шага в сторону, как ему велел Голдсруд. В кабинете находился только один человек. Морган уставился на сидящего в кресле: вся его грудь, шея и подбородок были в крови. О господи, сколько крови! Морган почувствовал, как у него подгибаются колени, будто в них впрыснули какой-то размягчитель. Он не должен! Но столько крови! Мужчину в кресле трясло, как будто сквозь его тело проходили электрические разряды. А его гневные, выпученные, как у глубоководной рыбы, глаза палились на вошедших.

Гейр сделал два шага вперед и сорвал скотч со рта мужчины.

– Куда вас ранило, шеф?

Мужчина, не издавая ни звука, раскрыл рот. Голдсруд засунул два пальца ему в пасть и вытащил черный носок. Из рта мужчины, когда он закричал, полилась слюна, и Морган узнал голос помощника начальника тюрьмы Арильда Франка:

– Схватите его! Не дайте ему уйти!

– Мы должны найти рану и...

Начальник охраны хотел разорвать рубашку шефа, но Франк оттолкнул его руки:

– Закройте двери, черт вас всех возьми, он же уйдет! У него ключи от моей машины! И моя фуражка!

– Спокойно, шеф, – сказал Голдсруд, отрезая скотч от ручки кресла. – Он заперт, он не пройдет сенсоры отпечатков пальцев.

Франк с яростью посмотрел на него и поднял вверх освобожденную руку:

– Нет, пройдет!

Морган отступил назад, ему пришлось прислониться к стене. Он пытался, но не мог отвести взгляд от крови, струившейся из того места, где должен был находиться указательный палец помощника начальника тюрьмы Арильда Франка.

Кари быстрыми шагами вышла за Симоном из лифта и пошла по коридору к их открытому офисному пространству.

– Значит, – произнесла она, пытаясь переварить информацию, – вам эти щетки прислали по почте с запиской от С., который попросил проверить их на ДНК?

– Да, – ответил Симон, набирая телефонный номер.

– И на двух щетках обнаружена ДНК, показывающая родство с нерожденным ребенком, который является зарегистрированной жертвой убийства?

Симон кивнул и приложил указательный палец к губам, показывая, что связь установлена. Он говорил громко и отчетливо, чтобы они оба могли все расслышать.

– Это снова Кефас. Что это за ребенок, как он умер и каковы родственные связи?

Он держал трубку между ними, чтобы Кари тоже могла слышать ответ.

– Мы не знаем ни кто этот ребенок, ни кто его мать. Все, что нам известно, – это что мать умерла или была убита передозировкой наркотиков в центре Осло. В регистре она значится как «неизвестная».

– Мы знаем это дело, – сказал Симон и беззвучно выругался. – Азиатка, предположительно вьетнамка. Возможно, жертва торговли людьми.

– Это ваша епархия, Кефас. Ребенок, или зародыш, погиб в результате смерти матери.

– Понимаю. А кто отец?

– Красная зубная щетка.

– К... красная?

– Да.

– Спасибо, – сказал Симон и прервал связь.

Кари направилась к автомату за кофе для них обоих. Когда она вернулась, Симон разговаривал по телефону, и по его тихому бормотанию она поняла, что он, вероятно, беседует с Эльсе, своей женой. Когда он положил трубку, его лицо превратилось в старческое: у людей после наступления определенного возраста лицо на несколько секунд может принять такое выражение, как будто что-то ускользает от них, как будто они

собираются превратиться в пыль. Кари хотела было спросить, как дела у Эльсе, но решила не поднимать эту тему.

– Ну... – сказал Симон притворно веселым голосом. – Как мы думаем, кто отец ребенка? Ивер-старший или Ивер-младший?

– Мы не думаем, – ответила Кари. – Мы знаем.

Симон удивленно посмотрел на нее. Она медленно качала головой. Тогда он плотно зажмурил глаза, нагнул голову и провел по ней рукой, словно приглаживая волосы.

– Конечно, – тихо произнес он. – Две щетки. Я точно становлюсь старым.

– Пойду проверю, что у нас есть на Ивера, – сказала Кари.

После ее ухода Симон включил компьютер и открыл почтовый ящик.

Он получил звуковой файл, отправленный вроде бы с мобильного телефона.

Симон никогда еще не получал звуковых файлов.

Он открыл его и нажал на значок «воспроизведение».

Разъяренный руководитель тюрьмы стоял посреди контрольного помещения. Он замотал обрубок пальца бинтом, но отказался последовать настоятельным рекомендациям медицинского отделения и прилечь.

– Значит, вы подняли шлагбаум и позволили убийце просто взять и уехать! – брызгая слюной, прокричал Франк.

– Он ехал на вашем автомобиле, – сказал дежурный, стирая со лба пот. – И на нем была ваша фуражка.

– Но это был не я! – заорал Франк.

Морган не знал, из-за высокого ли давления красное, вызывающее дурноту вещество проступило через белый бинт, и его снова замутило.

Раздался звонок одного из стационарных телефонов, стоявших рядом с мониторами. Голдсруд снял трубку и стал слушать.

– Палец нашли, – сказал он, прикрывая ладонью микрофон трубки. – Мы отвезем его и вас в хирургию больницы Уллевол, и они смогут...

– Где? – прервал его Франк. – Где его нашли?

– Он был прекрасно виден, лежал на торпедо в вашем «порше». Он припарковал его во втором ряду в районе Грёнланн.

– Найдите его! Найдите его!

Тур Йонассон ухватился за петлю, свисающую с поручня вагона метро. Он пробормотал извинения, толкнув другого такого же пассажира, едущего в утренний час пик. Сегодня он продаст пять мобильных

телефонов. Такова его цель. И когда он будет стоять, а еще лучше, сидеть в метро по дороге домой сегодня вечером, он уже будет знать, достиг ли он цели. И это доставит ему... радость. Возможно.

Тур вздохнул.

Он посмотрел на человека в форме, стоявшего впереди спиной к нему. Он был в наушниках, из которых доносилась музыка. Провод вел к руке, державшей телефон с маленькой фирменной наклейкой магазина Тура на задней панели. Тур передвинулся и встал так, чтобы разглядеть человека сбоку. Он узнал его. Разве это не тот парень, что хотел купить батарейки для своего музейного экспоната? Для плеера. Тур из любопытства порыскал в Сети и выяснил, что такие плееры перестали производить в 2000 году, когда на рынке появился проигрыватель дисков МРЗ. Тур подобрался к нему так близко, что мог слышать музыку в наушниках, несмотря на стук стальных колес вагона, но, когда вагон со скрипом повернул, звук пропал.

Кажется, пел одинокий женский голос. Но мелодию он уже слышал раньше: «That you've always been her lover»^[32]. Леонард Коэн.

Симон непонимающе смотрел на иконку звукового файла. Прослушивание записи заняло всего несколько секунд. Он вновь нажал на «воспроизведение».

Никаких сомнений: голос принадлежал тому человеку, о котором он подумал и в первый раз. Но он не понял, что это было.

– Что это? Номер лотерейного билета?

Симон обернулся. Сиссель Тоу начала утренний обход с освобождения мусорных корзин.

– Что-то вроде, – ответил Симон и нажал «стоп», а Сиссель в это время вынула корзину из-под его стола и опрокинула ее содержимое в большое ведро.

– Бросаешь деньги на ветер, Симон. Лотереи – для везучих.

– А ты думаешь, что мы невезучие? – спросил Симон, не отводя глаз от монитора.

– Посмотри только, что мы принесли на землю, – сказала она.

Симон откинулся на спинку стула и протер глаза.

– Сиссель...

– Да?

– Убита молодая женщина, и сейчас выясняется, что она была беременна. И я думаю, что тот, кто хотел убить ее, боялся не ее, а ребенка.

– Вот как?

Тишина.

– У тебя был вопрос, Симон?

Симон положил голову на подголовник.

– Если бы ты знала, что вынашиваешь ребенка Сатаны, ты бы его выносила, Сиссель?

– Об этом мы уже говорили, Симон.

– Я знаю, но что ты ответила?

Она с упреком посмотрела на него:

– Я ответила, что, к сожалению, природа не оставляет несчастной матери выбора, Симон. И отцу тоже.

– Мне казалось, господин Тоу сразу же испарился?

– Я говорю о тебе, Симон.

Симон снова закрыл глаза и медленно кивнул.

– Значит, мы рабы любви. А кого нам выпадет любить – это лотерея. Правильно?

– Жестоко, но такова жизнь, – ответила Сиссель.

– А боги смеются, – сказал Симон.

– Наверняка, но пока кто-то должен убирать весь этот свинарник здесь, внизу.

Симон услышал ее удаляющиеся шаги. Потом он переслал звуковой файл с компьютера на мобильный телефон, взял его с собой в туалет, зашел в одну из кабинок и снова проиграл запись.

После второго прослушивания он понял, что означали цифры.

Часть IV

Глава 33

Симон и Кари шли в солнечных лучах по слишком большой, слишком открытой и слишком по-летнему тихой Ратушной площади.

– Мы воспользовались описанием Фиделя Лаэ и нашли взятый напрокат автомобиль, – сказала Кари. – Его вернули, но, к счастью, еще не успели помыть. Криминалисты обнаружили следы грязи, которая соответствует почве с ведущей на псарню дороги. А я-то думала, что грязь – это всего лишь грязь.

– Все представляет собой уникальную смесь минералов, – сказал Симон. – На какое имя взяли машину?

– Сильвестр Трондсен.

– Кто это?

– Тридцать три года, получает пособие, не работает. Адреса в Регистре населения нет. Отсидел два срока за насилие. Наши агенты связывают его с Нестором.

– Хорошо. – Симон остановился перед дверью между двумя магазинами одежды. Дверь была высокой и широкой и свидетельствовала о солидности и серьезности. Он нажал на одну из кнопок с номером офиса на четвертом этаже. – Что-то еще?

– Один из постояльцев «Илы» сказал одному агенту, что новый жилец триста двадцать третьей комнаты и начальница симпатизируют друг другу.

– Марта Лиан?

– Их на днях видели отъезжающими на одной машине от пансиона.

– «Недвижимость Иверсенов», – раздалось из дырочек на медной пластине над номерами офисов.

– Я хочу, чтобы ты подождала в приемной, пока я буду разговаривать с Иверсеном, – сказал Симон, когда они вошли в лифт.

– Зачем?

– Потому что я собираюсь немного нарушить правила и мне бы не хотелось втягивать в это тебя.

– Но...

– Прости, но это, видишь ли, такой приказ.

Кари закатила глаза, но ничего не сказала.

– Ивер, – произнес молодой человек, встретивший их в приемной. Он крепко пожал руку сначала Симону, а потом Кари. – Мой отец вас ждет.

Что-то в лице молодого человека говорило Симону, что тот привык

улыбаться и смеяться, что он не часто испытывал те боль и горе, которые читались в выражении его глаз под красиво взбитой челкой. Наверное, именно поэтому он казался таким потерянным и сбитым с толку.

– Сюда.

Видимо, отец рассказал ему о визите полиции и он, как и отец, предполагал, что речь пойдет о расследовании убийства его матери.

Окна кабинета выходили на Западный вокзал и фьорд. Рядом с дверью стояла стеклянная витрина с искусно сделанной моделью небоскреба в форме бутылки кока-колы.

Отец казался состарившейся копией сына: та же солидная челка, гладкая здоровая кожа, приглушенный солнечный взгляд. Высокий, прямой, с волевым подбородком и прямым взглядом, дружелюбным, но все же бросающим по-мальчишески игривый вызов. В этих мужчинах присутствовала самоуверенность и солидность жителей западной части Осло, как будто их всех отливали по одной форме: участники Сопротивления, арктические герои, экипаж Кон-Тики, начальники полиции.

Ивер-старший предложил Симону присесть и сам опустился за письменный стол, расположенный под старой черно-белой фотографией жилого дома. Фотография, без сомнения, была сделана в конце XIX века, вот только Симон в спешке не мог определить, где именно.

Симон подождал, пока сын выйдет из кабинета, и перешел прямо к делу:

– Двенадцать лет назад эта девушка была найдена мертвой во дворе одного из домов в Квадратуре в Осло. Так она выглядела, когда ее обнаружили.

Симон положил фотографию на стол Иверсена и стал внимательно наблюдать за выражением лица управляющего недвижимостью, пока тот разглядывал снимок. Никакой особой реакции.

– В совершении убийства сознался человек по имени Сонни Лофтхус, – сказал Симон.

– Вот как? – По-прежнему никакой реакции.

– Девушка была беременна.

Реакция. Ноздри расширились, зрачки увеличились.

Симон выждал пару секунд, а потом выстрелил второй ступенью ракеты:

– Это ведь вы пользуетесь красной зубной щеткой, Иверсен?

– Как... откуда...

Симон улыбнулся и опустил глаза на свои руки:

– У меня тоже есть младшая, она ждет в приемной. И ее мозг работает немного быстрее моего. Она первая сделала простой логичный вывод, что если ДНК только с двух из трех зубных щеток семьи Иверсен показывает родство с этим зародышем, то сын семьи не может быть отцом ребенка. В этом случае родственные связи с ребенком имелись бы у всех троих. Значит, отцом является единственный другой член семьи мужского пола. Вы.

Здоровый цвет кожи Ивера Иверсена поблек и исчез.

– Вы будете испытывать то же самое, когда доживете до моих лет, – сказал Симон, утешая его. – Они обгоняют нас по скорости мысли, эти молодые.

– Но...

– Вот такая особенность есть у ДНК. Результаты анализа не оставляют места для «но»...

Иверсен открыл рот и совершенно машинально раздвинул губы в полуулыбку, как происходит во время тяжелых разговоров, когда человек произносит шутку, чтобы разрядить обстановку, разоружить собеседника. Да, вот так, сделать предмет разговора менее опасным. Но он ничего не сказал. Нечего было.

– Теперь, когда у этого медленного поезда... – невысокий пожилой полицейский, сидевший перед ним, постучал указательным пальцем по лбу, – появилось немного времени, он продвинулся немного вперед. И первое, что он подумал: естественно, у женатого мужчины вроде вас имелся самый очевидный в мире мотив для того, чтобы избавиться от беременной и потенциально опасной женщины. Или как?

Иверсен не ответил, но почувствовал, что за него это сделало его адамово яблоко.

– В тот раз в газетах опубликовали фотографию этой женщины, и полиция спросила, не может ли кто-нибудь ее опознать. Ее любовник и отец ребенка сидел тихо, как мышка, и даже не сделал анонимного звонка в полицию, а это слишком подозрительно. Или как?

– Я не знал... – начал Иверсен, но не продолжил. Пожалел, что начал. И пожалел, что так отчетливо продемонстрировал свое сожаление.

– Вы не знали, что она беременна? – спросил полицейский.

– Нет! – ответил Иверсен, складывая руки на груди. – Я хочу сказать, я ничего не знал... ничего не знаю об этом. А сейчас я хотел бы позвонить своему адвокату.

– Вы непременно знаете что-то об этом. Но вообще-то, я верю, когда вы говорите, что не знаете всего. Я думаю, все знала ваша жена Агнете. А

вы как думаете?

Кефас. Комиссар, так он сказал? Ивер Иверсен схватил стационарный телефон:

– Я думаю, что у вас нет никаких доказательств и что эта встреча окончена, господин Кефас.

– В первой части вы правы, а вот во второй ошибаетесь. Эта встреча не окончена, потому что вы хотите знать, какие мосты сожжете, сделав этот звонок, Иверсен. У полиции нет никаких доказательств против вашей жены, но они наверняка есть у человека, застрелившего ее.

– И откуда же, интересно?

– Потому что он был козлом отпущения и духовником преступников этого города на протяжении двенадцати лет. Он знает все. – Кефас наклонился вперед и отстукал по письменному столу каждый слог. – Он знает, что Калле Фаррисен убил девушку и что это случилось по заказу Агнете Иверсен. Он знает, потому что сам отсидел за это убийство. Тот факт, что он не тронул вас, является единственной причиной, по которой я считаю вас невиновным. Но только поднимите трубку этого телефона, и мы все сделаем по инструкции. То есть арестуем вас по подозрению в соучастии в преступлении, расскажем прессе то, что нам уже известно о вас и той девушке, объясним вашим деловым партнерам, что какое-то время вы будете вне досягаемости, расскажем вашему сыну, что... да, а что мы расскажем вашему сыну?

«Расскажем вашему сыну». Симон ждал, позволяя информации осесть. Это было важно для дальнейшего. Чтобы информация закрепились. Надо дать Иверсену время для осознания объема ущерба и последствий. Чтобы он был готов к альтернативным вариантам, которые две минуты назад были бы совершенно неактуальными. Как пришлось сделать самому Симону. И это привело его сюда, к тому, что он сейчас делал.

Рука Иверсена упала, и раздался нетвердый сиплый голос:

– Что вы хотите?

Симон выпрямился.

– Вы мне все сейчас расскажете. Если я вам поверю, то, скорее всего, ничего не произойдет, потому что Агнете уже понесла свое наказание.

– Свое наказание!.. – Глаза ее супруга вспыхнули, но, встретив прохладный взгляд Симона, потухли. – Ладно. У нас с Агнете, у нас... брака почти не было. Было не так, как надо. У одного партнера имелись девочки. Азиатки. Так я познакомился с Май. В ней... было что-то, что-то, в чем я нуждался. Не молодость, не невинность и все такое, а...

одинокчество, в котором я узнавал себя.

– Она была пленницей, Иверсен. Ее похитили из дома.

Управляющий недвижимостью пожал плечами:

– Я знаю, но я купил ей свободу. Дал ей квартиру, где мы встречались. Существовали только я и она. И вот в один прекрасный день она заявила, что у нее уже несколько месяцев не было менструаций. И что, возможно, она беременна. Я сказал, чтобы она избавилась от ребенка, но она отказалась. Я не знал, что делать. И спросил у Агнете...

– Спросили у своей жены?

– В ее семье к обязанностям относятся серьезно, а она была любящей матерью.

– Семья, являющаяся крупнейшим частным владельцем недвижимости в Осло, с великолепным фасадом и сверкающим чистым именем, посчитала, что азиатский ублюдок, который может претендовать на имущество и родство, неактуален.

– Агнете была старомодной, да. И я обратился к ней, потому что в конечном счете именно она должна была принять решение, как поступить.

– Ведь это на ее состоянии выстроена вся компания, – сказал Симон. – И она приняла решение. Устранить проблему. *Всю проблему.*

– Об этом мне ничего не известно, – произнес Иверсен.

– Потому что вы не спрашивали. Вы предоставили ей связаться с людьми, которые могли бы сделать работу за вас. А тем, в свою очередь, пришлось купить себе козла отпущения, после того как свидетель рассказал полиции, что видел, как кто-то делает девушке укол в том дворе. Следы надо было замести, и вы заплатили.

Иверсен пожал плечами:

– Я никого не убивал, я просто выполняю свою часть сделки и рассказываю. Вопрос в том, выполните ли вы свою часть.

– Вопрос, – сказал Симон, – в том, как женщина вроде вашей жены вступила в контакт с таким отбросом, как Калле Фаррисен.

– Я понятия не имею, кто такой Калле Фаррисен.

– Нет, – произнес Симон, складывая руки перед собой. – Но вы знаете, кто такой Близнец.

В кабинете на мгновение установилась полная тишина. Казалось, даже движение транспорта за окном прекратилось.

– Простите? – сказал наконец Иверсен.

– Я несколько лет проработал в Эокриме, – произнес Симон. – «Недвижимость Иверсенов» проводила операции с Близнецом. Вы помогали ему отмывать деньги от торговли наркотиками и людьми, а он

взамен создавал вам фиктивные убытки в сотни миллионов, что помогало значительно экономить на налогах.

Ивер Иверсен покачал головой:

– Боюсь, я не знаю никакого Близнеца.

– Все, за исключением того, что вы боитесь, ложь, – сказал Симон. – У меня есть доказательства вашего сотрудничества.

– Вот как? – Иверсен соединил кончики пальцев. – Почему же Экокрим не возбудил дело, если располагал доказательствами?

– Потому что полиция не дала мне довести дело до конца, – сказал Симон. – Но я *знаю*, что Близнец использовал свои кровавые деньги для покупки у вас деловой недвижимости, чтобы через какое-то время продать ее обратно вам по высокой цене. Во всяком случае, на бумаге. Это приносило ему очевидную прибыль, и он мог положить свои наркоденьги на банковский счет, и налоговые органы не беспокоили его вопросами об их происхождении. А вам это наносило очевидные убытки, которые вы могли вычесть из следующих прибылей, при этом не платя долг обществу. Выгодная для обеих сторон ситуация.

– Интересная теория, – сказал Иверсен, всплеснув руками. – Я рассказал вам все, что знаю. Что-нибудь еще?

– Да. Я хочу встретиться с Близнецом.

Иверсен тяжело вздохнул:

– Но я не знаю никакого Близнеца.

Симон медленно кивал головой.

– А знаете что? Мы в Экокриме это так часто слышали. Многие сомневались, что Близнец существует в действительности, и считали его простым мифом.

– Судя по всему, возможно, так оно и есть, Кефас.

Симон поднялся.

– Прекрасно. Вот только мифы не контролируют год за годом рынок наркотиков и секса целого города, Иверсен. Мифы не истребляют беременных женщин по просьбе своих партнеров. – Он наклонился вперед, уперся обеими руками в столешницу и выдохнул так, что Иверсен почувствовал его старческий запах. – Мужчины не боятся мифов до такой степени, что готовы броситься в пропасть. Я *знаю*, что он существует.

Он выпрямился и пошел к двери, помахивая своим мобильным телефоном.

– Я начну собирать пресс-конференцию, когда зайду в лифт, так что вам стоит по-взрослому поговорить с вашим сыном прямо сейчас.

– Подождите!

Симон остановился у двери, но не обернулся.

– Я... посмотрю, что можно сделать.

Симон достал визитку и положил на стеклянную витрину с кока-кольным небоскребом.

– У вас с ним есть время до шести.

– Прямо в Гостюрье? – недоверчиво переспросил Симон в лифте. – Лофтхус напал на Франка в его собственном кабинете?

Кари кивнула:

– Пока это все, что мне известно. Что сказал Иверсен?

Симон пожал плечами:

– Ничего. Он, естественно, захотел связаться со своим адвокатом перед тем, как заговорить. Пообщаемся с ними завтра.

Арильд Франк сидел на краю койки и ждал, когда его поведут в операционную. Его одели в больничную голубую рубашку, а на запястье повесили браслет с именем. Первый час боли не было, но сейчас она пришла, и маленький шприц, который в него всадил анестезиолог, не слишком помог. Ему, конечно, пообещали перед операцией большой шприц, который, по их словам, обезболит всю руку. Один хирург, утверждавший, что он «хирург-ручник», заходил к нему и во всех красках расписал, на что сегодня способна микрохирургия, сказал, что его палец уже прибыл в больницу и что срез настолько чистый и красивый, что, когда палец воссоединится со своим законным владельцем, нервные окончания начнут срастаться и он уже через пару месяцев сможет использовать палец «для разных вещей». Он, конечно, шутил ради благой цели, но Франк сейчас был не в настроении для подобного рода чуши, и он прервал хирурга вопросом о том, сколько времени понадобится для пришивания пальца и когда он сможет вернуться на работу. Хирург ответил, что сама операция займет несколько часов, и Франк, к удивлению врача, посмотрел на часы и глухо, но отчетливо выругался.

Дверь открылась, и Франк поднял голову. Он надеялся, что пришел анестезиолог, потому что сейчас у него сильно стучало не только в руке, но и в теле и голове.

Но вошедший не был одет ни в белое, ни в зеленое, это был высокий худой мужчина в сером костюме.

– Понтиус? – сказал Франк.

– Привет, Арильд. Просто хотел посмотреть, как у тебя дела.

Франк зажмурил один глаз, как будто так ему будет проще понять,

какое дело привело к нему начальника полиции. Парр уселся на койку рядом с Франком и кивнул на перевязанную руку:

– Болит?

– Переживу. Вы охотитесь?

Начальник полиции пожал плечами:

– Лофтхус словно испарился. Но мы его найдем. Как думаешь, что он хотел?

– Хотел? – фыркнул Франк. – Этого, наверное, никто не знает. Он ведет какой-то запутанный крестовый поход.

– Вот именно, – сказал Парр. – Поэтому вопрос в том, когда и где он нанесет следующий удар. Дал ли он тебе какой-нибудь намек на это?

– Намек? – Франк застонал и согнул руку. – Не знаю, как он мог это сделать.

– Ну вы же, наверное, о чем-то разговаривали?

– Он говорил. У меня был кляп. Он хотел знать, кто был кротом.

– Да, я видел.

– Ты *видел*?

– На тех листочках в твоём кабинете. На тех, что не были полностью залиты кровью.

– Ты был в моем кабинете?

– Это дело первостепенной важности, Арильд. Парень – серийный убийца. С одной стороны, на нас давит пресса, а теперь еще и горсовет решил вмешаться. С этого момента я буду держать hands on ^[33].

Франк пожал плечами:

– Ну ладно.

– У меня есть вопрос...

– Меня сейчас будут оперировать, и мне очень больно, Понтиус. С этим можно подождать?

– Нет. Сонни Лофтхуса допрашивали по делу об убийстве Эвы Морсанд, но он не сознался. Ему кто-нибудь говорил, что до того, как его волос был найден на месте преступления, мы подозревали мужа убитой? И что у нас практически были доказательства того, что это сделал Ингве Морсанд?

– Понятия не имею. А что?

– Просто хотел знать. – Парр положил руку на плечо Франка, и тот почувствовал, как боль устремилась вниз, к кисти. – Но ты сейчас думай о своей операции.

– Спасибо, но на самом деле думать-то особо не о чем.

– Да, – сказал Парр, снимая прямоугольные очки. – Особо не о чем. –

Он начал протирать очки с отсутствующим выражением лица. – Ты просто лежишь и позволяешь всякой всячине происходить с тобой, правда?

– Да, – ответил Франк.

– Позволяешь им сшить тебя. Восстановить твою целостность.

Франк сглотнул.

– Итак, – Парр снова надел очки, – ты рассказал ему, кто был кротом?

– Что это его собственный отец, ты хочешь сказать? «Аб Лофтхус, он сознался». Если бы я написал это на бумаге, мальчишка отрезал бы мне голову.

– А что ты рассказал ему, Франк?

– Ничего! А что я мог ему рассказать?

– Вот это мне тоже интересно, Арильд. Мне интересно, почему парень настолько уверен в том, что ты обладаешь информацией, что он не испугался вломиться в твою тюрьму, чтобы ее добыть.

– Мальчишка псих, Понтиус. У всех этих наркоманов рано или поздно наступает психоз, ты ведь знаешь. Крот? Господи, эта история закончилась вместе с Абом Лофтхусом.

– И что ты ему ответил?

– Что ты имеешь в виду?

– Он взял у тебя только палец. Всех остальных он убил. Тебе сохранили жизнь, значит ты что-то ему дал. Не забывай, я тебя знаю, Арильд.

Дверь открылась, и в палату вошли двое в зеленом.

– Кто здесь находится в радостном ожидании? – рассмеялся один из них.

Парр поправил очки:

– В тебе нет силы, Арильд.

Симон шел по улице, и в лицо ему с фьорда дул морской бриз. Он перешел набережную Акер-Брюгге и улицу Мункедамсвейен, сжатую после перекрестка домами, и быстро направился в сторону улицы Рюселёкквейен. Около церкви, втиснутой между жилыми домами, Симон остановился. Церковь Святого Павла была более застенчивой, чем ее тезки в других столицах мира. Католическая церковь в протестантской стране. Она неверно сориентирована, на запад, а сверху на фасаде у нее имелся только намек на колокольню. Лестница из трех ступенек, вот и все. Но эта церковь всегда открыта. Однажды поздним вечером во время кризиса он уже стоял здесь и раздумывал, надо ли преодолевать эти три ступени. После того как он все потерял, это был верный шаг, а потом он обрел спасение в Эльсе.

Симон поднялся по ступенькам, взялся за медную ручку, открыл тяжелую дверь и вошел внутрь. Он хотел быстро закрыть за собой створку, но жесткие пружины оказали ему сопротивление. Были ли они такими же жесткими в прошлый раз? Он не помнил, он был слишком пьян. Симон отпустил дверь, и та начала скользить у него за спиной, преодолевая сантиметр за сантиметром. Но он помнил запах. Чужой. Экзотический. Атмосферу и духовность. Магию и мистику, гадалок и парк развлечений. Эльсе нравилось католичество, не столько этика, сколько эстетика. Она объяснила Симону, что все в помещении церкви, даже самые практические вещи, вроде камня стен, строительного раствора или стеклянных окон, имело символическое религиозное значение, иногда доходящее до комичного. И все же у этой наивной символики был вес, подтекст, исторический контекст, ведь так много думающих людей были убеждены, что от всего этого нельзя отмахнуться. В узком, скромно украшенном помещении, выкрашенном в белый цвет, стояли ряды скамеек, ведущие к алтарю, над которым на кресте висел Иисус. Поражение как символ победы. У стены слева на полпути к алтарю находилась исповедаля. В нее вели два входа, один был закрыт большой занавесью, как кабинка для моментальных фотографий. Когда он пришел сюда той ночью, то не понял, какой из входов предназначается для кающихся грешников, но его затуманенный алкоголем мозг установил путем дедукции, что раз священник не должен видеть грешника, следовательно, ему нужно находиться в кабинке для фотографий. И он ввалился в незанавешенную половину и начал говорить в перфорированную деревяшку, разделявшую две части. Покаялся в грехах. Слишком громким голосом. Симон надеялся и одновременно не надеялся, что там, на другой половине, сидит кто-нибудь или что кто-нибудь, кто угодно, слышит его и хочет сделать то, что требуется. Даровать ему прощение. Или приговор. Что угодно, только не тот удушающий вакуум, в котором он находился наедине с самим собой и своими поступками. Ни того ни другого не случилось. И на следующее утро он проснулся и с удивлением обнаружил, что голова не болит, а жизнь продолжается, будто ничего и не произошло, и что никому нет до него дела. После этого он ни разу не был внутри церкви.

Марта Лиан стояла у алтаря рядом с властно жестикулирующей женщиной в элегантном костюме с короткой стрижкой, какие носят дамы после пятидесяти в надежде, что у них с лица сотрется несколько лет. Женщина что-то показывала и рассказывала, до Симона доносились некоторые слова: «цветы», «венчание», «Андерс» и «гости». Он подошел почти вплотную, и только тогда Марта Лиан повернулась к нему. Первое,

что бросилось ему в глаза: она сильно изменилась с момента их последней встречи. Опустошенная. Одинокая. Несчастливая.

– Привет, – без всякого выражения произнесла она.

Вторая женщина прекратила говорить.

– Прошу прощения за вторжение, – сказал Симон. – В «Иле» мне сказали, что я найду вас здесь. Надеюсь, не прерываю ничего серьезного.

– Нет-нет, это...

– На самом деле мы прямо сейчас планируем свадьбу моего сына с Мартой. Так что если у вас ничего срочного, господин...

– Кефас, – ответил Симон. – И у меня действительно срочный вопрос. Я из полиции.

Женщина посмотрела на Марту, приподняв бровь:

– Вот что я имею в виду, когда говорю, что ты живешь в действительной действительности, дорогуша.

– В которой вы жить не хотите, госпожа...

– Простите?

– Полиция и «Ила» обсудят все с глазу на глаз. Подписка о неразглашении и все такое прочее.

Женщина на громких каблуках отошла в сторону, и Симон с Мартой сели на первый ряд скамеек.

– Вас видели в автомобиле вместе с Сонни Лофтхусом, – сказал Симон. – Почему вы не рассказали мне об этом?

– Он хотел научиться водить машину, – ответила Марта. – Я отвезла его на парковку, чтобы поучить.

– Его сейчас разыскивают по всей стране.

– Я смотрю телевизор.

– Он говорил или делал что-нибудь, что могло бы указать нам на его местонахождение? Я хочу, чтобы вы очень хорошо подумали, прежде чем ответить.

Казалось, Марта хорошо подумала, а потом покачала головой.

– Значит, нет. Рассказывал о своих планах на будущее?

– Он хотел научиться водить машину.

Симон вздохнул и пригладил волосы:

– Вы отдаете себе отчет в том, что рискуете оказаться под следствием, если будете ему помогать или скрывать от нас информацию?

– А с чего бы мне это делать?

Симон молча смотрел на нее. Скоро она будет невестой. Так почему же она выглядит такой несчастной?

– Ну-ну, – произнес он, поднимаясь.

Она продолжала сидеть, глядя в пол.

– Только один вопрос, – сказала она.

– Да?

– Вы тоже считаете его больным убийцей, как и все остальные?

Симон перенес вес тела с одной ноги на другую.

– Нет, – ответил он.

– Нет?

– Он не болен. Он наказывает людей. Он, так сказать, на пути мести.

– Мести за что?

– Разумеется, все дело в его отце, он был полицейским, и все считали его взяточником.

– Вы говорите, он наказывает... – Она понизила голос. – А он справедливо наказывает?

Симон пожал плечами:

– Я не знаю. Но во всяком случае, у него есть свои соображения.

– Соображения?

– Он навестил начальника тюрьмы прямо на рабочем месте, в его кабинете. Это очень дерзко, все можно было проделать намного легче и без такого риска, если бы он пришел к Франку домой.

– Но?

– Но тогда жена и дети Франка оказались бы на линии огня.

– Невинные. Он не трогает невинных.

Симон медленно кивнул. Он заметил, что с ее глазами что-то случилось. Искра. Надежда. Неужели все так просто? Она влюбилась? Симон выпрямился, посмотрел на алтарь со Спасителем на кресте, закрыл глаза, снова открыл их. К черту это. К черту все это.

– Знаете, что любил повторять его отец, Аб? – сказал он, подтягивая брюки. – Он говорил, что время милостей прошло и Судный день уже наступил. Но поскольку Мессия запаздывает, работу должны делать мы. Однако никто не может карать, кроме Него, Марта. Полиция Осло прогнила, она защищает бандитов. Я думаю, Сонни занимается этим, потому что считает, что должен так поступать ради своего отца, который именно за это и умер. За справедливость. За ту справедливость, что над законом.

Вторая женщина стояла около исповедальни и тихо обсуждала что-то со священником.

– А как насчет вас? – спросила Марта.

– Меня? Я – закон. Поэтому я должен поймать Сонни. Такова жизнь.

– А та женщина, Агнете Иверсен, какое преступление она совершила?

- Об этом я не могу вам рассказать.
- Я читала, что ее драгоценности были украдены.
- Да?
- Среди них были жемчужные сережки?
- Вот не знаю. Это важно?

Марта покачала головой.

– Нет, – ответила она. – Неважно. Я подумаю, может быть, вспомню что-нибудь, что сможет вам помочь.

– Хорошо, – сказал Симон, застегивая куртку. Громкие каблуки приближались к ним. – Вам много о чем надо думать, как я понимаю.

Марта бросила на него быстрый взгляд.

– Мы еще поговорим, Марта.

Когда Симон вышел из церкви, у него зазвонил телефон. Он посмотрел на дисплей. Драмменский номер.

– Кефас.

– Это Хенрик Вестада.

Полицейский, расследующий убийство жены судовладельца.

– Я в отделении кардиологии Центральной больницы Бускеруда.

Симон уже знал, что сейчас последует.

– Лейф Кругнесс, свидетель с сердечными проблемами. Они думали, он вне опасности, но...

– Он внезапно скончался, – сказал Симон, вздохнул и сжал переносицу большим и указательным пальцем. – Когда это произошло, он находился в палате один. Вскрытие не покажет ничего странного. А вы звоните потому, что не хотите быть единственным, кто не сможет уснуть сегодня ночью.

Вестада не ответил.

Симон засунул телефон в карман. Ветер усилился, и он посмотрел на небо между крышами домов. Еще ничего не было видно, но по головной боли он уже знал, что надвигается низкое давление.

Мотоцикл, стоявший перед Ровером, вот-вот должен был восстать из мертвых. «Харлей-Дэвидсон Хэридж Софттейл», модель 1989 года с большим передним колесом, как Ровер и любил. Когда он поступил к Роверу, на нем стоял немогущий 1340-кубовый двигатель, с которым владелец обращался без той заботы, терпения и понимания, какого требуют «харлеи» в отличие от своих более покладистых японских братьев. Ровер поменял коренной подшипник, шатунный подшипник, поршневые кольца и расшатавшиеся клапана, после чего оставалось сделать совсем немного,

чтобы превратить мотоцикл в 1700-кубовый, со 119 лошадиными силами на заднем колесе, где раньше было всего 43. Ровер вытер масло с руки, на которой была вытатуирована церковь, и заметил, что освещение изменилось. Сначала он подумал, что наступила облачность, как и обещал прогноз погоды. Но, подняв голову, он увидел тень и силуэт человека, стоявшего в открытых дверях автомастерской.

– Да? – прокричал Ровер, продолжая вытираться.

Человек направился в его сторону. Беззвучно. Как дикий зверь. Ровер знал, что ближайшее оружие находится так далеко, что он не успеет до него добраться. И что так и будет. Он завязал с той жизнью. Это полный бред, что трудно не взяться за старое, выйдя из тюрьмы, – надо просто захотеть. Вот так просто. Если хочешь, то получится. Но если это желание всего лишь самообман, средство утешения, ты уже на второй день снова окажешься в канаве.

Человек подошел на такое расстояние, что Ровер мог разглядеть черты его лица. Но это же...

– Привет, Ровер.

Это был он.

Он держал в руках позолоченную визитку с надписью «Мотоциклетная мастерская Ровера».

– Адрес правильный. Ты говорил, что можешь достать мне «узи».

Ровер продолжал вытирать руки, не отводя от него глаз. Он читал газеты и видел его фотографию по телевизору. И то, что он сейчас видел перед собой, было не парнем из камеры Гостюрмы, а его собственным будущим. Таким, каким он его себе рисовал.

– Ты поймал Нестора, – сказал Ровер, проводя тряпкой между пальцами.

Парень не ответил.

Ровер покачал головой:

– Это значит, что за тобой охотится не только полиция, но и Близнец.

– Я знаю, что я в беде, – сказал парень. – Я могу уйти прямо сейчас, если хочешь.

Прощение. Надежда. Чистый лист. Новый шанс. Большинство все портили, продолжая совершать одни и те же идиотские ошибки всю жизнь, всегда находя предлог все испортить. Они сами не знали того, что проиграли, еще не начав, – ну, во всяком случае, делали вид, что не знают. Потому что не хотели знать. Но Ровер *хотел*. В эту ловушку он не попадет. Теперь он стал сильнее. Умнее. Но понятно, что, если хочешь жить с поднятой головой, всегда существует риск упасть.

– Давай закроем двери в гараж, – сказал Ровер. – Кажется, будет дождь.

Глава 34

Дождь барабанил по лобовому стеклу, и Симон вынул ключ из зажигания и подготовился к рывку через парковку к зданию больницы. Прямо перед машиной он увидел блондина в пальто. Дождь был таким сильным, что отлетал от капота и очертания мужчины расплывались. Дверь со стороны водителя раскрылась, и другой, темноволосый мужчина попросил его проследовать за ними. Симон взглянул на часы на торпеде. Четыре. До конца срока оставалось два часа.

Двое мужчин привезли его на набережную Акер-Брюгге, которая в действительности никакая не набережная, а целый район с магазинами, офисами, несколькими квартирами из самых дорогих в городе и пятью десятками ресторанов, кафе и баров. Они шли по променаду вдоль воды, глядя, как причаливает паром с Несоддтангена. Потом они свернули в один из многочисленных переулков, долго шли по нему и наконец по узкой железной лестнице спустились к двери с иллюминатором, которая, возможно, должна была вызывать ассоциации с морепродуктами. Рядом с дверью находилась маленькая табличка с надписью необыкновенно скромными буквами: «Ресторан Наутилус». Один из мужчин придержал дверь, и они оказались в узкой прихожей, где стряхнули капли дождя со своей одежды и оставили ее в необслуживаемом гардеробе. Не было видно ни одного человека, и Симон перво-наперво подумал, что это типичный ресторан для отмывания денег. Не слишком большой, но арендная плата и местоположение могли оправдать доходы, к которым все равно не будет никаких вопросов: в таких местах редко получают налогооблагаемую прибыль.

Симон промок. Он пошевелил пальцами в ботинках и услышал хлюпанье. Но ему было холодно не из-за этого.

Зал ресторана был разделен на две половины большим вытянутым аквариумом, являвшимся также единственным источником света. У столика спиной к аквариуму сидел огромный человек.

Из-за него Симону и стало холодно.

Он никогда раньше не видел его, но ни секунды не сомневался в том, кто перед ним.

Близнец.

Казалось, человек наполнял собой все помещение. Симон не знал, из-

за чего это происходит: из-за его физических размеров, осязаемого присутствия или веса власти и богатства, которые позволяют ему распоряжаться многими судьбами. Или же дело было во всех историях, распространяемых об этом человеке, и он становился больше из-за багажа смертей, бессмысленной жестокости и разрушений?

Человек сделал почти неуловимое движение в сторону стула, выдвинутого из-за стола напротив него. Симон уселся.

– Симон Кефас, – произнес мужчина и провел указательным пальцем по подбородку.

У больших людей часто бывают на удивление высокие голоса.

Но не у Близнеца.

Его раскатистый бас оставлял круги на поверхности воды в стакане Симона.

– Я знаю, что вам нужно, Кефас. – Мускулы играли под его костюмом, готовым в любой момент лопнуть.

– И что же?

– Деньги на глазную операцию для Эльсе.

Симон вздрогнул, услышав из уст этого мужчины имя своей любимой.

– Вопрос в том, что у вас есть на продажу, да?

Симон вынул телефон, открыл почту, положил аппарат на стол и нажал на «воспроизведение». Голос со звукового файла казался металлическим: «На какой счет и на какое имя Нестор посылал деньги, когда платил тебе? Если бы я был на твоём месте, я бы подумал, прежде чем ответить». Пауза, потом другой голос: «Счет открыт на организацию. На фирму „Деннис лимитед“, зарегистрированную на Каймановых островах». – «Номер счета?» Снова пауза. «Восемь, три, ноль». – «Медленнее. И четче». – «Восемь. Три. Ноль. Восемь...»

Симон нажал на «стоп».

– Я надеюсь, вы слышали, кто отвечает на вопросы?

Великан ответил жестом, который мог означать что угодно.

– Вот это вы и продаете?

– Мне прислали эту запись с почтового ящика на «хотмейле», который я не сумел или пока даже не пытался отследить. Потому что об этой записи пока знаю только я. Обнародование того, что начальник...

– Помощник начальника.

– ...Гостюрьмы диктует номер секретного счета, на который он получал деньги от Хуго Нестора. Я проверил номер счета, все совпадает.

– И почему эта запись представляет ценность для меня?

– Для вас представляет ценность то, что я не понесу это в полицию, а

вы не потеряете ценный кадр. – Симон кашлянул. – Еще один ценный кадр.

Великан пожал плечами:

– Помощника начальника тюрьмы можно заменить. Да и в любом случае Франк – уже отработанный материал. Что еще у вас есть, Кефас?

Симон выпятил нижнюю губу:

– У меня есть доказательства, что вы отмывали деньги с помощью агентства недвижимости Иверсенов. И у меня есть результаты анализа ДНК, связывающие Ивера Иверсена-старшего с вьетнамской девушкой, которую вы привезли в Норвегию, убили и заставили Сонни Лофтхуса сознаться в ее убийстве.

Великан провел по подбородку двумя пальцами.

– Я слышал. Продолжайте.

– Я могу сделать так, что ни одно из этих дел не получит хода, если я получу деньги на глазную операцию.

– О какой сумме идет речь?

– Два миллиона крон.

– Такие деньги вы могли вытребовать у Иверсена. Так зачем же вы пришли ко мне?

– Потому что мне нужно больше, чем деньги.

– И что же?

– Я хочу, чтобы вы перестали охотиться на мальчишку.

– На Лофтхуса-сына? Почему?

– Потому что Аб Лофтхус был моим другом.

Великан некоторое время смотрел на Симона, а потом откинулся на спинку стула и постучал указательным пальцем по аквариуму.

– Выглядит как обычный аквариум, да? Но знаете, сколько стоит вон та серая рыбка, похожая на кильку, Кефас? Нет, вы этого не знаете, потому что Эокриму совершенно необязательно знать, что некоторые собиратели готовы выложить за нее миллионы крон. Она не особенно интересная или красивая, но она ужасно редкая. Поэтому ее цена определяется тем, сколько за нее готов заплатить один-единственный человек – тот, кто предложит больше всех.

Симон поерзал по стулу.

– Дело в том, – сказал великан, – что мне нужен мальчишка Лофтхус. Он – редкая рыбка и для меня представляет бóльшую ценность, чем для других покупателей. Потому что он убил моих людей и украл мои деньги. Думаете, я мог бы двадцать лет править этим городом, если бы позволял людям не платить за такое? Он сам превратил себя в рыбку, которую я *должен* получить. Простите, Кефас. Мы можем дать вам денег, но

мальчишка – мой.

– Он просто хочет узнать имя крота, сдавшего его отца, а потом он исчезнет.

– Что касается меня, то крота он может получить, мне больше нет проку от него или от нее, крот прекратил свою работу двенадцать лет назад. Но даже я так и не смог выяснить, кто был кротом. Мы анонимно обменивались информацией и деньгами, и меня это устраивало, я получал то, за что платил. И вы получите, Кефас. Зрение вашей жены, да?

– Как хотите, – сказал Симон и встал. – Если вы хотите мальчишку, то я получу деньги в другом месте.

Великан тяжело вздохнул:

– Вы неверно поняли ситуацию в наших переговорах, Кефас.

Симон увидел, что блондин тоже поднялся.

– Как опытный игрок, вы должны были бы знать, что человек должен внимательно оценить свои карты, прежде чем начать игру, – произнес великан. – После будет поздно, да?

Симон почувствовал на плече руку блондина. Он не поддался импульсу сбросить ее и снова сел. Великан наклонился. От него пахло лавандой.

– Иверсен рассказал мне о результатах анализа ДНК, с которыми вы к нему пришли. Теперь еще эта запись. Это означает, что у вас есть связь с мальчишкой, да? И вы нам его достанете. Его и то, что он у нас украл.

– А если я откажусь?

Великан снова вздохнул:

– Чего мы все боимся в старости, Кефас? Умереть в одиночестве, да? Настоящая причина того, почему вы делаете все, чтобы вернуть зрение своей жене, в том, что вы хотите, чтобы она видела, как вы будете умирать. Потому что нам кажется, что так умирание будет не таким одиноким, да? Ну что же, подумайте о смертном одре, где более одиноко, чем со слепой, но все же живой женой...

– Что?

– Бу, покажи ему.

Блондин поднес свой мобильник к Симону. На дисплее была фотография. Он узнал больничную палату. Кровать. Спящую на кровати женщину.

– Любопытно не то, что мы знаем, где она сейчас находится, – сказал великан, – но то, что мы ее нашли, да? В течение часа после того, как нам позвонил Иверсен. И это означает, что мы снова найдем ее, где бы вы ни попытались ее спрятать.

Симон вскочил со стула, правая рука рванулась к горлу великана, но оказалась в кулаке, который поймал ее с такой же легкостью, что и бабочку, и сжал запястье Симона.

– Вы должны решить, кто для вас ценнее, Кефас. Женщина, с которой вы делите дом, или эта бродячая собака, которую вы усыновили.

Симон вздрогнул и попытался не обращать внимания на боль, вызванную хрустом собственных костей и фаланг пальцев, прижатых друг к другу, но он знал, что его выдадут слезы. Он моргнул. Еще раз. Почувствовал, как по щеке потекла теплая капля.

– Ее надо отправить в США в течение двух дней, – прошептал он. – Мне нужны деньги наличными при передаче.

Близнец ослабил хватку, и, когда кровь устремилась к руке, усиливая боль, у Симона закружилась голова,

– Она окажется в самолете, как только вы передадите нам мальчишку и украденное им, – сказал великан.

Блондин вывел Симона на улицу. Дождь прекратился, но воздух все еще был влажным и тяжелым.

– Что вы с ним сделаете? – спросил Симон.

– Лучше тебе этого не знать, – ответил блондин, улыбаясь. – Но спасибо за сделку.

Дверь за Симоном закрылась.

Он вышел из переулочка. Начинало темнеть. Симон побежал.

Марта сидела перед тарелкой с говяжьим стейком и смотрела поверх высоких винных бокалов, поверх голов на другой стороне стола, поверх семейных фотографий на столике у окна, поверх отяжелевших от дождя яблонь в саду, – смотрела на небо, в надвигающуюся темноту.

Речь Андерса была красивой. Никаких сомнений: только что одна из тетушек смахнула слезинку.

– Мы с Мартой решили пожениться зимой, – говорил он. – Потому что мы знаем, что наша любовь растопит лед, а сердца наших друзей согреют любой зал для торжеств и что забота, мудрость и наставления вас, членов нашей семьи, послужат светом, нужным нам на темной зимней тропе. И конечно, есть еще одна причина... – Андерс схватил бокал и повернулся к Марте, которой только в последнюю секунду удалось оторваться от вечернего неба, чтобы улыбнуться ему в ответ. – У нас терпения не хватит ждать до лета!

Веселый смех и аплодисменты наполнили гостиную.

Андерс взял ее ладонь свободной рукой и, крепко сжав ее, улыбнулся.

Его красивые глаза блестели, как море, и она знала, что ему об этом известно. Потом он наклонился, как бы разряжая обстановку, и быстро чмокнул ее в губы. Всеобщее ликование. Он поднял бокал:

– Выпьем!

Затем он сел, поймал ее взгляд и улыбнулся как будто очень личной улыбкой. Улыбкой, которая должна была поведать остальным двенадцати гостям, что между ними существовало кое-что особенное, что принадлежало только им двоим. Но то, что Андерс играл, как перед полным залом, не означало, что это неправда. Между ними было кое-что особенное. Кое-что хорошее. Они были вместе так долго, что легко могли забыть все хорошие дни и впечатления, полученные вместе. И то, что они преодолели не такие хорошие времена и вышли из них более сильными. Она любила Андерса, *правда* любила. Конечно любила, иначе не согласилась бы выйти за него замуж.

Его улыбка стала немного напряженной, словно говорила, что Марта могла бы проявить в этот момент больше энтузиазма и помочь ему, ведь они собрали свои семьи, чтобы рассказать о планах относительно женитьбы. Свекровь попросила позволить ей сделать это, и Марта не нашла в себе сил отказать. Теперь свекровь поднялась и постучала по бокалу. Казалось, что в комнате включили тишину. И не только потому, что гостям было интересно, что она скажет, а потому, что никто не хотел быть просверленным насквозь острым взглядом этой женщины.

– И мы очень рады, что Марта захотела провести венчание в церкви Святого Павла.

Марта едва сдержала кашель. *Захотела?*

– Как вы знаете, наша часть семьи исповедует католическую веру. И несмотря на то что средний уровень образования и доходов у протестантов в большинстве стран выше, чем у католиков, в Норвегии все не так. Здесь мы, католики, составляем элиту страны. Так что добро пожаловать в высшую лигу, Марта.

Марта улыбнулась шутке, хотя прекрасно знала, что это совсем не шутка. Она слышала голос свекрови, продолжавшей говорить, но сама она снова далеко унеслась мыслями. Далеко, потому что ей надо было убраться отсюда. Сбежать в другое место.

– О чем ты думаешь, Марта?

Она почувствовала губы Андерса на волосах и мочке уха. Ей удалось улыбнуться, потому что ей хотелось рассмеяться. Рассмеяться, потому что она представила себе, как встает и рассказывает ему и всем остальным, что она представляет себе, как лежит в объятиях убийцы на солнышке на

камне, а на них со стороны фьорда надвигаются грозовые тучи. Но это не значило, что она не любит Андерса. Она сказала «да». Она сказала «да», потому что любит его.

Глава 35

– Ты помнишь, как мы в первый раз увидели друг друга? – спросил Симон, поглаживая руку Эльсе, лежащую на одеяле.

Два других пациента в палате спали каждый за своей ширмой.

– Нет, – улыбнулась Эльсе, и он представил себе, как под повязкой сверкнули ее удивительно ясные и чистые глаза. – А ты помнишь. Все нормально, можешь еще раз мне рассказать.

Вместо того чтобы просто улыбнуться, Симон тихо засмеялся, но так, чтобы она слышала.

– Ты работала в цветочном магазине в Грёнланне. А я зашел купить цветы.

– Венок, – сказала она. – Тебе был нужен венок.

– Ты была такой красивой, что я постарался, чтобы наш разговор продлился дольше, чем надо. И это несмотря на то, что ты была очень молодой. Но за время нашего разговора я сам помолодел. И зашел на следующий день за розами.

– Ты хотел лилии.

– Конечно. Я хотел, чтобы ты думала, что они предназначены другу. Но в третий раз я купил розы.

– И в четвертый.

– В моей квартире было столько цветов, что я едва мог дышать.

– Они все были для тебя.

– Они все были для *тебя*. Я просто их хранил. И я пригласил тебя в ресторан. Я за всю жизнь так не боялся.

– Ты казался таким грустным, что я не смогла отказать.

– Этот трюк всегда срабатывает.

– Нет, – засмеялась она. – Ты действительно был грустным. Но я увидела твои печальные глаза. Прожитую жизнь. Знакомство с меланхолией. А против такого молодая женщина устоять не может, понимаешь ли.

– Ты всегда говорила, что тебя привлекли мое здоровое тело и способность слушать.

– Нет, я так не говорила! – Эльсе засмеялась еще громче, и Симон стал хохотать вместе с ней.

Он был рад, что она не может видеть его в этот момент.

– В первый раз ты купил венок, – тихо произнесла она. – И подписал

карточку, посмотрел на нее, выбросил и написал другую. А после твоего ухода я вынула первую карточку из мусорного ведра и прочитала. На ней было написано: «Любви всей моей жизни». Именно поэтому у меня проснулся интерес.

– Да? А разве тебе не хотелось заполучить мужчину, который еще не встретил любовь всей своей жизни?

– Я хотела заполучить мужчину, который умеет любить, по-настоящему любить.

Он кивнул. За прошедшие годы они так часто рассказывали друг другу эти истории, что знали наизусть свои реплики, реакции и словно бы настоящее удивление. Однажды они поклялись рассказывать друг другу все, абсолютно все, и после того, как сделали это, как проверили друг друга на переносимость правды, эти истории стали крышей и стенами, поддерживающими их дом.

Она сжала его руку.

– А ты это умел, Симон. Ты умел любить.

– Потому что ты восстановила меня.

– Ты сам восстановился. Это ты бросил играть, а не я.

– Ты была моим лекарством, Эльсе. Без тебя...

Симон сделал вдох и понадеялся, что она не услышит, как он дрожит. Потому что он не мог заходить сегодня на эту территорию. Он не мог снова рассказывать историю своей игромании и долга, в выплату которого ему пришлось втянуть и ее. Он совершил непростительное, он заложил их дом за ее спиной. И проиграл. А она его простила. Не разозлилась, не съехала, оставив его жариться в собственном жиру, не выдвинула ультиматума. Она просто погладила его по щеке и сказала, что прощает. Он плакал, как ребенок, и в тот раз стыд выжег всего его изнутри: выжег жажду ощущать пульс жизни на границе между надеждой и страхом, где все поставлено на карту и может быть выиграно или проиграно, где мысль о катастрофическом решающем поражении почти – *почти* – настолько же возбуждает, как мысль о выигрыше. Это правда, он тогда остановился. Он больше никогда не играл, даже на пиво, и это его спасло. Спасло их. Как и то, что они рассказывали друг другу абсолютно все. Потому что осознание, что он обладает самодисциплиной и мужеством быть честным с другим человеком, что-то с ним сделало, подняло его как мужчину и как человека, да, и, может быть, подняло больше, чем если бы он был человеком, не подверженным никаким порокам. И возможно, поэтому полицейский в нем перестал считать всех преступников заведомо неисправимыми и, прямо противореча его огромному опыту, стал сторонником предоставления

любому человеку еще одного шанса.

– Мы похожи на Чарли Чаплина и цветочницу, – сказала Эльсе. – Если прокрутить задом наперед.

Симон вздрогнул. Слепая цветочница приняла попрошайку за богатого господина. Симон не помнил, каким образом попрошайке удалось вернуть ей зрение, но помнил, что потом тот не решался признаться цветочнице, кто он на самом деле, – боялся, что, узнав правду, она не захочет с ним общаться. Но когда цветочница во всем разобралась, она не перестала его любить.

– Пойду разомнусь немного, – сказал он, вставая.

Других людей в коридоре не было. Симон какое-то время смотрел на табличку на стене с изображением перечеркнутого красной линией мобильного телефона, потом достал мобильный и отыскал в нем номер. Многие считают, что если послать электронное письмо с телефона, пользуясь адресом на «хотмейле», то полиция не сможет отследить номер телефона, с которого было отправлено это письмо. Ошибка. Номер вычислить легко. Казалось, что сердцу не хватает места в груди, что оно уже бьется о ключицы. Делать звонок не было никакой необходимости.

– Да?

Голос. Чужой, но тем не менее до странности знакомый, как эхо из далекого, нет, *близкого* прошлого. Сын. Симону пришлось пару раз кашлянуть, чтобы связки смогли издать звуки:

– Я должен встретиться с тобой, Сонни.

– Было бы здорово...

Здорово? И все же в его голосе не было иронии.

– ...но я не долго пробуду здесь.

Здесь? В Осло, в стране? Или здесь, на земле?

– Что ты будешь делать? – спросил Симон.

– Думаю, ты знаешь.

– Ты найдешь и накажешь тех, кто стоял за всем этим. Тех, за кого ты отсидел. Тех, кто отнял жизнь у твоего отца. А потом ты найдешь крота.

– Времени у меня не много.

– Но я могу помочь тебе.

– Спасибо большое, Симон, но лучшее, что ты можешь сделать для того, чтобы помочь мне, – это поступать так, как ты поступал до сих пор.

– Да? Это как?

– Не останавливай меня.

Возникла пауза. Симон прислушивался к звукам на заднем плане, которые могли рассказать ему, где находится парень. Он слышал тихий

ритмичный стук и какие-то выкрики или вопли.

– Думаю, ты хочешь того же, что и я, Симон.

Симон вздрогнул:

– Ты меня помнишь?

– Мне надо идти.

– Мы с твоим отцом...

Но связь уже прервалась.

– Спасибо, что приехал.

– Да не за что, друг мой, – сказал Пелле, глядя на парня в зеркало заднего вида. – Таксометр у таксиста работает всего тридцать процентов рабочего времени, поэтому и мне, и моему банковскому счету было приятно, что ты позвонил. Куда господин желает?

– В Уллерн.

В последний раз, когда Пелле возил парня, тот взял его визитку. Случалось, пассажиры брали его визитку, если оставались довольны поездкой, но они не звонили. Слишком легко вызвать такси по телефону или поймать на улице. И почему парень решил позвонить именно Пелле, заставив его приехать из Гамлебюена в Квадратуру и забрать его от сомнительной гостиницы «Бисмарк», он понятия не имел.

На мальчишке был хороший костюм, и Пелле сначала его не узнал. Что-то в нем изменилось. У него была та же красная спортивная сумка и еще «дипломат». Когда он бросил сумку на заднее сиденье, из нее донесся резкий металлический звук.

– На фотографии ты выглядишь счастливее, – сказал парень. – Это ты с женой?

– А, это, да, – ответил Пелле, заметив, что краснеет.

Раньше никто не комментировал эту фотографию, он ведь прикрепил ее слева, низко от руля, чтобы клиенты ее не видели. И только парень заметил, что они счастливы. Что *она* счастлива. Он выбирал не лучшую из их совместных фотографий, а ту, на которой она выглядела счастливой.

– Наверное, она готовит на ужин котлеты, – сказал он. – А потом мы прогуляемся по парку Кампенпаркен. Там, наверху, в такие жаркие дни чертовски хороший бриз, знаешь ли.

– Звучит неплохо, – сказал парень. – Встретить женщину, с которой можешь разделить жизнь, – это дар, правда?

– Ага, – ответил Пелле, глядя в зеркало заднего вида. – Ты сказал истинную правду.

Обычно он предоставлял пассажиру право вести беседу. Ему

нравилось принимать участие в жизни других то непродолжительное время, что длится поездка на такси. Дети и семья. Работа и ипотека. Украдкой ненадолго взглянуть на большие и маленькие семейные радости и заботы, вместо того чтобы говорить о себе, как любили делать другие таксисты. Но между ним и парнем удивительным образом установились доверительные отношения. Да, ему просто-напросто нравилось разговаривать с этим молодым человеком.

– А как насчет тебя? – спросил Пелле. – Девушку встретил?

Парень с улыбкой покачал головой.

– Как? Никого, из-за кого бы сердечко забилося чаще?

Парень кивнул.

– Да? Хорошо тебе, друг мой. И ей.

Голова парня задвигалась вдоль другой оси.

– Нет? Только не говори, что девчонке ты не нравишься. Ты, конечно, выглядел не слишком шикарно, когда стоял у стены и блевал, но сегодня, в этом костюме и со всем таким...

– Спасибо, – сказал парень. – Но боюсь, мне ее не получить.

– Почему? Ты сказал ей, что любишь?

– Нет. А надо было?

– Все время, несколько раз в день. Думай об этом, как о кислороде, он не перестает быть вкусным. Я люблю тебя, я люблю тебя. Попробуй, и ты поймешь, что я имею в виду.

Какое-то время на заднем сиденье было тихо. Потом послышалось покашливание.

– А как... как можно узнать, что человек тебя любит, Пелле?

– Ты просто знаешь. Сумма всех мелочей, которые трудно определить. Любовь окутывает тебя, как облако пара, понимаешь ли. Ты не видишь капель, но тебе становится тепло. И влажно. И чисто. – Пелле рассмеялся, смущенный и одновременно гордый своими словами.

– И ты по-прежнему купаешься в ее любви, как в облаке, и каждый день говоришь ей, что любишь?

У Пелле создалось ощущение, что все эти вопросы не спонтанные, что парень обдумывал их, прежде чем задать Пелле, что дело было в их с женой фотографии. Наверное, он заметил ее в те два раза, когда ездил на его такси.

– Да, – сказал Пелле и почувствовал, что у него что-то появилось в горле, комок или что-то подобное.

Он громко кашлянул и включил радио.

Дорога до Уллерна заняла пятнадцать минут. Парень дал Пелле адрес

одной из улиц, идущих по району Уллерносен между гигантскими деревянными домами, больше напоминавшими крепости, чем жилища. Асфальт уже успел высохнуть после сегодняшнего дождя.

- Остановитесь здесь, пожалуйста.
- Но ворота дальше.
- Здесь нормально.

Пелле подъехал к поребрику. Участок был обнесен высокими белыми стенами, посыпанными сверху осколками стекла. Огромный двухэтажный каменный дом стоял на холме посреди большого сада. С террасы перед домом доносилась музыка, во всех окнах горел свет. Сад тоже был залит светом. Перед воротами стояло двое крупных широкоплечих мужчин в черных костюмах, один держал на поводке большую белую собаку.

– На праздник собрался? – спросил Пелле, шевеля больной ногой: время от времени у него случались приступы боли.

Парень покачал головой:

- Меня сюда не приглашали.
- Знаешь тех, кто здесь живет?
- Нет, мне дали адрес, когда я сидел в тюрьме. Близнец. Слышал о таком?

– Нет, – ответил Пелле. – Но поскольку ты его не знаешь, я могу сказать, что несправедливо владеть такими богатствами. Только посмотри на дом! Это ведь Норвегия, не США или Саудовская Аравия. Мы, нагромождение ледяных камней на севере, всегда имели то, чего не было у других стран. Некое равенство. Некую справедливость. А теперь мы скоро и это сами у себя отнимем.

Из сада донесся собачий лай.

- Думаю, ты умный человек, Пелле.
- Ну уж не знаю. А почему ты сидел в тюрьме?
- Чтобы обрести мир.

Пелле изучал в зеркало лицо парня. Казалось, он видел его где-то еще, не только в салоне своего автомобиля.

- Поехали отсюда, – сказал парень.

Пелле снова посмотрел в лобовое стекло и увидел, что мужчина с собакой двигается в их сторону. Оба смотрели на такси, оба представляли собой груды мышц, запакованных в оболочку, так что шли они, переваливаясь.

– Ладно, – сказал Пелле и включил поворотник, сигнализируя, что отъезжает от поребрика. – Куда едем?

- Ты попрощался с ней?

- Что?
- Со своей женой.

Пелле заморгал, глядя на приближающегося мужчину с собакой. Своим вопросом парень словно ударил его в живот. Он снова посмотрел на него в зеркало. Где он его раньше видел? Пелле услышал рычание. Собака уже сгруппировалась для прыжка. Он возил парня раньше, все просто, наверное, поэтому. Воспоминание о воспоминании. И она теперь тоже стала такой.

- Нет, – произнес Пелле, покачав головой.
- Значит, это была не болезнь?
- Да.
- Несчастный случай?

Пелле сглотнул:

- Да. С машиной.
- Она знала, что ты ее любил?

Пелле открыл рот, но понял, что не в состоянии что-либо произнести, поэтому просто кивнул.

- Мне очень жаль, что ее у тебя забрали, Пелле.

Ему на плечо легла рука парня, и тепло от нее полилось к груди, животу, рукам и ногам.

- Теперь нам пора ехать, Пелле.

Пелле только сейчас заметил, что сидит с закрытыми глазами, и когда он их открыл, мужчина с собакой уже обходил машину сбоку. Пелле надавил на газ, отпуская сцепление, и услышал, как собака заходится лаем им вслед.

- Куда едем?
- Навестим человека, виновного в убийстве, – ответил парень, прижимая к себе красную сумку. – Но сначала кое-что доставим.

- И кому?

Парень улыбнулся странной грустной улыбкой.

- Той, чью фотографию я хотел бы прикрепить к торпеде своей машины.

Марта стояла у кухонного стола и переливала содержимое кофеварки в термос. Она пыталась не слушать, что говорит свекровь. Пыталась разобраться, о чем говорят другие гости в комнате. Но это было невозможно: ее голос был настойчивым, *требовательным*.

- Андерс – чувствительный мальчик, понимаешь. Намного чувствительнее тебя. Из вас двоих сильная – это ты. Поэтому ты должна...

Какая-то машина подъехала и остановилась у ворот. Такси. Из него вышел мужчина в элегантном костюме с «дипломатом» в руках.

Сердце ее замерло. Это был он.

Он открыл ворота и направился по короткой гравийной дорожке к входной двери.

– Простите, – сказала Марта, со стуком поставила термос в раковину и попыталась сделать вид, что покидает кухню без спешки.

Ей надо было пройти всего несколько метров, и все же она запыхалась, но распахнула дверь до того, как он успел позвонить.

– У нас гости, – просипела она, приложив руку к груди. – А тебя разыскивают. Что тебе надо?

Он смотрел на нее своими чертовыми ясными зелеными глазами. Без бровей – их он удалил.

– Я хочу попросить прощения, – сказал он. Тихо, спокойно. – И хочу отдать тебе это. Для пансиона.

– Что это? – спросила Марта, глядя на «дипломат», который он ей протягивал.

– Это ремонт, на который у вас нет денег. Ну, во всяком случае, какая-то его часть...

– Нет! – Марта бросила взгляд через плечо и понизила голос: – Да что с тобой случилось? Ты действительно считаешь, что я прикоснусь к твоим кровавым деньгам? Ты убивал. Те сережки, что ты мне подарил... – Марта поежилась, покачала головой и почувствовала, как у нее полились маленькие злые слезы. – Они принадлежали... женщине, которую ты *убил*!

– Но...

– Уходи!

Он кивнул и спустился на ступеньку вниз.

– Почему ты не рассказала обо мне полиции?

– А кто сказал, что не рассказала?

– Почему нет, Марта?

Она переминалась с ноги на ногу, услышав, как в гостиной подвинули стул.

– Может быть, я хотела, чтобы ты рассказал мне, почему убил тех людей.

– А если бы узнала, это бы что-то изменило?

– Не знаю. Изменило бы?

Он пожал плечами:

– Если хочешь заявить обо мне в полицию, то сегодня ночью я буду в доме моего отца. Потом я исчезну.

– Зачем ты мне это рассказываешь?
– Потому что я хочу, чтобы ты пошла со мной. Потому что я люблю тебя.

Она заморгала. Что он такое сказал?

– Я люблю тебя, – медленно повторил он.

Казалось, он с удивлением пробует на вкус собственные слова.

– Господи, – растерянно простонала Марта. – Ты с ума сошел!

– Я ухожу.

Он повернулся к такси, ждавшему его с включенным двигателем.

– Подожди! Куда ты?

Он повернулся и криво улыбнулся:

– Кое-кто рассказывал мне о красивом городе на континенте. До него далеко ехать в одиночку, но...

Он явно хотел сказать что-то еще, и она ждала. Ждала и молила, чтобы он сказал это. Она не знала, что именно, просто знала, что, если он произнесет правильные слова, скажет ключевое слово, она освободится. Но это он, он должен сказать, он должен знать, что это за слова.

Вместо этого он поклонился ей, развернулся и пошел к воротам.

Марта хотела прокричать что-нибудь ему вслед, но что? Полный бред. Идиотская мечта. То, чего не существовало, чего не могло существовать в ее реальной жизни. Реальное было там, по другую сторону порога, в гостиной за ее спиной. Она закрыла дверь, повернулась и оказалась лицом к лицу с разъяренным Андерсом.

– Отойди.

– Андерс, не...

Он оттолкнул ее в сторону, распахнул дверь и выбежал наружу.

Марта вскочила на ноги и вышла на крыльцо как раз вовремя, чтобы увидеть, как Андерс хватается его и бьет по голове. Но он, наверное, слышал приближение Андерса, потому что нырнул под его руку, повернулся в своеобразном пируэте и крепко обхватил Андерса. Тот яростно вопил «я убью тебя!», пытался вырваться, но хватка была железной, и он оказался беспомощным. И так же неожиданно парень выпустил Андерса. Тот удивленно посмотрел на стоящего перед ним соперника, руки которого пассивно повисли. Потом поднял руку для нанесения удара. И ударил. Поднял руку для нового удара. Ударил. Никаких звуков не было. Мертвые, глухие удары костяшек по мясу и кости.

– Андерс! – закричала Марта. – Андерс, прекрати!

На четвертом ударе кожа на скуле парня лопнула. На пятом он повалился на колени.

Дверь со стороны водителя такси открылась, и шофер начал выползать наружу, но парень поднял руку, давая ему знак не вмешиваться.

– Чертов трус! – орал Андерс. – Соблазнитель хренов!

Парень поднял голову, как будто хотел помочь Андерсу, и подставил ему неповрежденную скулу. Андерс ударил. Голова парня отлетела назад, и он начал падать, раскинув руки в стороны, как футболист, радостно скользящий на коленях. Наверное, до его лба дотянулась подошва ботинка Андерса, потому что из длинной раны у края волос полилась кровь. И в тот момент, когда он коснулся плечами гравия и пиджак у него съехал в сторону, Андерс приготовился нанести следующий удар, но остановился. Он смотрел на ремень парня, видя то же, что и Марта: пистолет. Сверкающий серебристый пистолет, заткнутый за пояс брюк, который пребывал там все время, но к которому парень не притронулся.

Марта опустила руку на плечо Андерса, и он вздрогнул, словно проснувшись.

– Иди в дом, – сказала она. – Сейчас же.

Он взглянул на нее, растерянно моргая, а потом повиновался и прошел мимо нее к лестнице, на которую уже высыпали остальные гости.

– Идите в дом! – прокричала им Марта. – Это клиент «Илы», я им займусь. Все в дом!

Она опустилась на корточки рядом с парнем. Кровь текла со лба вдоль носа. Он дышал открытым ртом.

Настойчивый требовательный голос с крыльца:

– Но разве это необходимо, Марта, дорогая, ты же уволишься теперь, когда вы с Андерсом...

Марта закрыла глаза и задействовала мышцы живота:

– Заткнитесь и убирайтесь все в дом, и вас это тоже касается!

Вновь открыв глаза, она увидела, что он улыбается. Потом он прошептал окровавленными губами так тихо, что ей пришлось наклониться к нему:

– Он прав, Марта. Человек *может* почувствовать, что любовь очищает.

Он поднялся, постоял, пошатываясь, и поковылял к воротам и такси.

– Подожди! – закричала она и схватила «дипломат», оставленный на гравиевой дорожке.

Но такси уже ехало по дороге, ведущей в темноту, которая начиналась за районом частных вилл.

Глава 36

Ивер Иверсен покачивался на пятках и крутил в руках пустой бокал из-под мартини. Он разглядывал гостей праздника, собравшихся в группы на окрашенной в белый цвет террасе и в гостиной дома. Гостиная имела размеры среднего бального зала и была обставлена со вкусом человека, которому не нужно в ней жить. «Дизайнеры интерьеров с неограниченным бюджетом и ограниченным талантом», как любила говорить Агнете. Мужчины надели смокинги, как и было указано в приглашении. Женщины находились в очевидном меньшинстве, и это делало присутствующих еще более привлекательными. Ослепительно красивые, возбуждающе молодые, представляющие собой интересную этническую смесь. Высокие разрезы, обнаженные спины и глубокие декольте. Элегантные, экзотичные, импортированные. Истинная красота всегда редкость. Ивер Иверсен не удивился бы, если бы кто-нибудь провел по гостиной снежного барса.

– Кажется, собрались все без исключения финансисты Осло.

– Только те, кого это не особенно волнует, – сказал Фредрик Ансгар, поправил бабочку и глотнул из своего бокала фирмы «GT». – Или те, кто не разъехался по летним виллам.

Нет, подумал Ивер Иверсен. Если у них есть какие-нибудь претензии к Близнецу, они приехали в город. Они бы не смогли иначе. Близнец. Он посмотрел на большого человека, стоявшего у пианино. Он мог бы служить моделью для портрета идеального рабочего на советских пропагандистских плакатах или для скульптур в парке Вигеланда. Все у него было большим, солидным, четко очерченным: голова, руки, пальцы, ноги. Высокий лоб, мощный подбородок, полные губы. Крупный человек, с которым он разговаривал, имел рост больше метра восьмидесяти, но рядом с Близнецом казался карликом. Ивер смутно припоминал его. Один глаз его был закрыт повязкой. Наверняка видел его лицо в финансовых газетах.

Иверсен схватил следующий бокал мартини с подноса официанта, курсировавшего по гостиной. Он знал, что этого делать не стоило, что он уже пьян. Но ему было плевать, он ведь как-никак горюющий вдовец. Хотя он понимал, что из-за этого и не стоило. Он мог начать говорить то, о чем потом будет сожалеть.

– Знаешь, как Близнец получил свое прозвище?

– Мне рассказывали эту историю, – сказал Фредрик.

– Я слышал, что его брат утонул и что это был несчастный случай.

– Несчастный случай? В ведре с водой?

Фредрик рассмеялся и обернулся вслед чернокожей красавице, проплывшей мимо них.

– Смотри-ка, – сказал Ивер. – Даже епископ пришел. Интересно, как он попал в сети.

– Да, приятное общество. А правда, что он заполучил начальника тюрьмы?

– Позволь мне сказать так: на этом дело не кончается.

– Полиция?

Ивер не ответил.

– И насколько высоко?

– Ты еще молод, Фредрик, и, несмотря на то что ты во внутреннем круге, ты еще не настолько привязан к нему, что не можешь отступить. Но чем больше ты знаешь, тем крепче ты вязнешь во всем этом, Фредрик, поверь мне. Если бы я мог изменить...

– А что с Сонни Лофтхусом? И Симоном Кефасом? Проблема решается?

– Да-да, – ответил Ивер и уставился на маленькую худенькую девушку, одиноко сидящую у барной стойки.

Тайка? Вьетнамка? Такая молодая, красивая и наряженная. Проинструктированная. Такая напуганная и незащищенная. Совсем как Май. Он почти что сочувствовал тому полицейскому. Теперь он тоже попался в сети, тоже продал душу за любовь к молодой женщине, и, как и Иверу, ему предстояло познать унижение. Ивер, во всяком случае, надеялся, что он успеет познать его до того, как Близнец сделает то, что нужно. Опередит Симона Кефаса. Озерцо в Эстмарке? Может быть, у них с Лофтхусом даже будут разные озера.

Ивер Иверсен закрыл глаза и подумал об Агнете. Ему хотелось запустить бокалом в стену. Вместо этого он одним глотком осушил его.

– Операционный центр компании «Теленор». Служба помощи полиции.

– Добрый вечер, это комиссар Симон Кефас.

– Я вижу это по номеру, с которого вы звоните. Как и то, что вы находитесь где-то в районе больницы Уллевол.

– Я потрясен. Но я бы хотел отследить по номеру другой телефон.

– Полномочия имеются?

– Это срочное дело.

– Хорошо. Я доложу об этом завтра, и вы пообщаетесь с полицейским

адвокатом. Имя и номер?

- У меня есть только номер.
- И вы хотите?
- Чтобы вы локализовали телефонный аппарат.
- Мы можем только сказать, где приблизительно он находится. А если телефон не используется, то нашим базовым станциям может потребоваться время на то, чтобы обнаружить его сигнал. Это происходит автоматически раз в час.
- Я могу набрать номер, тогда у вас будет сигнал.
- Значит, этому человеку необязательно не знать, что его телефон отслеживают?
- Я несколько раз набирал его номер в течение последнего часа, и он не отвечает.
- Хорошо. Давайте номер, позвоните на него, и я посмотрю, что мы можем сделать.

Пелле остановился на пустынной гравиевой дороге. С левой стороны находился обрыв к реке, сверкающей в лунном свете. От гравиевой дороги к шоссе вел узкий мост, по которому они только что проехали. Справа было поле, засеянное зерновыми, оно колыхалось и волновалось под черными тучами, летящими по небу, похожему на негатив светлого летнего небосвода, откуда всего несколько часов назад ярко светило солнце. Дальше по дороге, в лесу перед ними, находился пункт назначения – большая вилла, огороженная белым забором из штакетника.

– Надо было мне отвезти тебя в больницу, чтобы тебя подштопали, – сказал Пелле.

– Все нормально, – ответил парень и положил крупную купюру на подлокотник между передними сиденьями. – И спасибо за платок.

Пелле посмотрел в зеркало. Парень обвязал лоб платком, который уже пропитался кровью.

– Да ладно тебе. Я отвезу бесплатно. Наверняка здесь, в Драммене, есть больница.

– Может быть, завтра съезжу, – произнес парень и взял красную сумку. – Но сначала я должен нанести визит одному человеку.

– А это безопасно? Ты вроде говорил, что он кого-то убил?

Пелле бросил взгляд на пристроенный к вилле гараж. Так много места, а отдельного гаража нет. Наверняка хозяину нравятся американские постройки. Бабушка Пелле жила в поселке норвежских эмигрантов, где у самых фундаменталистских американских мечтателей были не только дома

с крытыми галереями по периметру, звездно-полосатыми флагами и американскими машинами в гараже, но и 110-вольтная подстанция, так что они могли пользоваться своими музыкальными автоматами, тостерами и холодильниками, купленными в Техасе или унаследованными от дедушки из Бей-Риджа, Бруклин.

– Сегодня вечером он никого не убьет, – сказал парень.

– Ну ладно, – ответил Пелле. – Может, тебя подождать? До Осло ехать полчаса, а вызов этих новых такси за пределы города стоит целое состояние. Я выключу таксом...

– Большое спасибо, Пелле. Но для нас обоих будет лучше, если ты не станешь свидетелем того, что здесь случится. Понимаешь?

– Нет.

– Хорошо.

Парень вышел из машины, остановился и посмотрел на Пелле. Пелле пожал плечами и стал отъезжать. Под колесами заскрипел гравий. Пелле следил за парнем в зеркале. Тот постоял на месте, а потом внезапно исчез, поглощенный лесным мраком.

Пелле остановил машину. Он сидел и смотрел в зеркало заднего вида. Исчез. Как и она.

Это сложно понять. Люди, которые просто существуют, составляют часть твоей жизни, вдруг могут испариться, и ты их больше никогда не увидишь. Только во сне. В хорошем сне. Потому что в тревожных снах он ее не видел. В тревожных снах он видел только пустую дорогу и фары движущегося навстречу автомобиля. В тревожных снах ему, Пелле Гранеруду, многообещающему гонщику, не удавалось среагировать, не удавалось совершить простые маневры, которые позволили бы избежать столкновения с пьяным водителем, выехавшим на встречную полосу. Вместо того чтобы совершить действия, которые он ежедневно выполнял на тренировках, он ошелбенел. Он знал, что может потерять то единственное, что терять нельзя. Не свою собственную жизнь, а две принадлежавшие ему жизни. Две жизни, которые он только что забрал из роддома и которые должны были стать его новой жизнью. Которая только что началась. Отец. Он успел побыть отцом три дня. А когда он очнулся, то оказался в той же больнице. Сначала ему рассказали о повреждениях ноги. Произошло недопонимание, поскольку дежурные сменились и новая смена не получила информацию о том, что его жена и ребенок погибли в аварии. Прошло два часа, прежде чем он узнал об этом. У него была аллергия на морфин, наверняка передавшаяся по наследству, и он день за днем лежал, испытывая мучительные боли, и выкрикивал ее имя. Но она не пришла. И

час за часом, день за днем он начал понемногу усваивать: он никогда, *никогда* больше ее не увидит. И продолжал кричать ее имя. Просто чтобы слышать его. Как назвать ребенка, они решить не успели. И Пелле понял, что только сегодня вечером, когда парень положил руку ему на плечо, он почувствовал, что боль исчезла полностью.

Пелле видел очертания мужчины в белом доме. Тот сидел у большого панорамного окна, не закрытого занавесками. В гостиной горел свет, и мужчина казался выставочным экспонатом. Он будто ждал кого-то.

Ивер увидел, как великан взял с собой человека, с которым разговаривал у пианино, и направился к ним с Фредриком.

– Он с тобой хочет поговорить, а не со мной, – прошептал Фредрик и сдвинулся в сторону, очевидно присмотрев себе в баре что-то русское.

Ивер сглотнул. Сколько лет они с великаном вели совместные дела, находились в одной лодке, делили взлеты и редкие падения, как, например, в то время, когда последствия мирового финансового кризиса слегка плеснули на норвежский берег? И все равно, наблюдая за приближением великана, он напрягся, почти испугался. Говорили, что великан жмет вес в полтора раза больше собственного. И не один раз, а десять подряд. Но одно дело его устрашающая внешность, и совсем другое – знать, что абсолютно все сказанное тобой, каждое слово, каждая интонация, в том числе – или в особенности – произвольная, доходит до него. Вдобавок к тому, что ты говорил языком тела, цветом лица и движением зрачков, разумеется.

– Так, Ивер, – произнес низкочастотный громкий голос. – Как дела? Агнете. Тяжело, да?

– Ну да, – ответил Ивер, пытаясь найти официанта.

– Я хотел, чтобы ты познакомился с моим знакомым, поскольку у вас есть кое-что общее. Вы оба недавно овдовели...

Мужчина с повязкой на глазу протянул руку.

– ...благодаря одному и тому же убийце, – закончил великан.

– Ингве Морсанд, – произнес мужчина, пожимая руку Ивера. – Соболезную.

– И я вам, – ответил Ивер Иверсен.

Значит, вот почему лицо мужчины показалось ему знакомым. Это судовладелец, супруг женщины, у которой отпилили половину черепа. Какое-то время он был главным подозреваемым у полиции, пока на месте преступления не была найдена ДНК Сонни Лофтхуса.

– Ингве живет совсем рядом с Драмменом, – сказал великан. – И сегодня вечером мы арендуем его дом.

– Как?
– Мы сделали из него мышеловку. Мы поймаем убийцу Агнете, Ивер.
– Близнец хочет сказать, многое говорит в пользу того, что Сонни Лофтхус попытается там напасть на меня сегодня вечером, – рассмеялся Ингве Морсанд, оглядываясь в поисках чего-то. – Я поставил против. А ты не мог бы попросить своих официантов подать нам что-нибудь покрепче этого мартини, Близнец?

– Это следующий логический шаг Сонни Лофтхуса, – произнес великан. – К счастью, он действует настолько систематично и предсказуемо, что, думаю, я у тебя выиграю.

Великан широко улыбнулся. Белые зубы под усами, узкие полоски глаз на мясистом лице. Он опустил гигантскую руку на спину судовладельца:

– И я бы хотел, чтобы ты не употреблял эту кличку, Ингве.

Судовладелец ухмыльнулся и поднял на него глаза:

– Ты имеешь в виду Бли... а-а-а-а...

Открытый рот и недоверчивая застывшая гримаса. Пальцы великана отпустили захват вокруг шеи судовладельца, и тот наклонился вперед и закашлялся.

– На том и порешим, да? – Великан махнул рукой в сторону барной стойки и щелкнул пальцами. – Выпить!

Марта бесцельно тыкала ложкой в морошковый крем, слушая слова, которые летели в нее со всех концов стола. Этот человек доставлял ей неприятности и раньше? Он опасен? Раз он постоялец, значит она снова с ним встретится, господь всемогущий! А парню не может прийти в голову подать в полицию заявление на Андерса за его решительное вмешательство ради ее защиты? Эти наркоманы такие непредсказуемые. Нет, скорее всего, он был под кайфом и ничего не вспомнит. Один из дядюшек заявил, что он похож на фотографию парня, которую показывали по телевидению, потому что его подозревают в убийстве. Как его зовут? Он иностранец? В чем дело, Марта, почему ты не хочешь отвечать? Ну вы же должны понимать, она связана подпиской о неразглашении.

– Я ем морошковый крем, – сказала Марта. – Очень вкусно, вам тоже стоит попробовать. Пойду принесу еще.

На кухне Андерс подошел к ней сзади.

– Я слышал, что он сказал, – прошипел он. – «Я люблю тебя»? Это тот тип из коридора в «Иле». Тот, с которым ты общалась. Что у вас там за делишки?

– Андерс, не...

- Вы трахались?
- Прекрати!
- Во всяком случае, совесть у него нечиста. Иначе он достал бы пистолет. Что ему здесь было надо, хотел застрелить меня? Я позвоню в полицию...
- И расскажешь, как ты начал бить человека по голове, хотя тебе не угрожали?
- А кто это скажет, что мне не угрожали? Ты?
- Или таксист.
- Ты? – Он схватил ее за руку и рассмеялся. – Ты ведь хотела сказать, что расскажешь. Ты бы встала на его сторону против собственного мужчины. Потаскуха хренова...

Она вырвалась. Десертная тарелка упала на пол и разбилась. В гостиной наступила тишина.

Марта вышла в коридор, схватила свое пальто, подошла к двери, остановилась, постояла пару секунд, потом развернулась и прошла в гостиную. Она схватила белую от морошкового крема ложку и постучала ею по жирному бокалу, после чего обвела взглядом помещение и поняла, что это было лишним: она и так привлекла к себе всеобщее внимание.

– Дорогие друзья и родственники, – произнесла она. – Я только хочу сказать, что Андерс был прав. Мы просто не сможем дождаться лета...

Симон выругался. Он припарковался посреди Квадратуры и разглядывал на карте города сектор, где, по информации службы содействия полиции «Теленора», находился мобильный телефон. Телефон, с которого Сонни Лофтхус посылал ему сообщения. Симон уже знал, что телефон с картой, пополняемой наличными деньгами, зарегистрирован на Хельге Сёренсена. Логично было воспользоваться документами больного надзирателя.

Но где он может быть?

В сектор попадала всего пара кварталов, но это были самые густонаселенные кварталы Осло. Магазины, офисы, отели, квартиры. Симон вздрогнул, услышав стук в боковое стекло, и увидел ярко накрашенную пышную девушку в шортах и корсете, в который едва уместалась грудь. Он покачал головой. Она скорчила язвительную гримасу и отошла. Симон забыл, что находится в самом проститутском районе города, а одинокого мужчину в припаркованном автомобиле легко принять за клиента. Минет в машине, в номере, снятом на десять минут в «Бисмарке», или стоя у стены крепости Акерсхус. Он бывал здесь. Симон

не гордился этим фактом, но раньше он иногда был готов заплатить за непродолжительное человеческое общение, за то, чтобы услышать голос, произносящий «я люблю тебя». Последнее попадало в категорию «особые услуги» и стоило на две сотни дороже.

Он еще раз набрал номер, осматривая людей, проходивших в обе стороны по тротуару, в надежде, что один из них схватит телефон и выдаст себя. Симон вздохнул, нажал кнопку сброса и посмотрел на часы. Во всяком случае, телефон находится в том же месте, и это должно означать, что Сонни спокоен и сегодня вечером не собирается делать ничего ужасного. Так почему же у Симона было чувство, что это не так?

Бу сидел в чужой гостиной и пялился в большое панорамное окно. Позади него находилась яркая лампа, направленная в окно, чтобы те, кто увидит его снаружи, могли разглядеть только силуэт, но не детали. И будем надеяться, Сонни Лофтхус имеет слабое представление о телосложении Ингве Морсанда. Бу думал о том, что вот так, именно так и сидел Сильвестр. Хороший, глупый, преданный, шумный Сильвестр. А этот дьявол пришел его. Как – они уже, наверное, никогда не узнают. Потому что не будет никаких допросов, никаких пыток, где Бу смог бы отомстить и насладиться своей местью, как наслаждаются бокалом рецины с привкусом смолы, которого многие не выносят, а для Бу он был вкусом детства, Телендоса, друзей, качающейся на волнах лодки, на дне которой он лежал, смотрел на вечно голубое греческое небо и слушал, как волны и ветер дуэтом поют свою песню. Он услышал щелчок в правом ухе:

- Внизу на дороге остановилась машина и развернулась.
- Кто-нибудь вышел? – спросил Бу.

Наушник, провод и микрофон были совершенно незаметными против света, если смотреть снаружи.

- Мы не разглядели, но машина удаляется. Может, не туда заехала.
- Хорошо. Все приготовились!

Бу поправил пуленепробиваемый жилет. Не то чтобы Лофтхусу позволили произвести выстрел, но Бу предпочитал перестраховаться. Он поставил двух человек в саду, чтобы они схватили Лофтхуса, когда тот будет входить в ворота или перелезает через забор, и еще одного в коридоре за незапертой входной дверью. Все остальные подъездные пути к дому были наглухо перекрыты. Люди находились здесь с пяти часов и уже чувствовали усталость. А ночь еще только началась. Но мысли о Сильвестре не дадут ему заснуть. Мысли о том, чтобы схватить этого дьявола. Потому что он явится. Если не сегодня ночью, то завтра или

следующей ночью. Бу иногда удивлялся, что великан, человек, в котором было очень мало человеческого, так хорошо знал человеческую натуру. Знал, что движет обычными людьми, каковы их слабости и побудительные мотивы, как они реагируют на прессинг и страх. Обладая определенной информацией о характере, склонностях и уме человека, великан мог предсказать следующий шаг с удивительной или, как обычно говорил он сам, разочаровывающей точностью. К сожалению, великан приказал немедленно убить мальчишку, а не брать его в плен, так что его ожидает быстрое и слишком безболезненное устранение.

Услышав звук, Бу заерзал на стуле. И еще до того, как повернуться, он понял. Понял, что не обладает способностями великана и не мог бы предсказать, что сделает мальчишка. Ни тогда, когда покинул Сильвестра, ни сейчас.

Лоб мальчишки был перевязан окровавленным платком. Он стоял у боковой двери, ведущей в гостиную прямо из гаража.

Как, черт возьми, он попал туда, они же заперли гараж! Наверное, он подошел сзади, со стороны леса. А первое, чему учится умный наркоман, – это как вскрывать замки на запертых гаражных дверях. Но не это самое опасное. Опасным было то, что он держал в руках нечто похожее на «узи», израильский автомат, извергающий девятнадцатимиллиметровые кусочки свинца в девять раз быстрее, чем обычная расстрельная команда.

– Ты не Ингве Морсанд, – произнес Сонни Лофтхус. – Где он?

– Он здесь, – сказал Бу, повернув голову к микрофону.

– Где?

– Он здесь, – повторил Бу немного громче. – В гостиной.

Сонни Лофтхус огляделся и направился к нему. Он держал автомат перед собой, а палец на спусковом крючке. Магазин на тридцать шесть патронов, кажется. Он остановился. Наверное, заметил наушник и провод с микрофоном.

– Ты разговариваешь с другими, – сказал мальчишка и успел отступить на шаг, прежде чем дверь в гостиную рывком распахнулась и в нее ворвался Стан с пистолетом в вытянутой руке.

Бу потянулся к своему «рюгеру» и услышал сухой потрескивающий кашель «узи» и грохот обвалившегося за его спиной панорамного окна. От мебели отскакивали кусочки обивки, от паркетного пола летели щепки. Парень щедро и не очень прицельно поливал из автомата. Но в любом случае «узи» всегда сильнее двух пистолетов, поэтому Бу и Стан бросились на пол за ближайшие к ним диваны. В комнате стало тихо. Бу лежал на спине, держа пистолет обеими руками, на случай если над ним из-за дивана

появится лицо мальчишки.

– Стан! – заорал он. – Возьми его!

Ответа не последовало.

– Стан!

– Сам возьми! – закричал Стан из-за дивана у другой стены. – У него, твою мать, «узи», блин!

В наушнике затрещало:

– Что происходит, шеф?

В тот же миг Бу услышал гудение двигателя резко заведенной машины. Морсанд уехал в Осло, на праздник к Близнецу, на модном «Мерседесе 28 °СЕ купе» модели 1982 года, но автомобиль его жены, чудная маленькая «хонда-цивик», стояла в гараже. Без жены, поскольку Морсанд ее убил, но, видимо, с ключами в зажигании. Наверное, здесь, в деревне, принято именно так поступать с женами и автомобилями. Голоса парней с улицы:

– Он пытается сбежать!

– Дверь гаража открывается!

Бу услышал резкий звук, когда «хонда» сорвалась с места, и стон задыхающегося двигателя. Мальчишка что, совсем любитель? Не может ни стрелять, ни машину водить.

– Возьмите его!

Машина снова завелась.

– Мы слышали что-то насчет «узи»...

– «Узи» или Близнец, your choice!^[34]

Бу поднялся на ноги и подбежал к разбитому панорамному окну как раз вовремя, чтобы увидеть, как машина выскочила из гаража. Нуббе и Евгений встали у ворот. Нуббе яростно палил из своей «беретты», выстрел за выстрелом. Евгений поднял к щеке «Ремингтон 870» со стволом, обрезанным у магазина. Тело его вздрагивало после каждого выстрела. Бу увидел, как лопнуло лобовое стекло, но машина продолжала набирать скорость. Передний бампер ударил Евгения выше колена и перевернул его. Бу смотрел, как он плывет по воздуху, а автомобиль без лобового стекла поглощает его, как касатки поглощают тюленей. «Хонда» проломилла ворота и часть забора, пересекла узкую гравиевую дорогу и поехала по полю с другой стороны от нее. Не снижая скорости, машина прокладывала себе путь, рыча от езды на первой передаче и оставляя след на желтых, купающихся в лунном свете полях, потом совершила поворот с широким радиусом и выбралась на гравиевую дорогу. Двигатель заревел еще громче, когда водитель, судя по всему, стал переключать скорость, не отпустив

педаль газа. Но вот он переключился на вторую, двигатель снова чуть не заглох, но справился, и машина понеслась дальше по гравию и, поскольку водитель не включил фары, вскоре исчезла во мраке.

— В машину! — заорал Бу. — Мы должны поймать его, пока он не доехал до города!

Пелле недоверчиво смотрел вслед «хонде». Он слышал выстрелы и видел в зеркало, как с территории виллы вырвалась «хонда-цивик», разнося в щепки миленький белый заборчик. Он смотрел, как машина прокладывает себе путь по возделанной земле с растущей сельхозпродукцией, на которую выделяются огромные государственные субсидии, а потом снова выезжает на дорогу и продолжает свое сомнительное движение. Парень не был опытным водителем, это точно, но Пелле с облегчением вздохнул, когда в лунном свете разглядел окровавленный платок над рулем за выбитым стеклом. Во всяком случае, парень выжил.

Он услышал крики со стороны виллы.

В тишине летней ночи было слышно, как заряжается оружие.

Раздалось гудение мотора.

Пелле понятия не имел, кто они такие. Парень рассказал ему, правда это или нет, что мужчина с виллы убивал. Убивал, может быть, садясь пьяным за руль, убивал и выходил из тюрьмы. Пелле не знал. Он знал только, что после месяцев и лет, большую часть которых он провел за рулем этой машины, он вернулся. Вернулся в то мгновение, когда мог либо среагировать, либо остолбенеть. Изменить расположение звезд или оставить все как есть. Молодой человек, который не может заполучить ту, что хочет. Пелле провел пальцем по фотографии, прикрепленной рядом с рулем.

Потом он сдвинул машину с места и направился вслед за «хондой». Он спустился с горки и выехал на узкий мост. Наверху, у поля, был виден свет фар, прорезающий тьму. Пелле газанул, ускорился, немного повернул руль вправо, схватился за ручной тормоз, нажал и отпустил педали, быстро и музыкально, как церковный органист, а затем резко заложил руль влево. Машину занесло и развернуло, как и положено. И когда машина остановилась, оказалось, что она прекрасно перекрывает дорогу. Пелле удовлетворенно кивнул: он не совсем утратил мастерство. Потом он выключил двигатель, поставил автомобиль на первую передачу, потянул за ручной тормоз, перелез на пассажирское сиденье и вышел с другой стороны. Он установил, что зазор между машиной и ограждением моста

составляет максимум двадцать сантиметров с каждой стороны. Пелле запер двери одним нажатием на ключ и пошел в сторону шоссе. Он думал о ней, все время только о ней. Могла ли она его сейчас видеть. Видела ли, что он может идти. Он почти не ощущал боли в ноге, только прихрамывал. Возможно, врачи правы. Возможно, ему пора выбросить костыли.

Глава 37

Было два часа, самое темное время летней ночи.

С пустынной смотровой площадки в лесу на холме над Осло Симон видел, как фьорд матово поблескивает под большой желтой луной.

– Ну?

Симон поплотнее закутался в пальто, как будто на улице похолодало.

– Я обычно привозил сюда свою первую большую любовь. Посмотреть на вид. Поцеловаться. Знаешь...

Он увидел, что Кари переминается.

– Нам больше негде было этим заниматься. А много лет спустя, когда я уже был вместе с Эльсе, я привез сюда ее. Несмотря на то, что у нас была квартира и двуспальная кровать. Это казалось таким... романтичным и невинным. Как будто я был так же влюблен, как тогда.

– Симон...

Симон повернулся и еще раз огляделся. Полицейские машины с синими мигалками, оградительные ленты, синяя «хонда-цивик» с разбитым лобовым стеклом и мертвец, лежащий под неестественным, мягко выражаясь, углом на пассажирском сиденье. Здесь было много полицейских. Слишком много. Панически много.

Патологоанатом в кои-то веки прибыл на место преступления раньше Симона. Он считал, что мужчине сломали обе ноги при ударе о машину и он залетел в салон, сломав себе шею о пассажирское сиденье. Медик посчитал довольно странным тот факт, что у погибшего не было царапин на лице и голове от столкновения с лобовым стеклом, пока Симон не поднял дробину с обивки кресла. Симон попросил также провести анализ крови с водительского сиденья, потому что ее следы не соответствовали ранам на ногах трупа.

– Значит, это он нас вызвал? – спросил Симон, кивнув в сторону Осмунда Бьёрнстада, который, размахивая руками, разговаривал с кем-то из криминалистов.

– Да, – ответила Кари. – Поскольку автомобиль зарегистрирован на Эву Морсанд, а она является одной из жертв убийцы Лофтхуса, он хотел...

– Подозреваемого.

– Простите?

– Лофтхус только подозревается в убийстве Морсанд. Кто-нибудь разговаривал об этом с Ингве Морсандом?

– Он говорит, что ничего не знает, сегодня ночью он был в отеле в Осло, а когда он видел автомобиль в последний раз, тот стоял в его гараже. Полиция Драммена считает, что в его доме произошла перестрелка. К сожалению, оттуда далеко до ближайших соседей, поэтому свидетелей нет.

Осмунд Бьёрнстад подошел к ним:

– Теперь мы знаем, кто этот парень на пассажирском сиденье. Евгений Зубов. Старый знакомый. А драмменская полиция утверждает, что в половицах застряло девять умножить на девятнадцать пуль от «люгера», рассеянных веером.

– «Узи»? – спросил Симон, приподнимая бровь.

– Как думаете, что мне сказать журналистам? – спросил Осмунд, указывая себе за спину.

Первые репортеры уже перевешивались через оградительную ленту у дороги.

– Что и всегда, – ответил Симон. – Кое-что, но ничего.

Бьёрнстад тяжело вздохнул:

– Они наседают на нас. Проклятье, мы работать не можем. Я ненавижу их!

– Они тоже делают свою работу, – сказал Симон.

– Он уже практически стал газетной звездой, вы об этом знали? – спросила Кари, когда они стояли и смотрели вслед молодому полицейскому, шедшему навстречу дождю.

– Ну, он стильный следователь, – ответил Симон.

– Я не о Бьёрнстаде. Я о Сонни Лофтхусе.

Симон обернулся и удивленно посмотрел на нее.

– Он звезда?

– Говорят, что он – современный террорист. Что он объявил войну организованной преступности и капитализму. Что он беспощадно вырубает все прогнившее в нашем обществе.

– Но он же сам преступник.

– И это придает истории дополнительный колорит. Вы что, не читаете газеты?

– Нет.

– И к телефону не подходите. Я пыталась до вас дозвониться.

– Я был занят.

– Занят? Весь город стоит на ушах из-за этих убийств, а вас нет ни в офисе, ни на месте преступления. Вы должны мною как бы руководить, Симон.

– Сообщение принято. Что ты хотела?

Кари сделала глубокий вдох:

– Я размышляла. Лофтхус – один из очень немногих взрослых людей в этой стране, у кого нет счета в банке, кредитки и жилья. Но мы знаем, что после убийства Калле Фиррисена у него достаточно наличных для того, чтобы жить в отеле.

– В «Плазе» он платил наличными.

– Вот именно. И я проверила гостиницы. Из двадцати тысяч человек, проводящих в гостиницах Осло каждую ночь, только около шестисот платят наличными.

Симон уставился на нее:

– Можешь выяснить, сколько человек из этих шестисот остановились в районе Квадратуры?

– Э-э-э, да. Вот список гостиниц. – Она вынула свернутую распечатку из кармана пиджака. – А зачем?

Симон одной рукой схватил выписку, а второй нацепил очки. Он развернул лист бумаги и стал скользить по нему глазами, просматривая адреса. Одна гостиница. Две. Три. Шесть. Во многих из них гости расплачивались наличными, особенно в дешевых. И все-таки слишком много имен. А парочки самых дешевых гостиниц здесь вообще не было.

Симон резко прервал чтение.

Дешевые.

Женщина, постучавшая в боковое окно. Свидание в машине, у крепости или... в «Бисмарке». Городской публичный дом. Прямо посреди Квадратуры.

– Я спросила зачем.

– Продолжай работать в этом направлении, а мне надо идти.

Симон направился к машине.

– Подождите! – закричала Кари и преградила ему путь. – Не уезжайте. Что происходит?

– Происходит?

– Вы тут исполняете какой-то сольный номер. Так нельзя.

Кари смахнула с лица прядь волос. Симон увидел, что она устала, как и все.

– Я не знаю, в чем тут дело, – сказала она. – То ли вы хотите спасти положение и стать героем в конце своей карьеры, то ли хотите превзойти Бьёрнстада и Крипос. Но так нельзя, Симон. Это дело слишком важное, и не надо теперь выяснять, кто из больших мальчиков дальше напишет.

Симон пристально посмотрел на нее и наконец медленно кивнул:

– Наверное, ты права. Но возможно, у меня совсем другие причины

поступать так, чем ты думаешь.

– Вы должны рассказать мне, что это за причины.

– Этого я не могу сделать, Кари. Ты просто должна доверять мне.

– Когда мы были у Иверсена, вы сказали, что мне следует подождать в приемной, потому что вы собираетесь нарушить правила. Я не хочу нарушать никаких правил, Симон. Я просто хочу делать свою работу. Так что если вы не расскажете мне, в чем тут дело... – Голос задрожал.

«Точно устала», – подумал Симон.

– ...то мне придется пойти к другому начальнику и объяснить, что происходит.

Симон покачал головой:

– Не делай этого, Кари.

– Почему же?

– Потому, – произнес Симон, поймал ее взгляд и не отпускал. – Крот все еще там. Дай мне двадцать четыре часа. Пожалуйста.

Симон не стал дожидаться ответа. Какая разница. Он прошел мимо нее к машине, чувствуя ее взгляд на своей спине.

По дороге вниз с Хольменколлосена Симон проиграл саундтрек их короткого телефонного разговора с Сонни. Ритмичный стук. Неестественно громкие крики. Тонкие стены публичного дома «Бисмарк». Как он мог не узнать эти звуки?

Симон посмотрел сверху вниз на парня, сидевшего за стойкой портье и изучавшего его полицейское удостоверение. Так много лет прошло, а в «Бисмарке» ничего не изменилось. Кроме парня, тогда его здесь не было. Ну и хорошо.

– Да, я вижу, что вы из полиции, но у меня нет журнала регистрации гостей, который я мог бы вам показать.

– Он выглядит вот так, – сказал Симон и положил на стойку фотографию.

Парень посмотрел на нее и задумался.

– В противном случае мы устроим здесь облаву и прикроем весь ваш гадюшник, – пригрозил Симон. – Как думаешь, что скажет твой папочка, когда узнает, что ты уничтожил его бордель?

Семейное сходство не солгало, и Симон понял, что попал в цель.

– Он на втором этаже, в комнате двести шестнадцать. Вы пойдете...

– Я найду дорогу. Дай мне ключ.

Парень снова замешкался, потом выдвинул ящик, снял с большой связки ключ и протянул его Симону.

– Но мы не хотим никакого шума.

Симон прошел мимо лифта и большими шагами поднялся по лестнице. Продвигаясь по коридору, он прислушивался. Сейчас здесь было тихо. Перед 216-м номером он вынул свой «глок» и положил палец на двойной курок. Бесшумно, насколько мог, вставил ключ в замок, повернул его, встал у дверного проема, держа пистолет в правой руке, и открыл дверь левой. Потом он сосчитал до четырех, быстрым движением заглянул в комнату и снова исчез за дверью. Позволил себе выдохнуть.

Внутри было темно, но шторы не задернуты, и света для того, чтобы разглядеть кровать, хватило.

Она была застелена и пуста.

Симон вошел в комнату и проверил ванную. Зубная щетка и паста.

Он вернулся и, не зажигая света, уселся на совершенно лишний в этом помещении стул у стены. Вынул телефон и набрал номер. Где-то в комнате раздался писк. Симон открыл шкаф. На «дипломате» лежал аппарат, и на дисплее высвечивался его собственный номер.

Симон сбросил звонок и повалился обратно на стул.

Мальчишка сознательно не взял с собой телефон, чтобы его не смогли отследить, но вряд ли он рассчитывал, что кто-то сможет отыскать его в таком густонаселенном районе.

Симон прислушивался к темноте. Прислушивался к часам, отсчитывающим последние минуты.

Маркус еще не спал и потому увидел, как по улице идет Сын.

Маркус держал желтый дом под наблюдением с тех самых пор, как другой человек пришел туда несколько часов назад. Он даже не раздевался, был наготове.

Он узнал походку Сына, идущего по тихой ночной улице. Когда тот проходил под фонарями, их свет гладил его. Он казался усталым, может быть, он шел очень долго, потому что его покачивало. Маркус поймал его в бинокль. На нем был костюм, он держался за бок, а голова его была обвязана окровавленным платком. Что это у него на лице, кровь? Так или иначе, его надо было предупредить. Маркус осторожно открыл дверь в свою спальню, прокрался вниз по лестнице, обулся и побежал к воротам по жиденькой травке на их газоне.

Сын заметил его и остановился у ворот собственного дома.

– Добрый вечер, Маркус. Разве ты не должен сейчас спать?

Спокойный мягкий голос. Могло показаться, что он побывал на войне, но говорил он так, словно рассказывал сказку на ночь. Маркус подумал, что

когда он вырастет и перестанет бояться, то тоже будет говорить таким голосом.

– Вам больно?

– В меня что-то попало, когда я ехал, – улыбнулся Сын. – Не страшно.

– В вашем доме кто-то есть.

– Да? – сказал Сын и посмотрел на черные блестящие окна. – Полиция или бандиты?

Маркус вздрогнул. Он видел фотографию по телевизору. Но еще он слышал, как мама сказала, что бояться нечего, потому что этот человек приходит только к плохим людям. А в «Твиттере» многие им восхищались и писали, что пусть свиньи душат свиней и что жутких насекомых иногда направляют на еще более жутких насекомых.

– Думаю, ни те ни другие.

– Вот как?

Марта проснулась оттого, что в комнату кто-то вошел.

Ей снился сон. Сон о женщине с чердака. О ребенке. Что она видит ребенка, он жив, он все время был там, был заперт в подвале, где постоянно плакал и ждал, когда его выпустят. И вот его выпустили. Он был здесь.

– Марта?

Его голос, его спокойный, чудесный голос, звучал странно.

Она повернулась в кровати и посмотрела на него.

– Ты говорил, что я могу прийти. Никто не открывал, но я ведь знала, где лежит ключ, и...

– Ты пришла.

Она кивнула:

– Я заняла эту комнату, ничего страшного?

Он просто кивнул и уселся на край кровати.

– Матрац лежал на полу, – сказала она, потягиваясь. – Кстати, когда я собиралась положить его на место, с рамы кровати упала тетрадь. Я положила ее на стол.

– Да?

– А что матрац делал на...

– Я под ним прятался, – произнес он, не отводя от нее глаз. – А когда выбирался, то просто сбросил его на пол и оставил там. А что это у тебя?

Он поднял руку, до этого прижатую к боку, и провел по ее уху. Марта, не отвечая, позволила ему прикоснуться к сережке. Дуновение ветра всколыхнуло занавески, которые она нашла в сундуке и повесила. В комнату проник луч лунного света и упал на его руку и лицо. Марта

оцепенела.

– Это не так опасно, как кажется, – сказал он.

– Царапина на лбу – нет. Но у тебя кровь идет из другого места. Откуда?

Он распахнул пиджак и показал. Правая сторона рубашки была пропитана кровью.

– Что это?

– Пуля. Она пробила край бока и прошла насквозь. Совсем не опасно, только небольшое кровотечение, скоро пройдет...

– Тихо, – сказала она, сбросила одеяло, взяла его за руку и повела в ванную.

Не обращая внимания на то, что он видит ее в нижнем белье, она покопалась в аптечке. Нашла «Пирисепт» двенадцатилетней давности, два рулона бинта, вату, маленькие ножницы и бандаж. Потом заставила его раздеться до пояса.

– Как видишь, я просто избавился от кусочка бокового жира, – улыбнулся он.

Марта видела и похуже. Видела и получше. Она промыла раны и заткнула ватой отверстия там, где пуля вошла и вышла. Потом она обвязала его бандажом вокруг пояса, после чего сняла платок с запекшейся крови на лбу, и из царапины сразу потекла свежая кровь.

– У твоей мамы где-нибудь есть портновские ножницы?

– Мне не надо...

– Я сказала, тихо.

Она потратила четыре минуты и сделала четыре стежка, чтобы соединить края пореза.

– Я видел в коридоре «дипломат», – сказал он, когда она бинтовала ему голову.

– Эти деньги не мои. А местные власти выделили достаточно средств на ремонт, так что спасибо. – Она закрепила концы и погладила его по щеке. – Вот так, теперь надо бы...

Он поцеловал ее. Прямо в губы. Потом отпустил.

– Я люблю тебя.

И снова поцеловал ее.

– Я не верю тебе, – сказала Марта.

– Ты не веришь, что я тебя люблю?

– Я не верю, что ты целовался с другими девчонками. Ты ужасно целуешься.

От смеха глаза его заблестели.

– У меня был большой перерыв. Ну и как это было?
– Не надо бояться, что ничего не произойдет. Просто позволь этому произойти. Целуйся *лениво*.

– Лениво?

– Как сонная мягкая анаконда. Вот так.

Марта осторожно обхватила его голову обеими руками и приблизила свои губы к его. И ей внезапно пришла в голову мысль, что все это на удивление естественно, а они похожи на двух детей, играющих в интересную, но невинную игру. Что он доверяет ей. Что она доверяет ему.

– Понимаешь? – прошептала она. – Больше губ, меньше языка.

– Больше сцепления, меньше газа?

Она хихикнула:

– Точно. Пойдем в постель?

– А там что произойдет?

– Посмотрим. Как твой бок? Выдержит?

– Выдержит что?

– Не прикидывайся дурачком.

Он еще раз поцеловал ее и прошептал:

– Ты уверена?

– Нет. Поэтому, если мы будем ждать слишком дол...

– Пойдем в постель.

Ровер поднялся и со стоном распрямил спину. Заработавшись, он не заметил, что тело затекло совсем как в те моменты, когда он занимался любовью с Янне, которая время от времени заходила проверить, «что это он тут делает». Он пытался объяснить, что закручивать гайки и трахать ее – вещи в чем-то похожие: крутишь-крутишь, застыв в одном положении, и не замечаешь ни боли в мышцах, ни времени. Но когда закончишь, наступает *pauback time*^[35]. Сравнение ей понравилось. Но Янне – это Янне.

Ровер вытер руки. Работа была закончена. Напоследок он привернул новую выхлопную трубу к «харлею дэвидсону». Поставил точку над *i*. Словно настройщик, завершивший настройку рояля. И дело не в том, что двадцать лошадиных сил можно получить от выхлопной трубы и очистителя воздуха. Все знают, что выхлопная труба – это прежде всего звук. Надо было добиться рычащего сочного баса, звук которого не похож ни на что другое, известное Роверу. Конечно, он мог бы сейчас повернуть ключ в зажигании и послушать музыку двигателя лишь для того, чтобы получить подтверждение тому, что он уже знал. Или же он мог преподнести себе такой подарок завтра утром. Янне обычно говорила, что никогда не

стоит откладывать хорошее на потом, ведь нет никаких гарантий, что ты проживешь еще один день. Наверное, так Янне и стала Янне.

Ровер стер тряпкой масло с пальцев и пошел в заднюю комнату вымыть руки. Он посмотрел на себя в зеркало. Черные полосы на лице, как у солдата, и золотой зуб. Как обычно, сейчас, когда он закончил, дали о себе знать другие потребности: поесть, попить, отдохнуть. Это лучше всего. Но после проектов вроде нынешнего всегда наступала удивительная пустота: «И что дальше? В чем смысл всего этого?» Ровер отогнал от себя такие мысли и посмотрел на теплую воду, льющуюся из крана. Внезапно он вздрогнул и выключил воду. Из гаража донесся какой-то звук. Янне? Сейчас?

– Я люблю тебя, – сказала Марта.

В одно прекрасное мгновение он остановился – оба они тяжело дышали, разгоряченные и покрасневшиеся, – вытер пот между ее грудями простыней, которую она содрала с матраца, и сказал, что сюда могут прийти, что здесь опасно. А она ответила, что ее не так-то легко напугать, особенно когда она решилась. И кстати, поскольку им сейчас крайне необходимо поговорить, она его любит.

– Я люблю тебя.

И они продолжили.

– Одно дело – перестать снабжать меня оружием, – произнес мужчина, стягивая с руки тонкую перчатку. Ровер никогда не видел руки больше этой. – И совсем другое дело – снабдить оружием моего врага, да?

Ровер попытался высвободиться. Его держали двое мужчин, а третий стоял рядом с великаном, направив пистолет в лоб Роверу. Этот пистолет был ему хорошо знаком, он сам его модифицировал.

– Дать мальчишке «узи» – это все равно что отправить мне визитную карточку, на которой написано, чтобы я убирался в преисподнюю. Ты этого хотел? Послать меня в преисподнюю?

Ровер мог бы ответить. Сказать, что, судя по тому, что ему было известно о Близнеце, именно оттуда он и появился.

Но он этого не сделал. Он хотел пожить еще немного. Еще несколько секунд.

Он смотрел на мотоцикл за спиной у великана.

Янне права. Надо было его завести, закрыть глаза и прислушаться. Ровер мог бы доставить себе больше удовольствий. Факт, очевидный до банальности, и все же непостижимый настолько, что, лишь находясь на

границы, человек осознает, насколько он банален: единственная гарантия, которая есть у человека, – это гарантия того, что он умрет.

Мужчина положил перчатки на рабочий стол. Они были похожи на использованные презервативы.

– Посмотрим... – произнес он, обводя взглядом инструменты, развешенные по стенам. Потом стал поочередно указывать на них пальцем:
– Эники, беники...

Глава 38

На улице начало светать.

Марта лежала, прижавшись к Сонни, переплетя свои ноги с его. Она услышала, как ритм его ровного сонного дыхания нарушился, но глаза его все еще были закрыты. Она провела рукой по его животу и увидела легкую улыбку на его губах.

– Доброе утро, lover boy^[36], – прошептала она.

Он широко улыбнулся, но, когда захотел повернуться к ней, лицо его исказила гримаса.

– Больно?

– Только в боку, – простонал он.

– Крови больше не было, я проверяла пару раз ночью.

– Что? Ты многое себе позволяешь, пока я сплю! – Он поцеловал ее в лоб.

– Мне кажется, вы тоже себе много чего позволили сегодня ночью, господин Лофтхус.

– Не забывай, для меня это было впервые, – сказал он. – Я не знаю, что можно позволить, а что нет.

– Ты так красиво врешь, – произнесла она.

Он рассмеялся.

– Я тут подумала... – сказала Марта.

– Да?

– Давай уедем. Давай уедем прямо сейчас.

Он не ответил, но она заметила, как тело его автоматически напряглось. И Марта почувствовала, как подступают слезы, внезапно и резко, словно вода из прорванной плотины. Сонни перевернулся и обнял ее.

Он подождал, пока утихнут ее рыдания.

– Что ты им сказала? – спросил он.

– Я сказала, что мы с Андерсом не сможем дотерпеть до лета, – фыркнула она. – Что мы должны расстаться прямо сейчас. Что я, по крайней мере, этого хочу. А потом я ушла. Просто на улицу. Побежала на главную дорогу, поймала такси. Я видела, как он бежал за мной вместе со своей чертовой мамашей.

Она громко засмеялась, а потом снова расплакалась.

– Прости, – всхлипнула она, – я такая... такая глупая! Господи. Что я здесь делаю?

– Ты меня любишь, – тихо сказал он в ее волосы. – Вот что ты здесь делаешь.

– И что? Кто захочет любить человека, который убивает людей и делает все для того, чтобы самому оказаться убитым? Знаешь, как тебя называют в Сети? Будда с мечом. У заключенных, с которыми ты сидел, взяли интервью, и они представили тебя как некоего святого. Но знаешь что? – Она вытерла слезы. – Я думаю, что ты такой же смертный, как и другие приходившие и уходившие из «Илы».

– Мы уедем.

– Если мы уедем, то надо сделать это прямо сейчас.

– Осталось еще двое, Марта.

Она покачала головой, из глаз у нее снова полились слезы, и она бессильно ударила его кулаком в грудь.

– Слишком поздно, ты разве не понимаешь? Они идут за тобой, все они.

– Осталось всего двое. Тот, кто решил, что моего отца надо убить и представить все так, будто он был кротом. И крот. И тогда мы уедем.

– Осталось *всего* двое? Ты убьешь *всего* лишь еще двоих человек, а потом сбежишь? Тебе это так легко?

– Нет, Марта. Мне это нелегко. Никто из них не был легким делом. И неправда, когда говорят, что раз за разом становится все легче. Но я должен, я не могу иначе.

– Ты действительно думаешь, что выживешь?

– Нет.

– Нет?

– Нет.

– Нет! Но во имя Господа, почему же ты тогда говоришь...

– Потому что планировать имеет смысл хотя бы ради того, чтобы выжить.

Она замолчала.

Он провел рукой по ее волосам, щеке, шее, а потом заговорил. Он говорил тихо и медленно, как будто хотел быть уверенным в том, что каждое выбранное им слово верно.

Она слушала. Он рассказывал о детстве. Об отце. О том времени, когда отец умер, и обо всем, что произошло после этого.

Она слушала и понимала. Слушала и не понимала.

Когда он закончил, между занавесками пробрался лучик солнца.

– Ты сам себя слышишь? – прошептала Марта. – Ты слышишь, что все это сумасшествие?

- Да, – сказал он. – Но это единственное, что я могу сделать.
- *Единственное*, что ты можешь сделать, – это убить кучу людей?

Он вздохнул:

– Единственное, чего я хотел, – это быть похожим на отца. Когда я прочитал ту записку самоубийцы, он исчез. С ним вместе исчез и я. Но потом, в тюрьме, когда я узнал правду о том, что мой отец пожертвовал собой ради меня и моей матери, я родился заново.

– Родился, чтобы сделать... это?

– Хотел бы я найти другой путь.

– Но почему? Чтобы ты занял место своего отца? Чтобы сын... – Она крепко зажмурилась, выдавливая последние слезы, и пообещала себе, что эти слезы действительно будут последними. – Чтобы сын сделал то, чего не сумел его отец?

– Он сделал то, что должен был сделать. Я должен сделать то, что я должен сделать. Он взял на себя стыд за нашу вину. Когда я закончу, я закончу. Обещаю. Все будет хорошо.

Марта долго не отводила от него глаз.

– Я должна подумать, – произнесла она наконец. – Поспи.

Он заснул, а она какое-то время лежала без сна. Только когда на улице начали петь птицы, она тоже заснула. Теперь она была уверена.

Что она сумасшедшая.

Что она стала сумасшедшей в тот момент, когда увидела его.

Но она не понимала, что она такая же сумасшедшая, как и он, пока не заперлась здесь, не нашла серьги Агнете Иверсен на кухонном столе и не надела их.

Марта проснулась от криков детей, играющих на улице. От их радостных визгов. От топота маленьких бегущих ног. Она подумала о невинности, идущей рука об руку с незнанием. О знании, которое никогда не проясняет, а только все усложняет. Сонни спал рядом с ней так тихо, что на какой-то миг ей показалось, что он уже умер. Она погладила его по щеке. Он что-то пробормотал, но не проснулся. Как может человек, на которого идет охота, так хорошо спать? Сон праведника. Таким он, конечно, и должен быть.

Марта выскользнула из постели, оделась и спустилась на кухню. Она нашла хлеб, немного сока и кофе, но больше ничего. В подвале она видела морозильную камеру, может быть, у него там есть замороженная пицца или что-нибудь в этом роде. Она спустилась по лестнице в подвал и потянула за ручку морозильника. Заперт. Она огляделась. Взгляд ее упал на гвоздь в

стене, где висел ключ с нечитаемой биркой. Марта сняла ключ, вставила его в замок и повернула. Вуаля! Она подняла вверх крышку, наклонилась, почувствовала, как на грудь и шею дыхнуло холодом, громко вскрикнула и захлопнула крышку. Развернулась и осела на пол, прислонившись спиной к морозильной камере.

Она сидела на корточках и тяжело дышала носом, пытаясь прогнать отпечатавшуюся в памяти картинку трупа, который смотрел на нее, открыв белый рот, с кристалликами льда на ресницах. Пульс был таким частым, что ей стало дурно. Она прислушалась к сердцу. И к голосам.

Их было два.

Один орал ей в ухо, что она сумасшедшая и он сумасшедший, убийца, и что ей надо немедленно бежать вверх по лестнице и прочь из этого дома!

Другой говорил, что этот труп – всего лишь физическое подтверждение того, что она уже знала и приняла. Да, он убивал людей. Людей, которые того заслуживали.

Орущий голос велел ей подняться на ноги. Приглушенный голос говорил, что это всего лишь приступ паники, который рано или поздно должен был случиться. Сегодня ночью она сделала выбор, разве не так?

Нет, не сделала.

Теперь она это знала. Именно здесь и сейчас ей предстояло выбрать, прыгнуть ли в нору вслед за кроликом, сделать шаг в его мир или же остаться в нормальном мире. У нее была последняя возможность отступить. Следующие секунды будут самыми важными в ее жизни.

Последняя возможность...

Марта поднялась. Ей по-прежнему было дурно, но она знала, что может быстро бежать. Он никогда за ней не угонится. Марта набрала в легкие кислорода, и кровь доставила его в мозг. Она облокотилась о крышку морозильной камеры и увидела на гладкой поверхности свое отражение. Увидела сережки.

«Я люблю его. Вот что я здесь делаю».

Потом она снова открыла крышку.

Труп залил кровью почти все продукты. Кроме того, дизайн упаковок продуктов «Фрионор» был очень старомодным. Минимум двенадцать лет, все совпадает.

Она сосредоточилась на дыхании, на размышлениях, на том, чтобы отогнать от себя все неважное. Если они хотят поесть, она должна добраться до магазина. Можно спросить у кого-нибудь из детей, где находится ближайший продовольственный магазин. Да, так она и поступит. Яйца с беконом. Свежий хлеб. Клубника. Йогурт.

Марта закрыла крышку и зажмурила глаза. Ей казалось, она сейчас заплачет, но вместо этого она рассмеялась истеричным смехом человека, который находится в состоянии свободного падения в кроличью нору. Затем она открыла глаза и пошла к лестнице. Поднявшись наверх, она поймала себя на том, что напевает песенку.

«That you've always been her lover and you want to travel with her»^[37].

Сумасшедшая.

«...and you want to travel blind and you know that she will trust you»^[38].

Сумасшедшая, сумасшедшая.

«...cause you've touched her perfect body with your mind»^[39].

Маркус сидел у открытого окна и играл в «Супер Марио», как вдруг услышал, что снаружи хлопнула дверь. Он выглянул на улицу. Та красивая тетенька. Во всяком случае, сегодня она была красивой. Она шла от желтого дома к калитке. Маркус вспомнил, как Сын засветился, когда он рассказал ему, что видел, как она входила в дом. Нельзя сказать, чтобы Маркус так уж хорошо разбирался в подобных вещах, но ему показалось, что, наверное, Сын в нее влюблен.

Тетенька подошла к девчонкам, прыгавшим на резиночке, и о чем-то их спросила. Они показали в сторону, она улыбнулась, что-то прокричала им и быстро пошла туда, куда они махали руками.

Маркус собрался снова погрузиться в «Марио», но его внимание привлекли раздвинувшиеся в спальне занавески. Он взял бинокль.

Там был Сын. Он стоял у окна с закрытыми глазами, приложив руку к перевязанному боку. Он был голым. Он улыбался и казался радостным. Как Маркус в рождественский вечер перед тем, как открыть подарки. Нет, скорее, как Маркус, проснувшийся на следующий день после Рождества и перебирающий в памяти *полученные* подарки.

Сын достал из шкафа полотенце, открыл дверь и хотел выйти, но остановился. Он посмотрел в сторону, на стол, и взял что-то с него. Маркус навел бинокль.

Тетрадь. В черном кожаном переплете. Сын открыл тетрадь и стал читать. Потом он выпустил из рук полотенце, сел на кровать и продолжил чтение. Перелистал страницы. Несколько минут просидел так. Маркус видел, как черты его лица постепенно меняются, а тело напрягается и застывает.

Потом он резко вскочил и швырнул тетрадь в стену.

Запустил туда же настольную лампу.

Ухватился за бок, прокричал что-то и уселся на кровать. Наклонил голову и потянул ее вниз сложенными на шее руками. Так он и сидел, дрожа всем телом, как будто его сотрясали судороги.

Маркус понял, что произошло что-то ужасное, но не понял что. Ему захотелось побежать туда, сказать или сделать что-нибудь, чтобы утешить Сына. Это он умел, он часто утешал маму: говорил о чем-нибудь хорошем, что они делали вместе, она ведь помнит? Выбирать приходилось из малого, всегда из одних и тех же трех-четырех событий, и она вспоминала, начинала грустно улыбаться и трепать его по волосам. А потом ей становилось лучше. Но вместе с Сыном он ничего такого хорошего не делал. И может быть, Сын хочет побыть сейчас один, это Маркус бы понял, он и сам такой. Если мама хотела утешить его, когда его что-то мучило, он раздражался, словно утешение делало его еще слабее, словно эти хулиганы были правы и он на самом деле размазня.

Но Сын-то не был размазней.

Или был?

Он только что поднялся и повернулся к окну. Он плакал, глаза его были красными, а щеки – мокрыми от слез.

Что, если Маркус ошибается, что, если Сын точно такой же, как он сам? Слабый, трусливый, готовый смыться, убежать и спрятаться, чтобы его не побили? Нет-нет, это невозможно, Сын не может быть таким! Он большой, и сильный, и смелый, и помогает тем, кто не такой. Или тем, кто еще не стал таким.

Сын поднял тетрадь, сел и начал писать.

Через некоторое время он вырвал страницу, скомкал, бросил в мусорную корзину у двери и снова стал писать. На этот раз он закончил быстрее. Взял листок и прочитал написанное. Потом закрыл глаза и приложил листок к губам.

Марта поставила пакет с продуктами на кухонный стол и вытерла пот со лба. До магазина идти оказалось дальше, чем она думала, и обратно она почти бежала. Она сунула коробочку клубники под кран, выбрала две самые большие красные ягоды и взяла букетик лютиков, которые насобирала по дороге. При мысли о его горячем теле под одеялом она вновь испытала сладкий укол. Героинщица, словившая кайф во время возни на кухне. Потому что теперь он стал ее наркотиком. Она подседа после первого укола. Она пропала, и ей это нравилось!

Уже на лестнице, увидев открытую дверь спальни, Марта поняла: что-то не так. Слишком тихо.

Кровать была пуста. На полу валялась разбитая настольная лампа. Его одежда исчезла. Под осколками лампы она заметила черную тетрадь, которую нашла в кровати.

Марта позвала его по имени, уже зная, что ответа не последует. Когда она пришла, калитка была открыта, хотя она была уверена, что закрывала ее. Они пришли и забрали его, как он и говорил. Он, конечно, сопротивлялся, но безрезультатно. Она оставила его спящим, она не позаботилась о нем, она не...

Марта повернулась и увидела на письменном столе листок бумаги. Он был желтым, наверное, его вырвали из блокнота. Слова были написаны старой ручкой, лежащей возле подушки. И первое, что пришло ей в голову: наверное, это ручка его отца. И еще не прочитав текст, она подумала, что история повторяется. Она прочитала, выпустила из рук цветы и закрыла ладонью рот – бессознательное движение, призванное скрыть гримасу, когда губы искривляются, а глаза наполняются слезами.

Дорогая Марта. Прости меня, но я сейчас исчезну. Я буду любить тебя вечно. Сонни.

Глава 39

Маркус сидел на кровати в желтом доме.

После того как тетенька вылетела из дома через двадцать минут после Сына, Маркус выждал еще десять минут и понял, что они не вернутся.

Тогда он перешел дорогу. Ключ был на своем постоянном месте.

Кровать была убрана, осколки лампы лежали в мусорном ведре. Под осколками он нашел скомканный листок.

Записка была написана красивым, почти женским, почерком.

Дорогая Марта.

Однажды отец рассказал мне о том, как видел тонущего мужчину. Он был на дежурстве, дело было посреди ночи, в полицию с пристани в Конгене позвонил мальчик. Его отец упал в воду, когда они швартовались. Он не умел плавать и уцепился за борт лодки, но мальчику не удалось затащить отца в лодку. К тому времени, когда подъехала патрульная машина, отец мальчика сдался, отпустил руки и ушел под воду. Уже прошло несколько минут, и мой отец позвонил водолазам под жалобные всхлипывания мальчика. И вот они стоят на пристани, и тут мужчина внезапно снова показывается на поверхности – бледное лицо, хватающее воздух. Его сын радостно закричал. Но мужчина снова погрузился в воду. Мой отец прыгнул за ним, но было слишком темно. А когда мой отец появился на поверхности, он увидел все еще сияющее радостью лицо мальчика, который думал, что теперь-то все в порядке, отец глотнул воздуха и полиция приехала. И мой отец рассказывал, что видел, как рвалось на части сердце мальчика, когда тот понял, что Бог всего лишь поиграл с ним, сделав вид, что хочет вернуть ему то, что отнял. В тот раз мой отец сказал, что если Бог есть, то Он – чудовище. Думаю, теперь я понимаю, что он имел в виду. Потому что я наконец нашел дневник своего отца. Может быть, он хотел, чтобы мы знали. А может быть, он просто был чудовищем. Иначе зачем же вести дневник и прятать его в такое очевидное место, как под матрацем?

У тебя впереди вся жизнь, Марта. Думаю, ты сможешь прожить ее хорошо. Я не смог.

Прости меня, но я сейчас исчезну.

Я буду любить тебя вечно.

Сонни

Маркус посмотрел на стол. На нем лежала тетрадь, которую читал

Сын.

Черный кожаный переплет, желтые страницы. Маркус полистал ее.

Он быстро сообразил, что это дневник, но там не было ежедневных записей. Иногда между записями проходили месяцы. Иногда под датой было всего несколько предложений. Например, там было написано, что «тройка» скоро распадется, что между ними что-то произошло. Через неделю запись о том, что Хелене беременна и что они купили целый дом, но жить на одну зарплату полицейского очень тяжело, и жаль, что у них с Хелене родители настолько бедны, что не могут помогать им. Дальше было написано, как он рад, что Сонни начал заниматься борьбой. На следующей странице – что банк поднял процент по кредитам, и они не в состоянии обслуживать свой долг, и он должен что-нибудь предпринять, пока их не выкинули на улицу. Что-нибудь придумать. Он ведь пообещал Хелене, что все будет хорошо. Во всяком случае, кажется, мальчик ничего по ним не заметил.

19 марта

Сонни говорит, что хочет пойти по моим стопам и стать полицейским. Хелене говорит, что он слишком восхищается мной, просто боготворит. Я сказал, что сыновья именно так себя и ведут, и я тоже был таким. Сонни – хороший мальчик, может быть, слишком хороший, потому что наш мир жесток, но такой сын в любом случае подарок отцу.

Содержание нескольких последующих страниц Маркус понял не очень хорошо. Там были такие слова, как «скоро стану банкротом» и «продам душу дьяволу». И имя Близнец.

Маркус листал дальше.

4 августа

Сегодня в отделе снова шли разговоры о кроте, о том, что у Близнеца должен быть сообщник в полиции. Даже удивительно, насколько шаблонно мыслят люди, особенно полицейские. Всегда бывает один убийца, один предатель. Разве они не понимают, насколько гениальней динамика парной работы? У одного всегда есть алиби на время, когда действует второй, и благодаря этому нас обоих будет настолько невозможно заподозрить в целом ряде дел, что нас автоматически исключат из числа потенциальных кротов. Да, мы прекрасно устроились. Просто отлично. Мы – коррумпированные, прогнившие полицейские, отказавшиеся от всего, во что верили, за несколько мерзких серебренников. Наркотики, торговля людьми. Даже на убийства мы закрывали глаза. Ничто больше не имеет значения. Есть ли путь назад? Есть ли возможность признания, наказания и прощения, которая не разрушит жизни окружающих? Я не знаю. Я знаю

только, что должен выйти из игры.

Маркус зевнул. Чтение всегда его усыпляло, особенно когда встречалось так много незнакомых слов. Он пролистал еще несколько страниц.

15 сентября

Как долго мы можем действовать так, чтобы Близнец не догадался, кто мы такие? Мы общаемся при помощи почтовых ящиков на хотмейле, мы оба пользуемся старыми украденными компьютерами, которые «одолжили» на складе улик и вещдоков, но от идиотов мы не застрахованы. С другой стороны, если бы он хотел, он мог бы проследить за местами, где передавал нам деньги. Когда я на прошлой неделе забирал конверт, приклеенный скотчем снизу к последнему столу в «Брокере» на Бугстадвейен, я был уверен, что меня выследили. У стойки бара сидел совершенно бандитской наружности мужик и пялился на меня. И я не ошибся. Он подошел ко мне и сказал, что я поймал его на скупке краденого десять лет назад. И что это было лучшим событием в его жизни, потому что он завязал со всякой ерундой и занимается разведением рыбы вместе со своим братом. Он поблагодарил, пожал мне руку и ушел. Лучезарные истории. К содержимому конверта прилагалось письмо от Близнеца. Он хочет, чтобы я – он точно не знает, что нас двое, – начал подниматься по карьерной лестнице в полиции и занял высокий пост, на котором смог бы принести еще больше пользы. Пользы как ему, так и себе. Актуальная информация, большие деньги. Он пишет, что может помочь мне подняться вверх, может дернуть за ниточки. Я громко рассмеялся. Мужик совершенно безбашенный, он не остановится, пока не получит власть над миром. Он не остановится, его придется остановить. Я показал письмо Z. Не знаю почему, но он не смеялся.

Через открытое окно Маркус слышал, что его зовет мама. Для чего-то он ей понадобился. Он ненавидел, когда она так делала: открывала окно и кричала на всю округу, как будто он щенок. Он продолжал листать дневник.

6 октября

Что-то случилось. Z говорит, что нам надо остановиться, пока удача на нашей стороне, что нам надо заморозить свою деятельность. А Близнец уже несколько дней не отвечает на мое электронное письмо, такого раньше не бывало. Они что, общаются между собой? Не знаю, но я уверен, что просто так прекратить нашу деятельность невозможно. Я знаю, что Z мне больше не доверяет. По той же причине, по которой я не доверяю ему. Мы продемонстрировали друг другу свои истинные лица.

7 октября

Сегодня ночью до меня внезапно дошло: Близнецу нужен только один из нас, и именно это он хочет получить – одного из нас. Второй отвергнут, он – нежелательный свидетель, подлежащий устранению. И Z понял это раньше меня. Поэтому надо спешить, я должен взять его, пока он не взял меня. Я попросил Хелене поехать завтра вместе с Сонни на борцовские состязания, потому что мне надо кое-что доделать. Я назначил встречу Z в полночь у средневековых руин в Маридалене под предлогом, что нам надо обсудить ряд вещей. Он слегка удивился тому, что я захотел встретиться в таком пустынном месте так поздно, но согласился.

8 октября

Все тихо. Я зарядил пистолет. Удивительно осознавать, что скоро я отниму у человека жизнь. Я сам себе задаю вопрос, что привело меня к этому. Забота о семье? Забота о себе? Или же соблазн достичь того, чего не смогли достичь мои родители: положения, хорошей жизни, которую на моих глазах на блюдечке с золотой каемочкой совершенно незаслуженно подносят разным идиотам. Решительность и бесстрашие или слабость и податливость? Неужели я плохой человек? Я спрашиваю себя: если бы мой сын оказался на моем месте, хотел бы я, чтобы он поступил так же, как я? И тогда все, конечно, становится просто.

Скоро я поеду в Маридален, и посмотрим, вернусь ли я назад изменившимся человеком. Убийцей.

Может, это странно, но иногда – мы ведь такие – я молю, чтобы кто-нибудь нашел мой дневник.

Больше записей не было. Маркус пролистал пустые страницы до самого конца, где одна из них была вырвана. Потом он положил книгу обратно на стол и медленно спустился вниз по лестнице, слушая, как мама зовет и зовет его.

Глава 40

Бетти зашла в переполненную аптеку, взяла талончик на очередь в отдел рецептурных препаратов и нашла свободный стул у стены, где сидели покупатели, которые либо пилились в никуда, либо что-то набирали на мобильных телефонах, невзирая на таблички, запрещающие использование телефонов. Она уговорила врача выписать ей более сильное снотворное.

«Это сильный бензодиазепиновый препарат для временного пользования», – сказал он и повторил то, что она уже и так знала: это опасный круговорот, это может привести к зависимости и не избавит ее от корня зла.

Бетти ответила, что корень зла в том, что она не может спать. Особенно после того, как она осознала, что находилась одна в помещении вместе с одним из самых разыскиваемых убийц в стране. С мужчиной, застрелившим женщину в ее собственном доме в Хольменколлосене. А сегодня газеты написали, что его подозревают также в убийстве жены судовладельца, что он, судя по всему, зашел в случайный дом неподалеку от Драммена и отпилил ей голову. Последние дни Бетти ходила как зомби, полупроснувшаяся, полусонная, с галлюцинациями. Она повсюду видела его лицо, не только в газетах и телевизоре, но и на рекламных плакатах, в трамвае, в отражениях магазинных витрин. Он был почтальоном, соседом, метрдотелем.

А теперь она увидела его и здесь.

Он стоял у прилавка в белом тюрбане или, может быть, просто в повязке на голове. Он положил упаковку одноразовых шприцев и канюль на прилавок и расплатился наличными.

Зернистые фотографии и так называемые газетные фотороботы давали не слишком много информации, но Бетти заметила, что женщина, сидящая на стуле рядом с ней, что-то прошептала своему соседу, указывая на мужчину у прилавка, так что, вполне возможно, она тоже его узнала. Но когда мужчина в тюрбане развернулся и направился к выходу, немного заваливаясь на один бок, Бетти поняла, что снова обманулась.

Пепельно-серое, закрытое, каменное лицо было совершенно не похоже на то, которое она видела в люксе номер 4.

Медленно проезжая в машине мимо больших вилл, Кари нагнулась вперед, чтобы видеть номера домов. После бессонной ночи она приняла

решение. Сэм считает, что Кари не стоит так серьезно относиться к работе, если она не собирается там оставаться. Конечно, это правильно, но Кари любила, чтобы во всем был порядок. А это могло затормозить ее в будущем, могло закрыть двери. Поэтому она решила навестить его лично.

Кари остановилась у нужного дома.

Она подумала, не проехать ли через открытые ворота прямо к крыльцу, но припарковалась на улице и пошла по круто поднимающемуся вверх заасфальтированному тротуару. В саду шумела поливалка газонов, а в остальном было совершенно тихо.

Кари поднялась по лестнице и позвонила. Из дома раздался яростный собачий лай. Она подождала. Никто не вышел. Она развернулась, чтобы спуститься вниз, и заметила его. Солнце отсвечивало от прямоугольных очков. Наверное, он вышел из-за угла дома, скорее всего из гаража, двигаясь быстро и бесшумно.

– В чем дело?

Руки его были сложены за спиной.

– Я инспектор полиции Кари Адель. Мне нужно с вами кое о чем побеседовать.

– И что это за кое-что?

Он засунул руки за спиной за ремень, как будто собирался подтянуть свои бежевые брюки и одновременно выпустить рубашку, ведь на самом деле стоял жаркий летний день. Или запихать за пояс пистолет и прикрыть его рубашкой, чтобы не было видно.

– Симон Кефас.

– Вот как. И почему, чтобы поговорить о нем, вы приехали ко *мне*?

Кари покачала головой:

– По его мнению, если я пойду обычным полицейским путем, могут возникнуть утечки. Он считает, что крот по-прежнему среди нас.

– Ах вот как он считает?

– И поэтому я подумала, что лучше будет обратиться прямо к высокому начальству. К вам, начальник полиции.

– Ну-ну, – произнес Понтиус Парр, почесывая узкий подбородок. – Давайте зайдём внутрь, инспектор Адель.

Радостный эрдельтерьер набросился на Кари у входной двери.

– Виллок! Мы об этом уже говорили...

Собака опустила на четыре лапы и удовлетворилась тем, что лизнула руку Кари, хотя хвост ее в это время вертелся пропеллером. По дороге в гостиную Кари объяснила: ей сообщили, что начальник полиции работает дома.

– Прогуливаю, – улыбнулся начальник полиции, жестом пригласив ее сесть на манящий диван, усыпанный подушками. – На самом деле на этой неделе я должен был уйти в отпуск, но пока убийца на свободе... – Он вздохнул и погрузился в кресло из комплекта с диваном. – Так что там с Симоном?

Кари кашлянула. Прочистила горло. Она думала о том, как подаст свою историю, со всеми оговорками и заверениями в том, что она совершенно не собирается сплетничать, а просто хочет понять, насколько качественно они работают. Но сейчас, сидя здесь с таким расслабленным и дружелюбным начальником полиции, который даже сознался в прогуле, ей показалось более естественным перейти прямо к делу.

– Симон ведет свою игру, – сказала она.

Начальник полиции поднял бровь:

– Продолжайте.

– Мы расследуем дело отдельно от Крипоса, мы с ними не сотрудничаем, а теперь он не сотрудничает даже со мной. И ладно бы только это, но проблема в том, что, кажется, у него есть какой-то план. И я не хочу оказаться замешанной, если окажется, что он делает что-то незаконное. Он сам попросил меня отойти в сторону, прямо заявив, что не собирается следовать правилам.

– Вот как? И когда же это было?

Кари вкратце рассказала ему о встрече у Ивера Иверсена.

– Хм, – произнес Парр, до бесконечности растянув «м». – Плохо. Я знаю Симона, и хотел бы я сказать, что это на него не похоже. Но к сожалению, похоже. А вы сами как думаете, что у него за план?

– Он хочет самостоятельно поймать Сонни Лофтхуса.

Парр зажал подбородок большим и указательным пальцем.

– Понимаю. Кто еще об этом знает?

– Никто. Я пришла прямо к вам.

– Хорошо. Обещайте, что никому другому не расскажете. Вы сами прекрасно понимаете, что дело деликатное. В этом расследовании на полицию направлено всеобщее внимание, и мы не можем допустить, чтобы отдельные личности вели себя непрофессионально.

– Конечно, я понимаю.

– Предоставьте это мне. Сейчас вы уедете отсюда, и мы будем считать, что нашей встречи никогда не было. Может быть, прозвучит слишком драматично, но таким образом вы избавите себя от любых обвинений коллег в распространении сплетен. Подобное может затормозить ваше продвижение.

Затормозить. Об этом она не подумала. Кари вздрогнула и быстро кивнула:

– Спасибо большое.

– Не за что, это я должен поблагодарить вас, Адель. Вы поступили правильно. А теперь возвращайтесь и продолжайте работать. Как говорится, словно ничего и не случилось. – Начальник полиции встал. – На самом деле я спешу продолжить мое безделье, у меня есть только один день, а потом опять все сначала.

Кари поднялась, испытывая радость и облегчение оттого, что все прошло более безболезненно, чем она смела надеяться.

В дверях начальник полиции остановился:

– Где сейчас Симон?

– Не знаю, он просто уехал с места, где сегодня ночью обнаружили труп в машине, и с тех пор его никто не видел.

– Хм. Значит, у вас нет никаких предположений?

– Последнее, что я сделала, – это дала ему список гостиниц, где предположительно может находиться Лофтхус.

– Исходя из?

– Из того, что он расплачивается наличными. Сейчас почти никто этого не делает.

– Умно. Удачи.

– Спасибо.

Кари спустилась по лестнице и уже дошла до поливалки, как вдруг услышала крик у себя за спиной. Кричал Парр.

– Я подумал, мне надо упомянуть об одной вещи, – сказал он, догнав ее. – Судя по тому, что я слышу, нельзя исключать, что в конце концов именно вы найдете для нас Лофтхуса.

– Да? – произнесла Кари, зная, что ее реплика прозвучала самоуверенно ровно настолько, насколько ей бы хотелось.

– И если это произойдет, помните, что он вооружен и опасен. И то, что вам, одной или с коллегами, придется защищаться, будет воспринято с пониманием.

Кари смахнула с лица постоянно падающие на него пряди.

– И что это значит?

– Только то, что порог для использования оружия с целью остановить этого убийцу очень низок. Помните, он уже пытал одного государственного чиновника.

Кари почувствовала приятный дождичек, принесенный порывом ветра от поливалки.

- Хорошо, – сказала она.
- Я поговорю с начальником Крипоса, – произнес Парр. – Может, неплохая мысль сделать вас с Осмундом Бьёрнстадом напарниками в этом деле. Мне кажется, вы одинаково смотрите на ситуацию.

Симон смотрел в зеркало. Годы шли. Часы шли. Он был уже не тот, что пятнадцать лет назад. Он был уже не тот, что семьдесят два часа назад. Когда-то он мнил себя непобедимым. Когда-то считал себя подонком. Он пришел к выводу, что оба утверждения неверны, а он – человек из плоти и крови, у которого была возможность либо поступить правильно, либо позволить низшим инстинктам управлять собой. Но значило ли это, что он, как и любой человек, обладает свободной волей? Разве мы все, получив на руки задачу с одинаковым условием, одинаковыми шансами на успех и одинаковым пониманием того, как выгоднее поступить, не совершаем один и тот же выбор раз за разом? Некоторые говорят, что ты можешь изменить взгляд на вещи, что, к примеру, в твоей жизни может появиться женщина, ты можешь поумнеть и прийти к новому осознанию того, что важно. Да, но только оттого, что важными сделались другие вещи, в задаче изменились всего лишь числа, а считаешь-то ты все равно как и раньше. И свой новый выбор ты будешь повторять раз за разом. Это определено сочетанием химических веществ в мозгу, доступной информацией, инстинктом выживания, сексуальным влечением, страхом смерти, приобретенной моралью и стадным чувством. Мы наказываем людей не за то, что они плохие, а за то, что они совершили неверный выбор, неверный с точки зрения стада. Мораль не была послана нам с небес, и она не вечна, это только правила, пригодные для поддержания благополучия стада. А те, кто не в состоянии следовать этим правилам, этим общепринятым способам действия, никогда и не смогут этого сделать, потому что у них нет никакой свободной воли, одна иллюзия. Как и все мы, нарушители закона делают только то, что делают. Поэтому их необходимо устранить, чтобы они не расплодились и не отравили стадо своими непригодными поведенческими генами.

Симон Кефас подумал, что сегодня вечером в зеркале он увидел робота. Собранного, сложного, с заключенным в него множеством возможностей. Но все равно робота.

Так за что же он наказывает, этот мальчишка? Чего он хочет? Спасти мир, который не желает быть спасенным? Устранить то, что может приносить нам пользу, хотя мы и не хотим этого признавать? Потому что кто бы смог жить в мире без преступности, без глупых восстаний идиотов,

без иррациональности, порождающей прогресс и изменения. Без надежды на лучший – или худший – мир. Вот чертова неугомонность, постоянная потребность акулы перемещаться для получения кислорода. «Вот и хорошо. Давай останемся здесь. Вот так». Но так не бывает.

Симон услышал шаги. Он удостоверился, что пистолет снят с предохранителя.

В дверном замке повернулся ключ.

Шаги были быстрыми. Кто-то спешил. Симон считал секунды, не сводя глаз со своего отражения в зеркале над раковиной в ванной. Мальчишка увидел, что все в точности так, как и при его уходе, подсознательно немного расслабился, стал менее осторожным. Он мог зайти и сюда, но уже выложив имевшееся у него оружие. Симон продолжал считать.

На счет «двадцать» он открыл дверь и вышел в комнату, держа пистолет перед собой.

Мальчишка сидел на кровати.

На голове у него была повязка. Перед ним на полу лежал «дипломат» из шкафа. Он был открыт и заполнен пакетиками с белым веществом. Симону не надо было спрашивать, что это такое. Мальчишка вскрыл один из пакетиков. В левой руке он держал чайную ложку с порошком, в правой – горящую зажигалку. На кровати лежала связка одноразовых шприцев и поднос канюль.

– Кто ширнется первым? – спросил мальчишка.

Глава 41

Симон уселся на стул перед ним, глядя, как он держит зажигалку под ложкой.

– Как ты меня нашел?

– Телефон, – сказал Симон, не отводя глаз от пламени. – И фоновые звуки. Работающие шлюхи. Ты знаешь, кто я?

– Симон Кефас, – ответил мальчишка. – Я узнал тебя по фотографиям.

Вещество расплавилось, к поверхности начали подниматься маленькие пузырьки.

– Я не буду сопротивляться. Я собирался сдать сегодня попозже.

– О? Это почему? Твой крестовый поход уже закончен?

– Нет никакого крестового похода, – сказал мальчишка, аккуратно откладывая чайную ложку. Симон знал: это для того, чтобы немного остудить жидкий героин. – Единственное, что есть, – это слепо верующие, мы, которые уверовали в то, что выучили в детстве. Но в один прекрасный день даже мы понимаем, что мир устроен не так. Что мы мусор. Что все мы мусор.

Симон положил свой пистолет на ладонь и посмотрел на него.

– Я отведу тебя не в полицию, Сонни, а к Близнецу. Тебя, наркоту и деньги, которые ты у него украл.

Мальчишка посмотрел на него, сдирая упаковку с одного из шприцев.

– Ладно. Все одно. Он хочет убить меня?

– Да.

– Уборка мусора. Дай только я вколю вот это. – Он опустил ватку в ложку, воткнул в нее шприц и втянул в него вещество. – Не знаю, что это за дрянь и есть ли в ней дерьмо, – сказал он, словно объясняя, зачем использует ватку.

Потом он посмотрел на Симона, понял ли тот иронию.

– Дурь со склада Калле Фаррисена, – произнес Симон. – Она до сих пор находится у тебя и ты не поддался искушению попробовать ее?

Мальчишка рассмеялся коротким жестким смехом.

– Плохо сформулировал, – сказал Симон. – Вычеркни «поддался искушению». Тебе удалось устоять. Как?

Мальчишка пожал плечами.

– Мне кое-что известно о зависимости, – продолжал Симон. – Список вещей, из-за которых мы можем завязать, не так велик. Это Иисус, девушка,

собственный ребенок или старуха с косой. В моем случае была девушка, а в твоём?

Мальчишка не ответил.

– Отец?

Мальчишка окинул Симона изучающим взглядом, как будто увидел что-то новое.

Симон покачал головой:

– Вы так похожи. Сейчас это видно лучше, чем на фотографии.

– Все говорили, что мы с ним абсолютно не похожи.

– Не ты и твой отец. Ты и твоя мать. У тебя ее глаза. Обычно она вставала очень рано, раньше нас, завтракала и убегала на работу. Случалось, я тоже вставал спозаранку, только чтобы увидеть, как она сидит, неумытая, усталая, но с такими удивительными глазами.

Мальчишка замер.

Симон вертел в руках пистолет, как будто что-то искал.

– Нас было четверо, все из бедных семей. Мы вместе снимали квартиру в Осло, так выходило дешевле. Трое парней, учившихся в Полицейской академии, и твоя мать. Трое парней называли себя Тройкой и были лучшими друзьями. Твой отец, я и Понтиус Парр. Твоя мама искала квартиру по газетным объявлениям, и ей досталась свободная комната. Думаю, мы все трое влюбились в нее с первого взгляда. – Симон улыбнулся. – Мы все кружили вокруг нее и втайне друг от друга подкатывали к ней. И мы, конечно, были симпатичными парнями, она не знала, кого из нас выбрать.

– Я этого не знал, – сказал мальчишка. – Но знаю, что она сделала неверный выбор.

– Да, – ответил Симон. – Она выбрала меня.

Он отвел глаза от пистолета и встретился взглядом с мальчишкой.

– Твоя мать была любовью всей моей жизни, Сонни. Когда она оставила меня и ушла к твоему отцу, я чуть не умер. Особенно после того, как немного позже выяснилось, что она беременна. Они с твоим отцом купили дом в Берге и съехались. Она беременна, он курсант, у них ни гроша за душой. Но процент по кредитам был низким, а банки в те годы просто бросались на потенциальных клиентов.

Сонни за все это время моргнул всего лишь один раз. Симон кашлянул:

– Как раз в то время я начал поигрывать. Я уже был должен, но начал делать ставки на бегах. Играть по-крупному. Стоя на самом краю пропасти, испытываешь чувство свободы и знаешь: что бы ни случилось, меня

отсюда унесет. Вверх или вниз – почти все равно. В то время мы с твоим отцом отдалились друг от друга. Я не мог видеть его счастья. Они с Понтиусом стали неразлейвода, а Тройка прекратила свое существование. Когда он спросил, хочу ли я стать твоим крестным отцом, я нашел какую-то отговорку, но на церемонию пришел и спрятался в дальнем углу. Ты был единственным ребенком, кто не кричал. Ты спокойно смотрел на молодого, немного нервничающего священника и улыбался, как будто это ты его крестил, а не он тебя. А потом я пошел и поставил тринадцать тысяч крон на жеребца по кличке Сонни.

– И?

– Ты должен мне тринадцать тысяч.

Мальчишка улыбнулся:

– Зачем ты мне все это рассказываешь?

– Потому что время от времени я задумываюсь о том, не могло ли все случиться по-другому. Мог ли я совершить иной выбор. Мог ли Аб. Мог ли ты. Эйнштейн говорил, что настоящее безумие – это проделывать то же самое снова и снова, но каждый раз ожидать иного результата. Но что, если Эйнштейн ошибался, Сонни? Может быть, существует что-то еще, божественное вдохновение, например, которое заставит нас в следующий раз сделать другой выбор?

Мальчишка затянул резиновый ремень на предплечье.

– Ты говоришь как верующий, Симон Кефас.

– Я не знаю, я просто задаюсь вопросом. Но я точно знаю, что у твоего отца были добрые намерения, как бы строго ты его ни судил. Он хотел сделать жизнь лучше не для себя, а для вас троих. И именно эта любовь стала его концом. И теперь ты так же строго судишь себя, потому что считаешь, что ты его копия. Но ты – не твой отец. Тот факт, что он пал морально, совсем не означает, что и ты должен это сделать. Задача сыновей заключается не в том, чтобы быть такими же, как их отцы, они должны быть лучше своих отцов.

Мальчишка закусил конец ремня.

– Возможно, но какое значение это имеет сейчас? – произнес он уголком рта и откинул голову назад, так что ремень затянулся, а на руке отчетливо проступили вены.

Он взял свободной рукой шприц, держа большой палец на поршне, а иглу на среднем пальце. Держит шприц, как китайский игрок в настольный теннис ракетку, подумал Симон. Он держал шприц правой рукой, несмотря на то что был левшой, но Симон знал, что наркоманы должны научиться колоться обеими руками.

– Это имеет значение, потому что сейчас твоя очередь делать выбор, Сонни. Ты хочешь вколоть себе содержимое этого шприца? Или хочешь помочь мне взять Близнеца? И настоящего крота?

На самом кончике шприца блеснула капля. С улицы доносился шум дорожного движения и смех, из соседней комнаты – тихий разговор. Спокойный летний пульс города.

– Я хочу организовать встречу, на которую придут и Близнец, и крот. Но без живого тебя это невозможно, потому что ты – приманка.

Мальчишка его как будто не слышал, он склонил голову, словно свернувшись вокруг шприца и приготовившись к приходу. Симон напрягся и очень удивился, услышав его голос:

– Кто он – крот?

– Увидишь, если придешь. Но не раньше. Я знаю, через что ты сейчас проходишь, Сонни. Но всегда наступает момент, когда ничего нельзя откладывать на потом, когда нельзя побыть слабым еще один день, обещая себе, что завтра, завтра я начну другую жизнь.

Сонни покачал головой:

– Не будет никакой другой жизни.

Симон уставился на шприц. До него дошло. Это передоз.

– Ты хочешь умереть, так и не узнав, Сонни?

Мальчишка перевел взгляд со шприца на Симона:

– Смотри, до чего довела меня тяга к знаниям, Кефас.

– Это здесь? – спросил Осмунд Бьёрнстад, наклоняясь над рулем, чтобы прочитать надпись на табличке. – Гостиница «Бисмарк».

– Да, – ответила Кари, отстегивая ремень безопасности.

– И ты уверена, что он здесь?

– Симон спрашивал, в каких гостиницах в Квадратуре гости могут расплачиваться наличными. Я подумала, ему что-то известно, и поэтому обзвонила шесть гостиниц и разослала им фотографию Сонни Лофтхуса.

– И «Бисмарк» откликнулся?

– Портье подтвердил, что человек с фотографии остановился у них в двести шестнадцатом номере. Еще он сказал, что к ним уже прибыл полицейский и получил доступ в комнату. И что гостиница заключила сделку с тем полицейским, к которой, он надеется, мы отнесемся с уважением.

– Симон Кефас?

– Боюсь, что так.

– Ну ладно, начнем. – Осмунд Бьёрнстад достал рацию и нажал на

кнопку передатчика. – Дельта, входите.

В передатчике раздался треск.

– Дельта на связи. Прием.

– Можете входить. Номер двести шестнадцать.

– Принято. Мы входим. Прием.

Бьёрнстад отложил рацию.

– Какие у вас инструкции? – спросила Кари, внезапно ощутив, что рубашка стала ей тесноватой.

– В приоритете собственная безопасность, при необходимости стрелять на поражение. Ты куда?

– Подышу воздухом.

Кари перешла через дорогу. Перед ней бежали одетые в черное полицейские с автоматами МР-5 в руках: одни – к стойке портье, другие – на задний двор к черной лестнице и пожарному выходу.

Она прошла мимо стойки портье и уже начала подниматься по лестнице, как вдруг услышала, что где-то выбили дверь и с приглушенным звуком взорвалась шоковая граната. Она вышла в коридор и услышала треск рации:

– Участок очищен и взят под контроль.

Кари вошла в комнату.

Четверо полицейских: один в ванной, трое в спальне. Все дверцы шкафов и окна раскрыты.

Больше никого. Никаких оставленных вещей. Гость выписался.

Маркус сидел на корточках и искал в траве лягушек, как вдруг увидел, что из желтого дома вышел Сын и направился в его сторону. Послеполуденное солнце стояло низко над крышей дома, и, когда Сын остановился перед Маркусом, тому показалось, что свет исходит из его головы. Сын улыбнулся, и Маркус обрадовался, что он больше не выглядит таким несчастным, как сегодня утром.

– Спасибо за все, Маркус.

– Ты уезжаешь?

– Да, я уезжаю.

– Почему вы все время уезжаете? – вырвалось у него.

Сын сел на корточки и положил руку на плечо Маркуса.

– Я помню твоего отца, Маркус.

– Правда? – недоверчиво спросил Маркус.

– Да. И что бы ни говорила и ни думала твоя мама, он всегда был добр ко мне. А однажды он прогнал огромного лося, который заблудился в лесу

и вышел прямо сюда, к домам.

– Прогнал?

– Да, причем в одиночку.

Маркус заметил кое-что удивительное. За головой Сына, в открытом окне спальни желтого дома, бешено бились тонкие белые занавески. И это несмотря на то, что стоял полный штиль.

Сын поднялся, потрепал Маркуса по волосам и пошел по улице, размахивая «дипломатом» и насвистывая. Что-то привлекло внимание Маркуса, и он снова повернулся к дому. Занавески полыхали. И он увидел, что остальные окна тоже открыты. Все.

«Огромный лось, – подумал Маркус. – Мой отец прогнал огромного лося».

Дом издал звук, похожий на втягивание воздуха. У этого звука были грохочущие низкие ноты и поющие верхние, они становились все громче и громче, превратившись в триумфальную песнь. А позади черных окон теперь прыгали и крутились желтые танцовщицы, празднующие гибель мира, Судный день.

Симон поставил машину на нейтральную передачу, и двигатель работал вхолостую.

Дальше по улице перед его домом стоял автомобиль. Новый синий «форд-мондео» с затемненным задним стеклом. Такая же машина стояла перед входом в глазное отделение больницы. Конечно, это могло быть случайностью, но в прошлом году Полицейское управление Осло закупило восемь «фордов-мондео». А задние стекла у них затемнили, чтобы не было видно проблесковых маячков, хранившихся за задними сиденьями.

Симон схватил с пассажирского сиденья мобильный телефон и набрал номер.

Телефон не прозвонил и двух раз, как ему ответили:

– Чего тебе?

– Привет, Понтиус. Бесит, наверное, что мой телефон все время находится в движении?

– Прекрати немедленно свои глупости, Симон, и я обещаю, что последствий не будет.

– Никаких?

– Никаких, если ты сейчас же прекратишь. Мы договорились?

– Тебе всегда хочется договориться, Понтиус. Ладно, вот тебе сделка. Завтра утром ты встретишься со мной в ресторане.

– Вот как? И что нам будут подавать?

– Парочку преступников, чей арест станет для тебя триумфом.
– Можно поподробнее?
– Нет. Но ты получишь адрес и время, если пообещаешь, что возьмешь с собой только одного человека. Мою коллегу Кари Адель.

На мгновение в трубке воцарилась тишина.

– Ты пытаешься меня обмануть, Симон?
– Разве я когда-нибудь так поступал? Помни, ты можешь многое выиграть. Или, точнее, ты сильно проиграешь, если позволишь этим личностям улизнуть.

– Обещаешь, что это не ловушка?

– Да. Думаешь, я позволю чему-нибудь случиться с Кари?

Пауза.

– Нет. Нет, так ты бы никогда не поступил, Симон.
– Вот поэтому-то я и не стал начальником полиции.
– Смешно. Когда и где?
– Пятнадцать минут восьмого. Набережная Акер-Брюгге, дом восемьдесят шесть. До встречи.

Симон открыл боковое окно, выбросил телефон и проследил, как он упал за забор соседа. Вдалеке раздались сирены пожарных машин.

Потом он включил передачу и нажал на газ.

Симон ехал на запад. У Сместада он свернул к Хольменколлосену и стал пробираться туда, где у него всегда появлялось чувство ясности.

«Хонду» уже давно убрали с обзорной площадки, и криминалисты завершили свою работу, ведь это место не было местом преступления.

Во всяком случае, не было местом совершения убийства.

Симон припарковал машину так, чтобы видеть фьорд и закат.

Постепенно темнело, и Осло все больше и больше походил на затухающий костер с пульсирующими красными и желтыми огоньками. Симон расстегнул пальто и откинул назад сиденье. Надо попытаться заснуть. Завтра ему предстоит великий день.

Величайший.

Если им повезет.

– Примерь вот это, – сказала Марта, протягивая парнишке пиджак.

Он был относительным новичком, раньше она видела его здесь всего один раз. Лет двадцать, наверное, и ему повезет, если он доживет до двадцати пяти. По крайней мере, так утверждали принимавшие его сотрудники «Илы».

– Прекрасно, тебе подходит! – улыбнулась она. – Может, вот с этим?

Марта протянула ему почти не ношенные джинсы. Она заметила, что позади нее кто-то стоит, и повернулась. Наверное, он прошел через кафе и какое-то время стоял в дверях склада одежды и смотрел на нее. Костюм и повязка на голове делали его довольно приметным, но Марта не обратила на это внимания.

Все, что она видела, – это призывный отчаянный взгляд.

Она не хотела его. Она хотела его.

Ларс Гилберг ворочался в новехоньком спальнике. Продавец в спортивном магазине скептически посмотрел на его тысячекроновую купюру, но потом принял ее и выдал Гилбергу это чудо. Ларс поморгал.

– Ты вернулся, – заключил он. – Господи, в индусы заделался?

Его голос отдавался коротким громким эхом от опор моста.

– Возможно, – улыбнулся парень и, дрожа, присел на корточки рядом с ним. – Мне нужно где-то переночевать сегодня.

– Пожалуйста. Хотя, судя по всему, у тебя есть деньги на гостиницу.

– Там меня найдут.

– Здесь полно места и никакой слежки.

– Можно одолжить у тебя газеты? Конечно, если ты их уже прочитал.

Гилберг захихикал:

– Можешь одолжить старый спальник, я использую его как матрац. – Он вытащил из-под себя дырявый грязный спальный мешок. – Или знаешь что? Ты можешь взять новый, а я сегодня посплю в старом. В старом, как бы это сказать, слишком много меня.

– Уверен?

– Ага, старый спальник скучает по мне, точно.

– Большое спасибо, Ларс.

Ларс Гилберг только улыбнулся в ответ.

А когда он улегся, то ощутил прилив тепла, исходящего не от спального мешка. Оно исходило изнутри.

По коридору словно вздох пронесся, когда все двери камер в Гостюрьме одновременно закрылись на вечер и ночь.

Йоханнес Халден сел в кровати. Что бы он ни делал – сидел, лежал или стоял, – боли не покидали его. И он знал, что они не кончатся, а с каждым днем будут только усиливаться. Сейчас болезнь была уже видна. Вдобавок к раку легких у него появилась опухоль в паху, выросшая до размеров мячика для гольфа.

Арильд Франк сдержал свое обещание. В наказание за то, что он помог

парню сбежать, Йоханнес будет съеден раком без медицинской помощи и обезболивающих. Возможно, Франк отправит его в медчасть, когда посчитает, что Халден достаточно настрадался и может в любой момент умереть, просто для того, чтобы не писать в годовом отчете о смертельном случае в камере.

Было очень тихо. Камеры слежения и тишина. Раньше после отбоя по коридорам прохаживались надзиратели, и звук их шагов успокаивал. В тюрьме Уллерсму один из надзирателей, пожилой религиозный Ховельсму, обычно напевал при ходьбе. Он пел глубоким баритоном старые псалмы. О лучшей колыбельной заключенный на длительный срок и мечтать не мог, даже отъявленные психопаты прекращали орать, когда слышали приближение Ховельсму. Йоханнесу хотелось, чтобы Ховельсму оказался сейчас здесь. И ему хотелось, чтобы здесь оказался парень. Но он не мог жаловаться. Парень дал ему то, что он хотел. Прощение. И колыбельную в придачу.

Он рассмотрел шприц на свет.

Колыбельная.

Парень сказал, что получил его в Библии от тюремного священника, преподобного Пера Воллана, да упокоится его неприкаянная душа с миром, и что в шприце самый чистый героин, какой можно достать в Осло. И показал, что делать, когда наступит время.

Йоханнес приложил острие шприца к руке, поверх толстой синей вены и, дрожа, сделал вдох.

Ну вот и все, это была жизнь. Жизнь, которая могла бы стать совсем другой, если бы он не согласился взять с собой два мешка из порта Сонгкла. Удивительно. А согласился бы он сегодня? Нет. Но тот, кем он был тогда, согласился. И соглашался раз за разом. Так что по-другому быть не могло.

Он прижал острие к коже и вздрогнул, когда увидел, как кожа поддалась, прокололась и впустила в себя иглу. Потом он ровно и спокойно нажал на поршень. Надо ввести все до конца, это важно.

Первым делом у него пропали боли. Как по мановению волшебной палочки.

А потом началось другое.

И он понял, о чем они без конца говорили. Рывок. Свободное падение. Объятия. Неужели это все время было так просто, на расстоянии всего одного укола? И она была на расстоянии одного укола. Потому что она была сейчас здесь, в шелковом платье, с блестящими черными волосами и миндальными глазами. И ласковый голос нашептывал сложные английские

слова мягкими малиновыми губами. Йоханнес Халден закрыл глаза и сжался в комок на кровати.

Поцелуй.

Это все, что ему когда-либо было нужно.

Маркус, моргая, уставился на телевизионный экран.

Рассказывали обо всех убитых в последние недели, об этом по телевизору и по радио говорили все время. Мама сказала, чтобы он не увлекался такими передачами, а то у него начнутся кошмары. Но кошмары его больше не мучили. А теперь по телевизору показывали его, и Маркус его узнал. Он сидел за столом, уставленным микрофонами, и отвечал на вопросы. Маркус помнил этого человека, потому что у него были прямоугольные очки. Маркус не знал, что это означает и какая тут связь. Он знал только, что этому человеку больше не надо приходить и включать отопление в желтом доме, потому что дом сгорел дотла.

Часть V

Глава 42

В тридцать пять минут седьмого Беатрис Йонасен, секретарша адвокатской фирмы «Тумте и Эре», подавила зевок и попыталась вспомнить, в каком фильме она видела тренч, похожий на тот, в который была одета стоявшая перед ней женщина. Какой-то с Одри Хэпберн. «Завтрак у Тиффани»? Кроме того, на ней была шелковая косынка и солнцезащитные очки в стиле шестидесятых. Женщина поставила сумку на стойку, сказала, что принесла ее по договоренности с Яном Эре, и ушла.

Спустя полчаса солнечные лучи отразились от окон кирпичного фасада Ратуши Осло, а к пристани у набережной Акер-Брюгге причалили первые паромы, с которых сошли пассажиры из Несоддтангена, Суна и Дрёбака и поспешили на свои рабочие места. Наступал еще один безоблачный день, но воздух был немного резким, наполненным напоминанием о том, что и это лето не продлится вечно. Двое мужчин шли бок о бок по променаду вдоль набережной, мимо ресторанов, стулья которых все еще в перевернутом виде стояли на столах, мимо магазинов одежды, которые откроются спустя несколько часов, мимо уличных торговцев, распаковавших свой товар и готовящихся к нападению на последних летних туристов столицы. Тот, что моложе, был одет в элегантный, но помятый серый костюм в пятнах. На том, что старше, была клетчатая куртка с распродажи в «Дрессманне» и брюки, которые не гармонировали ни с чем, кроме своей цены. На них были одинаковые солнцезащитные очки, купленные на бензоколонке двадцатью минутами раньше, в руках они держали одинаковые «дипломаты».

Двое мужчин свернули в пустынный переулок. Пройдя по нему пятьдесят метров, они по узкой железной лестнице спустились к незаметной двери в ресторан, где, судя по названию, написанному скромными буквами, подавали морепродукты. Тот, что старше, подергал дверь. Заперто. Он постучал. За иллюминатором в середине двери показалось лицо, искаженное, как в кривом зеркале. Рот шевелился, а слова доносились словно из-под воды:

– Поднимите руки вверх, чтобы я их видел.

Они сделали, как было велено, и дверь открылась.

За дверью стоял плотный блондин. Они опустили взгляд и увидели у него в руках нацеленный на них пистолет.

– Приятно снова тебя видеть, – сказал тот, что старше, в клетчатом

пиджаке, и поднял солнцезащитные очки на лоб.

– Проходите, – произнес блондин.

Они вошли в помещение, где немедленно были обысканы двумя одетыми в черное мужчинами. Блондин ждал, расслабленно облокотившись на гардеробную стойку, но не опуская пистолета. Из наплечной кобуры того, что старше, был извлечен пистолет. Его протянули блондину.

– Этот чист, – сказал второй одетый в черное, кивая на того, что моложе. – Но у него вокруг пояса какой-то бандаж.

Блондин уставился на того, что моложе:

– Значит, это ты – Будда с мечом? Angel from Hell^[40], да?

Тот, что моложе, не ответил. Блондин плюнул на пол перед его начищенными черными ботинками фирмы «Васс».

– Похоже, кто-то уже вышел крест у тебя на лбу.

– Как и на твоём.

Блондин нахмурился:

– Что ты имеешь в виду, Будда?

– Ты не чувствуешь?

Блондин сделал шаг вперед и вытянулся на носках так, что их носы почти соприкоснулись.

– Тише, тише, – сказал тот, что старше.

– Заткнись, старикан, – произнес блондин, распахнул пиджак и рубашку того, что моложе, и медленно ощупал пальцами бандаж на его поясе. – Здесь? – спросил он, дойдя до бока.

Две капли пота проступили на лбу того, что моложе, над солнцезащитными очками. Блондин засунул палец в повязку. Тот, что моложе, раскрыл рот, но не издал ни звука.

Блондин оскалил зубы:

– Да, спасибо, наверняка здесь.

Он засунул пальцы глубже, ухватился за мясо и зашипнул его.

Тот, что моложе, захрипел.

– Бу, он ждет, – сказал один из мужчин.

– Да-да, – тихо произнес блондин, не отводя взгляда от тяжело дышащего парня, и сильнее сжал пальцы.

Одинокая слеза скатилась по бледной щеке из-под очков того, что моложе.

– Привет от Сильвестра и Евгения, – прошептал блондин. Потом он разжал пальцы и повернулся к остальным. – Возьмите их «дипломаты» и проводите внутрь.

Двое пришедших отдали чемоданчики и вошли в обеденный зал.

Тот, что старше, автоматически сбавил скорость.

Силуэт мужчины, огромного мужчины, вырисовывался на фоне зеленого света, исходившего из аквариума, где на большом белом камне блестел кристалл, отбрасывая длинные лучи, искрящиеся в пузырьках, а разноцветные рыбы сновали в разные стороны. На дне лежали омары со связанными стальной проволокой клешнями.

– Как я и обещал... – прошептал тот, что старше. – Вот и он.

– Но что-то я не вижу никакого крота, – произнес тот, что моложе.

– Поверь мне, он придет сюда.

– Комиссар Симон Кефас, – пророкотал великан. – И Сонни Лофтхус. Давно я этого ждал. Проходите и садитесь.

Движения того, что моложе, были более скованными, чем у того, что старше. Они подошли и сели на стулья перед великаном.

Из дверей кухни бесшумно выскользнул человек, такой же широкоплечий и толстошей, как и остальные трое.

– Они пришли одни, – сказал он и встал рядом с троицей, приветствовавшей пришедших.

Таким образом они образовали полукруг за спиной того, что моложе, и того, что старше.

– Здесь не слишком светло? – спросил великан, обращаясь к тому, что моложе, на носу у которого все еще сидели солнцезащитные очки.

– Я вижу то, что хочу видеть, – сказал тот, что моложе, без всякого выражения.

– Хорошо сказано. Хотел бы я иметь такие же молодые и свежие глаза, как у тебя. – Великан указал на собственные глаза. – Ты знал, что чувствительность глаз к свету сокращается на тридцать процентов уже к пятидесяти годам? Так что жизнь – это путешествие к тьме, а не к свету, да? No run intended^[41] в отношении вашей жены, комиссар Кефас, но именно поэтому мы должны как можно раньше научиться передвигаться по жизни вслепую. Мы должны научиться способности крота пользоваться другими органами чувств, чтобы видеть, какие нас ожидают препятствия и угрозы, да?

Он всплеснул руками. В этот момент он был похож на экскаватор с двумя ковшами.

– Или, конечно, купить крота, который будет видеть за нас. Проблема с кротами состоит в том, что они по большей части прячутся под землей, поэтому их легко потерять. Как я потерял своего. Понятия не имею, куда он пропал. И я так понимаю, что вы тоже его разыскиваете, да?

Тот, что моложе, пожал плечами.

– Дайте угадаю. Кефас заманил тебя сюда, пообещав, что ты встретишься с кротом, да?

Тот, что старше, кашлянул:

– Дело в том, что Сонни пришел на эту встречу добровольно, потому что он хочет заключить мир. Он считает, что рассчитался за то, что произошло с его отцом. И стороны могут разойтись. Чтобы доказать, что он действительно этого хочет, он отдаст похищенные деньги и наркотики. В обмен на прекращение охоты на него. Можно принести сюда «дипломаты»?

Великан кивнул блондину, который положил на стол оба чемоданчика. Тот, что старше, протянул руку к одному из «дипломатов», но блондин отбросил его руку в сторону.

– Я вас умоляю, – произнес тот, что старше, поднимая руки вверх. – Я только хотел показать, что господин Лофтхус принес с собой одну треть наркотиков и одну треть денег. Остальное вы получите после того, как пообещаете ему перемирие и выпустите отсюда живым.

Кари выключила зажигание машины и посмотрела на неоновую вывеску на бывшем здании мастерских. Красными буквами на нем было написано А-к-е-р-Б-р-ю-г-г-е. С только что причалившего парома валили люди.

– А что, для начальника полиции действительно безопасно идти на встречу с преступниками без прикрытия?

– Как говорил один мой друг, – произнес Понтиус Парр, проверяя пистолет в наплечной кобуре, – «Нет риска – нет и выигрыша».

– Похоже на Симона, – сказала Кари, бросив взгляд на часы на башне Ратуши.

Десять минут восьмого.

– Точно, – улыбнулся Парр. – А знаете что, Адель? У меня такое чувство, что у нас будет славный день. Я хочу, чтобы после этого вы поехали со мной на пресс-конференцию. Начальник полиции и молодой инспектор. – Он причмокнул, как будто пробовал слова на вкус. – Да, думаю, им это понравится.

Он открыл дверь со стороны пассажирского сиденья и вышел из машины.

Кари пришлось бежать, чтобы не отстать от него на променаде.

– Ну? – сказал тот, что старше. – Похоже на сделку, которая всех более или менее устраивает? Вы получите то, что у вас забрали, а Лофтхус – свободу. Он уедет из страны.

– А вы получите свою небольшую комиссию за ведение мирных переговоров, да? – улыбнулся великан.

– Именно.

– Ммм, – великан посмотрел на Симона, словно в поисках того, что никак не мог отыскать. – Бу, открой «дипломаты».

Блондин вышел вперед и попытался открыть металлические замки.

– Он заперт, шеф.

– Один, – произнес тот, что моложе, мягким, почти неслышным голосом. – Девять, девять, девять.

Блондин повернул металлические цилиндры и поднял крышку. Потом он повернул «дипломат» к шефу.

– Вот как, – сказал великан, поднимая один из белых пакетиков. – Одна треть. А где остальное?

– В тайном месте, – ответил тот, что старше.

– Конечно. А код от чемоданчика с деньгами?

– Тот же самый, – ответил тот, что моложе.

– Тысяча девятьсот девяносто девятый. Год, когда умер твой отец, да?

Тот, что моложе, не ответил.

– Хорошо? – произнес тот, что старше, натянуто улыбнулся и сложил руки. – Теперь мы можем идти?

– Но я думал, что мы поедем вместе, – сказал великан. – Вы любите омаров, да, нет?

Реакции не последовало.

Он тяжело вздохнул:

– Честно говоря, я тоже не люблю омаров. Но знаете что? Я все равно их ем. Почему? Потому что этого ожидают от человека моего положения. – Костюмный пиджак сдвинулся с массивной груди, когда он развел руки в стороны. – Омары, икра, шампанское. «Феррари», к которым требуются запчасти, бывшие модели, отсуживающие деньги у бывших мужей. Одиночество на яхте, жара на Сейшелах. Мы делаем многое из того, чего не хотим, да? Но такими вещами я должен себя окружать, чтобы не утратить мотивацию. Не мою, а мотивацию тех, кто работает на меня. Они должны видеть эти символы успеха. Чего я достиг. И чего они могут достигнуть, если будут выполнять свою работу, да? – Великан воткнул сигарету между мясистыми губами. На фоне его большой головы сигарета казалась на удивление маленькой. – Но конечно, эти символы власти также призваны продемонстрировать потенциальным конкурентам и противникам, какой властью я обладаю. То же самое касается насилия и жестокости. Они не нравятся мне, но мне приходится ими пользоваться,

чтобы не утратить мотивацию. Мотивацию платить то, что мне задолжали. Мотивацию не работать против меня... – Он прикурил сигарету от зажигалки-пистолета. – Был, например, один человек, который работал на меня. Он модифицировал оружие. Он вышел из игры. Я понимаю, что человеку больше хочется возиться с мотоциклами, а не делать оружие. А вот чего я не могу принять, так это того, что он дает «узи» тому, кто, как ему известно, уже убил несколько моих людей.

Великан постучал указательным пальцем по аквариумному стеклу.

Тот, что моложе, и тот, что старше, проследили взглядом за его пальцем. Тот, что моложе, поерзал на стуле. Тот, что старше, просто смотрел.

Белый камень с волнистыми нитями. Никакой это не камень. И никакой это не блестящий кристалл. Это золотой зуб.

– Может показаться, что это уж чересчур – отрубить человеку голову, но, если ты хочешь мотивировать окружающих быть к тебе лояльным, нужно время от времени пользоваться действенными средствами. Уверен, что вы согласны со мной, комиссар.

– Простите? – произнес тот, что старше.

Великан склонил голову набок и изучающе посмотрел на него:

– Проблемы со слухом, комиссар?

Тот, что старше, перевел взгляд с аквариума на великана:

– Боюсь, что это возраст. Так что если бы вы говорили немного погромче, было бы лучше.

Близнец удивленно рассмеялся:

– Погромче? – Он затащил сигарету и посмотрел на блондина. – Вы проверили их на прослушивающее оборудование?

– Да, шеф. И ресторан тоже.

– Значит, вы глохнете, Кефас? Как же вы с женой будете жить, когда... как это говорится? Слепые поведут глухих?

Он огляделся, подняв брови, и четверо мужчин загоготали.

– Они смеются, потому что боятся меня, – произнес великан, обращаясь к тому, что моложе. – А ты боишься, мальчик?

Тот, что моложе, не ответил.

Тот, что старше, бросил взгляд на часы.

Кари бросила взгляд на часы. Четырнадцать минут восьмого. Парр сказал, что им велели прийти ровно в назначенное время.

– Это здесь, – сказал Парр, указывая на название, написанное на фасаде, подошел к двери ресторана и придержал ее для Кари.

В гардеробе было темно и тихо, но из глубины помещения доносились голоса.

Парр вынул пистолет из наплечной кобуры и знаком велел Кари сделать то же самое. Она знала, что о ее выступлении с ружьем в Энерхаугене ходили слухи, и поэтому объяснила начальнику полиции, что она, несмотря ни на что, новичок на ответственных заданиях. Но тот ответил, что, по требованию Симона, она, и только она, должна прийти с ним, и добавил, что в девяти из десяти случаев бывает достаточно просто показать полицейское удостоверение. И в девяноста девяти случаях из ста достаточно показать его вместе с оружием. И все же сердце Кари дико билось, пока они продвигались вглубь ресторана.

Когда они вошли в обеденный зал, голос замолчал.

– Полиция! – выкрикнул Парр, направив пистолет на людей, сидящих за единственным занятым столом.

Кари сделала два шага в сторону и взяла на прицел самого крупного из мужчин. На какой-то миг в помещении наступила полная тишина, которую нарушал только Джонни Кэш своей песней «Give My Love to Rose»^[42], которая лилась из небольшой колонки на стене между буфетной стойкой и чучелом головы длиннорогого быка. Наверняка мясной ресторан, где можно позавтракать. Двое мужчин в светло-серых костюмах, сидевшие за столом, удивленно смотрели на них. Кари обнаружила, что они все же не были единственными посетителями светлого помещения, что за столиком у окна, выходявшего на набережную, сидела пожилая пара и у них, как ей показалось, одновременно случился инфаркт. «Не вовремя они пришли, – подумала Кари. – Это невозможно, Симон не мог хотеть, чтобы мы пришли в этот ресторан». Но тут человек поменьше ростом вытер рот и сказал:

– Спасибо, что вы смогли прийти лично, господин начальник полиции Парр. Уверяю вас, что никто из нас не вооружен и не имеет дурных намерений.

– Кто вы? – взревел Парр.

– Меня зовут Ян Эре, я адвокат и представляю интересы вот этого господина, Ивера Иверсена-старшего.

Он указал рукой на крупного мужчину, и Кари мгновенно уловила его сходство с сыном.

– Что вы здесь делаете?

– То же самое, что и вы, осмелюсь предположить.

– Вот как? Мне пообещали подать на завтрак преступников.

– И это обещание мы сдержим, Парр.

– Ну что же, – сказал великан. – А ты должен бы бояться.

Он кивнул блондину, который достал из-за пояса длинный узкий нож, сделал шаг вперед, положил ладонь на лоб тому, что моложе, и одновременно прижал лезвие ножа к его горлу.

– Неужели ты и впрямь думал, что для меня имеет значение та мелочь, которую ты украл у меня, Лофтхус? Пусть лежит, где лежит. Я пообещал Бу, что позволю порезать тебя на кусочки, и я рассматриваю наркотики и деньги, которых никогда не увижу, как дешевую инвестицию. Инвестицию в мотивацию, да? Конечно, это можно сделать множеством разных способов, но ты лишишься жизни наиболее безболезненно, если расскажешь, куда дел Сильвестра, чтобы мы могли похоронить его, как подобает христианам. Ну?

Тот, что моложе, сглотнул, но не ответил.

Великан ударил кулаком по столу, так что бокалы подпрыгнули.

– Ты тоже плохо слышишь?

– Может, и так, – игриво произнес блондин, приблизив свое лицо вплотную к уху мальчишки, торчавшему из-под его руки. – У нашего Будды в ушах беруши.

Остальные рассмеялись.

Великан расстроено покачал головой, набирая код на втором чемоданчике:

– Пожалуйста, Бу, режь его.

Когда великан открыл «дипломат», раздался щелчок, но мужчины были слишком заняты созерцанием ножа Бу, и не заметили, как из чемоданчика выпала маленькая металлическая пластина и покатилась по каменному полу.

– Твоя маленькая умненькая мамаша во многом права, но она ошибается в отношении тебя, – произнес Симон. – Она не должна была позволять отродью дьявола кормиться от ее груди.

– Какого ч... – сказал великан.

Его люди повернулись. В «дипломате» рядом с пистолетом и «узи» лежал предмет оливкового цвета, похожий на ручку велосипедного руля.

Великан поднял глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как тот, что старше, спустил солнцезащитные очки со лба на глаза.

– Да, верно, я договорился с комиссаром Симоном Кефасом, что встречусь с вами здесь вместе с моим клиентом, – сказал Ян Эре, после того как продемонстрировал Понтиусу Парру документ, подтверждающий, что он действительно является адвокатом. – Он вам этого не сказал?

– Нет, – ответил Понтиус Парр.

На лице начальника полиции Кари видела замешательство и злость.

Эре обменялся взглядом с клиентом.

– Значит ли это, что вам неизвестно о договоренности?

– О какой договоренности?

– О сокращении наказания.

Парр покачал головой:

– Симон Кефас только сказал, что мне на блюдечке с золотой каемочкой подадут пару преступников. О чем вы сейчас говорили?

Эре собрался было ответить, как вдруг Ивер Иверсен наклонился и что-то прошептал ему на ухо. Эре кивнул, и Иверсен откинулся обратно на стул и закрыл глаза. Кари посмотрела на него. Он выглядит конченным человеком, подумала она. Усталым, смирившимся.

Эре кашлянул.

– Комиссар Кефас считает, что у него имеются определенные... э, доказательства против моего клиента и его покойной супруги. Речь идет о нескольких сделках с человеком по имени Леви Тоу. Возможно, он лучше известен по кличке Близнец.

Тоу, подумала Кари. Не слишком обычное имя, и все же она совсем недавно где-то его слышала. С кем-то здоровалась. С кем-то в Полицейском управлении. С кем-то не очень важным.

– Кефас утверждает, что у него также имеются доказательства возможного заказного убийства, за которым, по его мнению, стояла Агнете Иверсен. Кефас говорит, что из уважения к сыну Иверсена он не будет предоставлять доказательств последнего, а что касается сделок с недвижимостью, то моему клиенту сократят наказание, если он сознается и согласится свидетельствовать против Тоу, или Близнеца, в суде.

Понтиус Парр снял свои прямоугольные очки и протер их носовым платком. Кари удивилась ребячливому выражению его голубых глаз.

– Кажется, такое предложение мы можем поддержать.

– Хорошо, – произнес Эре, открыл папку, лежавшую на соседнем стуле, вынул конверт и толкнул его по поверхности стола в сторону начальника полиции. – Это детализированные выписки по всем транзакциям с недвижимостью, которые были совершены с целью отмывания денег Леви Тоу. Иверсен готов также свидетельствовать против Фредрика Ансгара, который, работая в Экокриме, позаботился о том, чтобы никто не обратил внимания на эти транзакции.

Парр взял конверт и пощупал его.

– Здесь что-то твердое, – сказал он.

– Флешка. На ней звуковой файл, который комиссар направил моему клиенту по телефону и просил также передать вам.

– Вам известно, что в нем?

Эре вновь обменялся взглядом с Иверсеном. Иверсен кашлянул:

– Это запись одного человека. Комиссар Кефас сказал, что вы услышите, кто это.

– У меня с собой есть компьютер, если вы хотите прослушать запись прямо сейчас, – произнес Эре.

Открытый чемоданчик. Оружие. Оливковая граната.

Комиссар Симон Кефас успел зажмуриться и закрыть глаза руками. Вспышка света огненным языком лизнула его лицо, а грохот, казалось, ударил в живот.

Потом он снова открыл глаза, мгновенно подался вперед, выхватил из «дипломата» пистолет и развернулся. Блондин стоял так, будто только что заглянул в глаза Медузе, не отнимая руки от головы Сонни и держа в руках нож. И теперь Симон увидел, что Сонни был прав, у мужчины действительно имелся крест на лбу. Крест от прицела. Симон выстрелил, и под светлой челкой образовалась дыра. Пока блондин падал, Сонни успел схватить «узи». Симон объяснил ему, что у них будет максимум две секунды до того, как противник вновь обретет способность к действию. Они сидели в номере гостиницы «Бисмарк» и тренировали этот момент: выхватить оружие и выстрелить. Конечно, они не могли себе представить детальную картину того, что случится, и прямо перед тем, как Близнец открыл чемоданчик и взорвал шоковую гранату, Симон был уверен, что их план провалится ко всем чертям. Но когда он увидел, как Сонни нажимает на спусковой курок и выписывает пируэт на одной ноге, он понял, что после этого рабочего дня Близнец не явится домой умиротворенным. Пули разлетались из кашляющего оружия, все время повторяющего только первый слог. Двое мужчин уже упали, а третий успел засунуть руку за пазуху, когда пулевая очередь проделала в его груди линию из отверстий. Он так и стоял, пока коленям не поступило сообщение, что он умер, но в тот момент Симон уже повернулся к Близнецу. И в изумлении уставился на пустой стул. Как такой огромный человек мог двигаться настолько...

Он заметил его у края аквариума рядом с дверью в кухню.

Симон прицелился и нажал на курок три раза подряд, увидел, как дернулся пиджак Близнеца и как рушится аквариумное стекло. На какое-то мгновение ему показалось, что вода сохранит форму куба, поддерживаемая привычкой или неведомыми силами, но она обрушилась на них зеленой

стеной. Симон попытался отскочить, но было поздно. Он наступил на разбившегося омара, почувствовал, как подгибаются колени, и плашмя повалился в приливный поток. Когда он снова сумел открыть глаза, то не увидел никакого Близнеца, только хлопающую кухонную дверь.

– Ты в порядке? – спросил Сонни и протянул руку, чтобы помочь Симону встать на ноги.

– В полном, – простонал Симон, отталкивая его руку. – Но если Близнец сейчас сбежит, он исчезнет навсегда.

Симон побежал к двери на кухню, пнул ее ногой и вошел внутрь, держа перед собой пистолет. Прогорклый запах большой кухни. Взгляд Симона метался по столам и плитам из матового металла, по рядам сковородок, ковшей и лопаток, свисающих с низкого потолка и мешающих обзору. Симон присел и стал высматривать тени или движение.

– Пол, – сказал Сонни.

Симон посмотрел вниз. Красные пятна на серо-синих каменных плитах. Он все увидел правильно, он все-таки в него *попал*.

Вдалеке раздался грохот захлопнувшейся двери.

– Пошли.

Кровавые пятна повели их из кухни через темный коридор, в котором Симон снял солнцезащитные очки, вверх по лестнице и по другому коридору, заканчивавшемуся металлической дверью. Дверью, которая могла издать совсем недавно услышанный ими звук. Тем не менее Симон открывал все двери в коридоре и заглядывал в помещения. Девять из десяти бегущих от двух мужчин и одного «узи» выбрали бы самый короткий и очевидный путь наружу, прочь, но Близнец был десятым. Всегда хладнокровный, всегда рационально мыслящий. Из тех, кто выживает при кораблекрушениях. Он мог взобраться сюда и хлопнуть этой дверью, чтобы направить их по ложному пути.

– Мы теряем его, – сказал Сонни.

– Спокойно, – произнес Симон, открывая последнюю боковую дверь.

Пусто.

Теперь следы крови были однозначными. Близнец скрылся за металлической дверью.

– Готов? – спросил Симон.

Сонни кивнул и направил «узи» на дверь.

Симон прижался спиной к стене, нажал на ручку и толкнул металлическую дверь.

И в Сонни попал солнечный свет.

Симон встал перед дверью и ощутил на лице дуновение ветра.

– Черт...

Они смотрели на пустынную улицу, купающуюся в утреннем солнце. Улица Рюселёкквейен пересекала улицу Мункедамсвейен и скрывалась в направлении Королевского парка. Ни машин, ни людей.

Ни Близнеца.

Глава 43

– Кровавые следы заканчиваются здесь, – сказал Симон, указывая на асфальт.

Должно быть, Близнец понял, что кровь оставляет следы, и умудрился остановить ее. Такие, как он, выживают при кораблекрушении.

Симон осмотрел пустынную улицу Рюселёкквейен, скользнул взглядом по церкви Святого Павла и по маленькому мостику, за которым улица поворачивала и исчезала из виду. Потом он посмотрел налево и направо по улице Мункедамсвейен. Никого.

– Вот же!.. – Сонни разочарованно ударил «узи» по бедру.

– Если бы он побежал по улице, мы бы его увидели, – сказал Симон. – Наверное, он зашел внутрь какого-нибудь здания.

– Какого?

– Не знаю.

– Может быть, у него здесь была машина.

– Может быть. Эй! – Симон указал на грунт под ногами у Сонни. – Вот еще один след от крови. Может быть...

Сонни покачал головой и отвел в сторону полу пиджака. Бок чистой рубашки, которую он одолжил у Симона, был красным.

Симон тихо выругался:

– Этот хрен открыл твою рану?

Сонни пожал плечами.

Симон снова стал обследовать улицу взглядом. На ней запрещена парковка, нет открытых магазинов, только закрытые ворота во внутренние дворы. Куда он мог направиться? «Посмотри на это с другой точки зрения, – подумал Симон. – Надо компенсировать слепоту. Впустить...» Он отвел глаза в сторону. Зрачки среагировали на что-то. Яркая вспышка солнечного света, отраженного от маленького движущегося кусочка стекла. Или металла. Латунь.

– Пошли, – сказал Сонни. – Поищем в ресторане, может, он...

– Нет, – тихо произнес Симон.

Латунная дверная ручка. Жесткие пружины, благодаря которым дверь, скользя, закрывается за спиной вошедшего. Всегда незапертая.

– Теперь я вижу его.

– Ты его видишь?

– Дверь церкви, вон там, видишь?

Сонни уставился в указанном направлении.

– Нет.

– Она закрывается. Он зашел в церковь. Вперед.

Симон побежал. Он ставил одну ногу перед другой и отталкивался. Это несложное движение он повторял с детства. Симон бегал и бегал, с каждым годом все быстрее. А потом с каждым годом все медленнее. Ни колени, ни дыхалка не хотели сотрудничать с ним, как раньше. Ему удалось не отставать от Сонни первые двадцать метров, а потом мальчишка от него убежал. Он находился метров на пятьдесят впереди него, и Симон увидел, как он одним прыжком перемахнул через три ступеньки, ведущие в церковь, потянул тяжелую дверь и скрылся внутри.

Симон замедлил скорость и стал ждать звука. Хлопающего, почти ребяческого звука пистолетного выстрела, доносящегося из закрытого помещения. Звук он не услышал.

Он поднялся по лестнице, открыл тяжелую дверь и вошел в помещение.

Запах. Тишина. Тяжесть убежденности множества думающих людей. Ряды скамеек были пусты, но у алтаря горели свечи, и Симон вспомнил, что через полчаса должна начаться утренняя месса. Свечи бросали отблески на погибающего на кресте Спасителя. Потом он услышал тихий голос, говорящий нараспев, и повернулся налево.

Сонни сидел в открытой части исповедальни, направив ствол «узи» на перфорированную деревянную перегородку, ведущую в соседнюю часть, почти полностью закрытую черной занавеской, в которой оставалась только малюсенькая щель, и в ней Симон увидел руку. А по каменному полу медленно расползалась лужа крови, текущей из-под занавески.

Симон подкрался ближе и услышал шепот Сонни:

– Все земные и небесные боги сжалились над тобой и простят тебе твои прегрешения. Ты умрешь, но душа прощенного грешника отправится в рай. Аминь.

Стало тихо.

Симон увидел, как Сонни прижал палец к курку.

Симон засунул пистолет в наплечную кобуру. Он не собирался ничего предпринимать, абсолютно ничего. Приговор мальчишки вынесен и должен быть приведен в исполнение. А приговор ему самому будет вынесен позже.

– Да, мы убили твоего отца, – раздался из-за занавески слабый голос Близнеца. – Нам пришлось. Я получил сообщение от крота, что твой отец собирается его убить. Ты слышишь?

Сонни не ответил. Симон затаил дыхание.

– Это должно было произойти той же ночью в средневековых руинах в Маридалене, – продолжал Близнец. – Крот сказал, что полиция все равно висит у него на хвосте и что его провал – дело времени. Поэтому он хотел, чтобы мы выдали убийство за самоубийство. Чтобы представили твоего отца кротом, и тогда полиция прекратит охоту. Я согласился. Я должен был защитить своего крота, да?

Симон увидел, как зашевелились влажные губы Сонни:

– И кто же он, твой крот?

– Этого я не знаю. Клянусь. Мы общались исключительно по электронной почте.

– Ну так и не узнаешь никогда. – Сонни снова поднял «узи» и положил палец на курок. – Ты готов?

– Подожди! Тебе необязательно убивать меня, Сонни, я и так истеку здесь кровью и умру. Единственное, о чем я прошу, – позволь мне перед смертью проститься с моими близкими. Я позволил твоему отцу на прощание написать, что он любит тебя и твою мать. Разве ты не окажешь этому грешнику ту же милость?

Симон видел, как опускается и поднимается грудь Сонни, а на лице ходят желваки.

– Нет, – сказал Симон. – Не делай этого, Сонни. Он...

Сонни повернулся к нему. Взгляд его был мягким. Как у Хелене. Он уже опустил «узи».

– Симон, он просит всего лишь о...

В щели занавески Симон заметил движение, перемещение руки. Позолоченную зажигалку-пистолет. И уже в тот момент он понял, что времени не хватит. Не хватит времени предупредить Сонни, чтобы он успел среагировать, не хватит времени, чтобы выхватить пистолет из наплечной кобуры, не хватит времени дать Эльсе то, чего она заслуживает. Он стоял на перилах моста через реку Акерсельва, а под ним бурлил водопад.

Симон прыгнул.

Прыгнул из жизни в чудесное крутящееся колесо фортуны. Для этого не нужны были ни ум, ни мужество, только безрассудство того проклятого, кто хочет сыграть с будущим, которое ценит не слишком высоко, и кто знает, что может потерять меньше остальных. Прыгнул в открытое пространство между сыном и перфорированной перегородкой. Почувствовал удар. Ощутил укус, парализующий укол холода или жары, разорвавший тело пополам и нарушивший все связи.

Потом раздался другой звук. «Узи». Голова Симона лежала на полу исповедальни, и он чувствовал, как щепки перегородки дождем падают на

его лицо. Он услышал крик Близнеца, поднял голову и увидел, как Близнец вывалился из исповедальни и повалился между скамьями, а в его одетую в пиджак спину пчелиным роем вонзились пули. Стреляные гильзы от «узи», все еще горячие, падали на Симона и щипали лоб. Близнец перевернул скамейки по обе стороны от себя, повалился на колени, но продолжал двигаться. Он отказывался умирать. Это было неестественно. Когда много лет назад Симон обнаружил, что мать одного из наиболее разыскиваемых преступников работает в их собственных стенах уборщицей, он навестил ее. Первое, что она сказала: Леви был неестественным. Она, как мать, конечно же, любила его, но он пугал ее с самого рождения, когда появился на свет таким огромным. Она рассказала, как маленький, но крупный Леви однажды, как обычно, отправился с ней на работу, потому что дома за ним некому было присмотреть. Он стоял и смотрел на свое отражение в воде, налитой в ведро на тележке с инвентарем. Он заявил, что в ведре кто-то есть, кто-то, кто выглядит в точности как он. Сиссель сказала, что они могут поиграть, и пошла выносить мусорные корзины. Когда она вернулась, мальчик торчал вверх ногами из ведра и судорожно размахивал ими. Его плечи застряли внутри, и ей пришлось напрячь все свои силы, чтобы вытащить его. Он насквозь промок и посинел, но вместо того, чтобы заплакать, как поступило бы большинство детей, он рассмеялся. И сказал, что его Близнец был плохим и попытался убить его. Она иногда задавалась вопросом, откуда он появился, и сказала, что почувствовала себя свободной только в тот день, когда он от нее съехал.

Близнец.

Две дырки появились прямо над жировой складкой между широкой шеей и огромным затылком, и движения резко прекратились.

Естественно, подумал Симон. Совершенно естественный единственный ребенок.

Он знал, что великан мертв, еще до того, как тот повалился вперед и с мягким звуком ударился лбом о каменный пол.

Симон закрыл глаза.

— Симон, куда...

— В грудь, — сказал Симон и закашлялся, по консистенции мокроты поняв, что харкает кровью.

— Я вызову «скорую».

Симон открыл глаза и осмотрел себя. По груди расплывалось темно-красное пятно.

— Не успеем, бог с нею.

— Успеем, если только они...

Сонни вынул мобильный телефон, но Симон отвел его в сторону.

– Послушай... Я знаю слишком много об огнестрельных ранениях, ясно?

Сонни положил руку на грудь Симону.

– Так дело не пойдет, – сказал Симон. – Тебе надо бежать. Ты свободен, ты сделал то, что должен был.

– Нет, не сделал.

– Беги ради меня, – произнес Симон, сжимая руку мальчишки. Она была теплой и родной, как будто он сжимал собственную руку. – Ты закончил свою работу.

– Лежи тихо.

– Я сказал, что крот будет сегодня здесь, и он был. А теперь он мертв. Беги.

– Скоро приедут медики.

– Ты что, не слышишь...

– Если ты не будешь разговаривать...

– Это я, Сонни. – Симон заглянул в ясные мягкие глаза мальчишки. – Это я был кротом.

Он ожидал, что от потрясения зрачки мальчишки расширятся и чернота поглотит сияющую зеленую роговицу. Но этого не произошло. И он понял.

– Ты знал это, Сонни. – Симон попытался сглотнуть, но снова раскашлялся. – Ты знал, что это я. Откуда?

Сонни стер кровь с губ Симона рукавом рубашки:

– Арильд Франк.

– Франк?

– После того как я отрезал у него палец, он разговорился.

– Разговорился? Он не знал, кто я. Никто не знал, что мы с Абом были кротами, Сонни. Никто.

– Нет, но Франк рассказал все, что знал. Что у крота было кодовое имя.

– Значит, вот что он рассказал?

– Да. Кодовое имя Прыгун.

– Прыгун, да. Этим именем я пользовался, когда связывался с Близнецом. Так меня когда-то звал один человек, понимаешь ли. Только один. Так как же ты...

Сонни вынул что-то из кармана пиджака и поднес к глазам Симона. Фотография. На покрытой каплями крови карточке были изображены стоящие перед пирамидой из камней двое мужчин и женщина, все трое

молодые и радостные.

– Когда я был маленьким, я часто разглядывал наш фотоальбом, и тогда я увидел этот снимок. И я спросил у мамы, кем он был, тот загадочный фотограф с интересным именем Прыгун. И она мне рассказала, что это Симон, третий друг. Что она звала его Прыгуном, потому что он бросался туда, куда никто другой не решался.

– И ты сложил два и два...

– Франк не знал, что кротов было двое. Но то, что он рассказал, расставило все по своим местам. Мой отец раскрыл тебя. И ты убил его, пока он тебя не сдал.

Симон заморгал, но из уголков глаз продолжала наплывать темнота. И все же сейчас он видел лучше, чем когда бы то ни было.

– И ты придумал план, как меня убить. Именно поэтому ты вышел со мной на связь. Ты хотел позаботиться о том, чтобы я смог тебя отыскать. Ты просто ждал меня.

– Да, – сказал Сонни. – До тех самых пор, пока я не нашел дневник и не понял, что мой отец тоже в этом участвовал. Что вас, предателей, было двое.

– Тогда все развалилось, и ты отказался от своего плана. Больше не за что было убивать.

Сонни кивнул.

– Так что же заставило тебя передумать?

Сонни посмотрел на него долгим взглядом:

– Твои слова. «Задача сыновей не в том, чтобы быть такими же, как их отцы, а...»

– ...быть лучше их. – Симон услышал вдали полицейские сирены. Он ощутил ладонь Сонни на своем лбу. – Будь таким, Сонни. Будь лучше своего отца.

– Симон...

– Да.

– Ты умираешь. У тебя есть какое-нибудь желание?

– Я хочу, чтобы она получила мое зрение.

– А прощение, его ты хочешь?

Симон снова плотно сжал глаза и покачал головой:

– Я не могу... я не заслуживаю его.

– Никто из нас не заслуживает. Мы люди, когда грешим. Но мы боги, когда прощаем.

– Но я тебе никто, я чужак, забравший у тебя тех, кого ты любил.

– Ты не никто. Ты Прыгун, который всегда был рядом, но не попал на

фотографию. – Мальчишка поднял полу пиджака Симона и положил фотографию в его внутренний карман. – Возьми с собой в путешествие, они – твои друзья.

Симон закрыл глаза и подумал: хорошо.

Слова сына эхом разносились по пустому церковному помещению:

– Все земные и небесные боги сжалились над тобой и прощают...

Симон посмотрел на каплю крови, только что упавшую из-под пиджака мальчишки на церковный пол. Он коснулся пальцем блестящей красной поверхности, увидел, как капля словно присосалась к кончику пальца, поднес палец к губам и закрыл глаза. Он смотрел на бурлящий водопад. Вода. Ледяная вода. Тишина, одиночество. И покой. На этот раз он уже не вынырнет на поверхность.

В тишине, наступившей после повторного прослушивания записи, Кари слышала, как беззаботно щебечут птицы за приоткрытым окном мясного ресторана.

Начальник полиции недоверчиво поглядывал на компьютер.

– Достаточно? – спросил Эре.

– Достаточно, – ответил Парр.

Адвокат Ян Эре вынул флешку и протянул ее начальнику полиции.

– Вы поняли, кто это говорит?

– Да, – сказал Парр. – Это Арильд Франк, человек, который осуществляет управление Государственной тюрьмой строгого режима. Адель, вы проверите, существует ли тот счет на Каймановых островах, о котором он говорит? Если то, что он рассказывает, соответствует действительности, то нам грозит большой скандал.

– Сожалею, – сказал Эре.

– Не о чем, – ответил Парр. – Я многие годы догадывался об этом. Недавно мы также получили сведения от мужественного чиновника из Драммена, который утверждает, что Лофтхуса послали в отпуск из Гостюрьмы, чтобы использовать в качестве козла отпущения в деле Морсанда. Мы затаились, чтобы быть уверенными в том, что у нас есть доказательства, прежде чем выступить против Франка, но с этим у нас более чем достаточно материала. И последнее, прежде чем мы уйдем...

– Да?

– Комиссар Кефас сказал, почему он хотел, чтобы вы встретились именно с нами, а не с ним самим?

Иверсен обменялся взглядом с Эре, после чего пожал плечами:

– Он сказал, что занят другими делами. И что вы – единственные двое

коллег, которым он доверяет на все сто.

– Понимаю, – сказал Парр, вставая.

– И еще одно, – произнес Эре, поднимая свой телефон. – Мой клиент сообщил мое имя комиссару Кефасу, который связался со мной и спросил, могу ли я позаботиться о практических деталях транспортировки пациента и оплаты операции на глазах, заказанной на завтра в клинике Хауэлл в Балтиморе. Я согласился исполнить это поручение. А здесь находится сообщение нашей секретарши, которая говорит, что час назад в наш офис пришла женщина и передала красную спортивную сумку. В сумке находится значительная сумма наличными. Я просто хочу знать, интересуется ли это полицию?

Кари услышала, как птичьи трели за окном стихли, а вместо них вдали раздались звуки сирен. Во множественном числе. Полицейские автомобили.

Парр кашлянул.

– Не понимаю, какое значение эта информация может иметь для полиции. И поскольку заказчик теперь должен считаться вашим клиентом, вы, насколько мне известно, связаны подпиской о неразглашении и в любом случае не сможете рассказать мне больше того, что уже сказали, даже если я буду задавать вопросы.

– Хорошо, значит, у нас одинаковое отношение к этому делу, – сказал Эре, закрывая папку.

Кари почувствовала, как в кармане завибрировал телефон, быстро поднялась, отошла на несколько шагов от стола и вынула аппарат. Она услышала мягкий удар шарика, который вытащился из кармана вместе с телефоном и упал на пол.

– Адель.

Она смотрела на шарик, который помедлил, словно раздумывая, покатиться ему или остаться на месте. И вот, немного покачавшись, он медленно покатился, нерешительно направляясь на юг.

– Спасибо, – произнесла Кари и убрала телефон обратно в карман. Она повернулась к Парру, который уже собирался встать. – В рыбном ресторане «Наутилус» лежат четыре трупа.

Начальник полиции четыре раза моргнул за стеклами своих очков, и Кари подумала, не было ли это осмысленным действием: одно моргание за каждый труп на территории его Полицейского управления.

– Где это?

– Здесь.

– Здесь?

– Здесь на набережной. Отсюда метров двести.

Кари отыскала взглядом шарик.

– Чего вы ждете, Адель? Пошли!

Шарик катился по четко намеченному курсу с увеличивающейся скоростью. Если она не решится, она его потеряет.

– Да, – сказала она и поспешила вслед за Парром.

Теперь полицейские сирены звучали громче, звук то нарастал, то спадал, косой прорезая воздух.

Они выбежали на улицу, в белый солнечный свет, навстречу многообещающему утру, в синий город. Они неслись, и утренний поток людей расступался перед ними. Лица влетали и вылетали из поля зрения Кари. И где-то на очень дальней периферии ее мозга что-то среагировало на одно из них. Солнцезащитные очки и светло-серый костюм. Парр обнаружил переулок, куда только что забежали несколько полицейских в форме. Кари остановилась, повернулась и увидела, как спина в сером костюме садится на паром в Несоддтанген, который вот-вот должен был отчалить. Она повернулась обратно и побежала дальше.

Марта откинула крышу кабриолета и опустила голову на подголовник. Она смотрела на чайку, которая замерла на ветру между синим небом и синим фьордом, и балансировала, опираясь на собственные и внешние силы, выискивая еду. Марта дышала глубоко и спокойно, но сердце ее колотилось, потому что паром уже причаливал к пристани. Из Осло в Несоддтанген ранним утром ездило не много людей, так что заметить его будет несложно. Если ему удалось. *Если.* Она пробормотала молитву, которую без устали повторяла с момента отъезда из «Тумте и Эре» полтора часа назад. На прошлом пароме полчаса назад его не было, но она убеждала себя, что тем паромом его и не стоило ждать. Однако если он не приедет на этом... Да, что тогда? У нее не было плана «Б». Она не хотела его иметь.

На берег начали сходить пассажиры. Их было не много, сейчас все ехали в город, а не из него. Марта сняла солнцезащитные очки в роговой оправе. Она почувствовала, как забилося ее сердце, когда она увидела светло-серый костюм. Но это был не он. Сердце остановилось.

И вот появился еще один светло-серый костюм.

Он шел немного нетвердо, как лодка с пробойной, накренившаяся на один борт.

Марта почувствовала, как сердце разрастается в груди, а к горлу подступают рыдания. Может быть, это всего лишь утренний свет так падал

на его костюм, но казалось, что от него исходит сияние.

– Спасибо, – прошептала она. – Спасибо, спасибо.

Она посмотрела на свое отражение в зеркале, утерла слезы и поправила платок на голове. А потом она помахала, и он помахал ей в ответ.

И пока он поднимался вверх по склону туда, где она припарковала машину, ей в голову пришла мысль: это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Она видела мираж, призрак, он мертв, застрелен, в эту самую минуту он висит, распятый на маяке, а к ней приближается его душа.

Он с трудом уселся в машину и снял солнцезащитные очки. Он был бледен, и по его покрасневшим глазам она поняла, что он тоже плакал. Потом он обхватил ее руками и прижал к себе. Сначала ей показалось, что это она дрожит, но дрожь исходила от его тела.

– Как...

– Прекрасно, – сказал он, не отпуская ее. – Все прошло прекрасно.

Они сидели молча, крепко прижавшись друг к другу, как два теряющих сознание человека, у которых осталась одна-единственная твердая опора. Ей хотелось расспросить его, но не сейчас. У них еще будет достаточно времени.

– Что теперь? – прошептала Марта.

– Теперь, – ответил он, осторожно отпустил ее и выпрямился с тихим стоном. – Теперь все начинается. Большой чемодан. – Он кивнул на заднее сиденье.

– Только самое необходимое, – улыбнулась она, вставила диск в проигрыватель и протянула ему телефон. – Сначала я поведу. Навигатор?

Он посмотрел на телефонный экран, слушая ровный голос робота, поливший из динамика: «Му... personal...»^[43]

– Одна тысяча тридцать километров, – сказал он. – Предполагаемое время в пути – двенадцать часов пятьдесят одна минута.

Эпилог

Снежинки падали с бесцветного бездонного неба и накрепко прилипали к асфальту, тротуару, машинам и домам.

Кари стояла на лестнице, наклонившись, чтобы завязать шнурки на ботинках, и из-под ноги оглядывала улицу вправо и влево. Симон был прав. Изменив угол зрения и свое местоположение, можно увидеть много нового. Любую слепоту можно компенсировать. Для того чтобы это понять, ей потребовалось время. Понять, что Симон Кефас был во многом прав. Не во всем. Но в раздражающе многом.

Она выпрямилась.

– Хорошего дня, любимая, – сказала девушка, стоявшая в дверях, и поцеловала Кари в губы.

– И тебе.

– Мытье полов как-то не очень вяжется с *хорошим* днем. Но я постараюсь. Когда домой?

– К ужину, если ничего не произойдет.

– Хорошо, но кажется, что кое-что только что произошло.

Кари повернулась в направлении, в котором указывала Сэм. Автомобиль, припарковавшийся у ворот, был ей знаком, а лицо, показавшееся за опустившимся боковым стеклом, было знакомо еще лучше.

– Что происходит, Осмунд? – прокричала Сэм.

– Прости, что прерываю, но я должен похитить твою даму, – прокричал в ответ старший инспектор. – Кое-что случилось.

Кари посмотрела на Сэм, и та шлепнула ее по заднему карману джинсов. В один осенний день Кари убрала юбку и пиджак в шкаф, где они по какой-то причине и остались.

– Езжай послужи обществу, девочка моя.

Пока они ехали на восток по шоссе E18, Кари оглядывала заснеженный пейзаж. Она думала о том, что первый снег – это разделитель, он скрывает все минувшее и меняет мир, видимый человеку. В первые месяцы после стрельбы на набережной Акер-Брюгге и в католической церкви был сплошной хаос. Конечно, полицию критиковали, критиковали за жестокость и за то, что один человек вел свою игру. Но, несмотря ни на что, Симона похоронили достойно, он был полицейским, которого любил народ, человеком, который боролся против городской преступности и

пожертвовал жизнью на службе у справедливости. И совершенно неважно, сказал начальник полиции Парр в своей надгробной речи, что он не следовал всем без исключения правилам и предписаниям. Или, если точнее, норвежским законам. У Парра, вообще-то, были причины проявить такую широту взглядов, поскольку сам он не соблюдал норвежское налоговое законодательство, поместив часть семейного состояния в анонимный фонд на Каймановых островах. На поминках Кари заявила Парру, что расследование оплаты счетов за электричество в доме Лофтхусов в итоге привело ее к нему. И Парр безоговорочно сознался, добавив, что не нарушил ни один закон и руководствовался исключительно благородными мотивами: успокоить свою нечистую совесть за то, что недостаточно хорошо заботился о Сонни и его матери после самоубийства Аба. Парр сказал, что ему это обходилось недорого, но могло означать, что у парня будет дом в более или менее нормальном состоянии, куда он сможет вернуться после отбывания срока. С исчезновением Будды с мечом все тоже со временем смирились. Его крестовый поход был со всей очевидностью завершен после смерти Леви Тоу, или Близнеца.

Эльсе видела теперь намного лучше. Операция в США прошла на восемьдесят процентов успешно, как она сказала Кари, когда та зашла навестить ее спустя несколько недель после похорон. Почти ничто не совершенно. Ни жизнь, ни люди, ни Симон. Только любовь.

– Он никогда ее не забывал. Хелене. Она была любовью всей его жизни.

Стояло лето, они сидели на садовых стульях в саду в Дисене, пили портвейн и любовались закатом. И Кари поняла, что Эльсе приняла решение рассказать ей об этом.

– Он говорил мне, что двое других ее ухажеров, Аб и Понтиус, были способнее, сильнее, умнее. Но он видел ее такой, какой она была. Именно это было отличительной чертой Симона. Он видел людей, видел их ангелов и демонов. Одновременно, конечно, он боролся с собственным демоном. Симон страдал игроманией.

– Он говорил мне об этом.

– Они с Хелене стали любовниками в то время, когда жизнь его превратилась в хаос из-за игрового долга. Их отношения были недолгими, но Симон говорил, что уже готов был утянуть ее с собой на самое дно, когда Аб Лофтхус пришел и спас ее от него. Аб с Хелене выехали из квартиры. Симон был сломлен. И сразу после этого он узнал, что она беременна. Он играл как сумасшедший, потерял все, стоял на краю пропасти, и он пошел к дьяволу и предложил последнее, что у него было.

Свою душу.

– Он пошел к Близнецу.

– Да. Симон был одним из немногих знавших, кто такой Близнец. Но Близнец так никогда и не узнал, кем были Симон и Аб, они передавали ему информацию только по телефону или письменно. А потом при помощи компьютера.

В наступившей тишине до них донесся шум движения с улиц Тронхеймсвейен и Синсенкрюссет.

– Понимаешь, мы с Симоном говорили обо всем. Но вот об этом ему было тяжело рассказывать. О том, как он продал свою душу. Он считал, что, возможно, в глубине души *стремился* к такому позору, унижению, самоуничтожению, что это давало ему оцепенение, заглушавшее другую боль. Эдакая разновидность ментального самобичевания.

Она разгладила платье. Эльсе кажется очень хрупкой и в то же время сильной, подумала Кари, глядя на нее.

– Но больше всего Симон переживал из-за того, как он поступил с Абом. Он ненавидел Аба за то, что тот отнял у него то единственное в его жизни, что имело какой-то смысл. Аб и Хелене после банковского кризиса и резкого повышения процента по кредиту сидели в глубоких долгах, и от потери дома их могло спасти только одно: быстрые деньги. Так что после того, как Симон договорился с Близнецом, он пошел прямо к Абу и предложил ему продать душу. Сначала Аб сопротивлялся и собирался доложить обо всем начальству. Но потом Симон воспользовался ахиллесовой пятой Аба. Сыном. Он сказал, что таков в действительности наш мир и что, вполне возможно, сыну придется расплачиваться за его любовь к роскоши и расти в нищете. И он рассказывал, что самым ужасным зрелищем было видеть, как Аб пожирает себя изнутри, теряет душу. Но это же позволяло Симону чувствовать себя не таким одиноким. До тех самых пор, пока Близнец не захотел продвинуть своего крота на одну из руководящих должностей в полиции и для двоих места больше не осталось.

– Зачем ты рассказываешь мне все это, Эльсе?

– Потому что он попросил меня. Потому что он считал, что тебе неплохо узнать обо всем до того, как ты начнешь совершать свой выбор.

– Он попросил тебя? Значит ли это, что он знал...

– Понятия не имею, Кари. Он только сказал, что видит в тебе себя. Он хотел, чтобы ты извлекла уроки из его ошибок на службе в полиции.

– Но он знал, что я не собираюсь продолжать службу в полиции.

– Не собираешься? – Косые солнечные лучи сверкнули в бордовом

вине, когда Эльсе поднесла бокал к губам, осторожно отпила и поставила его на место. – Когда Симон понял, что Аб Лофтхус хотел его убить, чтобы занять пост, предлагаемый Близнецом, он связался с Близнецом и сказал, что тот должен устранить Аба, потому что Аб напал на их след и что дело это срочное. Симон использовал одно сравнение. Он сказал, что они с Абом были как два однояйцовых близнеца, которым приснился один и тот же кошмар: что один из них хочет убить другого. И он опередил Аба. Симон убил своего лучшего друга.

Кари вздрогнула и попыталась подавить подступающие слезы.

– Но он раскаялся, – прошептала она.

– Да, он раскаялся. Он перестал быть кротом. Он мог бы продолжить. Но потом Хелене тоже умерла. Он находился в конце пути, он потерял все, что мог. Поэтому он больше не боялся. И остаток жизни потратил на то, чтобы расплатиться за все содеянное. Творить добро. Он беспощадно охотился на коррупционеров, каким сам когда-то был, а от этого в полиции не появляется много друзей. Он был одинок. Но он не жалел себя, считая, что заслужил одиночество. Я помню, он говорил, что ненависть к себе – это ненависть, подтверждение которой получаешь каждое утро при виде себя в зеркале после пробуждения.

– Это ведь ты его спасла, правда?

– Он называл меня своим ангелом. Но его спасла не моя любовь к нему. Вступая в полное противоречие с тем, что говорят так называемые умные люди, я могу утверждать, что человека нельзя спасти своей любовью. Это его любовь ко мне спасла его. Он сам себя спас.

– Полюбив в ответ.

– Аминь.

Они просидели до полуночи, а потом Кари собралась домой.

В коридоре, ведущем к входной двери, Эльсе показала ей одну фотографию. Три человека на фоне каменной пирамиды.

– Эта фотография была у Симона с собой, когда он умер. Вот она, Хелене.

– Я видела ее фото в доме до того, как он сгорел. Я сказала Симону, что она похожа на какую-то актрису или певицу.

– Миа Фэрроу. Он водил меня на «Ребенка Розмари» только для того, чтобы посмотреть на нее. Хотя он утверждал, что не видит сходства.

Фотография удивительным образом растрогала Кари. Что-то было в их улыбках. Оптимизм. *Вера*.

– Вы с Симоном никогда не хотели завести ребенка?

Она покачала головой:

– Он боялся.

– Чего?

– Что его бремя передастся ребенку. Ген зависимости. Стремление к деструктивному. Отсутствие границ. Мрачность. Он боялся, что у нас будет ребенок дьявола. Я обычно говорила, что у него наверняка где-то есть внебрачный ребенок и поэтому он боится. Но все вышло так, как вышло.

Кари кивнула. «Ребенок Розмари». Она подумала о маленькой старушке, убиравшей здание Полицейского управления, имя которой Кари в конце концов запомнила.

Потом Кари попрощалась и вышла в летнюю ночь, где легкий бриз и время подхватили ее и закружили, приведя сюда, в машину, где она сидела и смотрела на свежавывающий снег и думала о том, как он изменил весь пейзаж. О том, как часто все может пойти совсем не по плану. Например, о том, что им с Сэм уже сейчас пора было завести первого ребенка. О том, как она, к собственному изумлению, сначала отказалась от крайне интересного с профессиональной точки зрения предложения работы в Министерстве юстиции, а теперь еще и от отличной зарплаты, предложенной страховой компанией.

Только когда они выехали из города, проехали по узкому мостику и стали пробираться по грунтовой дороге, она поинтересовалась у Осмунда, что произошло.

– Позвонили из полиции Драммена и попросили приехать помочь, – сказал Осмунд. – Погибший – судовладелец. Ингве Морсанд.

– О господи, это же муж...

– Да.

– Убийство? Самоубийство?

– Я не знаю подробностей.

Они припарковались позади полицейских машин, миновали ворота в деревянном заборе и вошли в большой дом. Старший инспектор управления полиции Бускеруда встретил их, обнял Кари и представился Бьёрнстаду как Хенрик Вестада.

– Это может быть самоубийством? – спросила Кари, следуя за ним по дому.

– Почему ты так подумала? – сказал Вестада.

– Горевал по жене, – ответила Кари. – Подозрения против него. Или же он действительно ее убил и не смог с этим жить.

– Возможно... – произнес Вестада, проводя их в гостиную.

Криминалисты практически ползали по человеку на стуле. «Как белые черви», – подумала Кари.

– ...Но я в этом сомневаюсь, – закончил Вестада.

Кари и Бьёрнстад уставились на труп.

– Черт, – тихо сказал Бьёрнстад. – Ты думаешь... он...

Кари вспомнила о сваренном вкрутую яйце, которое она съела на завтрак. Или, может быть, она уже беременна и именно потому ее мутит? Она прогнала эту мысль и сосредоточила внимание на трупе. Один его глаз был широко открыт, на втором лежала черная повязка, а выше виднелся неровный край среза от отпиленной верхней части черепа.

notes

Примечания

1

Никаких проблем (*англ.*).

Скиффл – тип народной музыки, пение с аккомпанементом, сочетающее элементы английских фолк-куплетов и американского диксиленда. Инструментарий непременно включал гитару, гармонику и стиральную доску в качестве ритм-инструмента. Скиффл был особенно популярен в 1950-х гг. в Англии.

Я люблю Драммен (*англ.*).

Отдел по расследованию экономических преступлений.

5

Длинный прямой удар рукой в боксе.

Исландский национальный алкогольный напиток.

Роман английского писателя Уильяма Голдинга.

Роман турецкого писателя Яшара Кемаля.

Потерянным (*англ.*).

Главное управление криминальной полиции Норвегии.

Теперь я чист (*англ.*).

«Преисподняя замерзает», альбом группы «Иглз».

Запретное наслаждение (*англ.*).

«Мгновения Нью-Йорка» (*англ.*).

Но у них не получается *блюз...* (англ.).

«Молодые и безнадёжные» (*англ.*).

«Она предлагает мне непростую сделку» (*англ.*).

Мира тебе (*англ.*).

Самоубийство (*англ.*).

Бабло (*англ.*).

Кассиус, проверь парковку! *(англ.)*

На парковке ни машин, ни людей (*англ.*).

Держите оружие наготове, оба (англ.).

Террористический акт 11 сентября 2001 года в Америке.

Намного круче остальных (*англ.*).

Отступил (*англ.*).

Деньги могут купить тебе шампанское (*англ.*).

Универсальное облысение (*лат.*).

Противоречие в терминах (*англ.*).

Полиция (*англ.*).

Хорошая полиция. Мы вам поможем (англ.).

«Что ты всегда любил ее» (*англ.*).

Руку на пулсе (англ.).

Выбирайте (англ.).

Время расплаты (*англ.*).

Любимый (англ.).

«Что ты всегда любил ее и хочешь путешествовать вместе с ней»
(англ.).

«...и ты хочешь путешествовать вслепую, и ты знаешь, что она доверится тебе» (*англ.*).

«...потому что ты коснулся ее прекрасного тела своим разумом»
(англ.).

Ангел из ада (*англ.*).

Это не каламбур (*англ.*).

«Отдай мою любовь розе» (англ.).

Мой... личный... (англ.).